СТАНИСЛАВ
ШУЛЬГА
ДИСПЕТЧЕР
АТАКИ
ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Недалекое будущее, Земля.

Интернет уступил место ВИРТУАЛЬНОМУ МИРУ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ — Cyber Globe.

Неограниченные возможности для пользователей?

Трижды неограниченные возможности — для ХАКЕРОВ!

Не помогают НИКАКИЕ средства защиты от несанкционированного доступа — ни мобильные сети Магистрали, ни даже адаптеры прямого подключения к мозгу…

Наступает время ГЕЙТКИПЕРОВ — «киберсамураев».

Они обладают УНИКАЛЬНЫМИ НАВЫКАМИ работы в виртуале.

За хорошую цену они готовы раскрыть ЛЮБОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, совершенное в Cyber Globe.

За отдельную плату они схлестнутся и ДРУГ с ДРУГОМ!

Поклонники техно-фантастики!

Не пропустите!

- Станислав Шульга
  - ДИСПЕТЧЕР АТАКИ
    - ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - МЕДНЫЙ ГВОЗДЬ
  - КОНУС ТИШИНЫ
    - ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
    - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ПОЗДНИЙ НОЯБРЬ 2.0.1.2
  - ДЕКОДЕР
    - ПРОЛОГ
    - < < < < Домен данных #1 > > > >
    - < < < < Домен данных #2 > > > >
    - < < < < Домен данных #3 > > > >
- notes
  - 1

Станислав Шульга
Диспетчер атаки

ДИСПЕТЧЕР АТАКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Wired. Special Edition
«Net Milestones. Silver Hill»

«…Для координации работ по созданию информационной супермагистрали на европейском континенте, ее стыковки с аналогичными инфраструктурами в США и Азии и развертыванию сети в Северной Африке был создан Европейский центр по развитию и координации информационной политики. Активность центра была направлена не только на чисто технические аспекты эволюции Сети, приведение к общему знаменателю стандартов и разработку правил, регулирующих функционирование пользователей и провайдеров. Культурные аспекты, такие как виртуальные сообщества и социальные слои новой цифровой «терра инкогнито», стали приоритетными направлениями работы нескольких десятков экспертов, отслеживавших перемещение оцифрованной мысли по разветвленной системе коммуникаций…

Меньше чем за два года в районе Хонстхольмского заповедника на северо-западе Ютландии был выстроен комплекс, шесть этажей которого были упрятаны под землю и только два выглядывали наружу, почти сливаясь с холмистой равниной, покрытой большую часть года желтой травой и темно-бурым лишайником. За широкие матово-блестящие окна, занимавшие большую площадь верхней части конструкции, местные жители окрестили его Серебряным Холмом. Термин незаметно переполз в среду профессионалов, и веб-мастера, ваявшие трехмерный участок в Сети, воплотили его в виртуальности…»

2 сентября 2006 года. Северо-запад Ютландии

Дальний свет фар выхватывал из темноты желтые пятна рефлекторов на невысоких белых столбиках, стоявших на обочине. На ультракоротких негромко играла музыка, неспешный джаз, который изредка прерывался булькающими репликами датского ди-джея. В машине пахло кофе. Обычно она делала все покупки в «Билко», за раз запасаясь недели на две, но завтра она должна была улетать и, купив на бензоколонке две пачки «Якобса», ухитрилась одну из них разорвать о дверцу машины.

Теперь отборные черные зерна медленно теряли свой запах, заполняя темный салон утренним офисным ароматом.

Она свернула направо. Серебристый «опель» покатился по одинокой дороге в сторону моря. Столбики по-прежнему освещали дорогу двумя золотистыми трассерами. Она улыбнулась мысли о том, что могла бы проехать ее с закрытыми глазами, следуя мягкому ритму невысоких подъемов и спусков.

С тех пор как она вернулась сюда уже полноценным работником Холма, она иногда приезжала на этот пустынный берег Северного моря. Это было похоже на ритуал, но уже без той сентиментальности прошлых лет, когда она была здесь одной из десятков стажеров, ведущих полустуденческий образ жизни. Тогда это казалось романтичным — стоять на холме в обнимку с тем, кто был с ней в то время, среди желтой сухой травы и смотреть на море. Теперь темная вода с едва различимыми силуэтами сухогрузов, плывших по линии горизонта, приносила душе покой. В отличие от сотен других, стремившихся в отпуска на Средиземное море, она предпочитала жаркому ухоженному пляжу обыденную суровость этой голой ленты песка, кое-где испорченного полуразвалившимися бункерами времен Второй мировой.

Она остановила машину на освещаемой единственным фонарем площадке перед бегущей вниз лестницей, выключила радио, но не стала выходить из авто. Лето, не слишком теплое здесь, уже кончилось, и начиналась осень, промозглая и блеклая в этой лишенной лесов стране. Но она слышала ветер и шум моря — этого было достаточно.

Последний раз она была здесь в начале лета, на следующий день после того, как обнаружила список. Иногда она думала не столько о содержании, сколько о том, кто мог допустить такой прокол. Забыл о плановой смене паролей и степени доступа к ресурсам — возможно, кто-то из отдела сетевого администрирования. Но она все чаще склонялась к мысли о том, что этот кто-то просто использовал ресурс, по неясным причинам оставив его открытым для других. Кто-то, кто работал в тот вечер допоздна — так же, как и она.

В тот день Лена надолго задержалась в центре, копаясь в архиве одного из серверов и полусонным взглядом выискивая нужную папку. Документы мелькали перед глазами, и указательный палец автоматически щелкал по мышке. Если бы не два знакомых имени, она скорее всего пропустила бы список. Это было неожиданно, как заноза, вонзающаяся в руку из прохладной полировки перил, — среди сотен слов ее привлекли всего два. Она вернулась к тексту и еще раз внимательно его перечитала.

Тогда ее заинтересовало отсутствие фамилий и имен, она подумала, что кто-то из сотрудников просто решил позабавиться, составив список кличек персонала. И сделала распечатку, решив перечитать остальное дома.

А на следующее утро Лена неслась, не обращая внимания на дрожавшую много выше сотни стрелку спидометра, и приехала на Холм за час до официального начала рабочего дня. Двадцать минут бешеной езды пробудили в памяти старые навыки хакера, но облегченно вздохнула она только после того, как сумела стереть в истории файла все следы ее вчерашнего пользования сервером. После ленча она заглянула в Сеть, но источник уже был стерт из списка доступных машин. Осталась только твердая копия, которую она распечатала в тот вечер. Лена перечитала список и все, что прилагалось к нему, не раньше, чем приехала сюда, на этот пустынный берег.

Ветер и море шумели так же безразлично, как и тогда.

Она развернулась и включила дальний свет.

3 сентября 2006 года. Копенгаген

— Откуда корни? Свобода совести, если прослеживать всю логическую цепочку, — они вышли из белого автобуса SAS, остановившегося перед входом на международный терминал, — это твое дело, в кого верить и кому поклоняться, личному психологу или священнику. Но когда дело доходит до зомбирования, когда люди начинают выносить свое имущество из квартир, вполне можно сказать, что уже слишком поздно, — двери бесшумно раскрылись, впуская их и еще с десяток улетающих, — проблема стояла уже давно, однако было слишком много «но». Первое — то, что прямая агрессия тут не проходит. Они сразу гасят все попытки давления, Остаются непрямые методы, — она посмотрела на часы, до отлета оставалось полтора часа, — за два года ребята из «Тетрагона» посетили восемь религиозных сект, и три из них распались, причем лидер одной из них закончил психлечебницей. По неподтвержденным данным, они занимались отработкой именно непрямых методов психологического воздействия. Но их основным занятием был сбор данных по источникам финансовых поступлений групп и связям лидеров в коммерческих и политических кругах. Обычные осведомители. Нет никаких документальных подтверждений тому, что они занимались направленным развалом сект… Погоди, где у нас регистрация?

— По-моему, вон там… Почему команда распалась? — Андрей перебросил «дипломат» из левой руки в правую.

— На этот счет слишком много мнений, чтобы верить чему-то до конца. Но я думаю, что они просто заигрались. Когда стало немного жарче, они решили отойти в сторону. А может, им просто надоело. Ничего определенного. В один день они пришли и сказали — мы больше не хотим.

Они пересекли зал, лавируя между очередями и группами людей, кучковавшихся вокруг своего багажа.

— Вот так пришли и сказали?

— Да. Это были ребята из крупных офисов, и то, чем они занимались в свободное от работы время, не было их куском хлеба. Свободные стрелки. Они пришли сами, сказали, что могут попробовать, и так же ушли. Давай здесь. — Она стала в очередь за дамой с большим чемоданом на колесиках.

— Даже принимая во внимание результаты?

— Какие результаты? Кто сказал, что они не просто стучали на своих гуру, а пытались устранить их, не прибегая к физическим мерам? Есть их тексты по родственной тематике, но никаких фамилий. Это все чисто умозрительные построения. Никто из них никогда не участвовал в разработке психотронного оружия или чего-то близкого. Их статьи того времени всегда больше напоминали эссе на широкие темы, они не светились в кругах, не делали никаких громких акций. Авторство работ, размещенных на их веб-сайте, не афишировалось, и говорить, что все труды, которые там находились, — их рук дело, тоже нельзя. Они были любителями, с хорошим уровнем подготовки, но любителями. Но есть одна интересная деталь, которая меня сильно смущает. Когда после скандала с Brotherhood Макс на несколько лет исчез из города, группа замолчала. Всплыли они почти одновременно, но в разных местах, и заняли позиции, на которые просто так не попадают. Хомяков консультирует политиков по вопросам проведения акций в больших сезонных играх. Шершень и Леваков владеют фирмой, которая занимается корпоративной разведкой, и работают не только на нашем рынке. Небольшое противоречие между тем, что о них известно, и тем, кто они сейчас. Любители, писавшие статьи на отвлеченные темы, сейчас занимаются серьезным бизнесом.

Очередь медленно подползала к окошку регистрации.

— Тебя тревожит пробел в биографии Диспетчера?

— Да, и не только его. Они перешли на новый уровень работы. Точнее, перескочили, миновав несколько промежуточных ступеней. Слишком стремительная карьера. Наши шефы на Холме хотят, чтобы они работали на нас, но лично меня эта ситуация заставляет вспомнить о козле в огороде. Либо шефы мало представляют тех, с кем они имеют дело, либо, наоборот, делают

это сознательно.

Она отдала билет и паспорт девушке, умевшей мило улыбаться на пяти языках. Андрей задержался у окна немного дольше. Закончив взвешивать багаж и положив документы в карман пиджака, он догнал ее на лестнице.

— Слушай, я все-таки не понимаю, что тебя смущает во всем этом? Ну хорошо, были ребята, которые баловались статьями, изучали на практике психологию толпы, занимались еще черт знает чем. А потом стали делать это профессионально. По-моему, вполне типичная ситуация, когда молодые увлеченные люди находят свое место в жизни. Сколько хакеров стали профессиональными разработчиками софта? Та же ситуация. То, что ты не можешь найти промежуточное звено между их детством и зрелостью, еще ни о чем не говорит. И потом, никто не заявляет, что Леваков будет работать на нас. Есть пара вполне конкретных вопросов, не более.

— Ребята пытались заниматься не только психологией. Субкультура Сети, прогнозы развития технологий, чисто философские построения на свободные темы. Всего понемногу. При этом у них не было той оторванности от жизни, которой грешат многие гуманитарии. И я не могу сложить эту картинку для себя. Понимаешь?

— И для того чтобы сложить картинку, мы собираемся пролететь две тысячи километров?

— Как видишь, собираемся.

— Вообще-то я мог переговорить с ним, как это делается обычно. Это ты придумала историю о том, что у него есть какие-то материалы в твердой копии, и настояла на личной встрече с ним.

— А у тебя что, язык к нёбу присох? Мог бы поговорить с Нильсом…

— Ребята, входившие в «Тетрагон», из твоего города. Ты знаешь о них больше, чем любой на Холме. Может быть, у него действительно есть что-то, что он не хотел бы посылать факсом. Я просто не думал, что тебе нужно лететь на историческую родину, чтобы уточнить два-три факта. Шершень был на Берлинской встрече гейткиперской сцены. Они поддерживали отношения все эти годы. Леваков работает с Шершнем. Связка более чем прямая. Извини, но у меня такое впечатление, что у тебя с ними какие-то личные счеты.

Она промолчала. Они миновали паспортный контроль, таможню и вышли в транзитную зону.

Длинный коридор терминала все дальше уводил их от шумного зала транзита, мимо десятков самолетов, загружавших в

свои фюзеляжи кочевников, которые готовились к очередному рывку в одну из бесчисленных сторон света.

Gatekeeping. FAQ v 7.2

http://geocities/goldtarcon/homepage/gkv22.htm

Вопрос: Почему это называется gatekeeping? Откуда ноги растут?

Ответ: Адвокат ответственен за юридические дела личности. Финансовый агент — за деньги, которыми владеет эта личность. Обе специальности возникли и приобрели вес вместе с усложнившейся юридической системой и финансовым рынком. Не имея специальных знаний и навыков по предмету, а также не имея возможности отслеживать изменяющиеся условия игры, человек не может эффективно вести свои дела. Сейчас та же ситуация наблюдается в информационной сфере. Рост количества информации, появление новых форм работы с ней, новых форматов данных подвели к тому, что появились люди, которые попытались взять круг этих проблем по обслуживанию большинства дилетантов на себя. В одном из интервью Умберто Эко сделал предположение, что, возможно, вскоре появится лицо, ответственное за информационную сферу.

Гипотетические навигаторы информационного океана были определены как «gatekeepers» (GK) — те, кто ответственен за поиск необходимой клиенту информации, кто занимается фильтрацией увеличивающегося с каждым днем инфопотока. Это люди, которые владеют необходимым инструментарием, навыками и способностями.

Вопрос: А что, раньше на этом велосипеде никто не катался?

Ответ: Подобные функции в крупных фирмах и государственных структурах выполняли информационно-аналитические отделы. Но они обслуживают либо группы людей, либо топ-менеджеров, которым нужно оставлять больше времени на принятие решения, избавляя от поиска первичных данных. Ситуация изменилась. Так же, как некогда компьютеры были прерогативой крупных исследовательских центров, пока два головастых парня, сидя в своем гараже, не изобрели помещавшийся на столе ящик…

Вопрос: Кто начал тему?

Ответ: У истоков GK стояли часть команды Cybermind, Cyberzone, группы E-toys, Rollbrains и Tetragon.

Вопрос: Почему традиционщики от СМИ не любят гейткиперов?

Ответ: И не только СМИ. Подробный ответ на этот вопрос

излагается ниже (цитата из Newsweek, New Nomads).

«…Нормальное течение большинства процессов в современном обществе регулируется информацией и коммуникационной инфраструктурой. Результат диалога между участниками любого процесса, вне зависимости от того, чем является этот процесс — обучением в средней школе или координацией политической кампании, — определяется тем, кто решает, какая информация циркулирует в процессе и по каким линиям идет этот диалог. Кто (участники), что (какая информация) и как (через какие каналы). Имея в руках эти козыри, можно разыграть практически любую партию. В руках международной информационной субкультуры оказались по крайней мере две необходимые составляющие — средства производства информации и средства ее передачи. Для того чтобы успешно вести борьбу на остальных фронтах, таких как политическая сцена, крупное производство и владение стратегическими ресурсами и энергоносителями, нужна была третья — собственно участники диалога. Их помыслы, желания и генерирующий их интеллект. Борьба за кошелек закончилась. Началась борьба за власть в иных сферах человеческой жизни. Политика. Производство. Культура. Религия. Борьба за тела и души. Очередной виток в истории гонки за доминирование.

Гейткиперы были первыми кочевниками, снявшимися со своих зимовий. Они начали наступление на две структуры — средства массовой информации и шоу-бизнес. Первые отвечали за формирование общественного мнения, второй компенсировал нереализованные мечты большинства. Оба работали на широкие слои, на некоего среднестатистического потребителя. Человек покупал газету, которая содержала информацию. Какая-то часть ему была необходима, на какую-то страницу он едва заглядывал, что-то его вообще не интересовало. Владея инструментарием и имея определенный навык, гейткиперы смогли наладить производство информации для каждого отдельно взятого частного лица, с учетом его вкусов, потребностей и кругозора. И сумели снизить цену за один печатный лист до уровня традиционных еженедельных изданий. Теперь кто угодно мог заказывать и получать газету в том виде и с тем содержанием, которое требовалось только ему. Тираж распространялся как в электронном виде для тех, кто имел выход в Сеть, так и в твердых копиях для тех, кто был лишен этой привилегии. Они работали во всех доступных форматах — видео, звук, текст, графика и комбинированные документы. Круг людей, которых они обслуживали (прогрессивные обыватели не в счет), не был случайно сформировавшимся. Информационное обеспечение

местных органов власти, начиная от самых нижних до самых высоких уровней, фирмы мелкого и среднего бизнеса, которые не могли позволить себе серьезных аналитических служб, общественные организации и политические партии…»

4 сентября 2006 года. Киев

Андрей подошел к столику со своей чашкой. Лена уже размешивала сахар в кофе, поглядывая по сторонам. Он уловил ее несколько удивленный взгляд.

— В чем дело?

— Места этого не узнаю, поменялось многое. Я в этом кафе столько пар прогуляла…

— А когда ты оканчивала?

— Шесть лет назад. С тех пор ни разу здесь не была.

— Ну знаешь, за шесть лет… О, по-моему, наш друг идет. — Он указал на приближающегося Левакова.

Вокруг ходили студенты, было накурено. Леваков появился неожиданно, в студенческом гардеробе и с черным рюкзаком на правом плече. Он напоминал пятикурсника, который пришел на лекцию с головной болью, забыв все учебные принадлежности. Он поискал глазами Андрея. Заметив его у стойки, он подошел к нему. Тот указал на стоявшую у окна Лену.

— День добрый.

— Здравствуйте.

— Лена, — представил Андрей свою спутницу.

Леваков помешал ложечкой сахар, не касаясь стенок стакана, и два раза оценивающе глянул на Лену. Потом попробовал кофе и поднял глаза на эксперта.

Тот вытащил ложку из чашечки и положил на лежавшую рядом салфетку. Он не делал лишних движений и, казалось, не был заинтересован в разговоре.

— Я слушаю, — просто сказал он.

— Я занимаюсь оценкой инвестиций в области развития технологии, — начал Андрей. Лену немного покоробило это полуофициальное начало с места в карьер. — Сейчас к нам поступило несколько проектов, и я хотел бы получить от вас, скажем так… мнение. Дело в том, что они пришли от разных фирм, но их цели лежат в одной области — Gatekeeping. Кроме того, мы отслеживаем движение в этой сфере. Наши наблюдения не выходят за рамки просмотра публикаций в специальных изданиях и не так полны, как нам бы хотелось. Насколько нам известно, вы занимались разработками подобных вещей и имеете личные связи с соответствующими людьми.

— Если вы слушали мои лекции, то, вероятно, в курсе того, на каком уровне я занят проблемой. Общие концепции, какие-то исходные положения. Gatekeeping не моя основная область. Я если и не прекратил контактов с некоторыми разработчиками, то это на уровне личной переписки и высказывания мнений по поводу. Я никогда не был крупным специалистом в написании кода, компилирования и чисто технических проблем. Вы не могли бы поконкретнее?

— Хорошо. Область гейткипинга считается перспективной, но с тех пор, как были заявлены первые продукты, прошло достаточно много времени, а ситуация так и не изменилась. — Лена перехватила инициативу разговора. — Сектор рынка слишком мал, в нем не заняты крупные фирмы, и среди профессионалов разговоры на эту тему перешли в стадию анекдотов на перекуре. В чем, по-вашему мнению, причина?

— Это была сознательная политика. Насколько я знаю, было неписаное правило среди разработчиков GK-софта — система не должна упрощаться. Дружественность системы, то, что проповедовал и внедрял в жизнь Гейтс для своих настольных приложений, было как раз тем, чего они старались и стараются избежать. С одной стороны, это оправдано. Чтобы нормально освоить любое из офисных приложений, нужно с полгода каждодневной работы. Чтобы на серьезном уровне освоить последнюю версию Trickster или SmartPuzzles, требуется порядка двух-трех лет. И это при сформировавшемся взгляде на философию системы. В каком-то смысле то же самое, что мы имеем с автоматизированными конструкторскими системами. Тратить годы на упрощение системы или то же самое время на совершенствование фильтрующих и генерирующих блоков — примерно такова дилемма. Вторая причина относится к сфере авторских прав. Сходите на рынок — там полно компактов. Пираты как жили, так и живут. Вы, конечно, можете купить приложения для гейткипинга. Но вот каждый ли сможет пользоваться? Как говорил один мой шеф — отчет хороший, но к нему нужно автора приложить, потому как мало что можно понять. Роль личности в использовании GK-продуктов намного выше, чем в других сферах. Щелкать в Word по клавишам можно научить любую обезьяну. И воровать нужные программы можно тоже сколько угодно, только тут «иметь» и «использовать» — далеко отстоящие друг от друга вещи. Большинство разработчиков так и не смогли организовать схему сопровождения продукта и подготовки пользователя для работы с ним. Я бы назвал это отсутствием нормального маркетинга. Третий момент. Среди разработчиков немало людей, которые

способны придумать и создать. Но большинство из них смотрят на эти вещи, как на само собой разумеющееся, и не понимают, почему нужно вдаваться в объяснение очевидностей. Они — фанаты, и их продукты рассчитаны на фанатов. Они имеют устойчивую неприязнь к большим конторам, чувствуя себя кастой, чье знание еще не воспринято менее разумным большинством и прагматичными маркетологами. Там не осталось практиков, которые могли бы продвинуть продукт на рынке. Все, которые были, разбежались по закрытым проектам еще три-четыре года назад. Проектам, которые делают крупные фирмы для своих правительств. Надеюсь, я дал исчерпывающий ответ?

— Более чем… — Лена улыбнулась.

— Вас еще что-то интересует?

— Как вы считаете, дело может сдвинуться с мертвой точки? Какова перспектива на ближайшие год-полтора?

— Перспектива есть, и весьма недурная. Приходят новые люди, которые готовы идти на компромисс. Кроме профессионалов, есть некоторая часть GK-сцены, которую представляют те самые фанаты-пользователи, что смогли разобраться в этих дебрях и начали понемногу обслуживать население. Лично я возлагаю на этих людей большие надежды. В Сети образовался новый класс. У них есть кодекс поведения, они не любят хакеров, они не читали киберпанков, они не умеют писать код, но среди них много опытных пользователей, которые могут дать толчок как в области свежих идей, так и раскручивания этого сектора рынка. По крайней мере я вижу некоторые подвижки в эту сторону.

— Берлинская конференция?

— Да. Насколько я знаю, это верхушка того мыльного айсберга, который плавал по Сети между ведущими GK-группами и стариками-разработчиками последние год-полтора. Они не только сформулировали новые требования к продукту, но и предложили план развития соответствующего сектора рынка. Они имеют опыт работы с людьми и знают, что им нужно. Знают, что и за какую цену люди смогут купить. Наработано несколькими годами практики, и старики не могут сбрасывать это со счетов. Если они будут и дальше работать вместе, то такой тандем может привести к хорошим результатам. То, что они подают проекты на финансирование, я рассматриваю как один из признаков сформированной политики поведения. Они начинают искать серьезные деньги.

— Судя по суммам, они хотят разрабатывать новые продукты.

— Для начала — нанять профессиональных менеджеров. Тех, кого нет ни в рядах стариков, ни в достаточном количестве на

сцене. Они понимают недостаток своего опыта в чисто деловой сфере и хотят компенсировать его. Они будут работать по ночам и без зарплаты, но им нужны менеджеры-наемники, которые создадут грамотную стратегию и проведут ее в жизнь.

— Намечается серьезный прорыв на рынке?

— Кто знает…

— А что крупные разработчики?

— Старое правило — пока технология не доведена до коммерчески выгодного уровня, крупные компании не возьмутся за дело. Сначала должны пройти пионеры и протоптать тропы. Крупные конторы пока могут неплохо заработать и в других местах. Они разгоняют процессоры, упрощают обращение с приложениями и компьютером в целом. Пока GK-софт доползет до настольной системы или до офисов, пройдет еще немало времени. Сейчас старики начнут работать на сцену, на тех, кого уже не так мало, а те будут работать на конечного потребителя. Так было в свое время с Apple-платформой. Ребята сделали полуфабрикат, который вначале покупали только радиолюбители. Потом кто-то из них догадался обуть схемы в красивый корпус, и дело пошло…

Андрей вышел первым. Не оборачиваясь, он быстро миновал кучку стоявших на лестнице студентов и спустился вниз. Поставив «дипломат» на гранитный бордюр, он посмотрел назад. Она медленно подошла к нему.

— Так, теперь я хочу поговорить с тобой о твоих «может быть». — Он наклонился и стал завязывать шнурок на правом ботинке.

— Чем ты, собственно, расстроен?

— Чем? В таких случаях разговор ведет обычно один человек, другой или вставляет нужные слова, или молчит вообще. Ты начала с ним разговор о вещах, о которых я имею не слишком хорошее представление. Тем более что, как мне кажется, мы могли бы завершить разговор как минимум на полчаса раньше. Я чувствовал себя как дурак… — Андрей взялся за левый ботинок.

— Ну не злись, Андрюшка…

— Давай так: я человек из отдела, который занимается деньгами. — Он говорил, не поднимая глаз, пытаясь завязать непослушные тонкие шнурки. — Ты к деньгам имеешь отношение только тогда, когда получаешь чек у Ибен. Это мое, а это твое. — Он закончил свое занятие, выпрямился и взял «дипломат» в руку. — Ты работаешь в «human resources», и я понимаю, что тебя больше интересует не только то, что делают люди, но и то, кто они вообще. Кто кому приходится на GK-сцене и в каких вопросах

идеологии они расходятся — я не знаю и знать не хочу. Это твоя сфера. Следующий разговор о том, кто где работал и у кого какая репутация, — без меня. Я для себя все уже выяснил. Ребята хотят отхватить приличный сектор на рынке. Технически у них есть неплохие шансы, это я мог утверждать еще два месяца назад. Будет ли Холм помогать им деньгами — это не мое дело, я политикой не занимаюсь. Политикой занимаешься ты. Понятно?

— Угу. Злюка.

Он поморщился, отвернулся и едва не задел «дипломатом» проходившую мимо студентку.

— Я не злюка, но не люблю говорить о том, о чем не имею представления.

— И не хочешь иметь.

Он посмотрел ей в глаза.

— Не дразнись. Ты притащила меня в этот город черт знает зачем. И ты, кстати, живешь у мамы и кушаешь домашние вареники, а я торчу в гостинице.

— Я и не дразнюсь. Но иногда все же полезно знать, во что и в кого ты инвестируешь все эти немеренные миллионы. Книжки надо читать.

— Ну да, знаю. Слышал. Есть внутренние отчеты по этой тематике. «Гейткиперы как класс». Перестраховщики считают, что возникновение такой прослойки может иметь далеко идущие последствия. Люди, которые отбирают информацию для клиента, в принципе формируют его мнение. Некий индивидуализированный вариант средств массовой информации. Если GK смогут организоваться и действовать сообща, то в качестве орудия политической борьбы или лоббирования они имеют все возможности стать в один ряд с традиционными СМИ. При этом им не придется обслуживать широкие слои населения подобно газетам, им достаточно делать точечные удары по нужным людям в нужное время. Я читал об этом, но это не более чем предположения.

— Леваков упомянул про иерархию. Есть интересные цифры в этой области — некоторые личные данные членов групп GK-сцены. Если сравнивать их, например, с хакерскими ремизными группами, где основной возраст колеблется от пятнадцати до двадцати пяти, то тут основная масса приходится на людей в возрасте от тридцати до тридцати пяти. Мотивация у этих людей другая — они занимаются подобными вещами не из-за того, что не знают, куда девать свои таланты. Тут не бывает хакерских соплей — «мы просто хотели проверить, насколько мы круты, мы больше не будем». Средний гейткипер — это человек со сформировавшимся взглядом на жизнь и кругозором, выходящим

за рамки чисто технических аспектов информационных технологий. Это люди с высшим образованием, высокой коммуникабельностью и широкой эрудицией в самых различных областях. Они знают, чего хотят. Я думаю, Берлинская встреча — один из этапов. Будут еще. Кстати, ты не спрашивал себя, почему именно Берлин? Это последний крупный город Западной Европы на Востоке. Основная масса групп географически располагается в Восточной Европе и странах бывшего Союза.

— Это о чем-то говорит?

— Возраст людей и место. Их созревание совпало с большими переменами. Мой старший брат из этого поколения. Он как-то рассказывал — в газетах одно, утром в школе другое. На первом курсе он еще учил историю партии, а через два года те же люди рассказывали ему, как это было неправильно. Они наблюдали этот вселенский цинизм не один год, и любая идеология для них — не больше чем слова. Шелуха, которая слетает, как только ветер начинает дуть в другую сторону.

— Так или иначе, через это прошли не только они. Рано или поздно все мы приходим к разочарованиям. Ну и что из этого?

— Я читала их ранние тексты. Это не было похоже на обычный послепубертатный бунт. Я не знаю точно… Там не было пафоса, восклицательных знаков, каких-то манифестов. Как репортаж с места событий, без комментариев и выводов, сухо и по существу. Очень холодно для такого возраста. Они не были бунтарями. Такое впечатление, что они и тогда знали, чего хотели, и шли к этому. И готовы пойти дальше.

— Например?

— Что, если они будут не просто фильтровать информацию или даже работать на политиков и рекламные кампании для больших фирм? Если они поработают для себя? Сделают распространенным мнение о том, что борьба с информационным хаосом в Сети есть первоочередная задача всех прогрессивных людей. Убедят последних в том, что они должны пользоваться их услугами. Не забывая, однако, что это всего лишь повод получить прибыль. А то и заняться политической деятельностью, имея в руках передовое оружие.

— Еще одна стая акул? Не они первые, не они последние. Подумай, сколько лапши вешают нам на уши каждый день. «Наши товары — самые лучшие».

— Одно дело — торговля телевизорами и сантехникой. Ты вспомни, чем занимались ребята из «Тетрагона». Разрушение тоталитарных сект! Вообрази себе их потенциал. Эти люди знают, что такое психотехника, представляют себе механизмы, управляющие толпой и индивидуумами. Они способны на

серьезные манипуляции массовым и индивидуальным сознанием. С их цинизмом и способностями… Они могут пойти значительно дальше, чем прорыв на рынке.

Он опять поставил «дипломат» на бордюр, освободив руки для жестикуляции.

— Ну хорошо, допустим, гейткиперы и ребята, похожие на твоих старых знакомых, собираются сделать что-то большее, чем переманить клиентов у ортодоксов. Снижая цены, улучшая сервис… Все равно. Допустим, они решили взять власть в свои руки в каком-то отдельно взятом месте. Ну и пусть — места хватит всем. Почему ты видишь в них какую-то серьезную угрозу?

— Все, что я пока вижу, Андрюша, — это медленное оседание на Холме ребят, так или иначе связанных с гейткиперами.

— Большие игры внутри Холма. Кому-то не нравится клановость и кучкование земляков. Ты что, получила от кого-то ценные указания?

— Нет.

— Хочешь прогнуться и предупредить боссов о надвигающейся опасности?

— Да нет же…

— Ну а что?!

— Чего ты кричишь?

— Извини. Извини, пожалуйста. Просто я не знаю, зачем ты притащила меня сюда. Могла бы поговорить со своим шефом, изложить предмет твоих волнений и приехать без меня. Используешь меня как ширму, а ничего путного сказать не можешь.

— Прости, Андрюша…

— Да… ладно тебе… Не хочешь говорить — не надо. Встречайся, разговаривай с ним, выясняй все свои проблемы. Только без меня. Хорошо?

— Хорошо.

— Тебе по-прежнему нужны части мозаики?

— Нужны. Иначе бы меня здесь не было, верно?..

5 сентября 2006 года. Киев

На следующий день Андрей остался в гостинице, и она пошла на лекцию одна.

Она сидела в аудитории, полной студентов, и опять ощущала неловкость. Ее обычная деловая униформа — черная юбка и темно-синий пиджак, подчеркивающие все, что нужно, ровно настолько, чтобы это не мешало работе других — здесь, среди джинсов, свитеров, вызывающих мини и модных блузок,

смотрелась слишком зрело, слишком тщательно. Лежавшая на парте деловая сумка с ноутбуком и широкий блокнот для записей дополняли имидж как минимум до аспирантки с кафедры, которая внимает последним достижениям гуру от науки. Как максимум эта блондинка с аккуратной короткой стрижкой и едва подкрашенными губами претендовала на методиста с кафедры, которая пришла проконтролировать качество чтения и соответствие содержания тематическому плану. Она то и дело ловила на себе взгляды ребят, то ли пытавшихся просто рассмотреть незнакомку, то ли прикидывавших шансы угостить ее кофе в кафе корпуса.

Она ушла минут за десять до конца лекции, громко хлопнув жестким деревянным сиденьем. Вышло немного неловко. Его плавная речь прервалась на пару мгновений, и, судя по всему, он ее заметил.

Она ждала недолго. Он вышел из аудитории вместе с толпой, руки в карманах, поверх тенниски была надета замшевая куртка. И быстро пошел по направлению к переходу в другой корпус.

— Александр Михайлович!

Он резко обернулся и остановился, не вынимая рук из карманов.

— Да?

— Я хотела бы с вами переговорить.

— Прямо сейчас?

— Если это возможно.

Он вытащил руки из карманов. В левой руке была начатая пачка «Стиморола». Он посмотрел на девушку и засунул ее обратно.

— Что вас интересует?

— «Тетрагон». Группа Диспетчера.

Он отвел взгляд и опять полез в карман за пачкой.

— Да? — Он не улыбался. — И что же конкретно?

— Почему команда распалась? И… «Тетра» — это четыре, но известно, что вас было пять.

— Это все?

— Это и… все, что вы можете рассказать.

— Слишком долгий разговор может получиться. — Большим пальцем он выдавил подушечку. — Поройтесь в Сети, там много ерунды про то, что было, и про то, чего не было. Почитайте, вы девушка умная. Кроме того, Макс сейчас не последний человек на Холме. Пригласите его на чашку кофе, может, он и расслабится.

— Я приглашала.

— Ну и что?

— Он умеет уходить от разговоров.

— Да? — Улыбка едва тронула его лицо. — Даже с такой красивой женщиной?

Она промолчала.

— Понятно. Ну ничего страшного, он всегда таким был. Наверное, вы просто не в его вкусе.

Он посмотрел на нее, ритмично двигая челюстями.

— Вы не слишком ограничены во времени? Я знаю здесь неплохое место.

Они молчали всю дорогу до маленького кафе среди общежитий, образовавших целый микрорайон, который добропорядочные граждане по вечерам обходили стороной. […]

[…] Она внимательно посмотрела на него. Пауза получилась слишком длинной.

— Если у вас больше нет вопросов, разрешите откланяться.

Он встал из-за столика, обошел ее и двинулся в сторону выхода.

— Но у меня есть вопросы.

Он остановился и медленно развернулся.

— Есть ли связь между гейткиперами и «Внешним сценарием»? — спросила она, встав вслед за ним. — Насколько близко к истине то, что вы разработали стратегию, в которой Серебряный Холм — только часть более подробного плана?

— Что-нибудь еще?

— Сначала ответьте на эти вопросы.

Леваков вынул подушечку. Он еще раз оглядел ее с ног до головы. Сытый удав. Ей стоило усилия подойти к нему ближе.

— Мне кажется, что наш разговор еще не окончен, — сказала она.

— Кто это решил? Вы?

Она ничего не ответила. Леваков посмотрел на нее и вернулся на свое место. Она повернулась к нему лицом, но продолжала стоять.

— Присаживайтесь. Если вы считаете, что наш разговор еще не окончен, я готов поверить на слово.

Она подобрала юбку и присела за столик, оставив сумочку на коленях. Возникла небольшая пауза.

— У вас красивые ноги.

— Что?

— Я сказал, у вас красивые ноги. Выходите замуж и воспитывайте детей.

— К чему вы это?

— Зачем вам это — гейткиперы, сценарий… Скучные

мужские игры. Или вы на кого-то работаете?

— Нет. Все, что я говорю сейчас, проявление моей инициативы. Моей собственной. Я просто хотела посмотреть вам в глаза и задать накопившиеся вопросы. И я рассчитываю на вашу откровенность. Может быть, безосновательно.

— У вас много вопросов, причем довольно сумбурных. С глобального на личные дела. Вам чем-то досадил Макс?

— До того, как Диспетчер пришел работать на Холм, для меня он был оригинальным философом с твердыми убеждениями. А сейчас мне кажется, что у него их отродясь не было.

— Не судите…

— Почему? Я и в самом деле так считаю.

— «Слова — это пули. Стреляй и убей». Не я придумал.

— Вы весь вечер цитируете. Но это не меняет дела. Когда-то кто-то не воспринял его неповторимую индивидуальность, и из-за этого общество получило «Тетрагон» — компанию маньяков, готовых множить на ноль все, что попадается им на пути. Просто так, без причины. Вы имеете больше, чем многие, вы умны, сыты, серьезные лишения вас минули. Но вы выворачиваетесь наизнанку, пытаясь разрушить все, что лежит вокруг. Вы ищете любую возможность. Оглянитесь, сколько людей сохраняют доброту и отзывчивость, несмотря на те страдания и несправедливость, которые они терпят. Сколько молодых парней, поломанных войнами, находят в себе силы и живут, не крича о том, что им пришлось пережить. А вы… Вы беситесь с жиру, вы… истонченный декадентствующий интеллектуал.

— Легко увидеть абсурд в войне. Вам нужен шок, чтобы прочувствовать это. Кровь, грязь, выпущенные кишки. Это просто. Попробуйте увидеть абсурд в тех вещах, которые вы делаете сами и с которыми сталкиваетесь каждый день. Те несуразные мелочи, которые портят нам жизнь, но которых мы стараемся не замечать. Это труднее. Но и фильтрационные лагеря, и отрезанные члены, и дрязги по поводу того, кому сегодня мыть посуду, — это вещи одного порядка. Неумение разобраться не только с вечными вопросами, но просто выяснить отношения друг с другом. Каждый из нас по-своему прошел через это.

— Пусть вам не повезло, но это еще не повод для открытой агрессии. Вы готовы к разрушению, вы злы, одиноки и холодны. Но не это главное. Этого много и в других. Я могу понять, когда группа политиков идет на махинацию, чтобы получить власть. Торговцы оружием и наркотиками — у них есть цель, корыстная, преступающая моральные нормы, но это цель, которую можно понять. Или проповедники, вещающие о том, чего не было и не будет, и берущие за это деньги. У вас же нет ничего, вы пусты и

готовы выжечь все вокруг себя. Просто так, просто потому, что вы увидели абсурд в горе немытой посуды. Но вы — как сталь в руке, вам даже все равно, кто вами манипулирует…

— Какое вам дело до моих мотивов? Я люблю красивых женщин, плотный обед и холодное пиво. Я агрессивен. Мне нужно самоутверждение, как и всем нам. Мне нужна власть, иногда мне нравится подавлять людей, особенно таких самоуверенных и увлеченных, как вы. Единственное, что мне пока удается сохранять в отличие от большинства лезущих наверх, — чувство меры. Я нашел свое место. Оно позволяет мне, с одной стороны, вылезти из того дерьма, в котором копошится большинство, с другой — не лезть в то дерьмо, которое плавает наверху. Мне хватает на жизнь, шлюх и минимум нужных мне развлечений, и на квартиру с горячим душем. Я знаю, кто я есть и что мне нужно делать, чтобы заработать на жизнь. И я буду делать то, что посчитаю нужным. Вам понятно?

— Абсолютно, — сказала она.

— И знаете, что еще? Вам страшно, — произнес он, не дождавшись ответа.

— Да, я опасаюсь вас и таких, как вы… Вы…

— Стоп. Весь вечер вы пытаетесь обвинить меня в каких-то преступлениях против общественной морали. Если мы опять начнем этот разговор, ваши вопросы еще долго будут ждать моих ответов. Так что вас интересовало?

— Гейткиперы и «Внешний сценарий». Какое отношение имеет сцена к этому документу?

— Пальцем в небо. Такое же, как вы к «Войне и миру»… Ну ладно, ладно, не буду больше. В деле создания этого текста принимали участие некоторые из тех, кто сейчас записан в ряды вратничества. Я так понимаю, вы в курсе. То есть ваш вопрос звучит примерно так: не пытаются ли ребята воплотить некоторые элементы сценария в жизнь?

— Именно.

— Давайте так. Я принимал участие в написании этого документа. Это раз. Но я больше не являюсь активным участником сцены. Это два. Если хотите, я могу рассказать вам историю того, как закрутилось это дело. Выводов по текущей ситуации, как вы сами понимаете, не будет. Если хотите тратить время на прослушивание — нет проблем. Если женщина просит…

— Я готова послушать, Александр Михайлович.

— Давайте просто — Саша. — Он улыбнулся, похоже, в первый раз за сегодняшний вечер. — Тема началась, как всегда, с каких-то бесплодных пересудов на одной из конференций. Весь сыр-бор закрутился вокруг проблемы «физиков и лириков»:

ограниченность мировоззрения современного человека, узость и однобокость в принятии решений, пути того, как все это можно изменить. В общем, в конце концов основным вопросом стало следующее — как можно с помощью современных технологий программировать и отслеживать динамику человеческого сознания. Звучит немного коряво, но примерно вокруг таких вот полутоталитарных вещей все и закрутилось…

6 мая 1996 года, 18:43. Киев

Они сидели на скамейке и уже о чем-то спорили. Макс плюхнулся рядом, поставил бутылку колы на край скамейки и дожевал хот-дог.

— О чем разговор?

— О конференции. У Шершня срабатывает инстинкт самосохранения. — Саня иронично улыбнулся.

— В каком месте?

— Да… Хватит. Знал бы, что пойдет такой разговор, вообще бы не заикался.

— Ну ладно, запродай еще раз.

— По его мнению, появился резвый заяц, который нашел способ извлечь из трепа на конференциях какой-то шкурный интерес.

— В смысле?

— В смысле. Головастые ребята чешут языки, что-то доказывая друг другу и выясняя, кто из них круче. Идет бесплодный разговор ни о чем, и тут появляется парень, который начинает задавать наводящие вопросы. Банальная манипуляция. Они думают, что просто разговаривают, а он так же просто получает бесплатные консультации по интересующим его вопросам. «А вот как вы думаете, если это повернуть вот эдак». И тут же наперегонки с десяток мнений.

— Погоди, это что — по поводу новых условий диалога на relcom.philosophy?

— Ну да. Ты как раз уехал, а этот парень подключился к разговору. Причем, судя по грамматике, он не местный. Русский где-то в ненашенском колледже учил. Тактика такая — «я не савсем понимай, что ви хотел сказать, не мог бы ви еще один разочек павтарить». Звучат вопросы коряво, а вот смысл в точку. Начиналось все с того, что Паша из Саратова заикнулся — мы, мол, ребята, книжек не читаем, зациклились на наших машинах, а товарищи из гуманитариев не улавливают тему — какая, скажем, разница между полуосью и виндой. Как нам найти общий язык? А сейчас благодаря нашему другу Брахману разговор перешел в

интересную плоскость. «Как с помощью виртуальной реальности можно заниматься политической пропагандой». Радио «Свобода» в трехмерном виде.

— Ну начинается… Новая угроза с Запада.

— Ничего не начинается. Может, я утрирую, но многое напоминает попытку выяснить, как можно организовать каналы, по которым будет идти нужный диалог для тех, кто сидит далеко отсюда.

— Так о чем все-таки спор? Ты что, хочешь отговорить их от чего-то?

— Ничего я не хочу. Я просто сказал им, что кто-то начал манипулировать их действиями в нужную сторону, а они взъерепенились.

— Ну ты тоже дал. Вечером люди ходят на религиозные собрания, где наставляют на путь истинный несознательно попавшую под влияние сектантов молодежь, а днем ими пытается манипулировать кто-то другой. Обидно, да?

— Я этого не говорил, — буркнул Шершень.

— Говорил-говорил… — отозвался Саня.

— Так, мужики, никто не хочет драки. Если проблема сильно задевает чье-то самолюбие, можно просто проверить, насколько все это может быть правдой.

— Зачем?

— Да я так, просто предложил… Давайте или сменим тему, и выясним, в чем все дело. Я так чувствую, вы это еще долго друг другу вспоминать будете.

— Будут-будут. Они такие, злопамятные, — опять подал голос Саня.

— И как ты хочешь это провернуть?

— Сесть, накатать с десяток страниц откровенной лабуды по перспективам пропаганды в цифровом пространстве, заслать на конференцию и посмотреть, как отреагирует на это Брахман. Вот и все. Если ему понравится — задать пару прямых вопросов, убедиться в том, что он действительно пытается управлять дискуссией, и больше не разговаривать на эту тему. Ребята, за последнее время мы стали слишком часто вспоминать чужие ошибки. Иметь еще один повод, по которому вы будете ругаться, лично мне не хочется.

— На пустом месте придумали проблему и теперь собираетесь потратить время на попытки вывести кого-то на чистую воду. — Миша вмешался в разговор, пользуясь возникшей паузой.

— Не хочешь? Я сам сделаю текст и сам раскручу этого парня, — сказал Макс. — Идет?

В ответ раздалось нечленораздельное мычание.

— Ну? Кто-то архивировал переписку? Саша? Пришлешь мне все материалы, и я сам все сделаю. И вообще, какого черта мы сегодня собрались? Я так понял, есть более интересный разговор.

— Да, есть серьезный заказ. — Шершень вытащил пачку «Camel». — Радио «Супер-Нова» давно слушал?

— Как уехал на юга. С месяц.

— Наш нестандартный радиопроповедник начал новый этап своей карьеры. Полгода назад он изливался в эфире просто так, потом пошли упоминания про недвижимость, он искал помещение для редакции своей газеты, потом его ашрам открыл семинар для желающих пообщаться душа в душу… Вот, — он глубоко затянулся, — сейчас работает с командой. Уже есть нечто вроде постоянных учеников, которых он стал запускать в эфир и натаскивать в плане работы с прямыми звонками. В общем, вся та же старая чушь, которую он нес по четыре часа в ночном эфире, только теперь ею стали заниматься те, кто прошел через его группу. «Супер-супер». Общение на уровне эмоций.

— Мы предполагали такой сценарий еще полгода назад.

— Да, он пахал почву. Нашлось много дурачков, которые повелись на этом деле и у которых были двести лишних условных единиц, чтобы пообщаться с ним лично.

— Есть обеспокоенные родители?

— Они были с самого начала, но сейчас он начал говорить о более конкретных вещах. А выборы меньше чем через два года. Он и его новые молодые соратники уже начали разговоры о создании политической партии и готовности бороться за места в парламенте нового созыва. Учитывая то, что у него есть аудитория размером с трехмиллионный город, которую он может обрабатывать по восемь часов в неделю, и то, что парень имеет неплохие задатки бизнесмена, есть мнение — его хотят прикрыть. Я говорил с Васильевым, ему для начальства нужен прогноз по обстановке. Насколько эта идеология может быть популярна и как можно без шума поставить на мистере пророке жирный крест. Васильев знает, что мы отслеживали передачи почти с самого начала, ему нужен более или менее компетентный анализ методов его работы.

— Еще три месяца назад мы говорили ему, что он копирует методику дзен. Агрессивная парадоксальность.

— Это был частный разговор. Сейчас ему нужна бумага с нашими подписями.

— Ну, если нужно, тогда будет…

5 сентября 2006 года. Киев

— …Звучит немного коряво, но примерно вокруг таких вот полутоталитарных вещей все и закрутилось. Мы немного коснулись того, что в новых условиях диалог может происходить не только в текстовом виде, что интерьеры трехмерных участков в Сети позволяют внедрить новые рычаги манипуляции психикой и что высокая скорость обработки реакции человека на определенные действия делает возможным построение его психологического портрета за весьма короткое время, не сравнимое с традиционными методиками тестирования. После чего был еще, по-моему, кусок текста о том, где конкретно уже можно заниматься такими делами — он-лайновые игры, чат-сайты. Разговор у нас шел в основном с парнем по имени Брахман. В конце концов мы сделали небольшой пилотный текст, который потом разросся до размеров «Внешнего сценария».

— Что значит «разросся»?

— То и значит — заработало сетевое творчество. Практически все участники конференции на тот момент приложили руку к этому делу. Всем почему-то очень понравилась тема долгосрочной информационной войны на базе новых технологий и Сети. То, что мы послали Брахману в самом начале, было десятью страницами довольно слабого текста. Мы бросили снежок, который покатился с горы и вырос в ком, называемый «Внешним сценарием». Были и другие моменты, в которых мы еще раз касались темы, — например, была просьба Брахмана перевести некоторые трудные части с русского на английский.

— Он что, был иностранцем?

— Да, конференция была русскоязычной, а он был, по-моему, студентом-славянистом из университета в Оденсе. Мы перевели ему эти дела и все. Он отключился от конференции, а тема прошла еще одной волной в англоязычных конференциях на европейских серверах. Там уже содержался тот самый переведенный с нашей помощью текст. Мы немного следили за этим делом и даже участвовали в разговоре. Кстати, в обсуждении принимали участие люди, которых сейчас считают лидерами гейткипинга. Потом мы с ними не раз говорили и по поводу информационных фильтров, и просто за жизнь. Я не знаю, насколько они тогда впечатлились прочитанным, но вполне могу предположить, что кое-кто из них применил полученную информацию. Текст до сих пор висит на достаточно большом количестве сайтов, и его мог прочитать любой из тысяч сетевых путешественников. Это напоминает футбольный матч. Его смотрят десятки тысяч подростков, но сколько из них после этого начинают играть в футбол? Ваша гипотеза о том, что гейткиперы

начали осуществлять «Внешний сценарий», надумана. То, что они по каким-то причинам собрались в Берлине, чтобы обсудить некие вещи… Если хотите, я могу достать вам протоколы совещаний, чтобы могли убедиться в абсолютной невинности их занятий с точки зрения борьбы за политическую власть в отдельно взятой стране. Не пытайтесь искать заговор — его нет. А есть пара сотен людей, объединенных общей идеологией и желанием заработать немного денег. Вы вполне удовлетворены таким изложением дела?

— Нет. Не вполне и не удовлетворена.

— Да? И почему же?

— Вы прекрасно знаете, что гейткипинг — не просто новый подход к методике обработки и подаче информации. Вы сами говорили о том, что разработчики GK-софта исповедуют определенную философию, касающуюся не только чисто технологических сторон вопроса. Есть сильная идеология, требующая от людей не просто навыков, но и определенного мировоззрения, особого взгляда на происходящее. Это не просто сборище технократов нового толка, эти люди исповедуют отличный от остальных взгляд на мир, который объединяет их. А там, где есть общность не только интересов чисто материального плана… Гейткипинг не зря называют движением. Кто знает, чем сможет стать это движение — политической партией или влиятельной группировкой в культуре?

— Еще что-нибудь?

— Потом, ваши лекции. Это во многом совпадает с теми положениями, которые исповедуют гейткиперы. Я внимательно слушала вас, и при всем расхождении в деталях и вы, и они едины в основе — эффект фильтрации является инструментом, с помощью которого можно конструировать идеологии. Идеология, которая позволяет создавать новые идеологии, со всеми последующими выводами в сторону культурного процесса…

— Лена, мы вторгаемся в область чисто умозрительных построений. Мы можем рассуждать еще не один день на эти темы. Если бы да кабы, да во рту росли грибы. Если у вас есть что-то конкретное — выкладывайте. Какие серьезные предпосылки для того, чтобы считать, что мои друзья вратники начинают нечто большее, чем просто прорыв на рынке?

Она замолчала, продолжая смотреть ему в глаза.

— Несколько лет назад Холм пережил серьезную реорганизацию. Поменялась вся внутренняя структура. Образовалось три сектора — Желтый, Восточный и Западный. Это было связано с тем, что Сообщество заключило ряд принципиальных соглашений по строительству коммуникаций

Сети нового поколения в азиатском и африканском регионах и совместной работе с Штатами в модернизации их супермагистрали и новых спутниковых каналов. В среднее звено влились новые люди. В большинстве своем это были технические специалисты по виртуальным пространствам, адвокаты и эксперты-культурологи. Вторые и третьи образовали своеобразный комитет по связям с общественностью. Они утрясали все проблемы этического и культурного характера, которые возникали при подписании соглашений с правительствами тех стран, в которых Холм намеревался строить новые коммуникации и ставить сервера Сети. Больше всего до сих пор достается ребятам, которые работают с Китаем…

— Это все общеизвестные вещи…

— Не перебивайте меня, Саша.

— Извините. Продолжайте.

— Технический отдел, который занимается разработкой виртуальных пространств Сети в этих регионах, возглавил Рон Миллард, человек, который создал игровую он-лайновую вселенную Brotherhood и был главным вдохновителем команды Innercycle, фирмы, обслуживавшей это пространство. Он перетащил туда по крайней мере половину своей команды. С тех пор Холм постоянно разрастается, и приходят туда в основном люди, которые заняты в технической поддержке расширяющегося виртуального мира Холма. Это не лавинообразный процесс, и у меня есть все основания полагать, что большинство этих людей так или иначе было связано с Brotherhood. В свое время они были пользователями этой игровой вселенной. У меня есть по крайней мере дюжина досье. И Макс — один из них.

Она опять замолчала.

— Продолжайте.

— Семь лет назад «Тетрагон» был источником большой головной боли для Рона Милларда. Его сияющая империя, в которой обитала не одна тысяча восторженных игроков, была поставлена на грань разрушения. Вы спровоцировали массовый исход пользователей, после которого Innercycle довольно долго подчищала хвосты.

— Что вы хотите от меня?

— Цепь простая. Болтовня в конференции выливается в документ, который при дополнительной обработке становится стратегической доктриной по проведению масштабной идеологической акции. Через два года после этого появляется фирма, которая организовывает виртуальное игровое пространство — Brotherhood. Безобидная игрушка для молодежи вызывает довольно бурную реакцию у определенных слоев

населения Сети. А потом четверо ребят с Востока за два месяца ставят на уши всю игровую общественность, обитающую в Brotherhood. Почему вы устроили такой бедлам и почему после всего того, что вы сделали, Рон стал перетаскивать ребят из игровой тусовки на Холм?

— Конечно, тогда мы с ребятами пошумели. Да, в свое время для Рона мы были головной болью, ну и что тут такого? Все понемногу шумят в детстве. После затеянной нами бучи разработчики пригласили нас принять участие в альфа-тестировании следующего продукта фирмы — Brothefhood-V. Мы умели и хотели работать, и поэтому многие наладили хорошие отношения как с Роном, так и с другими ребятами из его команды. А потом, когда понадобились специалисты по проектированию виртуального пространства Холма, он предложил опытным людям взяться за старое. Вот и все.

— Тогда как вы объясните совпадение приоритетов глобальной информационной войны, которые были обозначены во «Внешнем сценарии», с новой структурой Холма? Желтый сектор — китайский коммунизм. Восточный — ислам всех толков. Третье направление — Новый Свет. Голливуд, культ личного успеха, свободы и безграничного удовлетворения материальных потребностей. То, что прошлом веке Штаты с успехом навязали всему остальному миру. Круг замкнулся, Александр Михайлович. Мальчики, трепавшие языками на конференциях, сейчас готовятся заняться внедрением своих юношеских фантазий в жизнь.

Он улыбнулся.

— Знаете, я не люблю слухи. А становиться их источником — и подавно. У меня есть кое-что для вас, чтобы вы могли почитать и дополнить ту картину, часть которой вы уже воссоздали. Это не закрытые материалы, но о них мало кто знает. Я ничего не утверждаю, и ссылки на меня не проходят, потому как то же самое вам могли бы предоставить еще с десяток людей. Идет?

— Конечно, идет. — Лена впервые за разговор улыбнулась. — Когда, Саша?

— Давайте я мыльну вам кое-что вечером, а потом — если возникнет необходимость — мы обсудим неясные моменты. Мне почему-то кажется, необходимость возникнет. — Леваков улыбнулся в ответ.

5 сентября 2006 года, 23:22. Серебряный Холм — Киев

— Ну что?

— Способная девочка. Она сопоставила факты и получила

картинку.

— Насколько полную?

— Часть, отдельные вещи, которые вряд ли выведут ее на другие звенья. Она дошла до предела, насколько это было возможно, пользуясь только теми материалами, которые были доступны ей. Список, который ей послали, был попаданием в яблочко. Он дополнил ее построения до той степени, после которой она решила действовать. И я не думаю, что кто-то еще сможет построить для себя такую же длинную цепь. Факты могут быть у многих, но, кроме них, есть вещи, которые представляют эту цепь в совершенно другом виде. Тот же «Внешний сценарий» для тех, кто о нем знает, не больше чем результат фантазий не знающих куда приложить свои мозги молодых людей. Скандал с Innercycle, в котором мы были завязаны, получил широкий резонанс в кругах игровой общественности.

— Что сыграло главную роль?

— Она была близко знакома с Диспетчером — с Максом. С самого начала это было ее движущим мотивом. Вначале она просто захотела понять, как он оказался на Холме. Потом она узнала о том бардаке, который мы устроили, сопоставила с тем, что она знала о нем, и не смогла понять, что им двигало. Умный и серьезный молодой человек зачем-то устраивает переполох в песочнице. Позже это обросло всем остальным. За ней никого нет, Рэнди. Она просто одинокая девочка, которая докопалась до каких-то больших вещей, но начиналось все с банальных личных проблем.

— Насколько с ним близко она была знакома?

— Почти настолько, насколько ты подумал. Десять лет назад ей было шестнадцать. Ее папа был каким-то шишкарем в конторе субподрядчика фирмы, где тогда работал Макс. Они познакомились на вечеринке, которую устроила контора по поводу завершения проекта. Она просто влюбилась в него. Почти с первого взгляда.

— Это странно, Алекс, почему Макс не говорил мне об этом…

— Странно? Да, пожалуй. Я не думаю, что он не узнал ее. Хотя кто знает… Она успела побывать замужем и развестись еще до диплома. Но фамилию оставила.

— Но ее вид, внешность…

— Рэнди, десять лет прошло! Симпатичная девушка с распущенными волосами превратилась в эффектную женщину с короткой прической. Я сам ее еле узнал.

— Чем закончился этот эпизод?

— Ничем. Макс тогда сидел на нуле. Проект его конторы заканчивался, работы не было, в стране тогда такой бардак

начинался… С заказами тогда тоже была проблема. В общем, очередной спад. Ей не повезло. Он не был готов к тому вниманию, которое вдруг на него свалилось. Ему никогда особо не везло с женщинами. Мне иногда казалось, что он вообще их боится. Так, переспать с кем-нибудь — это да, а чтобы всерьез и надолго… Тут только пятки сверкали. Она повозилась с ним пару месяцев, поняла, наверное, что большего зануды и грубияна ей не найти, и ушла. По-моему, у нее остался комплекс вины, а все, до чего она дошла, — это только следствие ее попыток исправить ту ошибку, которую, как она считает, совершила тогда, бросив его в не слишком подходящий момент.

— Она сама говорила тебе об этом?

— Что? Вот это все? Рэнди, десять лет — большой срок. Я общался с ней три вечера, но начал узнавать только под конец. У нас нашлись общие знакомые. До этого я слышал о ней только от Макса и видел всего пару раз. Сопоставил факты и… В общем, я думаю никакой серьезной проблемы нет.

— Если за ней больше нет никого — тогда проблемы действительно нет. Ты хорошо поработал.

— И что дальше?

— Надо будет включить ее в действующую схему. Она смогла составить изрядную часть картинки, и это уже о многом говорит. Способная, красивая и напористая леди — она пригодится для многих вещей. Ты хорошо поработал, Алекс.

— Рад это слышать. Вчера она почти приперла меня к стенке со своими вопросами. Я еле съехал с темы.

— Можешь отослать ей часть материалов, касающихся реального положения планов. Чем она интересовалась?

— В основном нашим шумом с Innercycle и связью гейткипинга с планом.

— Можешь рассказать ей все, что считаешь нужным. Общие места. В остальное мы введем ее здесь, когда окончательно определимся с кругом ее задач.

— Да, кстати, Рэнди, кому принадлежала идея со списком?

— Янекову. Мы заменили ваши новые псевдонимы на старые клички времен «Тетрагона» и она клюнула на тебя.

— Что значит «мы заменили»?

— Мы послали ей настоящий список. Полный список группы нейтрализации «Анабазис», как штатных работников Холма, так и внешних сотрудников. Псевдонимы, конечно.

— Ребята, ну вы даете…

— Она зашла слишком далеко. Этот зуб уже было поздно лечить. Когда она получила список, у нее было только два варианта — либо она работает с нами в одной команде, либо ею

занимается второй эшелон, ребята Соренсена. Она тебе… как это у вас называется? Бутылку ставить…

— Почему ты считаешь, что она согласится работать в системе?

— Если она откажется, то тогда действительно ребятам Клауса будет чем заняться.

— Рэнди?

— Да?

— Твой русский становится все лучше и лучше.

— Thanks, buddy.

— You are very welcome. В следующий раз, Рэнди, будьте добры информировать меня во всех деталях. See you.

— Sorry for the mess, Alex. See you. And… You've gotta give her an offer.

*** **Архив Диспетчера**

«Внешний сценарий»

«День Х». Борьба с еретическими течениями и еретиками за «чистоту» веры (тесно переплетенная с борьбой за власть в структуре) — проблема, которую в большинстве случаев решали путем физического устранения. Костры инквизиции, исламский джихад, репрессии тридцать седьмого года. Реакция системы на переросших ее детей. Естественный процесс роста личности, осмысления недостатков системы, личные амбиции — все это приводит или к реформированию, или к разрушению системы. Это противоречие может быть сформулировано так: *чем больше творческих личностей в верхнем и среднем эшелонах иерархии, тем у нее больше шансов на победу в борьбе с конкурентами, но вместе с этим повышается вероятность того, что эти силы разрушат ее, образовав другие структуры*. Контроль и нейтрализация отдельных личностей и сохранение целостности системы — отдельная задача. Рано или поздно может наступить «день Х», когда центробежные силы в виде свободолюбивых и амбициозных лидеров решат, что пришло их время.

Противоречие между традицией и личностью. Между личными выводами из личного опыта и тем, что проповедует традиция по этому поводу. Если взять частный случай — карьеру менеджера, то это может быть представлено следующим образом. Учебники и инструкции содержат набор ситуаций и стандартных решений этих ситуаций. Чем выше уровень управления, тем больше нестандартных ситуаций приходится решать менеджеру. На каком-то этапе учебники и инструкции становятся не нужны. Из читателя человек превращается в писателя. Сама действенность схем подвергается сомнению и появляется желание

сделать что-либо свое.

Нейтрализация личного опыта происходит в ходе диалога «ученик — наставник» или «коллега — коллега», а также установлением правил, запрещающих чтение «вредной литературы» и общения с «плохими ребятами». Нейтрализация может колебаться в пределах от легких коррекций ошибок и непонимания до полного разрушения личности как таковой, если колебания, создаваемые ее действиями, переходят допустимые границы.

Проблема, которая отчасти может быть решена с помощью узкого круга людей, безоговорочно преданных делу, составляющих своеобразный «внутренний круг», функции которого сводятся к выявлению возможных источников колебаний и своевременного их пресечения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Цель? Этих ребят надо было знать лично, чтобы понять полное отсутствие пафоса в их действиях. Они просто жили. Да, они делали нечто выходящее из ряда, но для них это было простой реализацией врожденного и приобретенного… Знаете, что я вам скажу… все эти надутые деятели, делающие из своих чувств товар и продающие любые подробности своей жизни тому, кто пожелает их купить, по сути мало чем отличаются от тех, кто потребляет их продукцию. Почему? Подумайте сами. Могу дать ключ. Основа движения в жизни большинства, которое мы видим, — талант и заурядное тщеславие. Плюс стремление к оправданию этого тщеславия. Они прошли через это, оставили позади, знаете — как самолет обгоняет звуковую волну. Им не нужна была суета, шум и повышенное внимание. Они просто жили — напролом, но оставаясь в конусе тишины, не оборачиваясь на прошлое и не питая напрасных иллюзий на будущее…»

Лето 1999 года. Киев

Обычно здесь жаркий август. В полупустых офисах и конторах тоскливо тянутся недели и неудачники обсуждают преимущества зимнего отпуска. Выходные не приносят облегчения. Гидропарк и Труханов остров заполняют толпы в плавках и купальниках, пиво и кола уходят в глотки, а дым шашлыков смешивается с тяжелеющей жарой. Вечером люди спасаются в парках и аллеях Крещатика, у фонтанов на Рулетке и в маленьких дешевых кафе, которых изрядно прибавилось за последние несколько лет.

По воскресеньям он часто бывал там — на кольце или около фонтанов. Он пил пиво и чувствовал, как перегородка между полушариями становится тоньше. Зеркала. Левое и правое. Бесконечность, рожденная двумя зеркалами. Бесконечность диалога с самим собой. Работа мозга. Зеркала мутнели, покрываясь тонкой пленкой трещин. Потом они разлетались тысячами брызг, и бесконечность отражений пропадала.

Он безучастно смотрел на проходивших мимо. Иногда он поднимал голову, чтобы взглянуть на башню, и сравнивал время с цифрой температуры. Цифры, казалось, жили в башне и показывались одна за другой на багровой плоскости, как волны прибоя. Рукотворное время, напоминающее о том, сколько тебе осталось. Маятник жизни для бегущих по улицам. Он опускал

голову и смотрел на людей. Разговоры, жесты, деньги. Динамический обмен данными.

В четверг позвонил Огороднийчук и попросил о встрече. Он звонил только тогда, когда ему было что-то нужно. Они не виделись пару лет, но говорили так, как будто вчера сидели за столом и расстались лучшими друзьями.

Огороднийчук вышел из метро — как всегда, бодро и энергично. Пиджак песочного цвета, кейс, кодируемый на много цифр, очки в тонкой оправе.

— Привет.

— День добрый.

Он открыл кейс. Появилась черная папка с логотипом фирмы. Макс поставил банку с пивом на выщербленное черное дерево скамейки.

Огороднийчук достал из кейса компакт-диск и толстую, страниц на триста, книгу качественной полиграфии.

Компакт был фирменный, с пухлым буклетом, на обложке которого был изображен светящийся маяк и расходящиеся от него круги света. Внутренний круг состоял из двух половин — готической латиницы с верхней надписью «Innercycle» и нижней — «Brotherhood IV».

— С каких это пор ты стал баловаться?

— Это не я. Что ты можешь сказать по поводу?

— По поводу чего?

— Что ты знаешь о производителе и об игре?

Макс повертел диск в руках и отдал его Дмитрию.

— Первая и вторая версии — клоны Quake II. Они не так задумчивы, как второй Hexen, но и не так тупы, как многое другое. Innercycle хорошо сбалансировали игру. Все как полагается — нелинейный сюжет и головоломки, которые не критичны для прохождения. Хочешь отгадывай, хочешь — нет. Вторая фишка, которая подняла игру к верхним строчкам чартов, — присутствие сильных характеров. Семь героев на выбор, каждый по колоритности приближается к Дюку. Да и цель игры стара как мир, но не слишком заезжена игровой индустрией, — поиски пропавшей возлюбленной. Никаких потуг на спасение мира от пришествия монстров и всего такого прочего. Самая обычная история о спящей красавице. — Макс отхлебнул из банки. — Третью версию Innercycle разрабатывала в изрядно обновленном составе, с новым издателем и в новом жанре. Центр тяжести сместился в Европу. Почти полностью изменилась концепция игры, из аркады она стала тем, для чего только через год придумали название. Это не ролевик, не аркада, не wargame и не стратегия, а совершенный микс. Но какой… Кроме того, они

создали он-лайновую версию пространства. Тут, собственно, и начинается самое интересное. Для того чтобы подрубиться в Сеть, существовало два варианта. Первый — с тебя берут чисто символическую абонентскую плату. Второй — бесплатный, но для этого в контору нужно отослать протокол своей игры, другими словами, записанную тобой дему прохождения. Протокол мылился на их сайт, а через неделю ты получал доступ.

— Так, а что с сюжетом такого интересного?

— Я считаю, что это самая сильная сторона продукта. Даст фору всем остальным еще на пару лет вперед. Я давно ждал, когда за дело примутся талантливые люди. У того же Толкиена достаточно тривиальный сюжет — плохие и хорошие дерутся за вещь, которая может изменить основы мира. Но как мастерски раскручено… Даже в переводе чувствуется стиль. Они привлекли специалистов, как я думаю, чтобы организовать хороший сюжет, и не в последнюю очередь — дизайн игры. За последние несколько лет все уже попривыкли к хорошей графике и звуку. Сейчас без этого вообще на рынок не пролезешь. Кто раньше занимался играми? Вчерашние фанаты, которых хватило на большее, чем сделать уровень с хорошим дизайном. Они знали, как разработать графический движок, как продвинуть игру на рынке, но идеологов вроде Михаэля Абраша или Сида Мейера было наперечет. Не было людей, которые смотрели бы на игру не как на потенциальный блокбастер, который протянет сезон, а как на вещь, которая пришла, осела и уходить уже не собирается. Вне зависимости от того, что делают конкуренты. Слушай, я все-таки не пойму, ты-то с чего начал игрушками интересоваться?

— У шефа сын конкретно на этом деле подвис. Парень сейчас в том самом интересном возрасте, когда голова у родителей болит сильнее всего. Заканчивает лицей, надо куда-то идти дальше, ну и все такое… Хлопец сам по себе резкий, весь в отца, приходил он к нам одно время — Дюка по Сети гоняли. А последние полгода отпало все — кроме Brotherhood. Шеф не понимает, что происходит. С одной стороны, парень вроде потише стал, с другой — в доме появляется такая литература, что папа с мамой только ахают на свою неразвитость. Шеф говорит, что они практически не общаются. В принципе никаких явных отклонений или признаков шизы, но отчуждение практически полное. Только «здрасьте-до свидания» утром и вечером. В дни игры у него даже ритуал появился, что-то вроде медитации перед компьютером. Шлем раскрашен в боевые цвета, перчатки с иероглифами. Шеф в панике. Ему нужен человек, который сможет дать более или менее трезвую оценку происходящего.

— Хм-м… А я тут при чем? Пусть идет к психологу.

— Ты же одно время занимался сектантами…

— Дима, я не профессионал. Я тихий клерк из конторы. Я читаю журналы и одинокими холостяцкими ночами играю в игры. А что, все так серьезно?

— На него как посмотришь… Совсем извелся.

— Так что тебе надо? Я пока никакого криминала не вижу. Парень фанатеет от игры, резковат в манерах и созревает. Скоро начнет бриться, забросит игры и переключится на девочек. Переморгать надо твоему шефу.

— Да он тоже так думал. Но дело в том, что есть киевский клан Brotherhood. Две недели назад трое ребят оттуда вырубились, практически одновременно. Я не силен в психологических терминах, но все трое впали, скажем так, в депрессию. После одного и того же сеанса игры в Сети. Помнишь эту историю с японским мультиком? Что-то похожее.

— И как они сейчас?

— Да вроде оклемались. Только сам понимаешь, сидеть и ждать очередного кризиса никто не хочет.

Макс бросил пустую банку в урну.

— Нечто подобное я ожидал.

— Что ты имеешь в виду?

— Техника реализации не случайна. Они сделали сильный графический интерфейс, очень много символов, надписей на стенах, проработанные ритуалы посвящения в следующий ранг, в общем, все примочки — не просто на высоком уровне. Там мощный подтекст. Я не пытался его раскрутить, но я его чувствую. И я ему сопротивляюсь. Из-за этого я не прошел до конца третью версию. Тут идут вещи на уровне второго диалога. Что-то вроде Джойса, но не в виде текста, а в виртуальном пространстве. Важен не процесс игры — важен побочный результат. То, что тебе сказали не прямо, а как бы косвенно. То есть, скажем, если я хочу тебя послать, я говорю не «иди ты к маме», а что-то вроде «знаешь брат, я бы тебя послал к маме, но я этого делать не буду». Понял? Формально я тебя не послал, а фраза прозвучала. То есть пользователь воспринимает Brotherhood просто как хорошо сделанную игру, которая на самом деле работает как черт знает что. Знаешь, я всегда боялся, что до техники доберутся попы.

— Очередная тоталитарная секта? — Дмитрий усмехнулся.

— Не знаю. Скорее всего — нет. Сделать хит можно двумя способами. Опять же, текст и подтекст. Знаешь, как штампуют попсу? Вполне определенный ритм и частота повторения ключевой фразы. Ты понимаешь, что это чушь и ерунда, но в мозгах все равно оседает. Здесь что-то похожее. В игру играют не

только потому, что она стильно сделана, но и потому, что кто-то обратил серьезное внимание на подтекстовый момент…

— Ну так что?

Макс потянулся к рюкзаку за второй банкой.

— Давай так. Я посмотрю на это дело. Посмотрю, что делает там этот парень, а если будут видимые признаки того, что графика несет какой-то сильный суггестивный момент, будет повод бить тревогу. До этого, я думаю, беспокоиться не стоит.

— Хорошо. Когда ты будешь готов?

— Не раньше чем через месяц. Четвертую версию я еще в глаза не видел. Дима, я понимаю, что тебе нужно побыстрее, но раньше не выйдет.

11 октября 1999 года. Киев

Шел дождь. Он стоял в Трубе и смотрел на приколы очередного выпускника института культуры, который не смог найти работу по специальности. Парень управлял чем-то похожим на лассо и бегал за прохожими.

— Привет.

Шершень, Саня и Миша стояли за спиной. Они обменялись взглядами и вошли в дешевое кафе. Они взяли по пиву, хот-догу и отошли в глубь заведения.

— …Это как-то связано?..

— Косвенно — да. Похоже на «Внешний сценарий». В некоторых моментах — почти как по инструкции.

— Ну хорошо. Что ты предлагаешь?

— Проверить, так это или нет. Пока все. Что скажете?

Шершень вытащил сигарету.

— Я не против поиграться, один вопрос — зачем? Смеха ради? «Внешний сценарий» создавали человек сорок, если считать обсуждение в релкомовских конференциях, и еще столько же, если говорить о европейских серверах. Легко можно предположить, что кто-то из обсуждавших занялся похожим делом или кто-то, следивший за конференцией, оставил себе заметки на память.

— Ага, кто-то вроде Брахмана, который, как ты, кстати, предполагал, направлял обсуждение именно в такое русло.

— Сашуня, ну хорошо, нам-то чего с этой ерунды будет? Я не против потратить время, деньги, только что ты будешь с этого иметь? Приглашение поработать в цивилизованной стране?

— Если бы мы думали о том, что будет, когда начинали ходить к сектантам, то не было бы вообще ничего. А сколько создавалось планов по поводу организации частного агентства,

которое будет вытаскивать детей из лап нечистоплотных проповедников, сколько рассуждали о перспективности этого дела… Ты, между прочим, больше всех. А когда столкнулись с реальным положением дел, то две трети планов накрылось медным тазом.

— Ну, какие-то результаты были…

— Были, и неплохие. Только эти результаты имели не слишком много общего с тем, что мы планировали. Я думаю, если мы затеем разговор и потихоньку выясним, что к чему в этом королевстве, то ничего страшного не случится.

Шершень выпустил струю дыма.

— Как хотите. Вы уже что-то наметили?

— Расклад следующий: допустим, Innercycle действительно имеет еще какую-то цель. Какой еще может быть способ привлечь внимание, кроме битья стекол? Нарушить баланс, используя все те же правила игры. На мой взгляд, это даст по крайней мере два результата — с одной стороны, мы нарушим их схему, создав некое подобие хаоса. Если, конечно, они действительно работают какую-то схему. С другой, и это уже чисто технические вещи, можно попытаться создать перегрузку мощностей на какой-то группе серверов. Вылетающие время от времени фрагменты Сети и бардак в игровой вселенной тоже могут заставить их заговорить с тобой.

— Вообще-то игра неплохо сбалансирована…

— Макс, я не собираюсь заниматься gamer killing'ом, созданием запрещенных артефактов и тому подобными глупостями — это не более чем варварство. А насчет баланса… Сколько у тебя сейчас айконов?

— Шесть.

— Шесть. Факт того, что подобрался к уровню Мастеров Зеркал, уже есть признак некоторого дисбаланса. У меня четыре айкона. Если мы уговорим вот этих двоих добраться хотя бы до твоего уровня и поднимемся еще на три-четыре ступени сами, то у Inner произойдут серьезные проблемы.

— Ты уверен? Насколько я знаю, айконы нельзя набрать простым налетом часов или выполнением миссий.

— Ага. Поиграть захотелось? — Макс хитро улыбнулся.

— Нет, я просто хочу понять, как можно получить на руки козыри. Если бы было все так просто, как вы тут говорите, то пространство рухнуло бы и без нашей помощи.

— Айконы — это интегральный параметр, по которому они оценивают творческие способности игрока. Первый: количество и масштабы знаковых систем, с которыми ты можешь работать. Большинство игроков не знают, что такое, допустим, Озерная

школа или движение полубратьев в средневековой Италии. Если ты достаточно эрудирован и способен создавать связь между различными фактами или элементами различных идеологий, то это уже большой плюс. Второе — твоя способность к принятию решения и более или менее развитые способности к прогнозированию и анализу, то есть степень конкретности твоих выводов, а не просто абстрактные рассуждения о предмете. К третьему относятся твои психологические данные. Ты можешь быть зверски умным и начитанным, но твоя нерешительность портит все дело. Вот то, как это вижу я. Не хочу перехваливать вас, ребята, но для вас с Сашкой перепрыгнуть через пятый знак не составит большой проблемы. Андрей, у тебя какой пояс?

— Первый кю в шотокане.

— Сколько тебе нужно, чтобы получить то же самое, допустим, в кекусинкай?

— Хм-м… Если бросить курить и пить, поменьше общаться с женщинами, скакать за один квалификационный экзамен через два-три пояса… Я не думаю, что еще пять лет. Скорее год-полтора.

— Ты уже проделал эту работу, и тебе не нужно пять лет на то, чтобы учить ката и сбивать поверхности для преодоления тамэсивари. В сущности, тебе остается пройти лишь формальности экзамена. Понял? И тут то же самое. У нас есть подготовка — мы читали книги, ходили в секты и упражнялись в принятии решений. В пространстве Brotherhood ты, думается, не будешь выполнять уже сделанную работу, а просто сдашь ряд квалификационных экзаменов и формально подтвердишь свой статус. Понимаешь?

— Ага. Мы, конечно, уже такие крутые…

— Что есть, то есть. Каждый из нас некогда потратил немало времени на то, что большинству приходится делать в игре сейчас. Ну так что?

— Попробовать можно.

— Андрей, что ты?

Шершень глубоко затянулся.

— Сколько это потребует времени?

— Месяц для того, чтобы достичь мало-мальски пристойного уровня…

— Ну ребята, я вас слушаю и прямо любуюсь. Хорошо, что это уже не в первый раз… — Шершень выпустил через ноздри две струйки дыма. — Никак, впадаем в детство?

Все засмеялись.

— Не знаю… Мне надо подумать. То, что предлагает Миша, звучит складно, но надо понять, какие задавать вопросы. Я почти

уверен в том, что запланированный диссонанс мы сможем внести — ломать не строить. А вот когда пойдет, если пойдет, серьезный разговор, тут начнутся шахматы. Моя идея понятна?

23 октября 1999 года. Киев (Brotherhood)

Он быстро вошел в форму и взял хороший темп. Вначале им двигала привычка делать все так, как будто это — в последний раз.

Он видел воинов и пилигримов, которые воевали с призраками виртуальности, нанося раны и убивая врагов, истекавших потоками двоичного кода. Они управляли отрядами и армиями, существовавшими только в воображении, дополнявшем картинку на мониторе полуреальными ощущениями. Создавали вещи и тварей, ужасающих в своей мощи и объемах поглощаемых ресурсов силиконовских графических станций.

Он был участником ритуалов, превышавших по масштабу открытие последней Олимпиады. Он шел и бился бок о бок с великими рыцарями и мудрецами, творя великие и малые дела, создавая историю виртуального мира, — с теми, кто в реальной жизни был студентом, мелким служащим, продавцом софта, обывателем… Обычными людьми, которым Сеть дала возможность почувствовать себя героями древности, найти верных друзей и дойти до заветной цели, заново переписать свою судьбу.

Он смотрел на этих электрических героев и понимал, что здесь собираются преимущественно те, кто пока еще не определился со своим местом в жизни. И еще те, кто успел устать от закатов и восходов. Первым не хватало жизненного опыта и острых ощущений, у вторых было слишком много воспоминаний, как правило, не слишком приятных. И те и другие искали. Первые — новых развлечений, вторые — спасения от вопросов и сомнений, превращавших их сознание в сплошную язву, от неврозов и ночных кошмаров. И те и другие боялись. Первые — неизвестности реального мира, вторые — новых потерь.

А Сеть — Сеть давала им безопасность. Сеть меняла их лица, Сеть создавала их новую индивидуальность, которая подчас превращалась в мощное альтер эго. И Сеть же высасывала их силы и время. Они становились рабами своего электрического «я».

И те, кто сидел на операторских креслах Мастеров Зеркал, тоже искали. Они вымывали из песка крупинки золота, тех, кто пришел в нереальный мир Brotherhood не в поисках развлечений или спасения от жизненных неурядиц. Тех умных и сильных, пока еще достаточно молодых для того, чтобы понять, насколько и чем

они сильны. Из них нужно было сформировать авангард, который и в реальной жизни сможет делать то, чему его научили в виртуальности.

Он носил обычную форму, не отягощая ее лишним оружием и аксессуарами. Он выполнял миссии без эффектов, но всегда четко и с хорошим опережением по времени. Его напор никогда не переходил в браваду или кураж. Он просто делал дело. Он работал. Как всегда. Как умел. Ничего особенного. Он не ловил кайф, как большинство. Он шел, ломая на своем пути ровно столько, сколько было нужно — не более.

Но у него, конечно, была своя цель. Он шел по следу. Он шел к тому, чтобы стать х-фактором, который не учли разработчики вселенной, парадоксом, с которым необходимо считаться. «Прозрение» айконов давало ему возможность приблизиться к Мастерам Зеркал, стоявшим за механикой игры. И — ее целями.

*** **Архив Диспетчера**

Файл Brotherhood Chapter_2.doc

«…В начале времен Создатель дал людям пять вещей — данхаров, которые должны были облегчить их путь к совершенству и приблизить наступление Эдема. Но природа человека не была готова воспринять замысел Создателя — данхары стали предметом раздора племен и народов, ведших продолжительные войны за обладание ими. Сами данхары обладали мощью, используя которую, человек мог создавать волшебные предметы, оружие, заклинания, продвигаться на пути к совершенству или, наоборот, прогрессировать на стезе тьмы. Дело осложнялось тем, что каждый из данхаров состоял из нескольких частей, которые также несли силу, но сила та была либо темной, либо светлой — никаких промежуточных градаций. Только соединение всех частей одного из Великих Данхаров давало возможность создавать совершенные предметы, не причиняющие вред игрокам. Из этого вытекает сверхзадача — найти и свести воедино все пять Вещей либо достигнуть просветления путем поисков и переживания ряда «откровений». Пути познания могут быть самыми разными, они доступны как одиночкам, так и кланам, племенам и даже народам.

Единственным сообществом игроков, владеющим полным Данхаром, является Братство.

Строго говоря, единого сюжета нет — есть сверхзадача, правила игры и десяток возможных путей, ведущих к достижению промежуточных целей, которые охватывают основные игровые концепции — аркаду, квест, ролевик, стратегию. Понятие «линейность» — неприменимо совершенно, деление на зоны чаще

всего имеет значение только для игроков — вторжение на территорию враждебной группировки может плачевно сказаться на виртуальной судьбе игрока.

Пространство поделено на семь царств, каждое из которых имеет границы с двумя другими, а также существует точка пересечения всех семи границ. Она расположена в морской зоне и носит название Гавань Семиосности. Это остров, на котором проходят общие сборы игроков и заключаются крупные дипломатические союзы.

Пространство делится на две крупные структуры — Зона Городов и Область Героев. Принципиальное различие состоит в том, что в Зоне Городов существуют жесткие законы, нарушение которых ведет к изгнанию за пределы городских стен. В Области же законы отсутствуют или устанавливаются теми, кто достаточно могуч, чтобы содержать собственный домен. После того как держатель приводит в порядок свои земли, доводя их до уровня порядка в близлежащем Городе, границы Области смещаются — Область отступает. До этого каждый волен творить все, что он считает нужным и что позволяют его возможности. Таким образом, Область служит своеобразным резервуаром для агрессивного стиля поведения игроков и реализации того потенциала, чаще негативного, который они не могут претворить в жизнь в пределах Города.

Вследствие этого такое явление, как player killing, или «убийство игрока», которое одно время являлось проблемой для других пространств, полностью узаконено. У игрока есть выбор — идти за стены или не идти. Ты ничем не ограничен в своих действиях, но за это надо платить — никто не защитит тебя от произвола более сильных игроков. И именно из-за этого пространство не исключает игроков пожизненно. Изгнанники остаются в Области, какими бы тяжкими ни были их преступления.

Передвижение из Области в Города не ограничено, если, конечно, игрок не стал изгоем во всех семи царствах мира. Для таких проход будет закрыт, и закрыт надолго. Преступник может восстановить свои права горожанина, выполнив ряд заданий, которые определяются старшинами Города, где он хочет найти убежище.

Негласное противостояние Города и Области является источником той интриги, которая привлекает игроков. Динамика и играбельность питаются от постоянного наличия «той стороны». Ты можешь оставаться в пределах Города, выполняя функцию, которая дана тебе «свыше», а можешь стать вольным стрелком, единоличным хозяином своей судьбы. Игроки, которые большую

часть времени проводят в пределах Области, а в Городе появляются только изредка, формально являются жителями пограничных поселений и время от времени обязаны выполнять задания старшин.

Одно из основных направлений игры — расширение жизненных пространств Городов, сведение к минимуму площадей Внешнего Мира как источника агрессии и темных сил. Если отвлечься от деталей, то в целом эта схема есть вариация на вечную тему противостояния порядка и хаоса и — роли человека в этой борьбе. Здесь творчество выступает как преобразующий элемент, орудие претворения хаоса в порядок. Говоря проще, в случае науки мы имеем движение от познанного к непознанному, в культуре — создание гармоничных образов из разобщенных элементов (хаос звуков природы и гармония музыки). Это накладывает отпечаток не только на интенсивность игры — изменяется тактика поведения играющего. На первый план выступает не разрушение или уничтожение противника, а преобразование.

Помимо стандартных параметров игроков (здоровье, сила, магические способности, опыт и так далее), существует еще один параметр, не имеющий аналогий ни в одной игре, — «айконы» (icons). По идеологии игры путь к просветлению лежит через «прозрение» «своих» айконов. В начале игры декларируется соответствие каждому играющему определенной последовательности айконов (аналогия — поиск имени Бога по комбинациям букв Торы в еврейской Каббале). Каждому играющему соответствует последовательность из одиннадцати знаков. Раскрытие собственной последовательности приводит к усилению и изменению некоторых качеств играющего. Познание своих знаков легче всего происходит в структуре Братства. Иерархи (Мастера Зеркал) дают задания кланам или отдельным лицам, которые в случае их успешного выполнения повышают свой рейтинг, а иной раз — получают аудиенцию, где встречаются с Великим Данхаром. Аудиенция в большинстве случаев заканчивается прозрением одного из своих айконов. С другой стороны, членство в Братстве ограничивает свободу игрока. Он или она не могут выполнять более привлекательные задания других группировок, законы обязывают игрока присутствовать на ритуальных действах Братства и подразумевают почти полное и безоговорочное подчинение приказам. За отступничество следует изгнание из структуры и запрет на какие-либо действия в зоне владений Братства. Тайное вторжение наказуемо, вплоть до виртуального убийства игрока. В этом случае его стезя в пространстве начинается сызнова.

Октябрь 1999 года. Киев

Мясо тушилось на медленном огне, по кухне разносился теплый уютный запах субботнего обеда.

— Что тебя настораживает в айконах?

— Само их присутствие и их число. Принцип работы внешних и внутренних айконов полностью повторяет принцип работы текста и подтекста. То, о чем я говорил, помнишь? Мощно организованный подтекст. Заметь: последовательность внешних знаков, той или иной магии или использования артефактов для тех, кто не знает ни одного своего знака, работают одинаково. Для тебя и для меня они работают одинаково, а для парней они работали по-разному. Действия отличаются — чем больше знаков знает человек, тем больше действий он может совершать. Тем он сильнее. Что делает автор, когда пишет книгу? Если он не журналист и не хроникер, которому важно дать простую информацию о том, что произошло, он организует текст и подтекст. Пятьдесят на пятьдесят. Теперь берем двух человек. Того, кто видит только буквы, и того, кто может раскодировать подтекст. В обоих случаях воздействие будет отличаться, если они оба будут использовать полученную информацию в качестве руководства к действию. Понял? То же происходит в Brothehood. Играющий получает не просто знаки, он получает алфавит, с помощью которого повторяет работу писателя, философа или борзописца из «Киевских ведомостей», только его действие на окружающих имеет более выраженный эффект. Он может создавать, уничтожать и преобразовывать. Практически неограниченно.

— А при чем тут число?

— Максимальное число айконов, которое может раскрыть в себе играющий, — одиннадцать. Это больше, чем число заповедей и пальцев на руках. Это меньше, чем число месяцев, апостолов и чертова дюжина. Оно плохо расшифровывается в сторону семи мудрецов, Троицы, четырех истин Будды. Оно больше, чем число цифр, и слишком мало для любого из существующих алфавитов. Оно нечетное, а значит, асимметричное, его нельзя поделить на два без остатка. Число-урод. Число-еретик. Оно призвано вселять беспокойство, потому что не принадлежит ни богу, ни дьяволу. Понимаешь? Его нельзя обоснованно соотнести ни с одной из распространенных знаковых систем. Число «11» уводит от поисков аналогий в существующих культурах.

Макс помешал мелко порубленные куски мяса и лука. Отложив в сторону лопатку, он достал из навесного шкафа банку

с консервированными томатами.

— Так ты будешь есть или нет? — Миша кивнул головой. Макс открыл баночку и, ничтоже сумняшеся, бухнул в глубокую сковородку все содержимое.

— Виртуальность на сегодняшний день обладает грандиозными возможностями для контроля и манипулирования действиями человека. Айконы в этом процессе — индикаторы прогресса, того, как и куда двигается человек и как нужно корректировать действия.

— Это как-то обосновано или просто твоя очередная гипотеза?

— Я наблюдал нескольких ребят. После «прозрения» айкона менялось не только облачение, «лицо», менялся характер игры. Игрок начинал совершать поступки, отличные от того, что он делал раньше. Знаешь, похоже на то, когда влюбленный понимает, что чувство взаимно и ему простят все его недостатки. Где-то появлялся отвяз, где-то игрок начинал осторожничать. Там куча мелочей, я проанализировал несколько участков игры, так что с любым психологом могу поспарринговать. Во всех трех случаях с разной степенью интенсивности и индивидуальной окраски наблюдалась одна и та же тенденция. Эти ребята слишком шустро рванули.

— Давай я попробую. — Миша надел очки и пододвинул стул. — Игрок переживает эмоциональный подъем, первый, второй, третий раз, а потом чувствует, что больше так не может, и здесь возможен срыв.

— Нет. Принципиально не так… — Макс наклонился над сковородкой и втянул медленно клубившийся пар. — Ты думаешь, как тот, кому нечего больше хотеть. Здесь не стоит задача порабощения. Вообще ни в каком виде. Нет цели переживания перехода на новую ступень. Новый айкон — это новое ощущение реальности. Не только виртуального пространства. Человек испытывает подъем, не только находясь в виртуальном пространстве.

— Но сам момент…

— Спорить не буду, что-то вроде интеллектуального оргазма человек переживает. — Он подошел к кухонному шкафу и вытащил пару тарелок. — Возьми хлеб… Когда через тебя идет огромное количество структурированной информации, начинаешь находить ответы на давние вопросы, причем не на один, а на много сразу. Ты чувствуешь что-то вроде истины откровения. Но все дело в том, что дело касается не только адреналина в крови. Меняется мировоззрение.

— Не совсем…

— Черт… — Он затушил огонь и натянул на правую руку толстую варежку. — Простая аналогия: интеллект — это умение играть в игру по правилам — дважды два четыре, действие равно противодействию, знание того, где игру можно нарушить с минимальными потерями. Мировоззрение ограничивает пространство площадки. То есть можно хорошо играть в настольный теннис и не видеть дальше. — Он взял сковородку. — Тебе сколько? Нормально?.. Высоколобый, который хорошо разбирается в макроэкономике, обязательно проколется, если не будет понимать особенности национального характера. Никакой интеллект не спасет. У американцев никогда не приживется система пожизненного найма, как у японцев. Наши бригадные никогда не будут работать так, как это делает якудза. Brotherhood дает человеку новое мировоззрение, и вследствие этого кайф длится не пару минут, не один час, а до следующего прозрения, по затухающей. В зависимость тут никто не впадает. — Макс присел за стол и взял вилку.

— Так что же, по-твоему, произошло? — Миша медленно начал жевать мясо.

— Расширение границ, даже если это происходит медленно, всегда подразумевает их крушение или по меньшей мере какой-то их части. Человек на какое-то время остается открытым, что-то внутри становится зыбким… короче, начинается дрейф. Он оказывается перед необходимостью формировать новую систему, новые объяснительные принципы. В идеологическом плане такой человек — болото. Безвременье. Идет процесс осмысления свежих идей, восприятия их не просто рассудком, а, грубо говоря, шкурой. Рецепторы начинают работать по-другому, появляются новые установки, отношение к людям, вещам, к собственному прошлому, к планам. Переоценка ценностей. Рассудочные построения ломаются от нашествия извне. Только что они защищали, а теперь плоть оголяется и нужно срочно строить новую защиту. Срабатывает инстинкт самосохранения. Есть, как я думаю, два выхода из положения. Первый: процесс проходит быстро, происходит закрепление новых границ. Безвременье заканчивается безболезненно и с минимальными потерями для нервных клеток. Во втором случае все затягивается. По ощущениям это напоминает дрейф без особого направления, просто ощущаешь движение, а куда — бог его знает. Есть такой термин — «переживание бездны». Извне идет информация, которая попадает на незащищенную рассудочными построениями плоть. Ну зубы тебе лечили? Электрошок на оголенный нерв. Человек не в состоянии отфильтровать информацию. System overflow. Кранты. Или человек уходит и спивается, или полный

финиш.

— Мясо стынет. Так что, имеет место второй вариант?

— Вероятнее всего. — Макс наколол кусок мяса, прожевал и продолжил: — …Но и в первом возможна другая ситуация. В новой системе происходит закрепление идей, которые работают на самоотрицание и отрицание всей системы. Конкретно это может колебаться от легкого недоверия ко всему, что движется и разговаривает, до открытой агрессии в себя и вовне. Система стабилизируется на какое-то время. Появляются мысли, которые не работают как источники внутренней коррозии. В дрейфе можно чувствовать различное отношение к предметам в одно и то же время. «Это» может быть и тем, и тем, и этим. «Троянский конь» оставляет один из вариантов. Система стабилизируется. Простой пример — нигилизм. Мог быть и такой вариант. Кто-то из них вышел из сессии откровения с психологическим «троянским конем». Долго такое в себе таскать нельзя. Нужно либо нейтрализовать, либо уничтожить, иначе может снова начаться дрейф…

— У них есть механизмы, с помощью которых они могут организовать дрейф и «троянского коня»?

— Есть вещи, которые так или иначе выводят человека из равновесия и приводят либо к новому ощущению жизни, либо к деградации. Эти ребята работают с парадоксальностью, которая иногда перерастает в активную интервенцию. Прозрение раскрывает творческие способности, но за это человек платит риском потерять целостность мироощущения. У них есть эти рычаги. Виртуальность позволяет им организовать парадокс, который станет для тебя откровением.

*** **Архив Диспетчера**

Файл Two ways to go.doc

«Парадоксальность. Мастера-дзен практиковали парадоксальность поведения, когда объясняли своим ученикам, что такое сатори. Даже если принять во внимание, что, кроме анекдотов, от этого немногое осталось, в этой методике был свой смысл. Они пытались расширить рамки сознания тем, что показывали парадоксальность явления, сосуществования противоречий в одном неделимом. Чем больше сторон явления ты способен увидеть, тем больше возможностей развития дальнейших событий ты можешь предположить, тем полнее твое представление о мире. Тем меньше остается ситуаций, которые являются для тебя тупиком, если переводить разговор в плоскость управленческих дел — тем меньше ситуаций, которые ты не можешь разрешить. Парадоксальность ломает твои старые

представления, которые включали не все черты, характеризующие явления, или ломает те логические системы, которые не предполагали такой ход развития событий. Она позволяет действовать более гибко. Она может быть легкой, но тогда ты так и остаешься в тупике. Или разрушаешься как личность. Как говорится, либо это сделает тебя, либо поломает. Чем «тяжелее» парадокс, который ты воспринимаешь разумом, тем шире может стать твой взгляд на жизнь. Или тем глубже будет твоя травма. Есть предел для каждого. Предательство близкого друга или любимой — парадокс. Ты верил ей, а она сделала то, что никак не совмещалось с твоим о ней мнением. Но есть и более глубокие парадоксы. После какого-то момента деформация становится необратимой.

Парадокс — явление, которое существует, факт, который также необъясним, как и неоспорим, поступок, последствия которого не прогнозируются. Парадокс тормозит принятие решения. Подчас он ставит в тупик очень надолго, заставляя человека возвращаться к размышлениям раз за разом. Зачастую это обусловлено не действительным состоянием дел, а той знаковой системой, которой пользуется человек, осмысляя явление.

Идеология или теория содержит набор стандартных ситуаций, описаний фактов. Но есть группа фактов и событий, которая не объяснена знаковой системой. Развитие теории или идеологии определяется этим необъясненным, знак стремится описать все, но ситуация в общем всегда одна и та же — есть граница между известным и непознанным. Парадоксы лежат по ту сторону знаковой системы. В другой знаковой системе те же события не являются парадоксами. Следствие — парадоксы искусственны. «Это было», и все наши рассуждения о том, почему это произошло, никак не изменят прошлого.

Отказ от догм — то, что называется свободой мышления. Приверженность догмам и безграничное фантазирование — две крайности, которые могут привести к одному и тому же результату. К неверному решению. К сбою в цепи. Умение балансировать между следованием догмам и полетом фантазии. Пример: есть причина и есть следствие, которое для нас составляет проблему. Следствие явное, причины не ясны. Часто подход к решению проблемы начинается с поиска причин и объяснения их. Но не всегда знание причин может помочь нам в решении проблемы. В этом случае есть смысл вовремя отказаться от попыток найти корень. Имеем ситуацию и можем сделать прогноз ситуации. И действуем, исходя из условий, которые есть, а не из причин, которые к ним привели. Ударение перемещается с

предыдущего звена цепи на то, которое непосредственно и есть проблема. Ответ на вопрос «откуда мы здесь?» еще не есть гарант того, что мы пойдем туда, куда нужно. Всем давно известно, что война — это кровь и грязь, но тем не менее войны продолжаются и жестокости в них не меньше, чем это было три века назад. Есть моменты, которые перевешивают наше знание о предмете и заставляют действовать совершенно по-другому.

Мы можем знать, но семя нашего знания падает на почву нашей природы, реакций, которые отлаживались миллионами лет, наших характеров, слабостей и неспособности владеть собой. «Обстоятельства сильнее нас». Какие обстоятельства? Не те ли, что внутри нас? А, ребята? Единицы могут доходить до вещей, которые позволят нам изменить положение дел. Но эти тексты тиражируются в ежедневных газетах. Они вызывают реакции, спектр которых колеблется от разрушения всего, что лежит вокруг, до полного бездействия.

Мозаика. Рисунок характера. Ум, терпение, твердые моральные убеждения. На всем этом можно поставить жирный крест, если нет умения разговаривать с людьми и понимать их поступки. Выпадение всего лишь одного-двух элементов, качеств может свести на нет все благие порывы и знание о корнях.

Можно призывать и доказывать о необходимости. И вопрос не в том, верны эти постулаты или нет. Даже если это истина, которую все так долго ждали. Все будут кивать головами, а потом разойдутся по углам и будут продолжать делать так, как делали до этого.

Расширение рамок. Уменьшение количества фактов, которые являются парадоксами, тормозящими действие. Расширение мировоззрения. Пустыня парадоксов не так страшна, как это может показаться с той высоты, где мы стоим сейчас. Она кажется пустыней, пока мы стоим на этой башне и боимся построить другую.

Октябрь 1999 года. Киев

Дмитрий плавно затормозил на перекрестке.

— К чему это может быть привязано? Не знаю, Дима. Одно дело — просто научить человека каким-то вещам, дать ему представление о предмете, навыки. И качественно другое, когда практикуется активная интервенция в сознание, регулярная встреча с парадоксальными ситуациями и событиями. Они делают и то и другое. Но если первое у них стоит на уровне пассивного контроля, они просто дают возможность человеку что-то сделать и смотрят, что получится, то второе предполагает

целенаправленность.

— Как насчет предположений?

— Плюс-минус бесконечность. В том, что идет нечто, напоминающее ролевое кодирование, я уверен. Кастовая система общества, военачальники-стратеги, исполнители всех Уровней. Человек может не воевать, он может организовать хозяйство и заниматься мирной торговлей или бродить по царствам, созерцая красоту графического движка. Из этих кубиков можно составить все что угодно. В момент истины, когда они прозревают следующий айкон, идет закрепление сценария поведения. Человек говорит себе: «это я делаю хорошо, а это плохо». Чем дальше, тем лучше усваивается урок. И хочешь не хочешь, а, возвратившись в реальность, ты будешь стараться делать то, что у тебя получалось хорошо там. Вплоть до смены места работы и образа жизни.

Загорелся зеленый и BMW также плавно тронулся по проспекту.

— И когда ты ожидаешь результатов?

— Каких результатов? Я ничего не ожидаю. Трудно сказать, но скорее всего мы столкнулись с долгосрочным проектом. Они не предсказывали конца света в этот август, они не повышают тарифы за сетевую игру, они не занимаются политической пропагандой. Три года они уже крутят это дело. Трудно сказать что-либо определенное, когда даже не знаешь, на каком железе работает Innercycle. Каков уровень контроля за реакцией игрока? Новая конфессия, политическая идеология, прорыв на рынке? Если бы знать состав и уровни играющих… Они могут комбинировать будущие команды уже сейчас, оценивая общий уровень коллективной игры. Потом свести этих восемь-десять человек вместе и дать катализатор. Для такого дела много людей не надо.

— В смысле?

— В смысле… Нескольких человек достаточно для того, чтобы начать дело. Более того, достаточно дать одному условия для диалога. Если бы не было «Аквариума», не было бы и Гребенщикова. Может, был бы еще один хороший бард-песенник, но не было бы культовой фигуры для целого поколения. У человека была возможность для диалога. Он толкал идеи, остальные откликались, дорабатывались детали — и пошло. Шел постоянный резонанс со средой. Если бы не было толпы вокруг самого «Аквариума», то они не протянули бы долго. Одиночки долго не выдерживают. Говорить с самим собой на протяжении нескольких лет — можно закончить в психушке. Вспомни Doors и Queen. Умер Моррисон, умер Меркюри — и все, тема накрылась.

Ушел человек, которому была нужна среда. Такие образования стабильнее, чем, например, Beatles, где по крайней мере трое были лидерами. — Макс усмехнулся. — Апостолов было всего двенадцать, а посмотри на последствия…

— Кто, по-твоему, занимается этим?

— Не знаю. Не могу понять, кто может использовать такой инструмент.

— То есть?

— В любом случае идеология использует диалог. Изменился лишь его характер и качество. Раньше адепты могли применять статичный канон, не менявшийся с годами, и индивидуальную работу. Популярность философской системы или учения зависела оттого, насколько хорошо отец-основатель мог совместить в тексте общие вещи и детали, которые могли привлечь людей больше, чем громкие декларации. Чем более «всеохватным» был текст, тем больше людей он мог заинтересовать, но терялось качество и точность описания. Общий характер текста уже предполагает то, что часть информации будет искажена. Отсюда источники ересей. Популяризация учения, особенно во времена, когда еще не было книгопечатания, происходила по длинной коммуникативной цепи — от адептов через менеджеров среднего звена в виде настоятелей и проповедников до паствы. На каждом участке цепи происходило искажение информации. Отсюда требования к чистоте учения и неприкосновенности канонического текста. В любом случае мы имеем первое: искажение первоначального текста, второе — медленная скорость диалога и третье: необходимость учитывать особенности каждого. Чтобы корректировать искажения передачи, нужно было ускорять обмен. Вместе с этим нужно было говорить человеку те слова, которые он мог бы услышать и воспринять. Чье-то воображение поражает Страшный суд, чье-то — страдания Иова. Где-то надо усилить эффект, где-то сместить акцент. Понимаешь? Библия каждый раз должна переписываться заново. Искажение канона недопустимо, потому что прогнозировать влияние изменений было невозможно. Вожжи выпали бы из рук. Коррекция искажений занимала в лучшем случае часы, обычно дни и недели. В общем, дилемма: либо качество и малая популярность, либо количество, но повышенная склонность паствы к ересям и отступлениям. В Innercycle решили проблему скорости диалога и индивидуализации текста.

— Ну и что? Почему бы тем же католикам или англиканам не заняться этим делом?

— Да очень просто. Высокая сложность контроля.

— В смысле?

— Главный камень преткновения любой идеологии — это личный опыт человека. Если отбросить высокие слова об идеалах и ценностях, которыми пользуется учение, то в конечном счете ее цель сводится к воспитанию не только послушного члена общества. Он должен знать и уметь. Занимать место в иерархии. Он должен работать на общество. Общество дает ему, он дает обществу. Колебания в кристаллической решетке должны быть сведены к минимуму. Личный опыт и поток информации, который идет извне, — это агрессия на традицию идеологии. Десять лет назад здесь было много глупцов, которые кричали о давно ушедшем тоталитаризме. Так вот — любая идеология тоталитарна. Одна из первых задач любой идеологии — обесценить личный опыт. Твой разум — это наполовину те вещи, которыми тебя загрузили, когда ты был мал и глуп, вторая половина — то, что в тебя попало в течение сознательной жизни. Задача любой идеологии состоит в том, чтобы убедить тебя, что твои двадцать девять лет — просто мусор. Из праха пришел — в прах уйдешь. Ни одна из действующих мировых религий не работала и не работает с гибким каноном, который может быстро подстраиваться под индивидуальность.

— А в Brotherhood не так?

— Они оставляют личному опыту право на существование. В общем балансе ему отведена достойная роль. Они ищут и взращивают творчески боеспособных профессионалов, которые размышляют не только над книгами, но и над собственным опытом. И операторы пространства используют парадокс, жесткий и агрессивный парадокс. Христианство тоже исповедует парадокс. «Ударили по правой щеке — подставь левую». Тут все намного жестче. Или ты принял условия, или — до свидания. Но выбор делается осознанно самим человеком. Выбрал — новый айкон на погоны, нет — остаешься на прежнем уровне. И эта парадоксальность перемалывает основные локальные мифы, вот что интересно. Человек последовательно очищается от предрассудков: сначала своего ближнего окружения, потом мифов ближайших субкультур и далее, к мифам эпох. От всего того, что порождает мнимые парадоксы, стереотипы поведения, что ограничивает свободу мышления.

— Тебе чем-то не нравится тенденция?

— Тенденция ведет к тому, что за сломом мифов следует понимание их надуманности или необходимости для чисто утилитарных целей. Обесценивается эмоциональная составляющая, и приходит осознание своих собственных подсознательных мотивов иметь в распоряжении эти мифы. Как прививка от бешенства. И потом — Мастера Зеркал. Это не

случайное определение, Дима. Вспомни: Зеркальные Лабиринты, Озера, Страна Снега и Льда. Их ашрам находится там, на той стороне, во Внешнем Мире пространства.

— Ну и что?

— Зеркало — это символ самопознания. Начиная от «Свет мой зеркальце, скажи…» и до Борхеса, которому снились кошмары о зеркалах. Они распознают свои айконы, постигают себя, и при этом они творят зеркала. Что есть творчество? Это тиражирование себя по времени и пространству. Что ты на меня смотришь? Ты на дорогу смотри.

— Думаю.

— Ну-ну. Рассудок плодит зеркала. За тобой тянется целая галерея из того, чем ты был и чем ты будешь. Чтобы понять разницу между собой в прошлом и настоящем и что-то спланировать на будущее, ты рисуешь себя в собственном сознании. Всегда есть как минимум три «я» — в прошлом, будущем и том, что можно назвать «здесь и сейчас». Вспомни — «художник отражает сущность мира». Плодятся картины, скульптуры, тексты, которые в первом приближении есть сам художник. Или в прошлом, или в будущем. Кинематограф, театр — те же картины, только в динамике. Вокруг зеркала. Ты понимаешь? Они просекли тему. Я не уверен, что Мастера Зеркал не являются просто произвольным выбором декорации. Страна Снега и Льда может быть простым кодированием того, что лежит за Уральским хребтом, ныне исключены более глубокие причины. Это один из возможных вариантов. Другой — они привлекали специалистов, очень хороших специалистов. Тут возможна работа с крупными структурами. Проектирование сознания. Вспомни Гессе. Игра в бисер. Комбинирование отдельных элементов из различных культурологических схем для получения максимального эстетического удовольствия. Посмотрим на дело с другой стороны. Если у тебя есть пункты «один», «два», «три» и правила их сочетания, то возможные комбинации ты можешь просчитать и спрогнозировать. Как и возможный результат, к которому придет другой комбинирующий человек, или реакцию на ту или иную схему, если с ней столкнется человек, у которого в сознании заложены три пункта и правила их комбинирования. Понимаешь? Воспитание с закреплением стойких реакций на предмет — в сущности, система условных рефлексов, только очень высокого порядка.

— Эта схема не дает места для свободы воли, произвола человеческого духа. На тебе места живого не оставят, если ты сунешься с проповедью проектирования рамок для свободного человеческого волеизъявления. Этого не терпит никто, начиная от

богемных девочек и заканчивая седовласыми адептами.

— Правильно. Только они занимаются этим с претензией на то, что их потуги есть высшее проявление человеческого духа. Innercycle тиражирует вдохновение. Я думаю, что их ученики будут недалеки от того, чтобы тиражировать философские и религиозные системы, но не делать из этого привилегию и культ, а так — как будто на конвейере. Не для того чтобы двигать «прогресс вперед», а чтобы как можно лучше прикрыть себя от боли. То, что сейчас называют тенденцией духовного роста, на самом деле давно стало бегом по кругу. Одни и те же мотивы. Меняется только форма — стихи, музыка, тексты. В неумении других воспринимать то, что может воспринимать личность, она видит их духовную неразвитость. Элитарность, — протянул Макс. — На самом деле все проще. Плоть осталась плотью. Недостаток здорового цинизма позволяет видеть в культуре не простую игру в кубики, а нечто более возвышенное.

— Чем тебе досадила культура, Макс?

— Неосознанная игра в зеркала довела нас до тупика, и я не знаю, что хотят сделать из Братства — конвойных мирового культурного процесса или тех, кто порвет этот круг на части.

— Innercycle готовит революционеров для того, чтобы наконец вытащить мир из дерьма?

— Бунт обречен. Он уже стал частью традиции, и то поколение, что не бунтовало против папы с мамой или не стало «потерянным», презирается всеми остальными. Хотя на светофоре они все вместе — в домашних тапках и в мягком кресле. Еще один виток в спирали. Если тут что-то и есть, то это не бунт. Тут возможна война, для которой нужны не только солдаты, воплощающие приказы в жизнь, но и генералы, которые смогут чертить схемы наступлений.

— Тебе хочется это видеть.

— Может быть, я и вправду выдаю желаемое за действительное. Не знаю. Я просто ставлю себя на место людей, что сидят на серверах в Манчестере. Я говорю как человек, который знает, как работать этим инструментом, не больше. — Он резко обернулся к Дмитрию. — Слушай, ты такой же, как и я. — Макс прищурил глаза. — Ты же работаешь с информацией, ты профессионал, аналитик, неужели ты до сих пор ничего не понял? — Он наклонился к приборной доске и почти прошипел: — Десять заповедей сведены до имени файла в каталоге, наравне с почтой, которую тебе гонят по Сети каждый день. Имя, время создания, объем на диске. — Он улыбнулся. — Ты представляешь, Десять заповедей, время создания с точностью до минуты. Что комментировать, если все известно? Мы богохульники. Все

тексты, которые циркулируют по Сети, по сотням локальных сетей, — все это единицы одного порядка. Единственное, что еще держит Библию на уровне Книги с большой буквы, — это традиция, объявившая, что это богоданное слово. Ты читал «Кантата на смерть Лейбовица»? Нет? Там описан монастырь послеядерной войны, где монахи копируют старые тексты. Знаешь, что у них вместо канона? Инструкция по использованию. Возвести текст на пьедестал может равно и случайность, и целенаправленная кампания. Ты понял? — сухо спросил Макс и откинулся назад. — Проектирование сознания, проектирование того, в каких пределах сможет колебаться называемый свободным человеческий дух.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

8 сентября 2006 года. Киев

Сегодня он пришел на встречу в импозантных пиджаке и брюках. Без галстука, но все равно от студента-переростка не осталось ничего, кроме насмешливого взгляда.

— День добрый, Лена.

— День добрый, Саша.

— Как последние три дня? Я надеюсь, вы имели достаточно поводов для того, чтобы не скучать?

— Более чем. Правда, все материалы были в достаточно беспорядочном состоянии, но… Насколько я поняла, единственным четко обозначенным моментом во «Внешнем сценарии», взятом на вооружение Innercycle, были те самые проектировщики сознания, Мастера Зеркал. Вы поняли это и затевали игру, имея на руках только одного туза и кучу мелкой карты.

— Смотря что играть. Длинная масть — это длинная масть, если обращаться к терминологии преферанса. Проектировщики — один из существенных элементов. Без него все остальные стадии плана были бы трудноосуществимы. Связка была более чем призрачная, но Макс начал копать эту тему всерьез. Операторы пространства Brotherhood практиковали агрессивные технологии высвобождения творческих способностей игроков, чтобы подготовить нужных людей, которые будут работать с ними в одной команде.

— Саша, я здесь уже почти неделю, а этот материал требует еще пару недель для обработки. Мне нужно время. Я попросила о встрече как раз из-за этого. Вы ведь дали мне набор не связанных

между собой кусков…

— Хорошо, один пример. Знаете, есть такое понятие, как историческая аберрация. Это когда событие двухлетней давности воспринимается более эмоционально, чем то, что произошло двадцать лет назад. Хотя последнее было сильнее по эффекту. Оперирование такими структурами, как религиозные мифы и подвиги отцов-основателей, предполагает подобную аберрацию. Ваши моральные убеждения не позволяют обращаться с ними так, как это делает выпускающий редактор вечерней газеты, — кромсать и переставлять куски текста в статьях своих репортеров. Макс предполагал, что конечная цель операторов есть выведение сознания человека на такой уровень, когда все тексты и символы, созданные человеком за последние три тысячи лет, воспринимаются одинаково — как информация, которую можно купировать и компилировать. Это похоже на поход в отделение патанатомии студентов третьего курса. Вы должны перестать бояться вида вскрытого трупа и перестать думать о том, что три дня назад это тело было теплым, жило и чувствовало, — чтобы потом проводить операции на живых людях. Проектировщик должен осознавать, с чем он оперирует; и чтобы он делал свою работу качественно, он должен был прийти к мысли о том, что имеет дело не со Святым Граалем, а с вазой для цветов. Чтобы потом создавать модели сознания, внедрять их в жизнь и отслеживать прохождение процесса. С самого начала Макс предполагал, что именно подготовка таких людей будет главной задачей на первой стадии.

— Это я поняла. Они готовили людей для более детальной проработки тех мифов, которые смогут заменить, допустим, миф о Мухаммеде и дать возможность им корректировать поведение массы, зная, какой эффект может произвести этот миф. Конструирование религий и идеологий. Гейткиперы тоже занимаются компилированием информации, но их тексты не доходят до уровня религиозных структур и архетипов. Насколько я знаю, их посылки включают понимание смысла, содержащегося в тексте, как переменной величины, которая модифицируется с течением времени даже для каждой отдельной личности. Чтобы качественно делать работу, нужно отвлечься от эмоций, связанных со смыслом жизни. Насколько я понимаю, работа проектировщиков предполагает более глубокий подход к делу.

— В целом да. Обеспечить техническую базу диалога было возможно, но создать наполнение диалога, сделать те схемы, которые пойдут по этим каналам, — для этого нужны кадры. Через игру Innercycle проводила поиск и доводку подходящих людей до нужной кондиции. Среди гейткиперов многие могут

выполнять эту работу, просто пока еще нет той широкой аудитории, с которой они смогут взаимодействовать.

— Вам не кажется это возвратом к тоталитаризму? Контроль масс, охота на ведьм. Мы все это уже проходили.

— Вопрос не в том, как нейтрализовать толпу. Толпа остается толпой, она подчиняется законам, которые «предлагают» ей сверху, боится вместе и бунтует вместе. Вопрос в том, как управлять теми личностями, чьи природные возможности выше средних и чей инстинкт самосохранения может быть подавлен стремлением проломить своей башкой тюремную камеру. Их свобода будет ограничена, ограничена так, что они не заметят этого. Да, они будут свободны — в рамках своих эстетических пристрастий и философий. Свободны в оперировании широким, но ограниченным количеством образов, символов, правил их комбинирования. Когда все возможные перестановки их цветных кубиков заканчиваются, они говорят о кризисе жанра. Их творческую свободу легко ограничить, дав им конструктор, в котором есть игрушки, отвечающие их эмоциональным запросам и природным способностям, который позволит не только создавать им эти комбинации, но и среду, в которой они смогут выжить, общаясь с себе подобными, продавать продукты своей деятельности, спорить о правилах расстановки этих игрушек, чувствовать себя значимыми в этой среде. Совсем не обязательно загонять их в концлагеря и гноить там их здоровые творческие способности. Они будут удовлетворять свои тщеславные амбиции в ежегодных выставках, а свои агрессивные наклонности — в сезонных бунтах, меняя то, что называлось «андерграунд», на то, что называется «официоз». Они будут вполне счастливы, получая блестящих куколок на фестивалях и гонорары от продюсеров. Они будут думать, что двигают умами и кошельками миллионов. И одновременно презирать толпу за низменные вкусы и инстинкты. Но не в этом главное. Эту игру в бисер можно организовать для них так, что они ничего не поймут и будут считать, что это их богом данный талант выводит человечество на новые вершины духа. И будут продолжать думать о том, что их свобода не может быть ограничена никем, кроме как всемогущими законами природы.

— А как же совесть, честь, стыд? Любовь? То, что вы не можете ни спрогнозировать, ни управлять. Неожиданные поступки, которые совершают те, кто, по вашему мнению, есть толпа. Тайна, обладать которой вы им никогда не позволите. Которую вы никогда не поймете, пока не почувствуете этого в себе. Вы называете душой набор символов, текстов, цветных картинок. Что заставляет человека совершать выбор в пользу

безнадежности, в сторону верной гибели? Механизмы компенсации? Почему вы влюбляетесь, бросив всего один взгляд на нее? Биохимия организма? Люди прощают предательство, подлость, смерть. Почему? У вас не осталось тайны, вы убили в себе желание искать эту тайну. Ту непознаваемую часть, которая есть источник этих порывов.

— Да? Ну и сколько вы видели тех, кто способен на поступок? На любовь с первого взгляда? На прорыв туда, где тебя ждет одиночество и непонимание окружающих, но где, быть может, лежит истина? А?.. В поисках этой тайны люди доходят до какого-то предела, потом останавливаются и топчутся на одном месте. Может, тайна в том, что ничего нет, но признать это не могут даже те гении, которые отваживаются идти дальше всех остальных. Может, пора перестать коптить небо бесконечными молитвами и пользовать откровения пророков, как поводы к войнам? Может быть, мысль о существовании этой тайны — это последнее оправдание для зла, которое мы творим, и страданий, которые мы терпим, и отказаться от этой тайны — значит обречь себя на еще больший поток страданий и еще более безудержный разгул плоти? Нам нужна эта тайна. Без нее большинство лишится повода каждый день делать все те странные и правильные поступки, которые они совершают…

— Похоже, мы опять уходим от основной темы.

— Да, похоже… Мы с вами любим пофилософствовать. Если говорить коротко, то ваше предположение верно с точностью до наоборот. Гейткиперы не пытаются провести какой-то свой план. Они сами являются частью схемы, который осуществляет Серебряный Холм. В свое время кто-то использовал некоторые элементы «Внешнего сценария» для обоснования долгосрочной стратегии, ребята, обсуждавшие в Сети какие-то отвлеченные темы, просто подкинули пару неплохих идей. И потом некоторые из них попали на этот большой корабль. Кто случайно, кто отдавая себе отчет в том, что происходит. Мы были теми, кто сделал это сознательно.

— И этот шум, который вы подняли с кампанией по производству игрушек…

— Никто не хотел доводить дело до бузы, Лена. Вы правы, вистовать с одним тузом никто не будет. Нам нужны были более четкие факты для того, чтобы понять, действительно ли кто-то пытается заняться идеологической войной на новом технологическом уровне. Мы хотели спровоцировать команду Милларда, получить еще что-то, кроме программы подготовки проектировщиков. Мы слегка перегнули палку.

30 октября 1999 года. Innercycle

— Рон, Пол, ребята, останьтесь на пару минут.

Миллард остался стоять. Эмч положил папку на стол, оставшись сидеть. Рэнди подождал, пока все остальные покинули комнату.

— Так, теперь о том, что я просил неделю назад. Есть что-нибудь на подъеме? Пол?

— С защитой все в порядке. Это не хакеры.

— Даже принимая во внимание то, что по крайней мере двое имеют отношение к хакерской сцене на Востоке?

— Даже это. Вход-выход, софт, который они пользуют. Ребята не нашли ничего, что хотя бы отдаленно напоминало взлом. Это честные игроки.

— Так, что у тебя?

— Я проверил корни. Физические адреса и все прочее, что можно было достать. Эти двое новичков связаны с Вратником и Маком. Вратник — один из лучших наемников, шесть айконов и безупречная репутация в пяти воинских ремеслах. Мак — мирный странник, но его поиски в основном сконцентрированы на мифе Потерянной Дороги. Он побывал очень далеко. Сейджер и Шершень — старые знакомые этих парней. Все четверо одно время работали на одну из восточных контор.

— Разведка?

— Нет. Они работают по другому профилю. Осведомители, проникающие в религиозные секты нового толка, которые начали работу на Востоке за последние несколько лет. Есть другая информация. После того как Вратник получил пятый знак, мы пригласили его стать одним из членов Братства. Стандартная процедура. Он пошел на встречу. Результаты были несколько обескураживающими. Мало того, что он отказался. На встречу ходили Лара и Стив. Вскоре после этого Лару пришлось перевести в администрацию офиса, она сорвалась на следующей же сессии с учеником. А Стив запорол подряд две операции. Я знаю, о чем он говорил с ними, и я видел запись того, как он это делал. Моя оценка — мы имеем дело с крепким профессионалом, знающим, как использовать последние достижения визуальной психотехники. Он походя выбил из дела двух неплохих работников.

— Я помню этот случай. Твои предположения?

— Мне кажется, эти ребята выполняют чье-то поручение.

— Какого плана?

— Могу только догадываться. Но то, что новички украсили себя тремя айконами за последние две недели, только

подтверждает то, что эти ребята не просто развлекаются по ночам. Я думаю, три знака — далеко не предел для этих двух. Если учесть то, что Вратник уже носит восемь. Но я не думаю, что есть повод для сильного беспокойства.

— Почему?

— Это не первый случай, когда одна из контор интересуется, чем мы занимаемся. Они просто делают отчет и отслеживают обстановку. Я расцениваю их как наблюдателей, которые были, есть и будут. Они никому не мешают и ведут себя в рамках правил.

— И тем не менее будешь курировать их лично. Резкие движения, контакты в пространстве, прогнозирование действий. Наблюдатели обычно не светятся таким образом. Да, и сделай мне внутриофисное мемо по всему, что сможешь достать. И ссылки оставь — я хочу почитать сам.

— Хорошо.

— На сегодня все, ребята.

Ноябрь 1999 года. Киев

Макс сел на пол, поджал под себя ноги и выпрямил спину. Руки расслаблено лежали на коленях. Он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании.

Это была старая практика. Когда-то он не верил в пользу медитации, думая, что это просто помогает расслаблению. Но после совместных песнопений с какими-то очередными американскими проповедниками он понял, что хоры в церквях — это дыхание, которое настраивает разум на определенный ритм.

Это был не просто ритуал, но и практика по достижению определенного состояния, чего многие не осознавали. Он возвращался домой разбитый, сопротивление отнимало силы. В один из вечеров ему стало страшно. Промучившись полночи в бессоннице, он вспомнил о том, чему его учили в до-дзе. Он сосредоточился на дыхании. Он выплевывал развеселый рок-н-ролл вместе с псалмами, вдыхая холодный воздух раннего утра. Позже, посещая собрания, он входил не в тот ритм, который ему навязывали проповедники, но находил свой собственный, что тек вдали от потоков с неясными берегами, трясин, в которых вязли слабые духом.

Он нашел свою дорогу, когда вместе с рассудком научился контролировать и тело, поняв, как вытягивать энергию из рассвета и заката, из цветущих каштанов и шума дождя. Он находил места, где исподволь чувствовал очаги силы. Он понял, что сила вокруг него, ее надо только суметь взять. Подчинить

себе. Не отпускать, пока он не захочет этого.

С тех пор как он стал выходить в пространство Brotherhood, эта практика стала постоянной — час-полтора Макс медитировал перед тем, как войти в сессию.

13 ноября 1999 года. Innercycle

— Он стал аватаром. Девятый айкон. И судя по всему, он не собирается останавливаться.

— Теоретически он идет по краю пропасти. Либо мы имеем дело с незаурядными способностями, которые сбалансированы крепкой психикой, либо идет процесс, который завершится разрушением его как личности. Полным разрушением.

— Я не совсем понимаю ход твоей мысли…

— Он действует в двух мирах. В реальном и в том, который создали мы. В реальности это человек, занимающий не слишком высокое положение в обществе, работник низшего менеджерского звена или торговец в магазине. В нашем мире — он почти бог. Он может создавать драконов и сравнивать с землей горы, его авторитет велик настолько, что с ним вынуждены считаться практически все высшие лица королевств. Его потенциал позволяет ему создать из половины Области образование, равное двум королевствам зоны Городов. Дисбаланс между вымышленным миром и реальностью. Есть люди, которые страдают манией величия, не имея на это никаких реальных причин. Он имеет. Он реализовал практически все возможности, которые мы ему дали. Его место здесь, и он это знает. Он понял это и стал прогрессировать в сверхбыстром темпе. За последний месяц он перешел все возможные рубежи. А там, в жизни, он как был исполнителем, так им и остался. Дисбаланс. Он может выпасть из реальности, которая не признает его как выдающуюся личность.

— Ага. Зачем жить там, где меня не понимают, — лучше я буду жить там, где я бог. Он выпадет из социума, потеряет ориентиры и будет отрицать реальность как порочный мир, проводя все больше времени там, где он признан и почитаем. Синдром потерявшей популярность поп-звезды. Отрицание реальности и полная социальная дезадаптация. Я не хочу думать о том, что случится, если он по каким-то причинам потеряет доступ к Сети.

— М-да… Чем это чревато — долго задумываться не надо. Психиатрическая лечебница на всю оставшуюся жизнь.

— Это если мы имеем дело со вторым случаем.

— Да. Если первое — тогда нужно думать нам. Если он в

состоянии выдержать этот дисбаланс между реальным положением рядового гражданина и виртуальной божественностью… Я еще раз проверю его реальную биографию. Скорее всего он прошел серьезную спецподготовку.

— Ты думаешь, что это второй случай?

— Да, Рэнди. Прогрессирует не только он. Вся их четверка рванула вперед. Мак приближается к седьмому знаку, а новички перешли пятый. Это не случайные люди, они знают, что делают.

— Проверь их контакты. Я хочу знать точно, кто они и что. Профи или группа юных дарований, оказавшихся не в то время и не в том месте.

— Пол полностью подтвердил невозможность взлома?

— Для того чтобы взломать пространство, уже нужно быть гением. Да, и подготовь мне отчет по балансировке сил. Я не знаю, что они собираются делать, но существующая схема баланса Области не рассчитана на действующее лицо, пережившее парадокс девятого уровня.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я думаю, мы должны перестраховаться и попросить помощь. По альфа-каналу.

— Это крайние меры, Рэнди.

— Я действую по инструкции, но мне нужна бумага, чтобы прикрыть задницу. Мне нужен хороший отчет, Пол.

8 сентября 2006 года. Киев

— …Мы слегка перегнули палку. Будучи продвинутыми игроками, мы создали аномалию в одной из областей игрового пространства. Почитайте еще раз о Лабиринте. Мы хотели спровоцировать их на разговор. Разговор начался, но параллельно начался и неконтролируемый бардак в пространстве. А потом подобные аномалии начали создавать и те, кого вы назвали, — ребята из RoIIbrains и Cybermind. Отток основной массы игроков нарушил ход работы Мастеров Зеркал, они просто потеряли большую часть тех, с кем проводили тренинги по своей программе, а косвенным результатом было то, что один из сегментов их Сети стал регулярно вылетать, поскольку технически они не могли поддерживать участок виртуальности с таким количеством действующих лиц. Вначале Миллард хотел, чтобы мы ликвидировали Лабиринт и помогли персоналу навести порядок. Дать кое-какие консультации. В конце концов, он прислал приглашение посетить штаб-квартиру и поработать над этим делом вместе с штатом.

— И что ответили вы?

— Что мы бедные клерки, и у нас нет денег, и что на получение визы для посещения владений Ее Величества нам может понадобиться не один месяц. Тогда он изъявил желание приехать лично.

29 ноября 1999 года. Innercycle

— Все намного проще, Рэнди. Этот Лабиринт — не совсем то, что многие понимают под этим. Никто не строил никаких планов и не занимался размещением ловушек. Принцип такой — эти ловушки и проходы создают те, кто пытается выбраться из Лабиринта.

— Я не совсем понимаю…

— Представь, что есть аморфное тело, форму которого ты можешь менять как захочешь. Ты продвигаешься в этом куске мягкого пластика, используя свои силы и способности. Твой путь внутри этого зависит только от тебя самого.

— Тогда выбраться легко, если все время двигаться прямо.

— Да, но стоит тебе лишь немного свернуть в сторону, и путь исказится. Внутри этой массы, не имея никаких ориентиров, кроме собственной уверенности в выбранном пути, несложно запутаться, если хотя бы раз ты засомневаешься в том, что прав и что хочешь выбраться на свободу. Нужно быть абсолютно уверенным в себе фанатиком. Плюс к тому это аморфное тело может принимать любую форму из распространенных в пространстве. И кроме того, каждый может создать себе более или менее подходящие условия для существования внутри Лабиринта. Если учесть то, что каждый знает, что за пределами этих стен его ждут холода и неизвестность, можно понять, почему мало кто выбрался оттуда.

— Хм-м. Вот оно что. Им не хочется менять относительный комфорт, который к тому же можно создать собственными руками, на свободу среди ветров и сугробов.

— Да, они создали нечто вроде государства в государстве. Плоть Лабиринта намного податливее, чем то, из чего состоит Область Героев. Попадающие сюда получают намного большие возможности для творчества. Многие просто не хотят покидать это место.

— Сколько там уже этих узников?

— Эти четверо организовали пикник для полусотни охотников две недели назад. Две трети остались там. Пятеро пытаются пробиться на свободу, проклиная Вратника и его команду, а Вустер Макларен, единственный, кто выбрался наружу и прошел весь путь от Лабиринта через пустыню, теперь хочет

вернуться обратно. Он уже пожалел о том, что сбежал оттуда.

— Ты хочешь сказать, что формально они не нарушают никаких законов?

— Они приглашают людей погостить у них в замке, потом показывают колодец, который больше похож на Студию 54 в разгар веселья, чем на мрачную темницу, где единственная музыка — звон цепей. Ну и…

— Эти ребята не зря получили свои айконы.

— Они выросли в стране с длинной тюремной историей. Они хорошо знают, какую славу можно приобрести, насильно загоняя людей в концлагеря. Они не собираются ни вести войн, ни переделывать границы. Очень изящный ход, при котором они остаются даже вроде как не у дел — «мы сделали площадку для гольфа и вот вам карточка, кар и набор клюшек». Нельзя придумать лучшей тюрьмы, чем собственные привычки и дурные наклонности. И никто не построит тебе лучшей камеры, чем ты сам. Обменять бесплатный комфорт, созданный без особых усилий своими собственными руками на опасности Области или на жесткие тарифы в красных кварталах Городов… Для этого надо слишком любить свободу.

— О'кей, это все философия. Что мы имеем сейчас?

— По миру уже прошел слух о рае, который можно создать своими собственными руками. Пока его ищут те, кто слоняется по Области. Они стягивают к себе лучшие силы. Но опухоль Лабиринта разрастается. Медленно и пропорционально идущим об этом участке разговорам. Я не знаю, что может произойти, когда Лабиринт доберется до тех пределов, когда его смогут достигнуть рядовые игроки.

— В любом случае единственная проблема, которую я вижу сейчас, — поток игроков, который может пойти из Зоны Городов в Область, если Лабиринт будет продолжать расширение своих границ. Поговори с ребятами из технической службы, возможно, нам надо будет перепрофилировать мощности.

— Что-нибудь еще?

— Я все-таки не понимаю, чего они хотят, Рон… Давай сделаем так: ты соберешь самых смышленых ребят, купим пива, чипсов и попробуем устроить мозговой штурм. Наши аналитики слишком завязли в своих рассуждениях. Мне нужны нестандартные гипотезы, а не попытки поцеловать меня в задницу.

— Безнадежное дело, Рэнди.

— Почему?

— Ты хочешь собрать десяток ребят, которые выросли в тепле и достатке, имея достаточно времени на фантазии и рассуждения

о мировых проблемах, борьбе за экологию и права человека. И хочешь спросить их мнение о том, что они думают по поводу действий парней, которые выросли в условиях постсоветского кризиса. Чем больше я занимаюсь этой четверкой, тем больше понимаю, что они на самом деле. А овцы ничего не расскажут тебе о волках.

— И что ты предлагаешь?

— Перестать болтаться вокруг философии этой проблемы. Они создают в пространстве аномалию, существовать в которой значительно проще, чем во всех остальных местах. Это похоже на попытки дисбаланса игры. Они хотят нарушить равновесие, но про их цели тебе не расскажет никто, кроме них самих. Мы можем либо бороться со следствием, либо просто наблюдать. Предположим, ты понял их логику. Что ты будешь делать дальше? Попытаешься их остановить, сказать им — ребята, не мешайте нам работать? Мы должны предугадать, что будет, если пойдет волна.

— И все-таки я хочу, чтобы ты поговорил с ними. Они действуют слишком слаженно, чтобы это можно было считать баловством тинейджеров. Они прекрасно знают, что делают, и доказали нам, что построенная нами модель пространства неустойчива. Это, Рон, хороший повод подумать над программой тестирования следующей версии. А эти ребята, поверь, лучшие альфа-тестеры из всех, кто может нам помочь в этом деле.

12 декабря 1999 года. Киев

— Где он назначил встречу?

— Я дал телефон одного из автоматов около Золотых Ворот. Он звонит и мы окончательно договариваемся о месте.

— Когда?

— Завтра в полдень.

Ветер разносил снежную крупу по пустынной площади. Редкие прохожие стремились укрыться в переходах, пытаясь, спастись от очередного порыва ветра, от которого слезились глаза. Они семенили короткими перебежками, не обращая особого внимания на четверых парней, стоявших у входа в Трубу.

Шершень бросил сигарету в урну.

— Он что-нибудь присылал после последнего файла?

— Да. Просил подготовить план по ликвидации аномалии так, чтобы это выглядело более или менее цивилизованно. Без стрельбы и шума.

— Ты идешь?

— Да. А вы?

Они опять замолчали. Миша съежился и рассматривал носки своих ботинок, изредка кидая взгляд на прохожих. Шершень начал рыться в карманах в поисках пачки. Саня, никогда не носивший перчаток, грел руки в карманах черного полупальто. Воротники был поднят.

— Я — да. Папа учил всегда доводить дело до конца. Значит, завтра в полдень? — переспросил Шершень, вытаскивая зажигалку.

Макс молча кивнул. Шершень пытался прикурить, но ветер сдувал пламя. Он сунул зажигалку обратно в карман.

— Чего конкретно он хочет? — спросил Саня.

— Нашего участия в каком-то очередном проекте Innercycle.

— Будем писать сценарии для игрушек?

— Нет. Их модель балансировки пространства не учитывала того варианта, который провернули мы. Он хочет привлечь нас как консультантов по новой модели виртуального пространства для Brotherhood V.

— И это все?

— А чего ты хочешь? Чтобы он сказал: ребята, я читал ваше бессмертное творение — весьма впечатлило, и начал воевать с неверными через глобальную компьютерную сеть?

— Да ладно. Он что, обещал какие-то деньги за работу?

— А ты из тех, кто будет работать из чистого альтруизма?

8 сентября 2006 года, 19:25. Киев

— …Тогда он изъявил желание приехать лично. Он пробыл здесь неделю. О связи проекта Innercycle с «Внешним сценарием» тогда ничего не говорилось. Но скорее всего какие-то наработки Макс ему показал, а через месяц после того, как Миллард уехал, нам пришли официальные приглашения. Мы проработали там еще месяц вместе с остальными ребятами, приводя в порядок нами же спровоцированные завалы, но предложение остаться получил только Макс. Он уже был постоянным членом команды, когда они выпустили Brotherhood V. Потом Миллард перебросил его на Холм, где уже началась непосредственная реализация основного проекта. Несмотря на то что мы там наворотили, они успели набрать достаточно людей для второго этапа.

— И все-таки какого проекта?

— Того самого. Желтый, Восточный и Западный сектора. Давайте говорить в открытую, Лена. Европейский центр по развитию и координации информационной политики можно назвать аналогом тех радиостанций, которые когда-то работали против коммунистического Союза. Я тогда в первый класс ходил.

Многое изменилось. Не мне вам рассказывать.

Объединенная Европа решила восстановить попранные позиции. Первая фаза проекта закончена. Холм аккумулировал в себе людей, занятых как технической стороной дела, так и разработкой новой идеологии для мирового сообщества, которую будут вколачивать в неокрепшие мозги не с помощью коротковолновых радиостанций, а в виртуальном пространстве с гораздо большими возможностями и с немалыми шансами на успех. В том пространстве, которое сконструировал Рон и бывшие альфа-тестеры Brotherhood-V, которые и обосновали модели сознания, какие должно сформировать это пространство. Они были среди прочих в числе проектировщиков первого поколения, которых набрала Innercycle, они создали гейткипинг как второй эшелон, который сейчас набирает обороты по реализации отдельных частей программы. В минимуме это будет выглядеть как образование проевропейских политических группировок в Азии, Северной Африке и Штатах со всеми вытекающими отсюда последствиями в экономике, финансах, технологии и культуре.

— А как максимум?

— Новая мировая религия объединительного толка. Третий Завет, который поглотит ислам, буддизм и католицизм. Не исключено, что через двадцать лет наши дети будут молиться божеству, которое поселится в Сети, Елена Владимировна.

Она улыбнулась. Она закрыла глаза и прикрыла их ладонью. Потом поняла безнадежность попытки сдержать смех, отняла ладонь от лица.

— Что смешного я сказал? — Леваков выглядел слегка удивленно.

— Простите. — Она подняла на него глаза. — Это… забавно. Кто-то очень большой и сильный в очередной раз решил попробовать захватить власть над миром? Похоже на тривиальный голливудский боевик. Слишком просто, чтобы быть похожим на правду. Может быть, происходящее является менее глобальным процессом?

— А чего вы ожидали от меня услышать, приехав сюда? Все эти вопросы о гейткиперах, наших биографиях, связях?

— Честно говоря, я и сама не знаю…

— Знаете. — Он опять не дождался продолжения ответа. — Все вы прекрасно знаете. Я не напрашивался на этот разговор. Вы прилетели ко мне и стали задавать вопросы. Это сложная и многоходовая схема — конечно, не все так гладко, как может показаться из моего рассказа. Вы не представляете, сколько деталей и более крупных стадий я пропустил и скольких я еще не знаю. Виртуальность Сети — один из механизмов, быть может,

один из ключевых, но в любом случае один из многих, завязанных в плане. Я всего лишь крохотный элемент схемы, в которой завязаны тысячи людей. Единственное, чем могу похвастаться, — я осознанно выполняю свою функцию и в курсе сверхзадачи, которая стоит перед всей группой. И тут нет никакой таинственности и шпионских игр. В свое время мы имели неосторожность копнуть глубже. Мы сделали то же, что сделали вы, — попытались разобраться в том, что происходит. Не то чтобы мы знали слишком много и над нами висела какая-то угроза. Все намного прозаичнее. Это, в сущности, обычная работа — нам предложили ею заняться, и мы согласились. Быть может, эта работа связана с какими-то особыми обязательствами перед людьми, но такой же покров секретности существует в любой организации или просто общности людей, где крутятся большие деньги и чьи-то амбициозные интересы.

— И как в любой организации, занятой развитием закрытого проекта, в ней есть круг, который следит за чистотой рядов. — Она уже не улыбалась, тон предыдущей фразы был слишком серьезен и сдержан. — И кто же Макс и кто вы в этой игре?

— Вам нужно полное название подразделения или я могу ограничиться описанием только своих функций?

— Расскажите то, о чем считаете нужным.

— Официально — вольнонаемный консультант, услугами которого пользуется Холм. Посылает таких, как вы, которые задают вопросы, и за работу с такими людьми мне потом ваше начальство платит деньги. Фактически я внешний агент подразделения «Анабазис». Проще говоря, вербовщик. Отслеживаю перспективную молодежь, чьи умы готовы к дальнейшей работе, даю положительные или отрицательные заключения, иногда веду прямые переговоры с кандидатами. Иногда месяцами нет ничего, иногда появляется такой случай, как вы, Лена.

— Хотите сказать — тяжелый?

— Один из самых тяжелых. Вас уже давно вели. Я был последней стадией вашей проверки. Список «Анабазиса», который вы получили, был одним из ходов в вашей разработке.

— Следуя логике разговора, вы собираетесь мне что-то предложить?

— Несомненно. Для начала нужно принципиальное согласие. Потом с вами проведут несколько дополнительных бесед и определятся с конкретным профилем работы. Но отсюда вы должны уехать, сказав или «да», или «нет».

— Что будет, если я скажу «нет»?

— А вы не скажете «нет». — Его глаза опять озорно

блеснули. — То, что вы приехали сюда, уже говорит о том, что вы готовы к положительному ответу. Осталось озвучить то, что вы уже давно решили для себя самой. Иначе зачем вы вообще копались во всем этом? Чтобы потом пойти в газету и сказать — ку-ку, ребята, есть интересный материал для передовицы? Вы мало похожи на юную, борющуюся за правду девочку, которая хочет доказать большим дядям, что те делают неправильные вещи. Или просто из чистого любопытства? Вы слишком сообразительны и могли остановиться намного раньше. Вы намеренно шли на это обострение. Вы делаете карьеру.

— И все-таки…

— Ничего особенного. Будете продолжать работать на Холме, а в один прекрасный день вам предложат либо уйти, либо найдут более перспективное место, находящееся далеко от голых ютландских равнин.

— А что делать с тем, что я уже знаю?

— А что вы знаете?

— Все то, что мы регулярно обсуждали здесь на протяжении последней недели.

— Да? Ну и что? Вы хотите сказать, что пойдете в какую-нибудь редакцию, вывалите на стол все материалы, потом это напечатают и пойдет волна, которая накроет все планы? И на кого вы будете ссылаться? На человека, который пару раз консультировал ваших ребят и никогда не был вовлечен в активный проект? Кто поверит этому бреду? Сколько лет уфологи обсуждают возможности существования летающих тарелок и обвиняют правительство США в утайке истины? То, что мы с вами здесь обсуждали, могут проглотить только охотники за дешевыми сенсациями. Подумайте, что лучше — посвятить всю жизнь борьбе за правду, не будучи уверенной в том, что именно это — правда, или принять участие в деле, которое так или иначе полезно всем, кто живет в этой части мира. Это не ядерная бомба, не химическое оружие, это мирный передел собственности, без выстрелов и крови. Возможно, первый за всю историю человечества. Назовите мне причину, по которой вы действительно можете отказаться от этой работы.

— У меня есть время подумать?

— Есть. Но если вы уедете из города, не сказав мне ничего, это будет равносильно отказу.

— Я подумаю.

10 сентября 2006 года. Киев, аэропорт Борисполь

Она сидела в зале ожидания на неудобном деревянном

кресле, когда Леваков вошел в здание аэропорта. Он довольно быстро нашел ее, и они, обменявшись улыбками, прошли в кафе рядом с выходом из зоны паспортного контроля, где толпился ожидающий народ.

— Это вам. — Он вытащил из кармана пиджака компакт и дискету, крест-накрест связанные офисной резинкой.

— Что это?

— Дополнительные материалы, касающиеся интересующей вас темы. Технологии и принципы, на которых Холм собирается строить виртуальность нового поколения. Вы что-нибудь слышали о концепции «слепка реальности»?

— Что-то слышала, но…

— А об Оклендской конференции?

— Об этом точно ничего не знаю.

— Тогда, я думаю, вам будет интересно почитать это.

Она повертела пакет в руках и засунула в сумочку.

— А меня на таможне не остановят?

— С вашим паспортом… — Он улыбнулся. — Да… еще один небольшой презент.

Он извлек из бокового кармана небольшую матрешку и ловко рассыпал все ее части на столе. Матрешки были миниатюрные, самая большая была размером с указательный палец. И ни на одной из них не было рисунка, просто голые деревянные заготовки.

— Знаете, мой отец этими делами увлекается. С тех пор как вышел на пенсию, только и делает, что станки из комнаты в комнату таскает. — Он взял самую маленькую матрешку и поставил перед ней на стол. — Гейткиперы. — Он спрятал дочку в маму побольше. — Серебряный Холм. — Она тоже исчезла в третьей — «бабушке». — «Внешний сценарий» и новый мессия для всех жаждущих.

Остальные части матрешки он собрал молча и поставил на стол перед Леной. Она взяла ее в руку. Тонко зашкуренная деревянная поверхность приятно щекотала кожу. Она подняла голову, и они встретились взглядами.

— Если ты играешь в игру, — произнес Александр, — то это вовсе не значит то, что ты сам не есть фигура на чей-то большой доске. Я думаю, вы и без меня хорошо понимаете это. Вопросы будут всегда. Когда они опять у вас возникнут — не спешите спрашивать об этом тех людей, с которыми вы будете работать. — Он ткнул пальцем в пакет. — Быть может, вы сможете найти ответы на часть из них в этих файлах.

«Чистая мотивация встречается редко. Может быть, только

тогда, когда вы очень хотите есть или пить или находитесь с кем-то очень привлекательным в постели и больше ни о чем другом думать не можете — задействованы физиологические рефлексы, не более. Обычно же наша мотивация — это смесь из инстинктов и того, что может быть определено как «благие намерения». И еще чего-то, для определения чего мы не всегда находим нужные слова. Если человек ищет внеземные цивилизации, то скорее всего он просто одинок или не может найти общий язык с теми, кто его окружает. Вряд ли он действительно хочет найти братьев по разуму, наверное, ему просто не везет в личной жизни. Да, столкнуться с чем-то… Истина откровения, то, что нужно принять или не принять, но нельзя доказать, потому как сомнения и уверенность — это основа, а те логические доказательства, которые нам приходится искать, это в большинстве случаев предназначено для других, для того, чтобы тебя не заподозрили в мракобесии. Поиск истины или абсолюта — это форма. Суть?..

Для него это был шанс. С большой буквы. Шанс. Когда обстоятельства за тебя. Когда ты стоишь на развилке — позади прошлая жизнь, справа и слева — две дороги, два начала нового пути, где ты, возможно, обретешь любовь, счастье, покой, то, о чем так долго мечтал. Всем предоставляется шанс, но не все пользуются им. Иногда боятся того, что может произойти. А зачастую просто не замечают. Сложно сказать, чего именно он хотел. Вы так спрашиваете меня, как будто он мне исповедался. Не знаю. Чужая душа — сами знаете что… Опять же, чистая мотивация. Одиночество, невостребованность, отчужденность, в том числе и от себя самого, фиксация на своих травмах. Одинокий вечер в пустой квартире, холодная ночь, два тоста с сыром и чашка растворимого кофе с утра. День в большой конторе и все по новой… Я иногда пытался понять, что держало нашу четверку вместе. Наверное, это одинаковое ощущение жизни. Гремучая помесь из безосновательного оптимизма, иронии и черной тоски. Недоумение по поводу всего происходящего и бессилие что-либо изменить в этом. И смех, в том числе и над самим собой. Самоирония. Иногда это превращается в напалм и начинает выжигать тебя изнутри. Становится все равно — что ты, кто ты, зачем… Понимаешь, что пройдет еще десять лет, и абсолютно ничего не изменится. Ты так и останешься в одиночестве со всем этим. И тут появляется возможность сделать разворот, выйти на трассу. Что-то действительно изменить в этой жизни. В себе, в окружающих. Понимаешь, что если сейчас ты этого не сделаешь, то все останется так, как было, что больше этого шанса не будет. И всю оставшуюся жизнь ты будешь кусать себе локти, повторяя про себя «вот если бы». Другое дело, если

шанс этот — не манна с неба, но возможность выбора, возможность стать на начало нового пути. Но за это нужно платить. Чем? Не знаю. Вы воспринимаете эту жизнь в черно-белых тонах, без всяких градаций. Выиграл — проиграл. Возможно, он получил то, что хотел, но я бы не стал называть это победой или поражением. Никто не знает, во что станет вам на следующий день сегодняшняя победа.

Он, знал, что хочет этого. Он колебался ровно столько, сколько нужно было, чтобы напечатать письмо в десять строк. Может быть, излишне громко прозвучит, но в принципе он мало что терял. Своей семьи у него не было. Творчество? Пожалуй, все, что он мог сказать, он уже сказал. Все остальное, что он делал после лета девяносто пятого, было повторением основных стержней «Х-фактора». Карьера? Можно было сидеть на эти три сотни еще несколько лет, медленно подниматься по службе, к сорока годам стать начальником отдела. Тоже неплохо. Я думаю, что, если бы не нашелся модификационный фактор, этим бы все и закончилось. Просто подошло место и время… Да, может, речь идет о банальных амбициях, стремлении к власти и славе, пусть в узких профессиональных кругах. Старая история о человеке, сделавшем себя. Да, он точно просчитал схему и не побоялся сделать нужный шаг в нужном направлении. Заурядное тщеславие, помноженное на незаурядные способности. И здесь нет никакой трагедии… Никто и не говорил про трагедию. Никакой патетики. Но вы правы. Амбиции и желание принадлежать к внутреннему кругу тоже были. И инстинкт вожака. Стремление к власти, к разрушению отжившего. Я думаю, что даже он вряд ли мог ответить себе на подобный вопрос с полной откровенностью. Можно назвать это общей неудовлетворенностью, но я бы воздержался от окончательного диагноза. Вы не разложите это на отдельные составляющие, не повредив общей картины. А если и разложите, вряд ли до конца поймете все это. Может быть, есть шанс прочувствовать нечто подобное, если пройти через несколько жестоких парадоксов, которые дарит нам эта жизнь, и не перестать улыбаться после этого…»

МЕДНЫЙ ГВОЗДЬ

Он хотел подремать еще пару часов, но сквозняк из плохо прикрытого окна вытащил его из-под одеяла. Петр присел на кровати, покачал головой, оглядывая комнату мотеля. Рядом на столике лежал кожаный органайзер с документами, деньгами и кредитками, связка ключей и карта от комнаты с большим красивым брелоком в виде бочонка пива. Надев джинсы и черную футболку, Петр босиком протопал в ванную. Одноразовая зубная щетка, пакет с таким же разовым туалетным набором, выглаженное белое полотенце. Он открыл кран с холодной водой.

За окном, в сырых утренних сумерках, северный ветер раскачивал старый сосновый лес.

Вчерашним вечером ветер приволок ливень. Сегодня небо было чисто, но холодные порывы принесли слабый запах гари. В двадцати километрах отсюда горели леса.

На стоянке, кроме его супервана, были припаркованы два спортивных Mitsubishi. Молодая пара голландцев приехала в этот придорожный кемп на несколько минут позже него. Пока старик-хозяин в зеленом комбинезоне прокатывал платиновый Master-Card и записывал его в гостиничный лист, они целовались чуть поодаль, держа в руках раскрашенные граффити шлемы. Петр подошел к своему «ирокезу» и оглядел борт. Вчера он думал срезать полкилометра и выехал на не обозначенную нигде грунтовку. Борт был заляпан грязью до дверной ручки. Тумбообразный дроид-механик сиротливо стоял у закрытой двери в гараж. Порыв ветра полоснул по лицу придорожной пылью. Петр провел пальцем по грязному борту и открыл дверь.

Ключ от комнаты с брелоком в виде пивного бочонка он оставил висеть на стальном замке стоянки.

Трехосный «ирокез» покатил в сторону выезда на трассу.

— Восемь один, повторяю, восемь один… Девятый корд здесь… Восемь один, восемь один… Ответьте… — Восемь один здесь, Марк, ты уже не спишь? — Я еще не сплю. Петя, в офисе сказали, что ты выкатываешься. — Correcto mundo, ка-девять… — Тогда когда ты снимешь свой рефлект из вахтового реестра? — Я думал, ты еще спишь, ка-девять. В соответствии с процедурой, в полдень… — Lucky fucker… — Стив, это ты? — Четыре три… Не есть хорошо, Петр, вахта заканчивается, ящик пива не ставить,

водка не ставить… — Сорок третий, что у тебя с переводчиком? — Я сам переводчик… — Ты сам не переводчик, ты дятел. Включи переводчик… — Ка-девять, Марк, что это было? — Ребята, хватит трепаться в эфире. Петр, я вычеркиваю тебя сейчас, у меня перегон был ночной, я поспать хочу… — Добро, Марк… — Нет, не добро… — Четыре три, чего тебе надо? — Carlsberg ему нужен, десять один здесь… — О-о-о… нашего полку прибыло. — Восемь один, давай координаты. — Десять один, это ты, Леша, ты сейчас где? — Посмотри на монитор, восемь один, дистанция двадцать, иду параллельно. — Где планируешь быть вечером? — Ка-девять здесь, Петя, мы договорились. Ка-девять, конец связи… — Алексей, я хотел бы… — Eight one is here. Who gives a shit what you wanted?..

Одиноко торчавшие дорожные знаки были похожи на пугала посреди незасеянного поля. Месяца через два-три здесь будет жарче, к побережью потянутся семейные трейлеры, серферы, туристические автобусы. Пока же двухполосная трасса была пустынна.

На девушке был длинный кожаный плащ, черный пуловер, темно-синие джинсы и сапоги на широких каблуках. «Копыта», ретро опять входит в моду. Обычного в этих случаях плаката в руках, на котором толстым фломастером небрежно писали следующую станцию назначения, не было. Девушка просто стояла на обочине, вытянув правую руку.

Когда Петр притормаживал, он думал, что берет на борт студентку лет двадцати двух — двадцати трех. Когда она села машину, стало ясно, что ей еще нет двадцати. Агрессивный кожаный прикид и большая дорожная сумка с одной лямкой прибавляли ей лет пять-шесть. Рыжие волосы, темно-бордовые губы, очень бледное лицо, не подведенные голубые глаза. Уши были густо увешаны стальными кольцами, но этот плотный пирсинг был еще и маскировкой — по крайней мере три из более чем десятка колец были выходами имплантированных в мозг нейроадаптеров. Пока девушка взбиралась на кожаное сиденье, Петр отключил Motorol'у.

— Фленсбург?

Он молча кивнул.

Девушка вытащила из кармана скомканную купюру в пятьдесят евро и кинула на бардачок. Не спрашивая разрешения, сняла плащ и бросила на заднее сиденье. Затем, порывшись в необъятных размеров мешке, извлекла отделанный по бокам темно-зеленым нефритом лэптоп. Почти антиквариат. Одна из первых моделей Гуччи, символ вторжения высокой моды в сферу

компьютерного дизайна. Эта форма меняла кремниевое содержание раз шесть, не меньше, но ее стоимость со временем только увеличивалась. Новые «камни» и новые «мозги» все в той же элегантной упаковке.

У нее были «стекла» «Премиум-IV». Она вытащила их из небольшого черного кожаного футляра вместе с тонкими шнурами тродов. Чилийская медь в шелковой обертке, покрытой тонкой вышивкой. Последний писк моды — для тех, кто сутками не вылезает из рефлектов кафе в кластерах Шельфа. Четыре сотни, не меньше. Троды нашли свое место в разъемах среди колец на ушах, она резко откинулась на сиденье. Экран компьютера не погас, исчез только звук, а ее отрывистые реплики звучали слишком резко. Это была какая-то жуткая смесь немецкого и английского технического жаргона. Она говорила громко и, когда переходила на русский, казалось, командовала кем-то по ту сторону монитора. Петр сделал музыку громче.

Минут через десять она стянула с глаз «стекла» и погасила экран.

Петр обернулся и спросил:

— Как тебя зовут?

— Анна.

— А меня Петр. К кому едешь, Анна?

Девушка смотрела в окно. Кажется, вопросы интересовали ее не больше, чем номер промчавшегося мимо белого «крюкаба». Со знакомством не получалось. Петр выдержал паузу, после чего деликатно кашлянул. Ноль внимания. «Н-да…» Он щелкнул переключателем и крепче ухватился за руль.

Из динамика вибрировали цеппы.

Она вытащила трод из уха и повернулась в его сторону:

— Извини, ты что-то спросил?

— Ты едешь во Фленсбург, город небольшой, но заблудиться можно. Я мог бы подбросить…

— Пока не знаю, может быть. — Она продолжала о чем-то думать. — Что играет?

— Led Zeppelin.

— Что это такое?

— Белый блюз, начало семидесятых.

— Старье какое. Никогда раньше их не слушала.

Не отрывая взгляд от дороги, Петр наклонил голову. Он хотел что-то сказать, но ее лэптоп снова запищал.

На экране появилась физиономия парня в очках, который громко поприветствовал ее на русском. Девушка помахала ему рукой и сделала какой-то знак, понятный им обойм. Парень кивнул в ответ, и они, не отключая видеорежима, перешли в чат.

Петр бросил взгляд на монитор. Беспорядочная шевелюра, глубоко посаженные карие глаза, двухдневная щетина на подбородке… У него была хорошая память на лица, и это лицо он узнал сразу.

Паром отчаливал, заворачивая по длинной дуге в сторону востока. Многоэтажная стальная конструкция оставляла за собой след взбаламученной воды, сотни мелких водоворотов и белую пену.

— У меня есть для вас работа, Питер.

Петра забавляла эта привычка Брахмана. Датчанин неплохо говорил по-русски. Настолько неплохо, что его акцент казался скорее особенностью личного произношения. Но подчеркнутое произнесение славянских имен на западный лад ставило все на свои места. И это вечное «вы», даже с теми, кого он знал не один год.

Они стояли на корме парома, потягивая баночный Tyborg. На Брахмане было дорогое алеминовое пальто, последний писк деловой европейской моды, и темно-красный шарф. Бриз сдувал с него запах Shico, запах, по которому в офисных джунглях Гамбурга и Франкфурта суетливые подчиненные искали топ-менеджеров. Через пару часов старый лис сменит обличье. А пока он выглядел как жрец, вернувшийся с богослужения с тарелкой, полной пожертвований.

Солнце шло к закату. Петр не спрашивал Брахмана о деле. Хайкорд обычно размякал после четвертой банки, торопить его не стоило. Он не любил спешки. Всему свое время.

Чуть позже они спустились на грузовую палубу.

Брахман открыл бардачок своего супервана и вынул три диска в одинаковых пластиковых коробках.

— Личные данные. Внешность. Психологический портрет, карта эволюции сознания, биография, семейный фотоальбом, любимые места в родном городе, история болезни, отзывы друзей, учителей и родителей и так далее. — Он взял следующий диск. — Электрическая история. Апартаменты в Сайберглобе, любимые кластеры Шельфа и Области, личный рефлект, архив переписки. Дневник. Бот-гид в Сайберглобе. Разработки для Fiakom Inc, Jutell, Hauro Corp. Несколько статей в специализированных изданиях. — Он отложил второй диск в сторону. — Дайс. Питер, вы работали с плотностью больше пятисот плоскостей?

— Да.

— Сколько внутренних двигателей?

— До тридцати.

— Хорошо. Если будут проблемы со слепком, свяжитесь с Николавским. Работа должна быть сделана через месяц.

— Не слишком много времени.

— Питер, ее нужно сделать. Это срочная работа.

Петр вскрыл конверт и вытащил несколько фотографий. Беспорядочная шевелюра, глубоко посаженные карие глаза, двухдневная щетина на подбородке.

На горизонте замаячил автоматический заправочный комплекс и нечто, напоминающее кафе. В животе заурчало — он уехал из кемпа, не позавтракав.

— Ты не хочешь перекусить?

— М-м-м… — Она жевала шоколад, не отрываясь от компьютера. — Если будут пироги с яблоками — возьми пару.

— Добро.

Он захлопнул дверь и нажал кнопку на брелоке, включавшем блокиратор двигателя.

Сервисный болван-заправщик подкатил к «ирокезу». Петр прокатал кредитку по верхней панели, дал команду на полный бак.

В кафе было пусто, девушка у стойки смотрела утренние новости CNN.

— Два бургера, большая картошка, стакан спрайта и кофе без сахара.

Официантка, улыбнувшись, пошла выполнять заказ. Петр сел за столик. Переливы звонка мобильного телефона оторвали его от изучения пейзажа за окном.

— Петя?

— Привет, Вацлав.

— Петя, это ты или кто-то шалит с рефлектом твоего «ирокеза»?

— О чем ты?

— Что она делает в твоей машине?

— Рыжее каре, гайки в ушах, русский со слабым американским акцентом. Так это она, я не ошибся?

— Петя, кончай шутить, что она делает в твоей машине?

— Ей нужно во Фленсбург.

— Ты что, опять вошел в игру?

— Нет, она тормознула меня на трассе.

— Не понял, вы что, договорились о встрече?

— Нет, она стояла на обочине и махала рукой, откуда я знал, кто она такая?

— Ты хочешь сказать, что просто случайно подцепил ее на трассе?

— Так и есть.

— Матка бозка…

— А что, возникла проблема?

— Она опять выбралась из-под колпака.

— Она делает это каждый месяц.

— Через полмесяца ей будет восемнадцать. Где она шлялась всю последнюю неделю, пока непонятно. В кластерах Карелина творится черт знает что. И тут она выходит на связь из твоей машины. Я думал, преторы что-то переиграли без меня. Так ты говоришь, это случайность?

— Да. Весело, правда?

— Пока наши орнитологи не вычислят ее маршрут, мне весело не будет.

— В чем дело?

— Я уже сказал — через две недели ей исполняется восемнадцать. Сам понимаешь… Фленсбург?

— Это три часа чистого времени. Я думаю, ей не исполнится восемнадцать за это время.

Официантка принесла завтрак.

— Петя, на всякий случай — держи микрофон в ухе. Птичку контролируют Фидлер и Крюг. Ребята будут время от времени выходить на связь, так что не дергайся.

— Лады, Вацлав.

— Слушай, а чего ты вообще взял ее на борт? Hombat'y это не понравится.

— Я схожу с Магистрали.

— Oh, lucky you…

— И потом я не понимаю, чего ты волнуешься.

— Ну, возможны любые последствия…

— Да? После всего того, что мы сделали, по-моему, уже мало чего возможно.

— Ты всегда был оптимистом…

— Не всегда и не оптимистом.

— Ладно. Но если что…

— Если что, то отвечать буду я. Вопрос снят?

— Хорошо. — Голос Вацлава прозвучал слегка утомленно. — Пятый претор, конец связи.

Петр добил завтрак и вышел из кафетерия. Его попутчица по-прежнему была углублена в общение с кем-то по ту сторону активной матрицы.

— Клерк, это Фидлер. Heaven Control Group. Подробного брифинга не будет, но кое-что тебе знать следует. Последние шесть месяцев мисс Мортон очень активно общалась с хакерским

кланом [Module9]. Практически сразу же после того, как она исчезла из поля зрения, начались атаки на кластеры Karelin & Son в Европе. Коммуникационные отделы, полное отключение. Работа чистая и быстрая. Сейчас мы контролируем ее исходящие. Она по-прежнему считает главной целью Карелина-младшего. Но все равно поводов расслабляться пока еще нет. От юной мисс можно ждать любых осложнений.

Она лгала. Ее звали не Анна. Ее звали Эрика Мортон. Дочь Владимира Карелина и Кристины Мортон, американки шведского происхождения. Русский лесоторговец был из тех, кто сделал себе состояние в начале девяностых и сумел пробиться в высшую лигу мирового бизнеса. К моменту встречи с Кристиной он, уже гражданин Соединенных Штатов, владел приличным состоянием, бизнес его шел в гору. Брак по любви подарил ему трех дочерей: Энджел, Маргарет и Эрику. Девочки были очень разные. Не останавливающаяся ни на минуту Эрика и углубленная в себя Маргарет часто ссорились, пока были маленькие. Но когда появлялась старшая, Энджел, в детской воцарялся мир — она со всеми умела находить общий язык. Врожденная коммуникабельность плюс доброжелательность делали ее почти миротворцем.

Работать Энджел начала рано. Карелин-старший, купивший диплом уже после того, как заработал первый миллион, считал пять лет на стационаре «глупством и дуракаваляниem» и приветствовал совмещение образования и «настоящего дела». Карьера ее развивалась более чем успешно. За полтора года она проскочила несколько степеней в иерархии одной из отцовских фирм и заняла одну из ключевых позиций в отделе контрактов. В ее ведении были договора с юго-восточными партнерами, где такт и умение вести себя подобающим образом играли едва ли не главную роль. Она умела «улаживать дела». Еще Энджел неплохо рисовала акварелью, каталась на горных лыжах и вела активную переписку с тремя десятками друзей по всему миру, причем с большинством из них она познакомилась во время рейдов по «разговорным» кластерам Си-Джея.

Она погибла, когда Эрике было пятнадцать. На трассе Марсель — Париж случилась одна из крупнейших в том году автомобильных катастроф. Рейсовый пассажирский автобус столкнулся с дальнобойным траком, шедшим по встречной полосе. В течение двадцати минут мчавшиеся за ними машины, сминая капоты и багажники друг друга, сжимались в гармошку из железа и пластика. Ее спортивный «мерседес» был одним из первых в этой мясорубке.

Для Эрики это было концом детства.

Петр читал ее досье. От отца девушка унаследовала аналитический ум, темперамент и склонность к авантюрам. От матери — упорство в достижении целей и длинные светлые волосы. После смерти сестры Эрика в первый раз сбежала в Стокгольм, где сделала короткое каре и выкрасила волосы в темно-красный цвет. Впрочем, сбегала она не для того, чтобы найти салон подороже. В одном из личных сейфов особняка в Седермальме Энджел Мортон хранила свой генетический материал. Особняк принадлежал их матери, но только Эрика знала, в каком тайнике сестра спрятала образцы своей крови и тканей.

Ее нашли и вернули домой. Семейный совет был долгим и шумным. Вопрос о восстановлении Энджел не обсуждался. Православные, как и протестанты, не одобряли подобные операции. Поэтому ни отец, ни мать не поддержали предложения Эрики об использовании генетического материала. Тема была закрыта. Эрику отправили в долгий круиз по Средиземноморью. Ее потеряли в Марселе и опять нашли на выезде из аэропорта Руасси. Но побеги из-под домашнего ареста продолжались.

— Кое-кто интересуется, что было в сейфах стокгольмского особняка. Кто-то всерьез беспокоится о том, что существует генетический материал Энджел. Восстановление биологической основы, потом — личности, затем — юридических прав… Это может привести к неожиданному обороту дел. По европейскому законодательству клон может быть восстановлен в правах, если хотя бы один из родителей признает в клоне личность. По американскому — если это сделают двое близких родственников. Она может сделать это и в Европе, и в Штатах. Карелин…

— Так этот «кто-то» не сам Карелин?

— Это другой Карелин. Василий, сын от первого брака. Старику все равно, он не придает большого значения всем этим играм с генетикой и бустерскими технологиями. Отношения сестер и Василия никогда не были особенно теплыми. С Энджел он соперничал, Эрику за глаза называет придурковатой соплячкой. Возврат Энджел с того света приведет к войне. Шестьсот миллионов долларов, которые старик предназначил Энджел в завещании, — это не просто цифра. Это пять процентов акций Iridium-II, нескольких монокристаллических заводов на Западном побережье и лесопилок на Енисее. Стоимость всего этого, в особенности если речь идет о стволах Iridium'a, может возрасти в ближайшие несколько лет на десять — пятнадцать процентов.

— Старик может перекроить завещание?

— Неизвестно. Василий подстраховывается. К шатаниям Эрики по хакерским кафе он относится настороженно. Ему известно, что она пытается установить связи с ребятами с хакс-сцены и тусуется с уличными кланами, учится работать с соответствующим ПО. Когда ей исполнится восемнадцать, она получит право на инициацию восстановления. Кто знает, может, у нее хватит денег и на то, чтобы восстановить психическую структуру клона.

— Понятно. И основная цель протокола?

— По данным Карелина-младшего, существуют три компактных контейнера, в которых хранится материал. Ему нужно узнать, где они находятся. Проблема в том, что Эрика научилась стряхивать с себя любых «жуков». Юная леди постоянно меняет места дислокации контейнеров, уходит от охраны, приставленной отцом, от сыщиков Василия, от спутникового слежения. Мисс Мортон практически не общается со старым кругом знакомых, все ее новые приятели — это студенты, ребята с окраин. Никто из них не станет стучать на нее. Нужен тот, кто сможет, пусть и с задержкой, информировать основную группу о ее местоположении.

— Василий что, не хочет купить весь пакет услуг?

— Мы уговорили его только на то, чтобы слежка велась с наших спутников. Наземную часть берет на себя его отдел. За вами — тот, кто будет нашим «маяком» в деле поисков сбежавшей мисс Мортон.

— Что получает клан?

— Карелин заключил сделку с преторами консорциума, но клан будет иметь сорок процентов от гонорара. Выплаты идут за каждый обнаруженный контейнер с материалом. По десять миллионов за каждый термос.

— Почему бы ей не спрятать контейнеры в Лозанне?

— В Лозанне не дают ящик и ключ от него, если тебе меньше восемнадцати. Как и во всех других подобных местах. Вы что, забыли об этом, Питер? Я думаю, Василий опасается такого варианта больше всего. Если какой-то из термосов исчезнет в швейцарских сейфах, ему не помогут никакие деньги. В нашем распоряжении чуть больше года.

— А что с Маргарет?

— Она боится Василия. Вначале поддерживала всю эту затею с регенерацией, но потом имела не очень приятный разговор со сводным братом. Сейчас Маргарет учится в колледже в Беркли и приезжает в Европу на каникулы и семейные праздники. Она без восторга воспринимает новую компанию Эрики. Последние

полгода они практически прекратили контакты. Можно сказать, что Маргарет, так же как и родители, в этой игре не участвует…

Паром подходил к пристани.

— Я думаю, вам стоит вернуться в свой автомобиль, Питер. Договорим на берегу.

Рядом с суперваном Петра гудели дизелями несколько дальнобойных траков с чешскими номерами. На светофоре зажегся зеленый. Ворота парома заскрипели, из стального чрева начали выезжать десятки легковых автомобилей, грузовики, автобусы и темно-зеленые вагоны нескольких ночных поездов.

— Это Фидлер. Есть новости. Парни из [Module9] будут прессовать Карелина вирусами до самого дня ее рождения. «Быки» надавили на Лемура. Судя по тому, что он рассказал, следующие две недели она будет двигаться на юг, а парни — методично отсекать связь. Во Фленсбурге ее ждут. Кто — мы пока не знаем. Есть информация о том, что мисс Мортон собирается сделать цифровую копию ДНК. Дементьев сказал, что кто-то открыл ей крупный кредит, который может покрыть расходы на три гига очень плотного слепка. Аналитики сейчас просчитывают возможные варианты. Как только что-то будет, я позвоню.

Они стояли на берегу, перед той развилкой, где главная трасса уходила в сторону от фьорда.

— Юная леди хочет познакомиться с крутым парнем? Так надо дать ей то, чего она хочет. — Брахман взял в руку пригоршню мелкой гальки. — Мотающийся по трассе волк-одиночка, сплевывающий сквозь зубы при разговоре с клиентом. Каждый день уходит от погони — то от техников Холма, то от конкурентов. Живет в дешевых мотелях, трахает официанток, дерется с дальнобойщиками. Пользователь альтернативной Сети. Маргинал, живущий по ту сторону реальности. Вся та чушь, которую тиражирует сейчас Голливуд и желтые газеты. Конечно, не настолько примитивная.

— Цель всего этого?

— Подцель, а возможно, и ключ к решению главной задачи — убрать ее с улицы. Эрика одержима идеей возвратить Энджел с того света. Поэтому она ищет выходы на серьезных людей, как на хакерской, так и на нашей сцене. Кое-какие успехи у нее уже есть. Но девочке ее круга совсем не обязательно знать исходники Decad'ы или тонкости в обращении с железяками. Ее надо вернуть в дорогие клубы. Юная леди снова начнет носить хорошую одежду, общаться с подобными себе. И больше не будет изучать руководства пользователя по MindScape. Для этого нам нужен

наездник с Магистрали, почти ее ровесник, который расскажет ей о всех прелестях жизни на дороге.

— Понятно. Права на использование памяти утрясены?

— Да.

— С кем?

— С родными.

— Почему?

— Господин Сергей уже два года, как покоится с миром. Слишком много пива «Балтика № 7» и слишком неосторожное катание на лодке. Из пятерых, катавшихся в тот день по озеру в парке города Павловска, двое утонули. Это действительно очень грустная история.

— Почему мертвец, Нильс?

— Перестраховка. Если ей придет в голову просветить рефлект, то лучше, если она найдет реальную память, а не что-нибудь, что обычно делают кукольники.

— Реал заканчивается на цифре двадцать два. По легенде ему двадцать пять. Где я возьму еще три года?

— Снимете с себя. Немного фантазии, немного ножниц. Я не думаю, что она сможет разглядеть шов, если его сделаете вы.

До этого Петр работал с подобными делами два раза. Оба заказа были слиты Тумосу и, как он понял позже, были пробными работами. Оба раза это были старые люди, далеко за семьдесят, скромные обыватели, жившие тихо и так же тихо умершие. Раньше в гостиных и спальнях оставались портреты умерших близких и фотоальбомы. Теперь родственники заказывали разговаривающие копии тех, кто отошел в мир иной. Запустив компьютер и подключившись к кластеру того же Тумоса, можно было понаблюдать за жизнью того, кто ушел, но по-прежнему был дорог.

В кемпе на обочине трассы Е-81 Петр провел несколько дней, вспоминая ошибки и удачи десятилетней давности. Сергея Дементьева уже не было. Его жизнь в реале закончилась на цифре двадцать два. То, что могло случиться дальше, так и не случилось, это был чистый лист бумаги, на котором можно было написать все что угодно: первый оглушительный успех, первую крупную неудачу, первую настоящую любовь. Или размеренную обыденность жизни в кредит.

Ужиная крепким кофе и покидая «ирокез» только для того, чтобы сбегать в ближайший супермаркет за пиццей, он заполнял пробел, возникший после той трагедии в Павловске. Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре. Двадцать пять. В этом возрасте неплохо начинать. «Чем дальше, сынок, тем больше жизнь становится похожей на железную дорогу». Так говорил его

отец, всю жизнь работавший начальником небольшого подразделения в большой компании. Двадцать лет безупречной службы. Его связей хватило для того, чтобы после университета пристроить сына в свою компанию.

Кейс. Галстук. Бизнес-ленч за счет конторы. Стандартный соцпакет для младшего персонала. Официальные вечеринки. Воздушные шарики с фирменным логотипом. Движение по эскалатору, который медленно, но верно вез наверх лучших представителей среднего класса. Он быстро сумел стать своим в офисе, помогли отцовские советы и собственная коммуникабельность. Ворчание «старослужащих» по поводу низких зарплат и «непроходимой тупости» начальства он поначалу воспринимал как болтовню неудачников, но постепенно стал принимать все более активное участие в этом перемывании начальственных костей.

Однажды вечером, выбравшись из холодной свежести офиса на теплый летний асфальт, ему стало невыносимо противно. Оттого, что опустился до банальных склок, которые никуда не исчезнут, даже если когда-нибудь он переберется в отдельный кабинет. Оттого, что с каждым днем он все меньше понимал, что делает в этом многоэтажном лабиринте.

После работы Петр стал наведываться в ближайшую «стекляшку». Две большие кружки светлой «Оболони» приводили его в состояние благодушного отупения, по утрам отзывавшегося кислым привкусом во рту.

В руке Степанова, начальника отдела логистики их фирмы, была кружка той же светлой «Оболони». «Это сожрет тебя изнутри, парень», — сказал он тогда без всякого вступления, и Петр вначале не понял, к кому обращены эти слова. «Это сожрет тебя». Степанов не был пьян. Честно отработавший свой рабочий день «костюм» начал расслабляться в выходные. «Я не совсем понимаю?..» — «Тебе не нужна карьера, парень. Ты рвешь свою задницу надвое не для того, чтобы сидеть в отдельном кабинете». — «Все остальные хотят этого». — «Им нужна скорлупа; дело, которое они делают, приносит им деньги и видимость успеха… тебе нужно другое. Ты хочешь быть профи, чтобы другие говорили о тебе: да, этот парень многого стоит. Для тебя это успех». — «И это жрет меня?» — «Нет. Тебя жрет бессилие. Ты хочешь покататься на ударной волне, а сам плетешься в фарватере за ледоколом, и шансов выйти в авангард у тебя почти нет». — «Откуда вы знаете?» — «Поверь, я видел достаточно амбициозных сопляков. Хороших и разных. Тебе надо быть впереди, на капитанском мостике… ветер в лицо, крики чаек, на всех парусах к… Короче, вся эта романтическая чушь.

Твои амбиции можно удовлетворить гораздо быстрее и без потери достоинства». — «Как?» Степанов заглотнул пива, вытащил толстый деловой блокнот. «Менять систему. Не бойся, это не страшно. У такого, как ты, все еще впереди. — Твердым почерком он вывел мыльный адрес. — Пошлешь сообщение. Сошлешься на меня. — Потом засмеялся: — Как звать-то меня, помнишь? — и достал визитку. — Впрочем, если хочешь — заходи в «Орки». Ребята сегодня рулят».

В «Орках» в тот вечер сорокалетние «ребята» из квакерского клана [CLS], известные также как «Клерки», играли четыре на четыре с такими же стариками из [KPD]. Два раза в месяц управленцы среднего звена ослабляли узлы стильных ошейников, закатывали рукава рубашек в крупную клетку и рубились в «Кваку», забывая о тяжести принятых за неделю решений. Именно там Петр познакомился с Белодедом, Hombat'ом, гейткипером из [JPG]. На вторник ему назначили первое собеседование.

У него было еще пять собеседований и два «глубоких» теста. Слухи об оригинальной корпоративной культуре GK наполовину оказались правдой. В конце тестирования ему предложили на выбор ряд специальностей и обрисовали возможные перспективы роста.

Полгода Петр занимался «классическим» гейткипингом. Ему дали двух ботов-фильтров, которые цедили в Сети информацию для полутора десятков клиентов, а Петр контролировал работу и связывался с заказчиками по мере надобности. Попутно он проходил тренинговый класс, который вел Hombat. Тренинги проводились еще с двумя новичками, и вначале Петр воспринимал это как обычный «курс молодого бойца», целью которого было, как обычно, впарить вновь прибывшему основные лозунги фирмы. Позже он понял, что это была первая стадия прокачки, вспахивание земли и засевание поля. Его готовили к работе по основному профилю.

Петр стал кукольником, разработчиком систем искусственного интеллекта. Средний и высший уровень сложности, полная цепочка — от прописки протокола, фильтрующих и синтезирующих модулей, «характера», до внешнего вида. Начинал он с ботов-тренажеров для квакерской арены и за три года сумел добраться до уровня в двести римановских пунктов.

«Кукольник, говоришь». С тех пор как Петр уволился из конторы, они сталкивались со Степановым в «Орках». В отличие от всех остальных подобных клубов города здесь была неплохая кухня за относительно сносную цену. Были и весьма

оригинальные фирменные блюда типа «Беф-Строгоссов», мороженое «Кокосовый демон» или коктейль «Imp's Swamp». Также большой популярностью пользовались вилки в виде логотипа третьего «Квака», которые некоторые посетители, по большей части мальчишки, пытались безвозмездно взять на память. Пока Петр рассказывал об изменениях, происшедших в его жизни, Степанов наматывал на логотип длинные тонкие макароны. Они плавали в глубокой тарелке, наполненной темно-красным соусом, и кажется, это было тоже что-то фирменное. После того как все макаронины были успешно выловлены из тарелки, Степанов принялся за мясо. «Кукольники. Наследники раввина Леви». — «Кого?» — «Жил такой еврей в Праге. Старая история». Снабженец много чего знал, но в отличие от «бывалых» болтунов никогда не скрывал своего невежества, если был не в курсе. О кукольниках он знал очень много и, более того, время от времени делал проекты под заказ. Логотип насквозь проткнул кусок рубленой говядины. «По большому гамбургскому счету в этой работе нет ничего нового. Это то же самое, чем занимались писатели, художники, артисты и тому подобная братия. Как раньше говорили? «Создать характер» — вот как раньше говорили. Сейчас говорят «сваять протокол». Писатель работал со знаком на плоской поверхности, художник с маслом и холстом, артист делал характер из себя. Ты собираешься делать искусственный интеллект. У тебя есть тачка последней модели, соответствующий софт. Различия чисто технологические. Но суть от этого не поменялась… Ты понимаешь о чем я?..»

Петр пересказал эту историю, заменив некоторые второстепенные детали вроде фамилии главного героя и города, в котором происходило дело. Он отладил альфа-версию и отправил ее нескольким тестерам, которые обычно прогоняли продукт на предмет глюкавости. Ответы были, как всегда, ободряюще положительными, и только от Степанова пришла очень короткая и убийственная мессага. «Плохо».

Старый логистик завалился в «ирокез» на исходе ночи, ранним утром. Не завтракая и не спрашивая, как дела, он с ходу открыл свой командировочный кейс, из которого появилась куча старых компактов. «Она не клюнет на это, ты понял. Она не заглотнет то, что ты и Брахман собираетесь ей предложить. Динамика характера не та, не тот двигатель». Суть дела он изложил минут за двадцать, а после они двое суток правили схему.

«Вся эта братия, писатели, артисты, о которой я рассказывал когда-то давно и которая до сих пор считает себя авангардом впереди стада баранов… Большинство тех образов, которых

наплодили эти чудаки, — уроды. Больные и поломанные жизнью люди. А знаешь, в чем проблема? Они думают, что движение идет только от конфликта. Конфликта с теми, кто тебя окружает, или от той трещины, которая есть внутри. Динамика их образа жизни, их героев идет в направлении от травмы или к травме. В сущности, они выносили на свет свои болезни. У тебя, Петро, та же самая динамика. Конфликт, трещина. Она сильная девочка, но она больна. И что ты ей предлагаешь? Вся эта наносная бравада, под которой ныкается молодой амбициозный сноб, с неизжитым комплексом гадкого утенка и частыми приступами карьеризма. Ей не нужен сосед по палате, ей нужен доктор. Точка отсчета, динамика должна быть в другом, не в конфликте». — «В чем?» — «Ну ты же умный парень, ты знаешь ответ. Сильные чувства, впечатления, большие события, любовь, успех. Длинный список… Ладно, не буду тебя мучить, мне нужна биография ее сестры…»

Первичный массив данных по Карелиным степановские боты-аналитики обрабатывали часа три. Сам логистик молча топтал клаву, игнорируя голосовой интерфейс управления.

Он набивал длинные команды в консоли и постоянно требовал зеленый чай.

«Ты знаешь, чего она хочет?» — «Воскресить мертвеца». — «Правильно, а почему она этого хочет?» — «Потому что она любила свою сестру». — «Слишком общий ответ. Конкретизируй». — «Не знаю». — «Потеря, сестра унесла с собой что-то, что было нужно Эрике. Что? Ты знаешь?» — «Нет». — «Смотри. Вот этот пик. Энджел оканчивает колледж, потом полгода в отделе маркетинга, ничего особенного, рутина, факсы со стола на стол носить. Полный застой. В июле она просит о переводе и переходит в отдел контрактов того же подразделения и тут начинает скакать через позиции. За год она добирается до второго зама». — «Папа подтолкнул». — «Старик? Никогда. Этот веревки из Василия вил, пока тот стал тем, кем он стал. Версия не проходит. Что еще?» — «Федор Иванович, не мучь…» — «Момент истины. От этого люди бросают все и уходят в монастыри, меняют образ жизни, полностью перекрашивают мотивировки. Священники называют это касанием Господа, художники — полетом творческой мысли, вдохновением… Все становится ясно и понятно, нет ничего лишнего, ясно, что будет дальше, в следующие несколько часов, дней, лет. Она поняла, где ее место в этой жизни. Такие люди иногда меняются внешне…» — «Какое это имеет отношение к Эрике?» — «Малая буйная, с самого детства. Вся в отца. Она почувствовала эту перемену, эту уверенность Энджел, не понимала, откуда это идет, но хотела быть такой же. Тут не простое желание вернуть плоть к жизни,

чтобы потом мило общаться за чашкой кофе. Эрика хочет знать, откуда в ее милой сестре появился этот стержень, это спокойствие и уверенность в себе». — «И что мне делать?» — «Дементьев должен быть таким же. Уже нашедшим себя. Пережившим момент истины. Это должно быть точкой отсчета в его характере, а не желание удовлетворить свои болезненные амбиции. Тогда у вас есть шанс, что он станет не просто хорошим знакомым». — «А если она не почувствует, не поверит?» — «Почувствует и поверит. Главное — нужно создать образ, обрисовать контур события. Это похоже на взрыв, удар молнии, прорыв плотины. В тебе копится память об этой жизни, тексты, символы, образы. Потом… одна деталь, и все становится на свои места. В одно мгновение. Все обретает смысл, все, что было с тобой…Похожие вещи случаются с каждым, каждый хоть раз прикасается к Закону, понимает что-то, что было, и после этого знает, что будет. Но у одних это проходит не слишком сильно, и они забывают об этом всю оставшуюся жизнь, у других, один раз начавшись, не заканчивается никогда. Мудрецы, пророки, большие ученые. Таких единицы, их момент истины открывает им Закон во всей полноте. Коннект с сервером Господа, коннект на бесконечной скорости, который не рвется никогда. Вспомни свой первый рейд по Магистрали. Первый выезд из дока, первую трансферную операцию, когда два десятка бортов слаженно работают вместе. Ничего лишнего, только ты, твои партнеры и дорога. Ничего лишнего. Вспомни, Петр. Вспомни, как в первый раз ты оседлал ударную волну, и ты поймешь, о чем ты должен ей сказать».

Тогда Степанов уехал поздним вечером. «Почитай переписку Энджел. Это получше мемуаров какого-нибудь нобелевского лауреата по литературе. Почитай, особенно письма к парню с ником Валигар».

Затем было еще две недели, которые вымотали его до невозможности. Скупые замечания Степанова, установки Нильса, комментарии менее глобального характера от других тестеров — все это еще раз было свалено в кучу и перегнано в «слепок реальности» с плотностью пятьсот семантических плоскостей. В пространстве кластера «базальтовый» массив данных обрел внешность парня двадцати пяти лет. Си-Джей пополнился еще одним объектом с искусственным разумом, судьбой и внешностью.

Позже, когда проект уже вступил во вторую фазу, Эрике дали покопаться в документации отдела кадров, где она нашла информацию о человеке по имени Сергей Дементьев. И как правильно предполагал Брахман, девушка попыталась

просканировать рефлект. Она нашла индивидуальные линии памяти, вплетенные в структуру дайса. Это успокоило ее настолько, что она начала делать первые настоящие шаги навстречу тому, кто называл себя «Сергей Дементьев».

— Классная у тебя тачка. — Эрика пару раз подпрыгнула на кожаном сиденье. — Хорошо срубаешь? Чего делаешь для жизни?

— В смысле? Что значит «делаешь для жизни»? — Аналитики не ошибались, родной для нее все-таки был английский, иногда она дословно перепирала идиомы на русский.

— Работаешь кем?

— Гейткипером. Кочевник мобильного сегмента. И тачка эта не моя, а клана.

— Да? — Она наклонила голову и посмотрела на Петра из-под своих «Премиумов».

— Ага, — ответил тот. — Петр Хилько, юго-восточный GK-консорциум, клан [JPG]. — Он выговорил это четко и с расстановкой, не поворачивая головы в ее сторону.

— Не надо мне макароны на уши вешать. Наездники Магистрали не берут попутчиков. Это любой пацан с улицы тебе скажет.

— Это пока наездник находится в вахтовом реестре. Перед входом, а тем более при выкате с Магистрали наездник может делать все, что хочет. Пока в сундуке ничего нет, кочевник спит спокойно. Или это тебе пацаны не рассказывали?

— Нет. — Она поправила стекла, слегка съехавшие на нос.

— А что они рассказывали?

— Про что?

— Про Магистраль?

— Да много чего. — Она тушевалась недолго, быстро овладев собой, в голосе опять завибрировали нотки уверенности в ответе на заданный вопрос: — Ты, наверное, про все это и так знаешь.

— Ну чего и где по Магистрали ездит, я знаю, а вот чего пацаны с улицы про это сочиняют, — он широко улыбнулся и повернулся к ней, — не знаю.

— Ха! — Она приоткрыла рот и покачала головой. — Не пацаны с улицы.

— А кто?

— Не важно…

«То, что один человек сделал, другой завсегда сломать сможет». Озвучили это русские, но практиковали все, вне зависимости от национальности и вероисповедания. Проблема безопасности для одних была головной болью, для других —

способом выбиться из ряда, но и для тех, и для других оставалась куском хлеба. Серверы и соединяющие их спутниковые и волоконные линии, физическая основа Сети — как предмет пристального интереса профессионалов с обеих сторон невидимой линии фронта… Вопросы защиты данных — это всегда повод для того, чтобы раскинуть мозгами.

Швейцарцы первыми стали организовывать защищенные со всех сторон информационные банки. Это называли «коротким поводком»: клиент мог получить доступ к своей информации в специальном помещении, защищенном от любой следящей техники. Иногда доступ осуществлялся по защищенной линии точечной передачей в строго определенное время, которое было известно только клиенту. Как и в случае банковского счета, доступ к компьютеру мог получить только тот, кто являлся его непосредственным владельцем.

Прятать компьютер в «ящике» из спецбетона со стенами толщиной полтора метра было по карману далеко не всем. Отсутствие защиты носителя от несанкционированного вторжения пытались компенсировать плавающим графиком работы сервера и его мобильностью. Мобильные сегменты появились в Сети еще до того, как Холм начал строить виртуальность нового поколения. Крэкеры из клана [Aces High], промышлявшие обналичиванием кредитных карт, ездили на мотоциклах с лэптопами в рюкзаках. Постоянное движение из города в город сбивало с толку полицию, искавшую преступников среди очкариков, сутками не вылезавших со своих чердаков.

Идею подхватили. В немалой степени этому способствовало появление национальных подразделений кибернетической полиции. Мобильные сети назвали Магистралью. Сервис Магистрали стоил недешево, но все же был вдвое ниже расценок в Лозанне или Берне. К тому же для того чтобы швейцарцы засунули компьютер в сейф и приставили ему команду из трех операторов, необходимо было пройти ряд процедур, в ходе которых выяснялась репутация клиента. На трассе процедура имела упрощенный характер, рекомендаций двух-трех доверенных лиц вполне хватало, чтобы кочевник взял мини-модуль в свой суперван. Многие серьезные хакеры тоже предпочитали передвигаться по автобанам, а не сидеть в старых гаражах на окраинах.

Гейткиперская No.Mads.Net была крупнейшим и наиболее организованным сегментом Магистрали. Ее начали создавать после первой Берлинской конференции, когда большие компании начали проявлять интерес к «слепку» и другим разработкам. GK отказались от услуг сторонних провайдеров и организовали

собственную Сеть, часть серверов которой была поставлена на колеса. Тогда гейткиперы ездили на подержанных семейных трейлерах и мотоциклах и экономили на мотелях.

За прошедшие пятнадцать лет поменялось многое. Мобильный дивизион пересел на тяжелые «ирокезы» и «апачи», и эти суперваны круглосуточно утюжили главные магистрали континентов. Последние анти- и антиантисистемы слежения и защиты менялись одновременно с бензином и маслом. У кланов и консорциумов появились собственные спутники, каналы коммуникации, охранные подразделения и информаторы в лагерях конкурентов. Движение уже прочно стояло на ногах, укрепляя свои позиции на всех участках фронта.

Менялось все. Вечной оставалась только проблема с хакерами-отморозками, которых нанимали «быки» и «костюмы» из офисов. «Двойные команды», дабблтимеры, формировались из уличных кланов, самой низшей ступени хак-сцены. Очкарики разбавлялись бывшими операми, умевшими хорошо водить скоростные трейлеры, но плохо разбиравшимися в коммуникационном оборудовании. Иногда эти придурки пытались упасть на хвост тут же, на каком-нибудь шестирядном автобане. Впрочем, кочевники отвечали тем же. Забуревшие ветераны Магистрали вроде Кабана, растерявшего на трассе половину зубов, возили с собой полуавтоматическое оружие и запрещенные Миланской конвенцией глушители, направленным излучением вырубавшие все электрические цепи цели.

Каждый GK-клан имел свой мобильный дивизион. На три месяца в год пять-шесть человек из клана забирали свою основную работу с машин в офисе и пересаживались в «сейфы», передвигавшиеся по трассе со скоростью триста километров в час. Среди них были и двадцатилетние пацаны с нехваткой адреналина в крови, и отцы семейств, для которых ежегодная вахта была глотком свободной жизни. Были старики, не сходившие с Магистрали годами, — те, кто принимал участие еще в первой волне GK. Гвардия ветеранов, прирожденные холостяки без дома и семьи. Координаторы Магистрали, хайкорды и модераторы держали армию гейткиперов под жестким контролем.

По легенде, Сергей Дементьев был одним из хайкордов, средним звеном между группой узлов и претором, модератором региона. Тут они немного приврали, но иначе нельзя было оправдать его постоянное присутствие на трассе. Хайкорд должен быть профессионалом не только в своей специализации, но и разбираться в коммуникационном оборудовании, знать каждую линию связи, доступную в подчиненном ему регионе, уметь

быстро реагировать на внештатные ситуации. Для этого надо было помотаться по трассе лет пять-шесть. И это должно было быть не просто профессией, а образом жизни.

— Это Фидлер. Есть новости. Последний контейнер при ней. Она все время таскала его с собой. Мы выходим на финишную прямую. Брахман сейчас ведет переговоры с Карелиным относительно дальнейшего хода операции. Но этот сумасшедший русский хочет покончить со всем за один раз. Русские любят быстро ездить. Извини, ничего личного. Претор хочет, чтобы ты поскорее довез ее туда, куда следует. Не исключено, что группа физкультурников догонит тебя прежде, чем вы доберетесь до Фленсбурга. Последнее. Клерк, индекс на борту твоего «ирокеза» совпадает с индексом вана, на котором, по легенде, ездит Сергей Дементьев. Ты помнишь об этом? Пока мы прикрываем твой рефлект, но лучше ей не смотреть на левое крыло твоего супервана.

— Нет. — Петр пережидал с минуту, пока она дошумит со своими контраргументами и опять повторил: — Нет!

— Ну что «нет»? — Она села, поджав под себя левую ногу и развернувшись к Петру всем корпусом.

— Хайкордом нельзя стать, если тебе меньше тридцати пяти.

— Это еще почему?

— Чтобы рулить пятью десятками узлов в своем секторе, надо много чего знать. Надо разбираться в коммуникационном оборудовании, в особенности в том, где есть старые телефонные линии. Нужно быстро соображать, когда возникает какая-нибудь непредвиденность. Да и ребята тоже не подарки, на место таких ставить тоже работа еще та, на пяти языках нужно уметь ругаться. В двадцать пять, — он поднял брови, — вряд ли. — Слушая ее задумчивое молчание, он решил, что это неплохой момент для того, чтобы сменить угол зрения на тему. — А он кто, твой парень?

— Да нет, какой там парень, мы с ним просто знаем друг друга…

— В реале никогда не встречались?

— Не-а…

— Чего так?

— Чего ты спрашиваешь, работа у вас вон какая. Месяцами с трассы не съезжаете…

— Да, есть такой момент. Знаешь, я тоже когда-то с девушкой по электронной почте переписывался.

— Чего, на чат денег не хватало?

— Письмо есть письмо, есть время подумать, не спеша подобрать слова… И письма остаются. Их потом можно перечитать, вспомнить, что тогда было. Треп в кластере или чате — это совсем не то.

— Так что с ней? Как ты с ней познакомился?

— На одной из фидошных эх. Там за жизнь народ общался, просто так. Атмосфера была, как бы это сказать, теплая, дружеская очень. Как будто на встрече старых друзей. Каминный зал, народ пьет сухое вино, рассказывает о новостях.

— Ну-у-у, так заманчиво звучит…

— Да, бывало интересно. Мы обсуждали какую-то тему, а потом скатились в мыло. Два-три письма в месяц, она рассказывала мне о себе, я — ей. Она жила в другом городе, полторы тысячи километров. Писала мне о своих поклонниках, я писал о своих девушках. Советовались, что делать и чего не делать. Мы были друзьями. Потом она вышла замуж, родила ребенка. Мы еще полгода перебрасывались письмами, а потом все закончилось.

— У тебя есть ее фотография?

— Нет, мы не посылали друг другу фотографий.

— Почему?

— У каждого из нас уже был порядочный стаж в Сети. Никто из нас особенно не надеялся на то, что в реале у нас получится что-то большее, чем было в общении по сетке.

Возникла пауза.

— И вы никогда не виделись? Даже по телефону не разговаривали?

— Нет, никогда.

— …А что такое «фидошная эха»?

Кроме папиной охраны, за ней постоянно ходили частные детективы, нанятые братом. Эрика знала об этом и каждый раз находила новые способы ускользать от охранников. Впрочем, ее опять находили. Но где она была и что делала в течение того времени, на которое ей удавалось избавиться от слежки, выяснилось только после того, как началось ее общение с ботом. Генматериал своей сестры Эрика разделила на четыре части. По законодательству Объединенной Европы, инициация восстановления биологической основы умершей могла производиться только одним из ближайших родственников, достигшим совершеннолетия.

Она купила четыре криогенных мини-контейнера, сименсовские IceBox, похожие на термосы, в которых сторожа «сутки-трое» держат крепкий чай с лимоном. Хорошая, надежная

техника, немцы есть немцы. Распределять материал по холодильникам ей помогал лаборант из университета Гельмгольца, с которым она познакомилась на одной из дискотек. Парень думал, что у них начинается что-то вроде романа, но после того как он упаковал материал, Эрика помахала ему ручкой. Потом его два дня трясли ребята из личной охраны Василия, пока не поняли, что он понятия не имеет, куда она отвезла контейнеры.

Впрочем, один был найден сразу: Эрика доверила первый контейнер матери. Ребята не стали устраивать имитацию ограбления, а просто заменили материал. Во время следующего приезда к матери Эрика обнаружила в термосе лягушачьи лапки и записку от брата. Глупый ход, рассчитанный на то, что младшая сестренка испугается и остановится. Теперь, зная точно, кто за ней подглядывает, Эрика стала осторожной вдвойне. Она научилась стряхивать с себя трансмиттеры, водить за нос операторов спутников, менять внешность и голос, начала читать руководства пользователей по Mind Scape.

Бот вытянул из нее координаты еще двух контейнеров. Однако где Эрика Мортон прятала последний контейнер, выяснить не удавалось.

Запускали бота в «Реакторе». Эрика тусовалась здесь с нео-рейверами. Нужно было организовать знакомство, отрежиссировать первую встречу так, чтобы была гарантия второй, короче — произвести впечатление. Пришлось вспоминать пикаперские навыки и настраивать поисковые макросы на материалы, в которых давались соответствующие советы всем, от пионеров до пенсионеров. За эти три дня они с Брахманом вдоволь насмеялись. Старик рассказывал о своей молодости, о том, что они вытворяли в начале девяностых на славянском факультете в Оденсе. Истории про то, как Нильс цеплял крепкогрудых датчанок в барах на побережье, чередовались с редактированием базового протокола AI.

Физически кластер «Реактора» действительно располагался в недостроенном реакторном зале Крымской атомной. Ежегодные рейверские фестивали отошли в небытие. Гостиницы не пустовали, но кислотного беспредела конца девяностых уже не было. Один умник хотел сделать здесь музей. Перспектива превращения реакторного зала в склад реликвий заставила крымчан пошевелить мозгами. Владельцы гостиниц организовали здесь одно из первых виртуальных кафе.

Это называлось Digital Superposition, цифровое наложение.

Цифровое наложение впервые было продемонстрировано на

CeBit 2003. Пакет Watcher, автоматизированная система управления и диагностики состояния машиностроительных цехов. Тогда демонстрировалась точная копия цеха «Южмаша», сделанная на основе одного из игровых графических движков. Подключение к цифровой модели было возможно через обычные виртуальные очки. Пользователь оказывался в точной копии цеха на том же самом месте, где стоял до того, как подключился к виртуальности. Только теперь, кроме самого оборудования, ему были видны параметры ключевых узлов этого оборудования, процессы, идущие в цеху, несложные аналитические выкладки и отчеты, предупреждения о возможных сбоях на конвейере, которые обновлялись через систему датчиков и видеокамер, установленных по всему цеху. Через интерфейс Watcher'a были также доступны контуры управления, позволявшие не сходя с места дотягиваться до нужного рубильника. Более того, все, что двигалось — люди, оборудование, транспорт, — также отображалось в виртуальной модели. Несколько десятков видеокамер отслеживали движение объектов, которое передавалось на главный сервер системы, где Watcher конвертировал их в графические полигональные модели.

Новый рекламный слоган гласил: «Вы видите все то же, что и раньше, и то, чего не видели никогда». В обиход входили «стекла» — очки, не отрывавшие пользователя от реальности. Реальность дополнялась деталями, облегчавшими взаимодействие с ней. Находясь в рефлекте, «отражении» реального объекта, пользователь приобретал новый инструментарий для более полного взаимодействия с окружающим миром.

Первыми обзавелись кластерами-отражениями крупные магазины и развлекательные центры. Теперь достаточно было снять пустое, но хорошо отапливаемое помещение, прикупить дешевой, но крепкой мебели, нанять двух-трех соседок-пенсионерок, качка из ближайшего спортзала, купить пару настольных платформ и взять на работу «садовника», который мог ваять кластеры виртуальности в формате «слепка реальности». Оставалось расклеить объявления и ждать посетителей. Единственное условие — вход в зал был гарантирован только при наличии систем X-Optic или Pink Glass. И тогда пустое помещение становилось дискотекой с сияющими огнями, бабульки с первого этажа — длинноногими красавицами, а простая и крепкая мебель — стильной продукцией от Merx. Единственное, что было реальным, — выпивка и закуска. Цифровое наложение на эту категорию реальных объектов было строго запрещено. При минимальных капвложениях подобные виртуальные кафе действительно давали отдачу, сравнимую с

традиционными заведениями такого же типа.

Технологию, предназначавшуюся для локальных сетей, связанных с автоматизированными системами управления, стали примерять в Internet. Уже первые опыты были довольно удачными. В особенности это касалось скрещивания «цифрового наложения» и геоинформационных систем. Рывок в этом секторе рынка не заставил себя долго ждать.

Раскручивание новой технологии в Сети практически сразу подмял под себя Европейский центр по развитию и координации информационной политики. Давно зревшая в недрах Серебряного Холма концепция «Новой Сети» суммировала последние технические достижения и те стратегические цели, которые должна была выполнять новая виртуальность. Новоиспеченный сетевой проект получил название Cyber Globe, «Кибернетический Глобус». «Сайберглоб» (Си-Джей) позиционировался как универсальная коммуникационная система всех уровней («аудио», «аудиовидео», «расширенная», «полная»), динамическая и статическая базы данных и совокупность контуров управления антропогенными объектами. Планировалось, что Си-Джей заменит Internet, сможет совладать с существующим там хаосом и решить проблемы безопасности.

Жизнь внесла свои коррективы.

Разделение Сети на три глобальных сегмента произошло после второй Барселонской конференции, где была введена обязательная регистрация как компьютеров, которые поддерживали как Си-Джей, так и пользователей, которые в нем обретались. Вольница заканчивалась. На виртуальных территориях единого информационного пространства, являвшихся отражением реальности, вошли в силу национальные уголовные кодексы, приправленные статьями, регулирующими некоторые особенности существования граждан в этих местах. Кроме этого, регистрировались те серверы, которые содержали рефлекты реальных объектов, представленных в формате «слепка реальности». Эти условия оставили за бортом две крупные категории виртуальных пространств. Владельцы одних по вполне определенным причинам не хотели регистрировать свои сайты и кластеры; владельцы вторых не могли это сделать, поскольку их пространства не являлись рефлектами.

На массив этих незарегистрированных серверов нормы уголовного права, равно как и помощь со стороны правоохранительных органов, не распространялись. Кибернетическая полиция, занимавшаяся отловом хакеров на просторах Сайберглоба, не занималась аналогичным «сервисом» для оставшейся части Сети. Владельцы серверов, вернее, их

провайдеры, обеспечивали безопасность самостоятельно, в меру своих сил и возможностей. На атаки хакеров отвечали жесткими контрмерами. По мере развития биотехнических технологий методы защиты становились все более изощренными, с привлечением психотронного и психонического программного обеспечения. Незадачливые пользователи, которые имели неосторожность подключаться к серверам с подобной защитой, все чаще стали обращаться в соответствующие органы. Которые, в свою очередь, не имели никакого юридического права пресечь эти меры самообороны.

Ситуация была утрясена двумя годами позже, когда к Барселонскому протоколу была добавлена статья о свободных виртуальных зонах. Сеть была разделена на три зоны. Первая — собственно Си-Джей. Вторая включала в себя кластеры, не являвшиеся отражениями, поведение в которых регулировалось как национальными уголовными кодексами, так и правилами, устанавливающимися владельцами кластеров. Так возник Шельф. Основой Шельфа, самыми крупными и старыми кластерами, являлись эволюционировавшие игровые вселенные, он-лайновые службы известных игровых компаний и многочисленные MUD'ы и MOD'ы. Ultima Online, Underlight, Brotherhood, Planescape Multi Universe, NeverWinter Nights, близзардовская Battle.net и другие. После того как был узаконен статус пространств Шельфа, один из крупнейших кластеров, Квакерская Arena, наконец смогла сделать из шутеров вид спорта: трансферный рынок реальных и виртуальных бойцов, чемпионаты всех уровней с прямой трансляцией, тотализатор… Телекомпании запустили в Шельфе несколько бесконечных сериалов, в которых некоторые роли исполняли не реальные люди, а упакованный в полигональную оболочку AI. Через несколько лет, после широкого распространения нейротехнологий, следить за событиями этих сериалов можно было уже не с позиции наблюдателя, а глазами одного из героев. В он-лайн перекочевали несколько ток-шоу, и теперь, чтобы поучаствовать в программе, совсем не обязательно было ехать в телестудию — достаточно было просто надеть «стекла».

Отдельную категорию составляли личные кластеры частных лиц. Фанатики Сети, до этого лелеявшие свои сайты в плоском Web, получили новые возможности. Их виртуальные пространства действительно были виртуальными: не отражения, но обрывки этого мира, соединенные ассоциациями и индивидуальными пристрастиями тех, кто их создавал. Перемешанное место и время. Алиса из Страны Чудес пила чай с молоком в замке у Лары Крофт, Блум водил Одиссея по Дублину начала XVII века, а Дюк

Ньюкем выяснял отношения с Гераклом. Галлюцинации человечества переселились с бумаги и холстов на магнитооптические носители и обрели наконец собственную жизнь, не зависимую от человеческого сознания.

Чаще всего здесь попадались коллекции банальностей: стихи, свои и чужие; неплохие, но такие узнаваемые картины; интерьеры, содранные из модных журналов. Трогательные рассказы о детстве и юности, предложения вложить деньги в один из «самых оригинальных сетевых проектов» и просто пожелания заходить еще. Фанаты писателей, поэтов и художников, фильмов, музыкальных групп, кинотелесетевых звезд создавали свои версии алтарей, посвященных кумирам. Посетителей встречал личный гайд — привратник, показывавший все, что хозяин оставил для гостей, включая большую книгу, в которой можно было оставить отзыв и подпись.

Иногда Петру было жаль тех чудаков, которые не дожили до этих странных дней.

«Третью зону», которая полностью освобождалась от опеки закона, образовали не вошедшие в Реестры Си-Джея и Шельфа серверы. Хакеры вольны были делать с ними все что угодно. Статья также гласила о том, что посетители подобных зон не получают защиты закона в случае нанесения им экономического либо физического ущерба. Перед тем как пройти через гейт, пользователь получал предупреждение. Мол, если ваши мозги здесь превратят в рулет или ваша кредитка перестанет работать, никто никого наказывать не будет. Так появилась Область.

Для европейских гейткиперов и североамериканских макромиксеров это был качественный рывок. Дайс, «слепок реальности», стал одной из ключевых технологий новой Сети. На нем планировалось создание динамической базы данных Сайберглоба. Динамический «слепок реальности», легший в основу Си-Джея, использовался также для создания пространств второй и третьей зон, поскольку лучше всего отражал свойства физического мира и являлся открытым для дальнейших улучшений, добавлений новых информационных слоев в уже действующую структуру. А это означало заказы на его производство, регулярные апгрейды, написание специализированного софта. Проще говоря, это были не просто большие деньги — это были настоящие деньги.

Тогда он впервые понял, что не ошибся вагоном. Компании, державшие сектор «до того», имели неплохие доходы, отбивая кусок хлеба у традиционных средств массовой информации, но подобный поворот дел выводил гейткипинг на качественно новый уровень.

— Это твои?

— Да, жена и дочери. Старшей десять, младшей пять.

Эрика взяла фотографию.

— У младшей твои глаза.

— Да она вообще в меня. Не только глаза, нос и характер тоже.

— Ну да, особенно нос…

Она достала из бокового кармана сумки бумажник и извлекла из него полароидную фотографию. На фото была Эрика и Энджел. Этот снимок был в том досье, которое передал Петру Карелин-младший.

— Сестра? — Прозвучало глупо, но этот вопрос должен был быть задан.

— Сестры нет. — Эрика поправила клавиатуру, лежавшую на коленях. — Умерла. Три года назад.

— Извини…

— Ничего… Слушай, а почему все извиняются, когда слышат это? Они же не виноваты. Зачем об этом говорить?

— Тебя это раздражает?

— Да, делают такой вид, как будто все горе на них свалилось. А самим до лампочки, кем была моя сестра. Противно это…

— Знаешь, наверное, извиняются за то, что спросили, о чем не стоило бы спрашивать. Как будто дотронулись до раны, больного места. Извиняются за ту боль, которую случайно разбудили. Я так думаю.

— Да? Хм… интересно, никогда не думала, что это так, Все эти надутые индюки… Энджел никогда не была такой, молчала, если что-то не нравилось.

— Вы были близки?

— Да, мы доверяли друг другу. Знаешь…

Лэптоп едва слышно запищал. Прервав разговор на полуслове, Эрика опять надела «стекла» и троды.

«Это все та же улица и те же дома. Те же деревья и машины. И даже те, кто шел по этой улице до того, как вы услышали легкий шум в ушах, продолжают здесь свой путь. Но это не та реальность, которую вы все еще ощущаете своими ступнями. Это Сайберглоб, Си-Джей, Кибернетический Глобус. Виртуальность, которая есть отражение реального мира.

Для того чтобы попасть сюда, достаточно надеть очки, вставить в ухо горошину микрофона и нажать кнопку питания системного блока в правом кармане вашего пальто. Вы не носите пальто? Вы предпочитаете экран активной матрицы элегантным

«стеклам» в тонкой оправе? Нет проблем. Вы до сих пор боитесь вставлять себе в голову нейроадаптер? Ну что же, в таком случае можете обойтись традиционной клавиатурой и двухкнопочным манипулятором. Операционная система Decada позволяет вам пользоваться Cyberglob десятками различных способов — от «ограниченного-визуального», когда вы «видите и слышите», до «полного-нейро», когда вы ощущаете прикосновения и запахи. Как говорили классики, каждому свое, и никто не должен уйти обиженным…

…После того как вы нажали все нужные кнопки, происходит загрузка Decada, подгрузка необходимых утилит, определение ваших географических координат и идентификация вашего личного CG-кода. Теперь вы «видны». Теперь вы можете пользоваться коммуникационной системой (в аудио-или видеоформате) и «позвонить» друзьям, можете переместиться в Париж или в Центральный парк Нью-Йорка. Узнать цены на Старой Петровке и посетить супермаркет на другом конце города, сделав все необходимые покупки, не сходя с той скамейки, на которой сидите сейчас.

И все, что вы видели «там», — точная копия того, что есть «здесь». Точная графическая копия, снабженная интерфейсом, позволяющим вам взаимодействовать по эту сторону «стекол», получать информацию о мире и управлять миром в силу своих способностей и ресурсов. Под графической оболочкой движка RealEarth-II скрыты сотни взаимосвязанных между собой информационных слоев — дайс, так называемый «слепок реальности»…»

«Сайберглоб для чайников» написал Вацлав Зембинский, претор пятой европейской зоны. Второй фазой проекта должен был руководить он. В тот день они вместе обедали в одной из львовских «кавярень».

— Хорошая работа, Петя. Я всегда видел в тебе потенциал. — Зембинский запил стейк глотком свежего апельсинового сока. — Почему ты решил отойти от контроля бота?

— Я еще немного поработаю с вашими спецами. Шеф кидает на другой проект. — Отчасти это действительно было так. — Устал я, Вацлав, — произнес Петр несколькими минутами позже.

Тот понимающе покачал головой.

По сути, кукольники и бустеры делали одно дело, но с разных сторон. Для увеличения интеллектуального потенциала отдельно взятой организации можно было либо купить сильный бот-ментат, сделанный кукольником, либо провести специальный тренинг под руководством опытного бустера. Оба метода имели

свои недостатки. Бот, особенно сделанный из динамического дайса, а не просто отвечающая на вопросы голова, тупой мимир, работал год, от силы два. После отработки протокола и выполнения всех задач, которые перед ним ставились, он «умирал». Долгожители вроде Фауста, шефа аналитиков банка «Дойче-Дрезден», были штучной работой и стоили несколько сотен миллионов. Бустинг давал такие же впечатляющие результаты, но если это делал «мясник», то интенсивная раскачка творческих способностей могла закончиться частичным разрушением личности. Однако работа, проведенная настоящим профессионалом, была практически лишена подобных побочных эффектов.

В свое время он хотел заняться бустингом, но тогда Белодед резко его осадил. Восстановление психической структуры личности с использованием реальных фактов и деталей, которые нельзя было изменять, требовало полной отдачи. От подобной работы всегда оставались отпечатки — как у хорошего актера, который вживается в роль и даже перенимает некоторые привычки героя. Для Петра было проще создавать карты сознания в Mind's Builder, ваяя ботов-ментатов, делать искусственную во всех смыслах этого слова жизнь, чем собирать по кускам чьи-то семьдесят лет, разбираясь с не изжитыми до конца комплексами, неосуществленными амбициями и неудовлетворенными желаниями. Киберклоны тех двух стариков, которые он делал для Тумоса, дались ему непросто. Фотографии, видеозаписи, демы посещений кластеров, истории психологических травм и личные письма. Пакет этих «документов» нужно было тщательнейшим образом перелопатить, чтобы прописать основу будущей «куклы». Бустеры называли это протоколом: последовательность действий, ведущая к достижению жизненных целей, скрытая и явная мотивация.

В боте была зашита часть его жизни. С другой стороны, память утонувшего Сергея Дементьева стала частью жизни Петра. И еще несколько недель после того, как он сдал работу, ему снилась Мойка, комната в старой общаге Политеха с нацарапанной на стекле цифрой «1991» и силуэт разводного моста над Невой.

— Слушай, ну у тебя и жара. Ты не против?

— Валяй.

Она стянула пуловер и осталась в обтягивающей черной футболке с оборванными рукавами. На левом плече у нее была татуировка: оскалившийся череп, один глаз которого сиял холодно-синим, другой был ярко-красным. В череп был вогнан

гвоздь темно-красного цвета. Его согнутая шляпка торчала из макушки, а острие выходило из треснувшей нижней челюсти.

Штырь. Гвоздь. На жаргоне сетевиков так называли адаптер полного нейроподключения. Подобные татуировки носили операторы из британского подразделения Holy Bolts, кибернетической полиции Соединенного Королевства. Они первыми начинали работать с Memphis через полный интерфейс. Но в их тату череп был проткнут с двух сторон — сверху и сбоку. Символ имел бесконечное количество модификаций, доступных по приемлемой цене в любом тату-салоне.

Нейл. Copper Nail. Медный Гвоздь. Эрика придумала этот ник сама, как придумывали их себе десятки тысяч подростков, мечтавших о карьере крутого хакера. Юные хакеры начинали с подделки рефлектов для Сайберглоба, для того чтобы пошуровать в кластерах крупных универмагов типа болсеровских «колодцев». Более умные и талантливые писали сканирующее ПО для откачки информации из закрытых слоев дайса, это касалось в основном информации по финансовым потокам и стратегическим планам компаний. Юнцы писали вирусы, ферментный софт для беспредельщиков Области, легкие психонические системы защиты. Иногда начинающие хакеры работали в «двойных командах». Их, в большинстве своем еще несовершеннолетних, ловили практически их ровесники, только что вышедшие из стен киберакадемий «солдаты бинарного фронта». Некоторых малолетних нарушителей перевоспитывали, и потом они уходили учиться в эти самые академии.

Очень немногие из баловавшихся мелким хулиганством на просторах Си-Джея делали профессиональную карьеру — создавали вирусы-убийцы, сжигавшие железо, на котором обитал корпоративный AI; писали «тяжелую» психонику для кластеров «третьего сегмента»; работали с Memphis — «осью», дававшей доступ к контурам управления Сайберглоба, дестабилизируя работу предприятий, банков и военных систем. Они делали еще очень много других интересных и высокооплачиваемых вещей. Каста технокрыс, профессиональных взломщиков, чьи биографии Interpol и подразделения корпоративных разведок крупных компаний знали наизусть. Некоторые из этих бойцов еще помнили командную строку в DOS и уже воспитывали внуков. На хак-сцене тусовалось третье поколение.

Легенды, домыслы и прыщавый романтический бред окружали эту сферу. Игроков хакерской сцены иногда путали с GK из мобильных сегментов. Но армия технокрыс, как и сорок лет назад, продолжала оставаться сообществом продвинутых технарей. Они не пытались обзаводиться пакетами акций,

недвижимостью, контролем над ресурсами и высокотехнологичным производством, не занимались политическими играми и созданием новых героев масскульта. Этим активно занимались гейткиперы.

Эрика сумела добраться до той черты, где начинаются настоящие дела. Игра в прятки с частными сыщиками, нанятыми братом, сделала ее экспертом по следящим спутниковым системам и методам их обхода. Подделкой персональных CG-рефлектов и кредитных кодов она занималась походя. Она могла бы пойти дальше, но вовремя поняла, что топает не туда. Копнула глубже, и стало ясно, что восстановление личности не было основным профилем «крутых компьютерных ковбоев». Некоторые из них пробовали делать подобные вещи, но таких за глаза называли «мясниками». Настоящим бустингом занимались профессиональные психологи из солидных клиник, военные эксперты и гейткиперы, которые держали пальму первенства в этом секторе рынка. Их коньком был чистый бустинг, без применения имплантатов и фармацевтики. В деле восстановления личности это было одним из основных факторов, влиявших на решение юристов. Химическая или кремниевая прокачка сильно тормозили процесс, и с вероятностью три к одному дело могло закончиться отказом в восстановлении юридических прав. И тогда мисс Мортон решила действовать сама. Начались ее поиски выходов на GK-кланы. Брахман был прав, Эрика должна была клюнуть на кочевника не только из-за романтики дороги или какого-то «момента истины», о котором говорил Степанов. Ей нужны были связи, выходы в систему, где она могла бы сама стать бустером или найти человека, который смог бы сделать из тупого голема прежнюю Энджел Мортон.

— Это Фидлер. Возможно, во Фленсбурге ее будет ждать Гессенец. Ориентировочно — черный Beowolf, HLH-9971-18. Длительный визуальный контакт нежелателен. Сейчас ребята подбираются к линии видимости. Сукин сын прячет рефлект за какими-то новыми масками. Слухи о дайсе подтвердились: Дементьев связывался с Депозитарием два дня назад и заказал «сухой слепок» самой высокой плотности, какую только ребята смогли найти.

Доводка «продукта» главным образом проходила в развлекательных центрах Си-Джея. Поведенческие реакции, язык тела, лексика с грамматикой — все то, что требовало четкой и детальной проработки, делал Казимир Бонецкий, кукольник из команды Вацлава. Этот женолюб занимался ботами-гайдами для

частных пользователей со средним доходом. Отфильтрованная гейткипером и его ботами-«неграми» информация должна была быть подана клиенту в соответствующем виде. Либо молодым человеком строгой наружности, либо юной мадемуазель приятной внешности. Облеченному в графическую полигональную упаковку AI придавались индивидуальные черты, которые должны были расположить пользователя к общению. Казимир плохо прописывал базовый протокол, но делать ботов привлекательными он умел.

Последняя фаза доводки проходила на «Пирсе», одном из прибрежных кафе в Санта-Монике. Вид на Тихий океан и пляж, длившийся в обе стороны бесконечности. По «Пирсу» ходили девочки в купальниках и мальчики в цветастых гавайках. Их рефлекты полностью соответствовали тому, кем они были в реале, камеры «Пирса» фиксировали все детали их одежды и контуры тел. Основной сервер лишь чуть-чуть корректировал недостатки фигуры, убирая складки с животов и добавляя округлости сверху и снизу. Вокруг их рефлектов не было светло-оранжевого ореола. Оранжевая кайма была вокруг Казимира, Петра и членов еще одной компании. Это означало, что посетитель в реальности находится далеко от Западного побережья. И, быть может, даже не в Соединенных Штатах.

«Отвертку» они делали сами, предварительно уплатив по девяносто девять символических центов за то, чтобы в рефлектах их стаканов поблескивало нечто, похожее на мартини со льдом. «Гетьман» и апельсиновый сок в пропорции один к одному, в чашках, из которых днем обычно пили чай. Они потягивали «отвертку», сидя в опустевшем офисе Казимира в пригороде Кракова. На Западном побережье было восемь вечера, в Польше — третий час ночи. Гейткиперы ждали: сегодня Эрика назначила боту встречу в этом кафе. Отец утрясал какие-то дела в Лос-Анджелесе и взял ее с собой. Целыми днями она валялась на пляже и каталась на роликах по прибрежному бульвару, а по вечерам бывала здесь.

Эрика пришла первой. Точнее, прикатила на роликах. Обрезанные Levis, футболка с надписью «I Love L.A.», роллерские перчатки на руках, CD-плейер. Усталая от своих забот девочка-подросток. Медно-рыжие волосы были перехвачены полоской, менявшей цвет в зависимости от музыки, игравшей в зале. Эрика плюхнулась на стул и сняла ролики. Подошедший официант взял у нее ботинки и принял заказ на «Кокосовую пальму».

Динамики, установленные за стеной, ловили шум океана, спокойного в тот вечер. Петр посмотрел в окно. Появились первые звезды, багровая полоса заката обрывалась линией горизонта.

Там, за горизонтом Си-Джея, становились доступны кластеры Шельфа. Среди них были пространства, вход в которые предварялся надписью «Host is not registered» — «Хост не зарегистрирован». Здесь начинался «третий сегмент глобальной Сети».

«Третий сегмент» называли по-разному: «Сумеречная зона», X-Zone, Черная Сеть. Напыщенные определения в основном использовали желтые таблоиды, сценаристы боевиков на сетевые темы и прочие дилетанты. Среди постоянных пользователей «третий сегмент» был Областью. Историки Сети давно сошлись на том, что странное название было позаимствовано из игровой вселенной Brotherhood. Область Героев, место, где жизнь пользователей зависела не от законов, которые устанавливали официальные лица пространства, а от силы, с которой индивид мог противодействовать закону и тем, кто его установил. Сутью Области была неограниченная свобода действий. Изнанка Сети, емкость, где скапливался весь мусор, который нельзя было выносить наружу. В Шельфе играли, отдыхая от проблем реальной жизни. В Области жили, удовлетворяя те желания, за реализацию которых в реальности могли дать пару десятков лет тюрьмы.

Таблоиды муссировали извечную тему секса и виртуальности: порнографические магазины, виртуальные бордели, истории о секс-рабынях, занимавшихся «этим» через Сеть. Но они описывали только вершину айсберга. Тем, что было скрыто темной поверхностью воды, занимались профессиональные психопатологи. В кластерах Области обретало форму коллективное и индивидуальное бессознательное, стремление к смерти, немотивированная агрессия, жуткие фантазии несостоявшихся палачей и диктаторов.

Но «третий сегмент» был изнанкой не только психики Homo Sapiens. Его существование было необходимо многим относительно нормальным, с точки зрения психиатрии, людям. В Области не существовало ограничений на использование биотехнических и психотронных защитных систем, вплоть до «тяжелой», смертельной психоники. Место и время, защищенные от чужих глаз и ушей лучше, чем любой бункер в реале. Этим пользовались наркодельцы, торговцы оружием и стратегическим сырьем, политики всех расцветок, национальные разведки, мафиозные структуры. Пользовались, разумеется, не афишируя это. Для крупного политика быть уличенным в содержании «черного сервера» означало конец карьеры, для влиятельного бизнесмена или финансиста — переход в разряд нечистых на руку, со всеми вытекающими для репутации последствиями.

Область была тем противовесом, тень которого уравновешивала закон и порядок глобального информационного пространства.

Петр оторвал взгляд от горизонта. Эрика и бот уже о чем-то оживленно беседовали. Кажется, тогда она спрашивала его о том, что он пьет сейчас в реальности, а он шутил, меняя содержимое стакана, в котором то появлялся томатный сок, то плавала долька лимона. В один момент стакан просто исчез в его руке, а вместо него вдруг появилась старомодная пивная кружка. Стандартный набор ловеласа из киберкафе, но бот делал это настолько непринужденно, что Петр сам несколько минут с удовольствием наблюдал за его манипуляциями.

Тогда на плече у нее еще не было татуировки.

Она стала связываться с ботом сначала через день, потом почти каждый день. После той встречи Эрики с «Сергеем» наступил перелом. Преторы верно просчитали стратегию и нанесли двойной удар: девчонка клюнула на романтика Магистрали, у которого к тому же могли быть связи. Теперь у них были нити, и все, что нужно было делать, — осторожно дергать за них в нужном месте и в нужное время.

Утром Петр передал Казимиру все контрольные пароли бота и съехал с проекта.

Днем позже Эрика сбежала в Европу.

Они въехали в небольшой городок в сорока километрах от Фленсбурга, миновав старую церквушку с оградой, выложенной из кусков серого гранита. Суперван проехал несколько кварталов, и Эрика попросила притормозить Петра около супермаркета. Девушка выскочила наружу, не надевая плаща. Ветер по-прежнему разносил пыль по дороге.

Наполовину расстегнутая сумка обнажила край стального цилиндра. Это был криогенный резервуар, жидкокристаллический монитор на верхней крышке показывал внутреннее состояние хранилища. Рядом с замком был стандартный выход для подключения к компьютеру. В ухе опять зашумело.

— Это Фидлер. Куда она побежала?

— За чипсами.

— А… Вообще-то девочка она крутая…

— Что ты имеешь в виду?

— Знакомства. В таком юном возрасте… В неполные восемнадцать тусоваться с Гессенцем, это что-то.

— Что такого особенного в Гессенце? Парень делает сканирующий софт, прозванивает на заказ закрытый дайс.

Стандартный набор услуг крепкого середняка.

— Его родной брат работает на Noostech Inc. По контракту. Специалист по перегонке сухого дайса в живую модель и обратно. Он может переконвертировать образцы крови и кожи из холодильника в киберкопию.

— То есть если на перекрестке ее действительно ждет этот немец, Карелину-младшему предстоит простая и убийственная дилемма…

— Ага, или в Лозанну поедет цифровая копия, а если ее все-таки перехватят где-нибудь на трассе «быки» Василия, она устроит спектакль с шумом и криками, как обычно. Гессенец сможет восстановить материал в регенерирующих наноустановках в Noostech Inc, и тогда Карелину придется нанимать хороших адвокатов. Либо, если не получится ее перехватить, восстановление будет производиться с нормального материала. Просто как дважды два.

— Теперь понятно, почему Василий спешит.

— Еще пара часов и все это закончится… Все, она идет, конец связи.

Эрика повернулась к нему, в руках у нее была большая пачка чипсов.

— Хочешь?

— Нет, спасибо.

— Как хочешь. — Она поудобнее устроилась в кресле и рванула за край пачки. Пакет громко лопнул и из него полетели желтые хрустящие хлопья, засыпав кресло и пол салона.

— Ой, извини…

Кочевник снял руку с рычага коробки передач. Эрика достала упаковку разовых салфеток, сделала из одной кулек и принялась собирать рассыпавшиеся чипсы.

Петр посмотрел на суетящуюся Эрику. Они проболтали несколько часов ни о чем, как и положено случайным попутчикам. За эти несколько часов они успели поговорить о многом: о делах, семье, друзьях и о том, что делается вокруг, и о том «как пунктир белой полосы наматывается на карданный вал». Петр многое понял. Хакерша упомянула всего несколько деталей, о которых нельзя было получить представление, изучая предмет, сидя в аудитории или библиотеке, что говорило о неплохой для ее возраста степени осведомленности. Она знала о том колпаке, которым ее накрыли. Знала о его существовании, но у нее не было цельной картины. Была мозаика из тысяч осколков, в которой перепутался сленг хакерских чатов, внутренние отчеты по биотехнологиям Noostech, пьянки с магистральщиками на перевалочном пункте в Нью-Кельне, продажа ворованных

рефлектов как способ заработать на проезд через Туннель-под-Проливом и лицо того парня, который говорил с ней сегодня. Эрика не представляла себе слаженность и масштаб того механизма, который вращался вокруг нее по геостационарным орбитам и волоконным стволам коммуникаций. Два ушедших из ее рук контейнера, эти две крупные неудачи, воспринимались ею как досадные ошибки в игре с этой механикой, а не как закономерность, которую трудно избежать. Глядя на нее, пытающуюся навести порядок в салоне, Петр подумал о той паре мелочей, которая отделяет ее от того, чтобы понять, где закончились случайности.

Она подняла голову, услышав щелчок открывающейся дверцы.

— Ты куда?

— Помою машину.

— Раньше не мог? — несмотря на грубость фразы, в ее голосе не было фамильярности.

Петр сухо кивнул ей.

— Наведи порядок в салоне.

Партию этих суперванов консорциум приобрел у GMC со скидкой в пятнадцать процентов. Первоначально они предназначались для транссахарского проекта «BP» — техникам, которые должны были обслуживать ливийский и алжирский участки трубопроводов. Улучшенная ходовая часть, место под диагностическое оборудование, система жизнеобеспечения. Проект накрылся медным тазом, и гейткиперы купили эти замечательные машины. О сахарском проекте напоминали только номера бортов, проставленные на заводах в Детройте. Болван-дроид, утробно жужжа, ехал вдоль борта, смывая вчерашнюю засохшую грязь. Темно-зеленые щетки оставляли чистую полосу, на которой проступили ярко-красные буквы и цифры. B-81. По легенде, такой же номер был у борта, на котором ездил Сергей Дементьев.

Глядя на белую пену, стекавшую по борту, Петр думал о том, что это ничего не меняет в той партии, которую Эрика сейчас играет со своим сводным братом. Она прошла точку возврата задолго до того, как тормознула его на трассе. Если бы сейчас Фидлер или Брахман спросили, зачем он это делает, вряд ли бы Петр нашелся что ответить. Слишком многое пришлось бы рассказывать. Не так, не так надо было все делать… Может быть, зря он съехал с этой темы год назад. Слепить марионетку и отдать ее в руки другого кукольника. «Когда буря загоняла нас в дом…» Хочешь что-то сделать хорошо, делай сам. «Ветер нес тех, кто не для наших глаз». Эта война не закончится, после этого

раунда будет еще один. Новая травма и новый виток. Эрика будет мстить. Василий отбиваться. Потом брат опять пойдет в атаку. «Когда небо над твоей головой…» Может быть, если бы он вел сценарий, то всего бы этого не было и она извлекла бы свои уроки. Осознала, с чем она столкнулась. «Легко ли ты скажешь, кто убил тебя и кто тебя спас?» Момент истины. Степанов никогда не врал и редко ошибался. Надежды было мало, но попробовать стоило.

Последние белые клочья с пены превратились в черные пятна на асфальте. Дроид подъехал к Петру, ожидая дальнейших указаний. Кочевник дал отбой, запрыгнул обратно в салон и ван резко рванул с места.

Остаток пути они молчали.

Черный Beowolf ждал на другой стороне перекрестка, рядом с небольшим видеомагазинчиком. На улице почти никого не было — воскресенье, все покупки местные бюргеры сделали вчера. Двое мотоциклистов лениво просматривали журналы у лотка с прессой. Эрика натянула пуловер, открыла дверь и выскочила из машины, вытаскивая на ходу кожаный плащ. Поправила волосы, сдвинула на макушку очки. Сумка, противно шурша по коже сиденья, сползла на обочину. Эрика ухватилась за единственную лямку и перекинула ее через плечо. Дверь глухо захлопнулась. Она отошла на десяток шагов, обернулась и робко помахала ему рукой. Петр помахал ей в ответ.

В нагрудном кармане запищал мобильный телефон.

— Это Фидлер. У тебя все нормально?

— Да, можно сказать и так.

— Пришло подтверждение от наблюдателей, ее действительно ждет Гессенец.

— Тут действительно припаркован черный «волк» HLH-9971-18. И что теперь?

— Сворачиваемся. Физкультурная команда Карелина уже в пути. Третьей фазы не будет; единственное, что утешает, — он готов оплатить все, что планировалось… Погоди, почему она стоит?

— Кто?

Петр огляделся вокруг. На другой стороне не слишком широкой улицы стояла Эрика и внимательно смотрела на борт «ирокеза».

Он положил руку на рычаг коробки передач и двинулся с места.

Ветер стих. Солнце, пройдя высшую точку, начало заваливаться на запад.

Их перехватили на трассе через полтора часа после того, как он расстался с ней на перекрестке. Ребята передали в офис запись. Грубая работа. Это был последний контейнер, и Карелин решил не устраивать сложных многоходовых операций. Гессенец действительно собирался сделать цифровую копию ДНК. Рабочие файлы вместе с компьютером отобрали, а немца послали подальше сразу же после того, как вытащили Эрику из Beowolf'a. Содержимое термоса Карелин самолично вытряхнул на асфальт.

Пока Василий высказывал ей все, о чем размышлял последние полгода, она дожевывала остатки чипсов, сидя на капоте одного из карелинских джипов. Распотрошенный вещмешок лежал рядом, на дороге. Ее не раз ловили оперативники из киберполиции, юная хакерша знала всю процедуру наизусть и всегда носила с собой сумму, требующуюся для уплаты штрафа. Но сейчас ее спокойствие было не таким, какое бывает у опытного нарушителя со стажем, подписывающего протокол в участке. Это было спокойствие игрока, уставшего от затянувшегося матча в серии плей-офф. Время игры вышло. Прозвучал финальный свисток, и счет был не в ее пользу. Пришло время для того, чтобы обдумать ошибки, заново оценить возможности соперника и определить новые цели.

Не обращая внимания на бушующего брата, Эрика соскочила с капота, подняла лежавший вещмешок и пошла в сторону от трех машин, стоявших на обочине. Скомканный пустой кулек полетел под широкие колеса джипа.

«Ты знаешь, что самое интересное во всем этом? В том, что все равно, выиграл ты или проиграл. Это второстепенные детали декораций. Боль от того, что по тебе проехало что-то очень большое, пройдет. Боль всегда проходит. Тут нет ничего страшного, у каждого из нас на спине свой след колеи. Куш, если ты и сорвал его, рано или поздно уйдет в песок. Но вот… далеко не у каждого остается тот опыт, который убивает невежество относительно своей персоны, отучает от привычки плевать против ветра, доверять дуракам, синоптикам, политикам. Вот главное. Не в том, что ты выиграл или проиграл. А в том, понял ли ты, чем ты стал после всего этого».

КОНУС ТИШИНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Попытки размотать этот клубок ниток на отдельные причинно-следственные связи во многих случаях заканчивались неудачами. Объективно существующая реальность подвижна и изменчива, и те, кто пытался создавать логически завершенные и выверенные картины мира, рано или поздно запутывались во вновь возникающих петлях, замкнутых циклах и разомкнутых цепях бесконечной длины. Следствия становились причинами, и тогда охотник и добыча менялись местами, и уже подчас, сами того не замечая, ловцы последовательностей начинали строить вокруг себя защиту. Защиту, дававшую им возможность спрятаться от новых парадоксов, необъяснимых событий, фактов, которые упорно не хотели умещаться в те рамки, в которые их хотели запихнуть. Начав с крестового похода за истиной, эти создатели заканчивали в удаленных от торных дорог скитах, на разный лад повторяя одну и ту же фразу: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Виртуальная реальность, которую многие считают неким переломным явлением в деле постижения основ этого мира, не является тем инструментом, который приведет человека к каким-то эпохальным открытиям. Те, кто забывает об этом, рискуют оказаться в тупике из «законов» и «фактов», построенном собственными руками. Те, кто помнит об этом, получают в распоряжение мощный инструмент, позволяющий жить в мире и гармонии с окружающими и самим собой.

Создание завершенной картины мира невозможно. Истина не есть абсолют, достигнув который, один раз можно сказать, что это и есть корень причин. Подобно буддистской мандале из разноцветного песка, которую монахи разрушают сразу после того, как закончена работа, об открытой сегодня истине стоит забыть, когда солнце взойдет на следующее утро.

Чтобы снова начать строить круги из песка.

И снова разрушать их, когда работа будет закончена».

«Протокол цикла»

В его левой руке были четки. Связка черных матовых шариков, нанизанных на шелковую нить, которые он перебирал указательным и большим пальцами. Некоторые шарики он тщательно перекатывал между пальцами, другие быстро

пропускал. На нем не было халата муллы и бороды. Ближайшая мечеть находилась в двух тысячах километров от этого места. Старый медитативный инструмент в его левой руке был манипулятором, позволявшим раздевать и одевать реальность. Четки были соединены через радиоканал с затененными очками, совмещавшими в себе функции обычных «стекол» для оптического доступа в виртуальность и микрокамеры с десятком спецфильтров. Фильтры давали возможность просматривать весь волновой спектр окружающего пространства. Все это оборудование обменивалось данными с мощным аналитическим сервером в режиме реального времени. Картинка, которую видел владелец четок, дополнялась подробной информацией обо всем, что находилось в поле зрения наблюдателя.

Он кого-то искал в большом зале «Допельгангера». Насколько длинной была его дорога сюда, можно было только догадываться. Четки в руке привели его на перевалочный пункт магистральщиков под Брно ранним осенним утром. Сейчас здесь было мало народа, несколько десятков кочевников, которые завтракали перед очередным броском на Магистраль, параллельно общаясь с соседями по столу или с кем-то по ту сторону стекла.

Четки в руке остановились. Он переключил режим. Сканирование зала пошло в инфракрасном диапазоне с отсевом всех биологических составляющих объектов. «Танец костей». Зал наполнился скелетами, орудующих нелепыми вилками и ложками над пустыми тарелками. Сервер измерял параметры черепных коробок и сопоставлял их со своей базой данных. Любой грим, любой термоформный муляж, надевавшийся на лицо, последствия любой пластической операции легко «снимались» таким сканированием. Можно было подделать цвет глаз или форму ушей, прикрепить себе горб на спину или прилепить пару накладных грудей. Две минуты анализа данных ставили все на свои места.

На нем были темно-синие джинсы, безрукавка цвета хаки со множеством карманов, какие носят журналисты, ведущие репортажи из горячих точек, и большая сумка на левом плече. Безрукавка была надета на толстый серый свитер от Hugo Boss с отстегивающимся капюшоном. Свитер был прошит полимерными нитями, выполнявшими одновременно две функции: поддерживали заданную температуру и укрепляли структуру ткани, превращая свитер в бронежилет, способный выдержать очередь из автоматического оружия. На длинном лице с массивными чертами, подчеркнутыми глубокими морщинами, особенно выделялся крупный нос с горбинкой, который делал

профессиональные «стекла» небольшими и хрупкими. В пришедшем было два метра неплохой физической формы.

Он еще раз оглядел зал, на несколько мгновений задержав взгляд на группе из трех парней, изучавших меню и косо посматривавших на него, после чего уверенно двинул в глубь зала. Раскачивающейся походкой он подошел к столику, за которым сидел молодой человек в черно-синей клубной куртке, надетой на красную клетчатую фланелевую рубашку. Полноватое лицо, рыжие редкие волосы с уже четко проступившей лысиной, усы, на которых прилипли крошки. На тарелке перед ним была половинка двойного гамбургера с белым соевым соусом в густом салатном окружении. Гамбургер был аккуратно разрезан пополам. Другую половину парень жевал, неподвижно уставившись в одну точку. Капля белого соуса стекала с левой ладони.

— Не занято?

Парень оторвал взгляд от точки на противоположном сиденье и повернул голову. Он ждал этого вопроса. По выражению лица было видно, что вторую часть гамбургера он доест без особого аппетита. Он заметил, что запачкал левую руку, положил половинку гамбургера в тарелку и неловко выдернул чистую салфетку из подставки на столе.

— Присаживайтесь, Виктор Федорович.

Тот, кого назвали Виктор Федорович, поставил сумку на пол и сел напротив. «Стекла» переместились на лысину, окруженную проседью.

— Давно не виделись, Славик.

— Давно… — Славик продолжал держать скомканную салфетку в руке.

— Наверное, жарко в этом противогазе сидеть? — Виктор Федорович ткнул указательным пальцем в усы.

— Нет, не очень. А вы что, никогда не носили эту штуку?

— Как-то не к месту. Да и все равно эта хреновина не сильно помогает… — Виктор Федорович помахал рукой официантке. — Да ты кушай… — Славик взял половинку гамбургера и принялся медленно жевать, отвернувшись лицом к окну.

Официантка приняла заказ на бурито с курицей и два стакана томатного сока.

— Ну, так как живешь-то, Слава?

Тот отодвинул тарелку с недоеденным гарниром и взял чашку с остывшим чаем. На автомате размешивая две ложки сахара, он рассматривал стоянку за окном.

— Может, обойдемся без всего этого?

— Можно и без этого. Чего делать-то будем?

Славик натянуто хихикнул, но не ответил. Он охватил чашку ладонями, как будто хотел согреть руки. Виктор Федорович надел четки на правую руку и затянул черный ремешок, закрепив их на запястье.

Принесли бурито и два стакана томатного сока.

— Ну, так как, надумал? Делать что-то надо, потому как достал ты всех по самое не могу. Вообще на что ты надеялся, когда начинал бомбить кластеры юго-восточных гейткиперов? На то, что тебе этот презерватив с усами поможет? Или вот те вот ребята с двумя извилинами на троих?

— Нет…

— А что?

— Ничего…

— Да, ничего. — Виктор Федорович взялся за бутерброд. — На что ты вообще надеялся? Наверное, повелся на эти старые сказки… Хакер проводит серию быстрых операций, делает пластическую операцию, меняет форму лобных костей, зубы, цвет волос. Потом едет куда-нибудь подальше, за море-окиян и начинает жить другой жизнью. Лет через сорок рассказывает внукам, какой он в молодости был крутой…

— Может, хватит?

— Да, банально звучит, обидно это слышать, но это ведь так. — Последнюю фразу Виктор Федорович проговорил с набитым бурито ртом. — Обидно, что ты повел себя, как последний дурак с улицы.

— Что предлагаете вы?

Виктор Федорович дожевал кусок бутерброда и отпил большой глоток из первого стакана сока.

— Есть вариант. Конечно, на определенных условиях.

— На каких еще условиях?

— Ты проходишь у нас процедуру полного киберклонирования и сходишь с Магистрали. Насовсем. — Еще один большой глоток и первый стакан стал пустым. — И после этого можешь идти на все четыре стороны. Со всеми деньгами, которые ты успел заработать, катаясь по Магистрали. Или у тебя есть возможность вернуться обратно, в клан…

— Что?!

Славик продолжал сжимать чашку. Потому он поставил чашку на стол, глубоко вздохнул, схватился за вилку и нож, тут же положил их на место и откинулся на спинку стула, спрятав непослушные руки в карманы куртки. Виктор Федорович взялся за второй стакан сока.

— Что тебя, собственно, так расстроило?

— То, что вы предлагаете… Это ставит крест на всем, на

всем… После киберклонирования мне никто мало-мальски серьезной работы не поручит.

— Да, это так. Но кроме этой профессии, есть еще много других, хороших и нужных. Ты парень молодой, способный. — На последнем слове было сделано ударение. — В твоем возрасте не стыдно начинать сначала. Вернешься в университет, получишь диплом, найдешь себе хорошую работу. Будешь жить спокойной жизнью и вспоминать о всем, что случилось за последние три года, с чувством глубокого раскаяния. Тем более условия тебе предлагаются более чем гуманные.

— Я… Мне надо закончить эту операцию, закончить. И… и я уйду, я клянусь, я завяжу с этим делом, но мне нужны эти деньги!.. — Он резко наклонился в сторону Ковецкого.

— Ты думаешь, что ты говоришь? У тебя, видать, крыша действительно того, сильно съехала. Ты регулярно срываешь сделки фондового отдела юго-восточного консорциума. Каждый час они по твоей милости теряют семизначные цифры. И у тебя сейчас хватает наглости просить закрывать глаза на твои проделки? Тут не пенсионный фонд, Слава, и никто не занимается благотворительностью. Предложенные условия не меняются и не оговариваются.

— Ну… ну, после… после последней операции… Я закончу дело и готов буду вернуться в клан и отработать, чтобы возместить ущерб.

— Что возместить? Несколько десятков миллионов? Нет, это не разговор. Больше никаких операций. Условия ты слышал. Согласишься — и у тебя не будет осложнений ни с одним гейткиперским кланом. И если ты вернешься, то никто не вспомнит о том, что было.

Слава выпрямился и скрестил руки на груди.

— Мне не подходят эти условия.

Виктор Федорович развел в стороны руки.

— Может, у тебя есть возможности возместить нанесенный ущерб?

— Нет, таких возможностей у меня нет.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Ничего. Будем считать, что этого разговора не было. Я вас не видел и вы мне ничего не предлагали.

— Это детство. Ты меня видел и ты слышал условия. Ты знаешь, Слава, что многие операции проваливались из-за недостаточной проработки возможных вариантов?

— Да, дядя Витя, знаю.

— Ни хрена ты не знаешь, дурак. Вместо меня могла прийти бригада «мясников», проехаться по твоим мозгам тяжелой

психоникой. Сделать тебе траву вместо мозгов. Или еще проще — сотрясение мозга в результате дэтэпэ. С таким повреждением, с которым ты не то что работать, нормально на своих двоих не сможешь перемещаться. — Слава осклабился. — И не надо кривиться, молодой человек. Те три лба, которые изучают меню уже минут двадцать, конечно, неплохо. Для тех операций, на которые тебя нанимал Толстый, они вполне сгодятся. Но ты же прыгнул выше. И без его ведома. И тут они тебе мало помогут.

— Угрожаете? Или делаете комплимент? Мол, деми-лич снизошел до того, что пришел уговаривать простого хакера сойти с Магистрали. Я польщен.

— Не ерничай. Когда ты пришел к нам три года назад, ты был маленьким и испуганным мальчиком, который не знал, как разобраться с проблемой «я и большой мир вокруг». Тогда ты не был таким гордым и самостоятельным, как сейчас. От тебя приходилось прятать острые предметы, чтобы ты ненароком не порезал себе вены. Твоя башка была полна той чуши, которую гонят каждый день по Сети, в теленовостях и на музыкальных каналах. Тебе помогли, выгребли мусор из твоей головы, рассказали много новых и интересных вещей. И что мы имеем сейчас? Ты стал работать против нас. Ты наносишь реальные убытки, к тебе приходят с предложением уладить дело. Тебе отпускают все грехи и предлагают вернуться, а ты еще выкобениваешься. Мы здесь обсуждаем деловое предложение. Сделку, парень.

— Сделку… сделку… — Славик замялся. — Да, когда-то вы мне помогли. Но прошло время, и я стал тем, кем я стал. Да, может быть, сейчас я работаю против вас… Но это бизнес, ничего личного. Ничего личного, я закончу дело и уйду. Мне нужны эти деньги. Нужны, чтобы стать тем, кем я хочу стать! И кем вы никогда не дали бы мне стать!

— Тебе предлагали работу, место в клане, участие в серьезных проектах. Возможностей для самореализации было более чем достаточно.

— Я хочу делать то, что я хочу. Понятно?! Никакой ваш проект не дал бы мне реализоваться. Поэтому я ушел, и поэтому мне и сейчас начхать на ваши предложения. Любая корпорация ограничивает личностную свободу, любая! Я не хочу быть частью чего-то, я личность!

— Все немного не так, как ты себе представляешь.

— Что не так?!.

— Ты сейчас находишься там же, где и был три года назад. В том же самом тупике.

— Что?..

— В том же самом тупике. Почти. То есть на самом деле все еще хуже, чем в прошлый раз. И ты пойми, тебе предлагается не только возможность рассчитаться с тем долгом, который у тебя есть перед юго-восточными. Возможность возвратиться в клан и избежать того, что тебя ждет впереди.

— Чего такого вы можете помочь мне избежать?

— Я видел то, что ты делаешь помимо хакерских операций. Все эти так называемые творческие поиски на ниве кибер-арта. Кластеры для местных шоу-каналов, индивидуальные апартаменты в Си-Джее для любителей оригинальности и тому подобные вещи. Все это сопровождается баловством с метатаранолом, биочипами-термитниками и перекрестным подключением к несущим плоскостям Си-Джея. Если ты будешь продолжать в том же духе, то тебя ждет клиника. Через полгода, в лучшем случае через год.

— Ах вот в чем дело… Вы… — Славик прищурился. — Я знаю, я знаю все эти ваши штучки. Прессинг, давление, игры в слова. Запугать, ублажить, кнут и пряник. Не выйдет, уважаемый. Да, три года назад вы дали мне многое, отрицать бессмысленно. Все те навыки, вся эта подготовка. Но прошло время, и я изменился, когда это было не моим, но теперь… теперь все не так. Не выйдет… Я…

— Послушай, парень, все, что у тебя было и есть, — это то мясо, которое досталось тебе в наследство от папы с мамой. Хорошая наследственность, рефлексы, здоровая нервная система. Но одной хорошей наследственности мало. С тех пор как ты научился тыкать кнопки на пульте управления телевизором, ты превратился в пылесос, собирающий весь окружающий мусор. Когда ты пришел к нам, ты был коллекцией банальностей, сводкой новостей с общественного канала, твое «я» было набором стереотипов не первой свежести. Сейчас в твоей башке та же каша. Может, даже еще хуже. И ты понапихал туда столько кремния, что он у тебя из ушей лезет. Ты практикуешь даталифтинг такой интенсивности, что долго не протянешь.

— Я вас не понимаю и понимать не хочу. Я сейчас делаю то, что мне хочется делать. То, что мне приходится работать против вас, — это временное, уверяю. Мне просто нужны деньги…

Ковецкий допил сок и поставил стакан на стол.

— Это бессмысленный разговор. Да или нет?

— Нет.

— Тогда будем играть по-другому.

— Вы же не начнете играть прямо здесь?

— Эта передышка мало что дает тебе, и ты это прекрасно знаешь. И это будет уже немного другое развитие событий.

— Это мы еще посмотрим. Вы меня еще не знаете.

Славик встал из-за стола. Задев стул у соседнего столика, он почти выбежал наружу. Трое лбов встали из-за стола и пошли за ним.

Ковецкий вытащил из внутреннего кармана мобильный телефон.

Номер ответил, когда он вышел на свежий воздух.

— Тамила? Да… Образец с тобой? Передавай ему привет… И остальным тоже. Да, ты была права… Да, встречаемся в восьмом кемпинге под Братиславой… Туда подкинут свои. Да, если твои орлы выедут сейчас, то к полуночи как раз успеют…

Парковка бортов, приходивших с Магистрали, располагалась на самом отшибе широкой площадки около тридцатиэтажной деловой «свечки» и въезда в подземный комплекс небоскреба. Там начинались еще восемь этажей гаражей и мастерских, резервная электростанция и компьютерные комплексы, обслуживавшие внутреннюю сеть.

Борт с отметкой «D-67» медленно подкатил к паркингу с восточного выхода. Группа водителей с Магистрали, стоявшая рядом с воротами, дружно замахала руками. На левом крыле супервана латиницей было написано «Obrazez». Белые буквы в стиле поздней готики ярко светились на черном полированном борту супервана. «Ирокез» точно вписался на свободное место и из него выбрался долговязый бородатый мужчина. И шевелюра и борода были отмечены густой проседью. Он достал из салона черную кожаную куртку и захлопнул дверь. Раскачивающейся походкой и немного сутулясь он подошел к магистральщикам.

— Кого ждем?

— Тебя, Васильич, ждем, — сказал низкий моложавый блондин. — Тамила сказала, что как ты подкатишь, так прямо к ней в офис и идти.

— А больше она ничего не сказала? Привет, мужики…

— Не, больше ничего. А что?

— Да ничего, выдернула с вахты, пять часов зад парил, пока сюда доехал. В чем дело-то?

— Да есть повод… Идем, — сказал блондин.

От группы отделился еще один гейткипер. Вся троица дружно двинулась в сторону центрального входа в офисный центр.

— …Третью неделю атакуют операционный терминал наших торговцев ценными бумагами. Одиночка, но работающий под Толстым. Кромсал защиту кластера, как электровеник, и очень профессионально выводил из строя все двадцать рабочих брокерских мест. Ну а потом, сам знаешь, два дня сисадмины

кластер чинят, ставят новые линии защиты, дальше приглашают комиссию из наблюдательного совета, чтобы те все проверили и пустили брокеров к работе. Еще два-три дня выпадают. Одна атака и весь бэк-офис неделю курит в глубокую затягу. Как починят-проверят, он тут как тут. И опять по новой.

— Ну и что, хорошо работает?

— Хорошо. Я бы его нанял, чтобы он на нас работал.

Группа магистральщиков влилась в поток офисных работников. Короткие приветствия, мимоходные пожатия рук, кивки. Утреннее шуршание серо-белой толпы. Стеклянные двери парадного входа так и оставались открытыми, и шесть лифтов работали на полную. Дроиды-уборщики, красные полусферы с логотипами на полированных боках, стояли на стреме в дальнем углу холла, ожидая часа, когда по холлу начнут перебежками перемещаться опоздавшие.

— …В прошлую среду его вычислили наши аналитики и поначалу планировали его помять по-простому. Отпрессовать на трассе и сжечь «железо». Пока репы чесали, он в четвертый раз кластер поломал. Тамила была вне себя.

— Еще бы.

— У фондовиков серьезная сделка срывается. У них на руках фьючерсный контракт на пакет акций. Фьючерс дает право сбросить акции по цене процентов на тридцать ниже номинала. Но минимум уже прошел, сейчас акции ползут наверх. Парень этот явно работает на того, кто очень не хочет, чтобы мы купили эти акции по цене ниже номинала. Еще две-три недели, и курс опять станет стабильным. Тогда этот фьючерс можно будет в рамку на стене повесить до лучших времен.

— Значит, сначала вы его должны были просто помять. Так? А теперь, я так понял, что-то опять переиграло?

— Правильно понял. Тамила сняла нас прямо с трассы.

— А что за парень?

— Сейчас будет брифинг, и тебе там все популярно расскажут.

Лифт остановился на одиннадцатом этаже. Магистральщики оказались в холле, размещавшемся посередине широкого коридора со множеством дверей. Мягкое напольное покрытие цвета морской волны, светло-серые двери с матовыми номерами на них, кулеры с холодной и горячей водой, поставленные через равные расстояния, и клумбы с зеленью, подключенные к автоматической системе полива.

Лифты продолжали выгружать из себя приехавших на работу офисных трудяг, которые, посматривая на часы, спешили на свои места, распахивая на ходу плащи и полупальто, что-то обсуждая

на ходу, вчерашний вечер и сегодняшнее утро. Каждый из них подходил к стойке приемной, и прокатывал темно-синюю пластиковую карту с логотипом «GK», оставляя свой след в локальной компьютерной сети.

Магистральщики, похлопывая себя по кожаным курткам, доставали портмоне, в которых держали все нужное: права, деньги, пластиковые карточки и в том числе темно-синюю карточку с логотипом GK. Для всех остальных, кто пришел сегодня в офис, эта отметка была необходимым условием для начала работы. Отметившись «на стойке», гейткипер как бы давал знать всем остальным в здании и вне его, что он уже на месте и искать его нужно именно здесь. Для магистральщиков это была скорее формальность. Основным местом их работы была дорога, и месторасположение в девять утра и в шесть вечера могло иметь разницу в тысячу километров.

За широким полукругом ресепшена в окружении сидели две секретарши, молодые девчонки — блондинка и брюнетка. Брюнетка работала за компьютером, набивая на клавиатуре какой-то документ, попутно отвечая на входящие видео- и звуковые сообщения, идущие со второго монитора. Она широко улыбнулась подошедшим и спросила, к кому они пришли. Блондинка носила широкие «стекла» и сидела в удобном кресле, в пол-оборота к стойке, делая в воздухе широкие пассы руками, даже не поприветствовав магистральщиков. Она просто их не видела, поскольку в данный момент находилась в «приемном шлюзе» локального кластера Сети, распределяя входящую и исходящую деловую информацию. Она была трафикером, человеком, распределяющим корреспонденцию для трех сотен людей, работавших на этом и трех других этажах.

— Мы пришли к Тамиле Маратовне, — сказал Васильич. Вместо ответа брюнетка кивнула направо. Пришедшие обернулись.

Сухопарая маленькая женщина с крашенными в каштановый цвет волосами, в возрасте где-то за пятьдесят бодрым шагом шла через коридор. Одетая в бордового цвета плащ, светло-сиреневый шарф и большие старомодные очки. Судя по величине глаз, смотревших из-за линз, у женщины была сильная дальнозоркость. Тамила Маратовна, не останавливаясь около стойки ресепшена, провела свою карточку через разъем, спрятала ее в не менее старомодной, чем очки, кожаной сумке и кивнула магистральщикам.

— Привет, мальчики. Идемте.

Они прошли за ней через весь коридор до самого конца, где Тамила резким жестом открыла дверь с номером 4004. За дверью

оказался большой зал уже заполненного народом офиса. Зал состоял из двух частей. Одна была поделена на кубики, другая отделялась от нее стеклянной стеной, в которой размещался отдельный кабинет.

Тамила на ходу скинула плащ на одно из кресел, стоявших в кабинете.

— Заходите, мальчики.

Она обошла широкий серый стол и нажала на несколько кнопок на браслете на левой руке. Стеклянные стены офиса подернулись поволокой. По впаянным в структуру стекла микронитям изхаметотона пошло тепло, меняющее цвет этого полимера. С той стороны стекло становилось непрозрачным, но изнутри офиса можно было наблюдать, что происходит снаружи. Второй слой защиты — такие же тонкие нити, но уже из сплава на основе меди, создавали колпак, который не давал электромагнитным волнам ни проникать внутрь помещения, ни выходить за его пределы.

— Тебя уже просветили? — обратилась она к Образцову.

— Так, в очень общих чертах.

— Тогда, если что, будешь переспрашивать.

Магистральщики расселись вокруг длинного овального стола. Темно-серая гладкая поверхность отразила черные рукава кожаных курток. Во время обычной планерки здесь могло поместиться человек двадцать.

— Операционный кластер отдела торговли ценными бумагами атакует хакер с ником Тенсинг. В своей весовой категории мальчик один из лучших. В европейскую десятку входит давно и твердо. Сейчас работает с крышей Толстого. У них краткосрочный контракт, который папа продлевает каждые три месяца. То есть пока Тенсинг не входит в его постоянную обойму. Толстый консервативен, молодых да ранних не жалует, долго присматривается, прежде чем делает окончательное предложение. На данный момент Тенсинг может рассматриваться как вольный стрелок, не имеющий твердых позиций в хакерском клане [Module9]. Это первое. Его атаки на кластер наших фондовиков не совпадают с профилем Толстого. Рынок ценных бумаг не входит в сферу его интересов. Из этого мы делаем вывод, что Тенсинг работает на кого-то еще.

— Толстый в курсе?

— С ним уже связывались. Предварительное прощупывание показало, что он не в курсе игр, которые Тенсинг ведет на стороне. Эту карту мы пока не играли, держим в рукаве. Касательно второго фронта, на котором резвится наш мальчик, то главная версия тут наш фьючерс на продажу акций «South

Telecom». В свое время кто-то из руководства сглупил и выкинул на рынок фьючерсный контракт на пакет их акций. То есть мы сейчас можем сбросить пакет по тысяча восемьсот за штуку при нынешней цене тысяча двести. После чего сразу же прикупить те же акции за нынешнюю цену.

— Тысяча двести?

— Да, тысяча двести. Если провернуть эту сделку сейчас, то результирующий пакет, который мы получим, будет не два с половиной, как сейчас, а пять-шесть процентов.

— Но цена на акции растет.

— Да, время идет, и чем дальше оно идет, тем цена становится ближе к той, которая зафиксирована во фьючерсе. Через две-три недели, когда, по прогнозам, акции доползут до номинала, смысл сделки пропадет сам собой.

Зазвонил терминал внутренней связи. Тамила, не включая изображения и не поворачивая головы, спросила: Кто? — Ярослав Гаврилович. — Скажи, что меня нет и буду не скоро. — Он будет просить перезванивать на мобильный канал. — Пусть перезванивает… — Она нажала несколько кнопок на браслете левой руки. — Люда, если будет звонить Ковецкий, соединяй сразу. — Виктор Федорович? — Да.

— Почему не пробовали перекинуть контракт другому консорциуму? На другой отдел фондовиков.

— Смысл? Тогда он стал бы атаковать другой кластер. Цель простая — дотянуть до того, когда акции поднимутся до номинала и реализация фьючерса не будет иметь смысла. Тогда Тенсинг и отойдет от дела. Пока вырисовывается такой сценарий. В связи с этим решили действовать быстро и грубо. Владик, этот засранец достал уже всех по самое не могу.

— Он не просто засранец, он талантливый засранец. Я посмотрел протоколы его атак… С делом все ясно, вопрос один. Ну и почему мы тут сидим, а не едем учить его уму-разуму? — вставил моложавый блондин.

Тамила скрестила пальцы рук и повернулась к блондину.

— Вчера вечером… ночью, в полвторого мне позвонили из центральноевропейского консорциума. Из головного офиса.

— Он и им успел насолить?

— Нет, но он имеет к ним прямое отношение. Три года назад он прошел курс подготовки у наших бустеров. Базовый курс, основы техник. В каком-то смысле он наш человек.

Моложавый блондин тихонько присвистнул.

Тамила вскочила из-за стола и прошлась по кабинету. Подойдя к стеклу, она минуты две молча смотрела на свой отдел.

— В чем там дело, пока еще не совсем ясно. Тумос обещал

уточнить все детали в следующие три-четыре дня. Но к операции уже сейчас подключаются коллеги из центральноевропейского консорциума. Более того, руководство операцией берет на себя один из топ-менеджеров.

— Кто?

— Виктор Ковецкий.

Моложавый блондин присвистнул во второй раз, но немного тише, чем в первый. Тамила опять быстро пробежалась вокруг стола и села на свое место.

— Вот поэтому, ребята, я вас и вызвала. Последний раз Ковецкий работал на Магистрали лет семь назад, и тогда он работал в нашем консорциуме. Он прислал список тех, с кем хотел бы делать эту операцию на Магистрали. Костя, — моложавый блондин кивнул, — за тобой координация действий фронтальных бортов и упреждающие маневры. Леня, ты берешь на себя тыл. А вы, господин Образцов, лично будете возить Ковецкого.

Васильич улыбнулся и склонил голову.

— Да, сразу, чтобы не забыть. Я дала команду смонтировать оборудование для обслуживания десятитерабитного канала на твоем «ирокезе», так что не удивляйся, если увидишь что-то новое на своей машине.

— Спасибо, Тамила, что предупредила.

— Да не за что, всегда рада.

Панель на столе подала тонкий сигнал.

— О, как раз вовремя. Сейчас у нас будет Ковецкий с Тенсингом в прямом эфире из-под Брно. Кто его знает, если у него получится разговор, то, может быть, и не придется никуда ехать.

Эрика Мортон выходила в числе последних. Она делала так почти всегда. Толкотня в узком салоне самолета всегда раздражала ее. Лучше было переждать минут десять и потом, когда в салоне оставались самые нерасторопные, не спеша снять свою ручную кладь с верхней полки и, сказав стюардессам стандартное «спасибо», выйти в переход.

Зал прилета пустовал. Некоторые пассажиры из ее рейса все еще находились в этом «предбаннике», проверяя ручную кладь и подключая свои личные терминалы, которые работали в урезанном формате в течение полета. Она обошла группу американцев, которые громко обсуждали не слишком опрятный вид зала прилета, и остановилась недалеко от входа серебристой бегущей дорожки. Один из янки, видимо, слегка перебравший виски во время полета, широко улыбнулся ей и что-то бегло

сказал своим друзьям. Она не обратила внимания на эту улыбку, вытащила левую руку из кармана своего длинного черного кожаного плаща и поправила прядь своих красных волос. Рукав плаща задрался, обнажив элегантный браслет. Американцы переглянусь и перестали шептаться. Скорее всего они видели последнюю модель CG-терминала Avalon-Real только в журналах. Модель еще распространялась среди постоянных клиентов «Амати» и до массового выброса на рынок оставалось еще недели три. Янки посмотрели, как девушка в черном плаще становится на бегущую дорожку, и возвратились к своей беседе.

Бесшумная лента уходила в глубь туннеля с бледными стенами. Лента медленно шла вниз, чтобы потом, пройдя плоский участок, опять пойти вверх, вынося к колодцу багажного отделения, который в хаотичном порядке пересекали несколько стеклянных труб с такими же движущимися лентами. Эрика прошла мимо группы китайцев, которые, судя по растерянным интонациям, не могли найти нужную трубу. Обычная история с теми, кто прибывал на старый терминал аэропорта «Шарль де Голль» в первый раз — отыскать вход на ту ленту, который выводил к заветному чемодану и наконец позволял облегченно вздохнуть по поводу того, что в полете ничего не пропало. Вершина архитектурной мысли своего времени сбивала людей с толку вне зависимости от национальности и вероисповедания.

Ее большая сумка лежала особняком на черной полосе транспортера. Привычным движением забросив ее на плечо, Эрика направилась к выходу.

У выхода толклись таксисты-арабы. Их тарифы вряд ли бы смутили ее, но она на дух не переносила этих профессиональных извозчиков, нахальных и жадных. Как и везде. Конечно, проще забросить сумку в багажник, авансом сунуть сотню евро этому коренастому тунисцу, упасть на заднее сиденье и без лишних хлопот доехать до дверей гостиницы. Но сегодня Эрика никуда не спешила. Сегодня был один из тех вечеров, когда никто не знает, где ты, никто не ждет от тебя обещанного и никто не смотрит тебе вслед. Встреча будет завтра. И нет большого смысла в том, чтобы добраться до гостиницы за двадцать минут или за час. Сегодня время не имело значения. Она активировала блокировку входящих сообщений на ручном терминале, оставив только номера Олафа, Маргарет и матери, и просмотрела ложный лог личной GPS-системы. В данный момент для всех остальных она находилась где-то посередине Европы, но никак не в Париже,

Китайцы таки нашли выход и теперь тоже, как и она, ждали челнок, который должен был довезти кого до второго терминала аэропорта, кого до станции RER, линии скоростных поездов,

которые шли в ядро города.

Когда она выходила из челнока, уже почти совсем стемнело. Несмотря на то что ноябрь уже заканчивался, было тепло. Недавно здесь прошел дождь и влажная черная брусчатка, ведшая к зданию станции, тускло блестела.

Она купила один билет на RER и десяток «картье» для проезда по внутренним линиям метро.

Садясь в подъехавший вагон, Эрика словила себя на мысли, что так до сих пор и не поняла, где начинается этот город. Большой Париж вобрал в себя пятую часть населения страны, и теперь здесь суетилось больше двадцати миллионов человек. Он разрастался не кругами, а как бы в длину, на запад и на восток, с каждым годом вбирая в себя новые пригороды и отстраивая новые жилые комплексы с замкнутой инфраструктурой, в которых человек мог жить, не покидая пределы здания годами. Город рос, но его ядро оставалось неизменным уже лет сто. Редкие небоскребы лишь подчеркивали общий ландшафт, состоявший из домов, построенных в прошлом и позапрошлом веках. Скоростные поезда RER соединяли пригороды с ядром и друг с другом, каждый день перевозя в своих вагонах миллионы обитателей города. По большому счету основная их часть ехала транзитом из жилых пригородов в деловые, и на станциях, где можно было пересесть на обычное метро, чаще всего сходили туристы, желавшие посетить заповедник с самой большой концентрацией архитектурных достопримечательностей. Центр с завидной стойкостью хранил свою целостность. В отличие от других городов, навсегда испорченных десятками стеклянных башен деловых центров, жизнь в старом Париже оставалась законсервированной и сохраняла былой ритм и содержание.

На остановке «Ле Бурже» в вагон зашли музыканты. Веселая компания уличных сайсерферов со стареньким голопроектором, который почему-то не работал. Что, впрочем, мало их смущало. Пока один из них возился с этим видавшим виды аппаратом, остальные играли традиционный французский шансон вперемежку с какими-то восточноевропейскими городскими песнями и старыми рокерскими хитами. В перерывах между номерами один из них, широко улыбаясь, говорил что-то на местном диалекте, обращаясь к пассажирам, коих было совсем немного. Усталого вида клерк, сидевший напротив Эрики, читал какую-то деловую газету и тихо усмехался очередной реплике фронтмена этой уличной команды. Они были веселы, молоды и, судя по всему, мало отягощены заботами по управлению своими

материальными и нематериальными активами. Поезд пропускал одну остановку за другой, огни за окнами превратились в яркую бесконечную ленту, а голопроектор так и не работал. Они поочередно отыграли акустическую вариацию Smoke on a Water, «Калинку» и что-то из репертуара Пиаф, не переставая веселиться и отпускать шутки. Эрику разморило.

Avalon-Real на ее руке начал пульсировать, сигнализируя о вызове по обычной мобильной связи. Она отдернула рукав плаща и приложила CG-терминал к уху. Это был Олаф.

— Да, я уже в городе. Да, встречаемся завтра.

Она встряхнулась и посмотрела в окно. Справа по ходу вагона светился холм Монмартра, увенчанный романскими куполами базилики Сакре-Кер, RER подъезжал к станции пересадки.

Вокзал «Гаре де Норд» встретил ее вечерней суетой пассажиров, спешащих сменить направление движения. Здесь, на этой многоярусной развязке, переплетались маршруты RER'a, поездов дальнего следования и нескольких линий старого парижского метро. Следуя разноцветным указателям, Эрика вышла на платформу четвертой линии и села в подошедший поезд.

Проехав два коротких перегона, она вышла на «Страсбург-сен-Дениз». Вместе с ней из вагона вышли молодые люди, юноша и девушка, судя по пухлым желто-синим курткам, неместные, туристы-дикари. Юноша тут же надел виртуальные «стекла», что-то переключил на ручном пульте управления и, явно следуя навигационной программе Си-Джея, с уверенностью направился к одному из выходов. Гид-навигатор, указывавший правильный выход из метро, действительно был неплохой штукой, в особенности для тех, кто ездил здесь первую неделю. Старое парижское метро, этот термитник, отделанный белой квадратной плиткой, однообразный в своем беспорядочном нагромождении коридоров, разукрашенных рекламными щитами и автоматическими аппаратами по продаже газет и напитков, мог запутать кого угодно. Виртуальное «отражение» метро в Си-Джее, в котором работали виртуальные лоцманы, говорившие на двухстах пятидесяти живых языках, давало возможность выбраться из него там, где нужно, а не там, где получалось. Поэтому туристов вроде этой пары можно было без труда распознать по отрешенному взгляду за оправами «стекол» или пялящихся в ручные CG-терминалы. Эрика обогнала их, безошибочно зная куда идти. Пробежав клетчато-белыми коридорами по давно знакомому маршруту, она вышла на

короткий эскалатор, поднявший ее на Севастопольский бульвар.

Она постоянно останавливалась в этой гостинице. Маленькая гостиница, каких сотни в этом городе. При желании можно было остановиться где-нибудь в более приличном месте, но Эрика любила такие вот скромные, неприметные отели.

Негра-вахтера, старого и нудного, имевшего к тому же привычку решать личные дела по мобильному телефону в присутствии ожидающих клиентов, она знала. В первый раз, когда она поселялась здесь, он наорал на нее и не хотел отдавать ключ от номера. На этот раз он читал «Пари-матч» и, не поднимая глаз, положил на стойку ключ. Наверное, он увидел ее, когда она подходила к гостинице. Номер был забронирован и проплачен на три дня вперед. Комната 102.

Пожелав негру по-английски хороших снов, Эрика поднялась наверх.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ведущий с пачкой картонных карточек, с заготовленными вопросами в одной руке и микрофоном в другой бегал по аудитории, в которой сидели около сотни человек и еще двое на вращающихся креслах на сцене. В одном сидела дама в возрасте и в брючном костюме индивидуального пошива, в другом — ее дочка в грубых армейских ботинках, широких штанах защитного цвета и черной футболке, какие носят солдаты срочной службы, и, судя по выпирающим из-под футболки соскам, бюстгальтера на барышне не было. Зато нижняя губа была проколота в четырех местах. Темой ток-шоу была извечная непримиримость поколений, мама дочки не любила пирсинг. Ведущий сделал еще один бодрый пробег по аудитории и объявил выход еще одного участника обсуждения — транз-звезды второго эшелона. Транз, сутулый и оттого похожий на знак вопроса, вышел на публику с высоко поднятыми руками, которые до локтей были обмотаны тонкими цветными проводами, некая модификация старой, как весь авангард, хипповской фенечки, с той лишь разницей, что транзовские провода несли больше функциональной нагрузки — они были основным инструментом его работы. Создание и управление образом в виртуальной «банке» на танцполе осуществлялось с помощью мышц предплечья, передававших сигнал на датчики, фиксировавшие изменения формы мышц, и дальше, на декодеры, конвертировавшие эти изменения в электрические сигналы. Для ди-джея-транза пирсинг был необходимостью, а не украшением.

Славик налил в стакан еще немного водки и переключил канал.

Терминал Кибернетического Глобуса, настроенный на сорок восемь общественных каналов, был единственным источником освещения в комнате мотеля, в котором он остановился. Славик полулежал в глубоком кресле, закутавшись в длинный махровый халат желто-черных оттенков, рядом на столике стояла начатая пол-литровая бутылка «Московской» и пакет апельсинового сока. Микроклимат в комнате он настроил под себя, стандартные режимы «умных» кондиционеров от LG ему не слишком нравились. Немного холода и тепла в пропорциях один к трем. Единственным дискомфортным моментом был противный скрип синтетического кресла.

Впрочем, все это были мелочи по сравнению с теми услугами, которые предоставлял мотельный комплекс «Non-Wired-4» приезжающим сюда. Внешне ничем не отличающийся от таких же

двух-трехэтажных комплексов, мотель под Брно, располагавшийся около развязки трасс Е-50 и Е-461, имел ряд существенных отличий от других придорожных заведений. Даже обычные видеокамеры отсутствовали, не говоря уже о камерах полного волнового спектра. Стены здания были прошиты «латунью», экранирующим покрытием, защищавшим от проникновения любых внешних излучений.

Этот комплекс не был зарегистрирован в Си-Джее и не имел образа в виртуальном пространстве. Как следствие отсутствия большинства технологических атрибутов, обеспечивающих безопасность приезжающих, охрана этого комплекса была вдвое больше, чем обычно, и на порядок лучше в качественном отношении. Мотельный комплекс не был обычным постоялым двором. Это был так называемый кейдж, изолированный от всеобщей кабельной обмотанности и оцифрованности оазис, две трети контингента которого составляли магистральщики всех расцветок. Нейтральная территория, на которой запрещалась любая драка между противоборствующими группировками. Ведение слежки сильно затруднялось из-за отсутствия в коммуникациях здания одних технологий и чрезмерного присутствия других. Приехав сюда, магистральщик мог расслабиться. Естественно, за соответствующую оплату. И не только деньгами. Искушение разобраться с конкурентом, ночующим за другой стенкой, сдерживалось не столько охраной, сколько тем, что один раз нарушивший правила отморозок больше никогда не имел бы возможности остановиться не только в «Non-Wired-4», но и во всех остальных кейджах, от киевского Лежбища до лиссабонского «Ninia». Вне зависимости оттого, кем ты был, хакером-одиночкой или интерполовским кибером-оперативником. Безопасность и покой были главным товаром этого заведения.

Входная дверь открылась. В коридоре послышались шаги. Стука в дверь не было. Она вошла и зажгла свет в комнате.

Красный облегающий комбинезон и длинные белые волосы. Шлем черного цвета. Ее любимые оттенки. Она принесла с собой съемный багажник, крепившийся вместо второго сиденья на последних моделях «судзуки». Багажник опустился рядом с креслом. Славик поглядел на нее рассеянно улыбающимся взглядом.

— При-ивет… Как дела?

— Нормально. — Она положила шлем рядом с бутылкой водки. — Что случилось?

— А… — Славик налил в водку сок и лениво перемешал ее

пластмассовой трубочкой. — Иди в душ, потом расскажу.

— Ты выглядишь как свинья.

— Ка-атя, не катайся по мозгам… — На экране замелькали картинки.

Катя встала, тряхнула волосами и начала распаковывать багажник.

— Ты напился.

— Пока еще нет, — благодушно ответил Славик.

Катя вытащила из багажника полотенце и бело-голубой халат. Прожужжала расстегивающаяся молния комбинезона. Славик оторвался от экрана.

— Отвернись.

— Что появилось, чего я не видел? — сказал он, наблюдая, как комбинезон оседает на серо-синий ковролин.

Катя кинула комбинезон на кресло.

— Я сейчас вернусь, и ты расскажешь, почему ты в таком виде.

— А ты сейчас в таком виде…

Она ничего не ответила. Последним в багажник упал съемный термоформ и длинные белые волосы. Настоящие ее волосы тоже были белыми, термоформ повторял контуры ее настоящего лица.

Маскировка, обманывающая два раза.

Шлепки босых ног по коридору, хлопок двери, звук льющейся воды. Он поудобнее устроился в кресле.

Тонкие стеклянные очки на худом лице и длинное черное платье, дергающееся в такт выверенным движениям, которые расписал сценарист и выдрессировал режиссер. Ведущая стояла в центре полукруга, образованного двенадцатью стойками, за которыми стояли участники викторины, непохожие друг на друга, такие разные, и разнообразие это, достигнутое с помощью нескольких жестких отборочных фильтров, которые еженедельно пропускали через себя тысячи писем желающих заработать немного денег в вечернем шоу, было почти естественным. Это «почти» создавала мимика их лиц, выхваченные камерой моменты радости или разочарования. Солянка вопросов готовилась из вырезок школьной и университетской программ, статей из National Geographic или «Древа познания», сборников кратких биографий великих людей. Славик переложил стакан из одной руки в другую. Движение отозвалось легким покалыванием в области левой ягодицы. Он отсидел задницу. Ленивое ерзание в кресле, из-за которого он почти пропустил смысл восьмого вопроса. На последних этапах игры, в особенности когда речь шла

о хороших суммах, качество вопросов менялось. Вроде бы все как всегда, из разряда «чего-то я помню, но не совсем уверен, что это так», но на самом деле для правильного ответа требовалось сложить паззл из кусков информации, лежащих слишком далеко друг от друга. Последний отборочный фильтр учитывал степень этого разноса. Ведущая посетовала на неудачу финалистки, повернулась к ней спиной и лихо подмигнула глазом в сторону зрителя.

Защелка в ванной звонко лязгнула.

Славик опять нажал кнопку на пульте и сделал звук тише. Катя вошла в комнату. Халат, плотно запахнутый на теле. Полотенце, перекинутое через правое плечо. Они встретились взглядом, но она ничего не сказала, вытащив из багажника фен. Шум фена заглушил звук, идущий из терминала. Демонстративно повернувшись спиной, Катя сушила волосы феном и вытирала их полотенцем. Славик долил себе в стакан еще водки и тупо уставился в экран. Сейчас с ней точно было бесполезно говорить, она все равно ничего не услышит.

Наконец она выключила аппарат и повернулась к нему. «Почему она не оставила полотенце в ванной?» Реклама на канале закончилась, и он опять стал невпопад жать на кнопки.

— Что произошло? — спросила она, запаковав фен в багажник и повернувшись к нему.

— Ничего особенного, — сказал он с расстановкой. Катя уперла руки в боки.

— Еще раз по-хорошему спрашиваю: что произошло?

Он знал этот взгляд и это выражение лица. Упрямое желание знать во что бы то ни стало. Вопрос во всем: в замерзшем рисунке губ, в немигающих глазах. Вопрос, на который лучше дать ответ, и все равно, что будет сказано. Славик не любил этих глаз, когда они смотрели на него так. И этих плотно сжатых губ. Они и так были тонкими. Как и вся ее фигура тонкая от щиколоток до носа. Стройное тело, хрупкие черты лица. И большие глаза. Серые и большие, и когда она смеялась, они становились еще больше. Но сейчас от всего этого было ой как далеко.

Она стояла и продолжала держать в руке мокрое полотенце.

Ему стал надоедать этот разговор. Славик приподнялся в кресле.

— Значит, так, завтра ты возьмешь билет на ближайший рейс до Лос-Анджелеса. На себя. И забронируешь билет на мое имя. На вторые наши имена, я надеюсь, ты поняла. По прилете обналичишь наш счет в Western Union и положишь деньги на счет в First Pacific Bank.

Ответом был все тот же упрямый взгляд.

— Да, да, конечно, как прикажете, только ты не ответил на вопрос. Ты можешь объяснить, что случилось?

— Сначала скажи, что ты поняла, что нужно сделать. И что ты сделаешь это вне зависимости от того, что я расскажу.

— Хорошо, я поняла. Я слушала и слушаю тебя очень внимательно.

— Сегодня у меня была встреча с человеком из центральноевропейского консорциума GK. Он предложил киберклонирование в обмен на полное списание ущерба, который я нанес во время последней операции. Я отказался. Рейд в пятницу будет последним. После него нам надо сразу откатываться за Атлантику. Сразу, поняла? Слава богу, хоть паспорта успели купить… Поэтому завтра ты поедешь и сделаешь то, что я тебе сказал. Ты улетаешь завтра. Завтра, поняла? Второе — свяжись с Мирославом. Полагаться на людей Толстого я бы не стал. Нужен еще один эшелон поддержки.

Он щелкнул пультом.

По первому Карибскому каналу показывали передачу про человека, умеющего надувать воздушные шары глазами.

Камера крупным планом показала человека, который надел очки для плавания. В одном из них вместо стекла был прикреплен резиновый шар. Потом человек зажал нос правой рукой и начал дышать, выдыхая через глазные веки, и вскоре вместо висящей на очках резиновой тряпки надулся красный шарик с логотипом Coca-Cola, который старик-кубинец, уже лет сорок зарабатывающий этим делом, ловко завязал свободной левой рукой, снял с очков и подарил сингапурским туристам, снимавшим представление на камеру. Репортершу из CNN.Travel.com, которая брала у него интервью, интересовало, что было изображено на шариках в то время, когда страной правил Кастро, на что кубинец ответил, что в то время на шариках изображались портреты Че.

Катя продолжала молча смотреть на него. Он почти лежал в кресле, скрючившись в нем, как вопросительный знак. Ее лекции по поводу того, что сутулость ему не идет, были о стенку горохом. Когда они начинали встречаться со Славиком, эта сутулость почти не была видна. Конечно, Аполлоном его можно было назвать тоже с большой натяжкой: среднего роста блондин, с неширокими плечами и все время засунутыми в карманы руками. Но тогда он носил узкие джинсы и длинные пальто, выравнивавшие его фигуру. Но потом, когда они вышли на Магистраль и стали заниматься всем этим… Чем дальше, тем чаще он прятал руки в карманах, а голову втягивал в плечи. В широких мешковатых штанах и таких же куртках Славик

становился похожим на огородное пугало. Маскировочный муляж, термоформная маска, которую он иногда носил в общественных местах, совсем ей не нравился. Эти жиденькие усики с вечно прилипающими к ним крошками раздражали ее. Странно, подчас ей казалось, что чем дальше, тем больше его лицо становилось похоже на эту маску, хотя он никогда не носил усов.

Пауза затянулась. Она нарушила ее, задав вопрос:

— Это все?

Он дернулся и зло посмотрел на нее:

— А что ты еще хотела услышать?!

Катя взорвалась:

— Если ты думаешь, что рассказал все, то можешь не продолжать! Для тебя все ясно и понятно! К тебе пришел кто-то, кого знал когда-то, и предложил сделку! Я не знаю ни то, кто этот человек, ни зачем ему нужен твой киберклон, ни почему я завтра должна бросить все и улетать отсюда! У меня тоже есть обязательства, мне тоже нужно утрясти дела. Тебе все равно, как я это сделаю, ты ничего не объясняешь и требуешь от меня, чтобы я слепо подчинилась! Отлично!

Катя бросила полотенце на кресло и начала что-то искать в багажнике.

— Ты должна улететь, — глухо сказал он.

— Что я еще тебе должна?!

— Не ори!

С минуту в комнате стояла мертвая тишина.

— Если последний рейд будет в пятницу, то нам не хватит денег на то, что мы планировали.

— Нам хватит на обе лицензии. На дом в Окленде не хватит. Ничего, через год-полтора подзаработаем и купим. Может быть, даже не в Окленде… — Он откинулся в кресле, нервно сжимая пустой стакан.

— Слава, я не понимаю, у тебя есть прикрытие, какие проблемы?

— Ребята Толстого хороши для того, чтобы отбивать отморозков из конкурирующего хакерского клана, но не для того, чтобы воевать с гейткиперами!

— Они отбивали и гейткиперов.

— Да, но это было по мелочевке, пока я не взялся именно за это дело. Именно это дело. Не забывай, что они не в курсе того, что я прокручивал под их прикрытием. И что я должен Толстому. А если «папа» узнает о деталях…

Ее лицо стало чуть мягче. Она всегда отходила от этих стычек быстрее его. Катя подняла полотенце, упавшее с кресла на пол.

— Кто был этот человек?

— Гейткипер. Бустер.

— Бустер? — Она усмехнулась.

Бустер, решающий дела на Магистрали, был так же уместен, как хакер на Северном полюсе.

— Виктор Ковецкий. Ацтек. Второй деми-лич центральноевропейского консорциума GK.

Смятое полотенце повисло на подлокотнике кресла. Она присела на край и положила руки на плотно сдвинутые колени.

Затянутый серым бинтом рваных облаков горизонт с опускающимся солнцем. Желтые дыры двигателей на черном силуэте реактивного истребителя, вокруг которых колышется горячий воздух. Техники-координаторы в масках-шлемах, закрывающийся колпак. U.S. Forces break trough. Бегущая строка с короткими сообщениями. Курс NASDAQ, Nikkei, Dow Jones с треугольниками, красными, обозначающими, что курс пополз вниз, и зелеными, говорящими, что он идет вверх. Классический дизайн окна CNN. По каналу шел репортаж из Залива, оперативная съемка на одном из американских авианосцев и рассказ о подготовке очередного бомбово-гуманитарного налета на Южный Афганистан. Картинка сменилась сводкой погоды, которую вела кибернетическая Шэннон Стюарт, совместное дитя CNN и Sony, сделанное на старой гавайской студии. Быстрая очередь из фарренгейтов-цельсиев закончилась и на экране возникло интерактивное меню, выбор из сотни различных точек, ведших прямую трансляцию из зоны бомбежки, которую фиксировали несколько тысяч роботов-микрокамер, выброшенных в районе Герата на прошлой неделе и с которыми одинаково упорно боролись обе противоборствующие стороны, выкуривая нарушителей баланса информационной войны из тех щелей, в которые они забирались. В последние десять минут самый высокий рейтинг был у камеры № 412, в непосредственной близости от которой разорвалась осколочная мина. Ноги, обутые в высокие армейские ботинки, в штанах пустынной окраски. Торчащие из ног позвонки. Второй половины тела не было.

Славик выбрал другую камеру.

— Как тебя нашли?

В стакан снова полилась водка и сок. Он думал отпить, но поставил его на столик.

— С ресурсами, доступными такому гейткиперскому иерарху, как деми-лич, можно вычислить что угодно… Какая разница… — Он положил пульт на столик и развел руки в стороны, пытаясь придумать следующую фразу. Бессвязная жестикуляция закончилась тем, что в его руке вновь оказался стакан с

«отверткой». — Какая разница?! Это не важно. Важно то, что пришел лич и что он хочет содрать с меня киберклон!.. Вот это важно. И это значит, что им еще что-то нужно… Виктор Федорович не такой человек, чтобы просто так приходить…

— Ты его знаешь?

— Я? Да, конечно… — Стакан перекочевал на столик. — Он был шефом бустеров, которые работали над нашим проектом. Можно сказать, что он мой учитель.

— Ну хорошо, он предложил тебе киберклонирование, чего ты нажрался и собираешься делать отсюда ноги? Может быть, лучше согласиться на его условия, сделать то, что он просит, и спокойно уйти? Он же сказал, что спишет все.

Он выскочил из кресла как ошпаренный.

— Ты соображаешь, что ты говоришь?! Ты понимаешь, о чем ты? Это значит, что два года со мной никто работать не станет! Киберклон… Кому нужен хакер-человек, когда можно арендовать его копию втрое дешевле?! Почему ты иногда такая дура?!

— Я не дура и не кричи, у меня голова от этих воплей уже болит! Ты и так собирался уходить из этого дела! Ты не будешь больше заниматься взломом, мы это обсуждали еще в самом начале. Или ты опять все переиграл?! Отдай ему то, что он хочет, и давай отсюда уедем, как люди… Мне надоело постоянно бегать и ночевать где придется, думать о том, чтобы тебя не взяли! Отдай ему то, что он хочет, и все, прекратим на этом.

— Один хрен! Если в «Гаванях» узнают, что у меня появился киберклон, они перекроят весь контракт так, что не видать нам всего того, что мы планировали, как своих ушей! Ты что, этого не знаешь?! Я им буду уже не нужен, потому что они смогут запускать пространство без меня, без моих психических профилей. Ну я тебе рассказывал это и не раз!

Катя перевела дыхание и опустила глаза, но ее руки опять уперлись в талию.

— Я все прекрасно помню. Как отреагируют в «Гаванях» — это еще вопрос. Надо связаться с Роджером и обсудить с ним это. В крайнем случае он поможет переписать контракт так, чтобы ты получил процент, а не разовую выплату.

— Не надо связываться с Роджером.

Она опустила руки и села в кресло. Пояс халата немного расслабился, и он мог видеть, где начинается ее грудь. Опять сев в кресло, Славик взял пульт и стакан в руки.

— Попробуй договориться с личем, чтобы выиграть время. Потом придумаем, как надуть менеджеров «Гаваней».

Равнина с четкими силуэтами далеких гор. Два ряда автомобилей, двигающихся навстречу друг другу, одинакового

серо-стального цвета, но разных классов и типов, от городских минивэнов до дальнобойных траков и рейсовых междугородных автобусов. Сорок марок Mercedes двигались навстречу друг другу посреди плоской бесконечности. Встретившись посередине, они перестроились в колонну и начали движение по замкнутой траектории. Сначала круг, потом восьмерки, потом одна из петель восьмерки стала уменьшаться и восьмерка стала опять кругом. Славик закрыл глаза, а когда открыл — на черном фоне сияло лого Mercedes. Реклама закончилась, и по экрану терминала опять пошли новости о наводнении в Красноярском крае. Грязно-желтая вода поверх крыш, на которых сидят по большей части люди пожилого возраста с пожитками, которые удалось вытянуть наверх. Некоторые из мужчин держали в руках ружья. Вечерело, и мародеры приходили по воде.

Катя тоже смотрела на экран.

— Переключи…

— Хорошо… Договориться с личем, да? Ты знаешь, что я думаю? Я думаю, что лич пришел не для того, чтобы наказывать меня за проказы с кластером. Он пришел за треком. Ему, нет — им, им нужен кластер. И… договариваться с ними бесполезно. Ты не знаешь, кто они такие. Не такие, как мы… совсем не такие. Нельзя договориться с фонарным столбом, чтобы он не отбрасывал тень в летний полдень. Понимаешь? Нельзя!. Ты понимаешь меня?.. — Он сказал это почти шепотом.

Катя встала с кресла и подсела к нему. Ее еще влажные руки обняли его за голову.

— Да, маленький, я тебя понимаю. Что гейткиперы могут сделать с тобой? Убить?

Он продолжал смотреть на экран.

— Ничего ты не понимаешь, — сказал он и обнял ее.

Он уткнулся ей в грудь и тяжело задышал, потом по его телу пробежала дрожь. Катя знала эту привычку и силой оторвала его от себя.

— Ну что такое? Как ты себя ведешь? Напугал меня своими гейткиперами до полусмерти, а теперь хихикаешь?

Он отдышался.

— …ха, хм… ага… Но Кать, насчет самолета — это не шутка. Надо улетать, чем дольше мы сидим здесь, тем больше у нас шансов облажаться. В Штатах у гейткиперов слабые позиции. По крайней мере на местных магистралях им развернуться не дают. Так что карету мне, карету. Милая, сделай то, что я просил, хорошо? Сделаешь?

— Сделаю, сделаю. Хорошо.

— Завтра же. Хорошо?

— Хорошо, — совсем тихо сказала она.

На экране мигал курсор. Логотип центральноевропейского консорциума GK вращался вокруг своей оси, а под ним светились поля, где можно было пробить логин и коды доступа к проводникам Кибернетического Глобуса, которые могли найти любую нужную информацию.

«Везде они». Славик опять начал жать на кнопки. Остервенело, даже не всматриваясь в то, что показывают на экране.

Катя не видела этого, взяла стакан и налила туда немного сока. Придерживая за полы халат, она перебралась на кровать рядом с креслом.

— Дай сюда, ты всегда такую чушь смотришь.

— Отстань…

— Да, вместо того чтобы чем-то более полезным заниматься, ты часами валяешься и смотришь этот дурной ящик.

— Слушай, может, ты перестанешь мне указывать, что я должен, а чего не должен делать?!

Славик вскочил с кресла и отдал ей пульт.

— Ты куда?

— Отлить! Может, мне еще на это разрешения испрашивать?!

Катя взяла пульт и стала серфить по каналам.

Он вернулся то ли надутый, то ли серьезный. Эти резкие перемены настроения уже не были неожиданными, как раньше. Как-то она даже сильно обиделась на него в ответ, но поняла, что надо быть умнее и терпеливее. Его глупая выходка со взломом банкомата в Пильзене. Банкомат стоял на улице, а они сидели в кафе напротив. Он взломал его, пересек улицу и взял деньги. А через несколько минут в кафе зашли два полицейских. Она сказала ему тогда, что он глупый мальчишка, и он обиделся. Чем дальше, тем эти перепады становились чаще и скоротечнее. Когда он выходил на очередную операцию, Катя вообще предпочитала уезжать, мотивируя это тем, что у нее тоже есть дела. Те две-три недели, когда он проворачивал очередное дело на Магистрали, делали его еще более дерганым и невыносимым. Потом он неделю ходил как в воду опущенный и только его кластер, работа над проектом для «Гаваней», ослаблял это напряжение.

— Ну ладно, не дуйся… Иди сюда. — Она положила пульт на теплое коричневое одеяло, лежавшее на кровати.

Славик изменил выражение лица и как бы нехотя перебрался к ней.

Они лежали на кровати, а монитор терминала переливался праздничными оттенками слайд-шоу музыкального канала TVM-

Grammy+. У Кати тоже был стакан, но без водки, только сок. Она запахнула халат и надела толстые шерстяные носки.

— Слав, а что было тогда у гейткиперских бустеров? Ты никогда особо не рассказывал о том, что там было.

— А ты никогда особо не спрашивала.

— Ты не любишь говорить на эту тему.

— Это был кризисный период в моей жизни. О чем вспоминать? О своей слабости.

— А личи? Что в них такого? Что-то вроде тайной полиции гейткиперов?

— Чушь это все. Никакая они не тайная полиция.

— А кто?

— Да какая разница?

— Слава, ты не боишься, что они сейчас вломятся и сделают все так, как им надо? Залепят мне лицо лентой, запрут в ванной, тебе введут катетер и скачают все, что им надо?

— Я думаю, что ребята Толстого успеют продержаться… минут десять. — Они рассмеялись. — За это время я успею демонтировать адаптер у себя в затылке, а ты успеешь позвонить сестрам.

— А если у нас будет всего пять минут и они накроют колпаком связь кепминга? — Она налила себе еще сока и не стала поправлять съехавшее плечико халатика.

— Схемы нейроразъемов можно сжечь обычной электробритвой. А катетер штука запрещенная и возиться с ним ой как долго. Шум ребята Толстого успеют поднять такой, что здесь очень скоро будет еще много таких же ребят… — Он оголил ее второе плечо и принял у нее стакан. — Это крайние меры. Да и не сунутся джаки в кейдж. Им же дороже будет.

— То есть беспокоиться нечего?

Он поцеловал ее в оголенное плечо и поправил халат.

— Беспокоится надо. Понимаешь, если операцией руководит деми-лич, то в деле задействованы серьезные ресурсы. Три-четыре десятка узлов, дюжина спутников, парочка эй-ай корпоративного класса, работающих на две трети номинала. Если на верхушке такой человек, то айсберг этот довольно большой. Если здесь лич, то дело точно не будет двигаться по обычному расписанию. У них всегда есть пара гадостей в запасе, причем гадостей вполне законных или таких, из-за которых виновники отделаются легким штрафом. Но с другой стороны, чтобы провернуть эти гадости, нужно очень постараться. Не все и не всегда им удается. Так что у нас есть шанс.

— Ну хорошо, если ты так уверен. Хотя я не понимаю, что делать — плакать или смеяться?

— Улетать отсюда, Катя, улетать. Начинать новую жизнь. А сейчас давай спать.

Олаф Мортон был старшим братом ее матери, Кристины Мортон. В середине 80-х годов он покинул Штаты для того, чтобы получить образование в Старом Свете. Получив магистра экономики в Сорбонне, он устроился маркетологом в парижский офис малоизвестной тогда издательской компании Infogrames, которая в то время переходила в новый сегмент рынка: компьютерные игры на платформе PC. Через десять лет Infogrames, после длинного ряда поглощений своих ближайших конкурентов, стала одним из крупнейших издателей этих самых «игрушек», а Олаф, своевременно купивший акции родной компании, — обладателем суммы настолько круглой, что можно было смело начинать свое дело, не прося помощи из-за океана.

Олаф Мортон имел за спиной больше десяти лет опыта в игровой индустрии, он также имел достаточно широкие связи и не менее широкий взгляд на то, что происходило с индустрией развлечений тогда. Игра на бирже с акциями издателей и репутация компетентного бизнес-аналитика и специалиста по играм вообще давали ему возможность безбедно существовать и содержать семью. Но главный прорыв был впереди.

Первая волна европейского кибермарта, начавшаяся в 2005–2007 годах, не застала его врасплох. Можно даже сказать, что он приложил к этому руку. Пока американские разработчики продолжали клепать бездумные клоны третьего DOOM'а, продукцию, рассчитанную на детей от пятнадцати до двадцати пяти, европейцы решили разработать новый сегмент рынка — аудиторию в возрасте от тридцати пяти до сорока. То, что планировалось как «небольшой» передел на рынке, стало прорывом в новую сферу. Игры переставали быть просто играми, индустрия переходила в новую, более зрелую фазу роста. В то время, почуяв куда дует ветер, Олаф продал несколько новых игровых концепций перспективным студиям разработчиков и, пользуясь своими связями, вывел их на крупных издателей. Платой за эти услуги была доля в бизнесе. Так он стал совладельцем нескольких новых студий, попутно организовав пару галерей нового формата.

Потом был Сайберглоб и вторая волна кибермарта и много еще разных интересных вещей. Дядя Олаф вел с виду тихую, но на самом деле весьма активную деловую жизнь, помогая, создавая, продавая и перепродавая все, что было связано с кибернетической ветвью современного искусства. Он был в курсе всего нового и мог дать квалифицированную консультацию относительно всего

того старого, созданного в области виртуальных искусств, начиная с примитивных аркадных игр конца восьмидесятых и заканчивая последними интерактивными проектами во второй зоне Си-Джея. Олаф Мортон знал «что, где, когда и почем», а также знал «кто» и «у кого». Он был крепко стоящим на ногах владельцем нескольких модных галерей, через которые можно было приобрести новомодные образцы кибернетического искусства по сходной цене.

Эрика иногда консультировалась у него. Случалось это не часто, поскольку дядя Олаф, несмотря на то что работал в сфере высоких технологий, почти не пользовался коммуникационными благами цивилизации. Отчасти это было связано с тем, что он не любил пользоваться открытыми каналами связи, а учиться пользоваться «серыми стволами» и программами-шифровальщиками он считал детством. Если кто-то хотел что-то узнать у Олафа, то для этого с Олафом нужно было встретиться лично, причем на его территории.

Ситуация была парадоксальной, но тем не менее репутация торговца современным искусством от этого не страдала.

На этот раз ей действительно нужен был совет. То, что попало ей в руки, было одновременно как непонятным, так и многообещающим. То, как это попало ей в руки, заслуживало отдельной истории. Эрика очень хотела понять, что это, и такой эксперт, как дядя Олаф, был просто незаменим.

Она встала в восемь, хотя не в ее привычках было вставать в такое время. Но завтрак в этой гостинице начинали подавать в восемь, а близлежащие кафе начинали работать только в десять.

Два круассана, черничный йогурт, кукурузные хлопья в молоке и чашка кофе. Более чем достаточно, чтобы дотянуть до обеда. Горничные косо посмотрели на нее, когда она взяла еще два йогурта. Потом выставят счет на пятнадцать евро, но это в порядке вещей. Эрика никогда не укладывалась в тот рацион, который входил в стоимость проживания. Вернувшись в номер, она закинула йогурты в холодильник и быстро собрала рюкзак, оделась и выскочила на улицу.

Эрика вышла на Севастопольский бульвар и пошла в сторону Сены. Можно было нырнуть в метро и проехать пару остановок, но Олаф ждал ее к половине десятого.

Город еще спал. Свежевымытые ночным дождем тротуары были пусты, редкие машины и мотоциклисты проезжали через перекрестки, не обращая внимания на светофоры. В воскресенье утром жизнь здесь начиналась не раньше десяти. Магазины были

закрыты, некоторые на целый день. Наружные площадки небольших кафе были пусты. За оградами из низких заборчиков и клумб с цветами, вокруг небольших столиков в беспорядке стояли стулья. Следы ночных посиделок жителей близлежащих домов. Несильные порывы ветра теребили красные и зеленые тенты, натянутые над площадками, и сносили желтые листья, которые падали на них. Они падали на тротуар, и ветер продолжал нести их дальше, мешая с обрывками газет и бумаги. Только «Макдоналдс» на другой стороне бульвара был открыт, и двое одетых в униформу служащих убирали тротуар перед зданием.

Она не спеша шла по бульвару, рассматривая витрины магазинчиков, цены в кафе на выносных меню и аккуратные клумбы на мансардах последних этажей. Бульвар рассекался небольшими улочками, соединявшими его с улицами Сен-Мартин и Сен-Дениз. Свернув с бульвара на такую улочку, беспечный турист оказывался в лабиринте из все тех же кафе и магазинчиков самого разного пошиба — от небольших бутиков с коллекциями от Диора прошлогодней давности до лавок, торгующих оккультными книгами. Особенно много было кафе, которые держали эмигранты-арабы. Крошечные закусочные, в которых было не больше трех столиков и в которых французская булка, набитая мясом и зеленью, стоила три с половиной евро. Арабы заламывали дикие цены на воду и пиво, зная, что ближайший мини-маркет лопух-турист не найдет и за два часа блужданий по кварталу. А блуждать турист мог долго. Крохотные улицы с невысокими домами шириной в два-три окна, один не похожий на другой, были обаятельно уютны и пестрили разнообразием ненавязчивых архитектурных форм, вывесок, все тех же клумб на мансардах. Взгляд цеплялся то за одно, то за другое и тянул все дальше вглубь, направо, налево, и беспечный турист только с третьего прохода по улочке догадывался, что вот уже полчаса ходит по кругу.

На одном из перекрестков в проеме между домами появилось хитросплетение из труб, стекла и несущих конструкций. Эрика свернула налево, взяв курс на центр Помпиду.

Традиционная архитектурно-техническая концепция предписывала прятать теплосети, коммуникации и несущие балки за стенами и отделкой. Здесь все было наоборот. Точнее, навыворот. Белый лес из труб разной толщины обволакивал стеклянный параллелепипед, наводил на мысль о том, что фасадно-отделочные работы здесь так и не закончились и что стеклянная кишка, в которую был загнан эскалатор, является всего лишь технологическим элементом, который должны убрать за ненадобностью после завершения отделочных работ. Эрика

прошла по широкой серой площади мимо этого монстра, вынесенного на берег очередной новаторской волной в архитектуре, и опять углубилась в классический лабиринт крошечных улочек. Дом дяди Олафа был уже близко.

Катя проснулась. Она посмотрела на часы, стоявшие на тумбочке рядом с кроватью. Был первый час ночи.

Комнату заливал бледный свет. Терминал был заглушён, горел только монитор компьютера. Славик называл этот компьютер Рэксом. Это была одна из его привычек, тех милых странностей, которые вызывают улыбку и любопытство окружающих. Как средневековый рыцарь, называющий свой меч именем и относящийся к нему, как к одушевленному существу, Славик не расставался с этим компьютером никогда, таскал его всегда с собой. Там были главные архивы и все рабочие файлы. Там же обитали несколько его личных «эй-аев», программных модулей с элементами искусственного интеллекта. Но он разговаривал не с ними. Флюоресцирующий кабель шел от компьютера к главному разъему нейроадаптера, который размещался у основания затылка. Он работал.

Катя закрыла глаза, но бледный свет проникал сквозь веки и шептание у стола не становилось тише.

Слава сидел у монитора, накинув на согнутые плечи одеяло.

Она перевернулась на другой бок, продолжая смотреть на его согнутую спину и часть того, что было на экране. Его кластер. Его виртуальное пространство. Дело, которому он отдал два последних года.

Моток запутанных коридоров, наполненных знаками, смысл которых был утерян и найден не один раз. Не раз она посещала этот кластер, эту старую усадьбу, где перемешались все архитектурные стили последних трех столетий. Она не понимала многого, но он каждый раз пояснял ей цепь ассоциаций, и на какой-то момент логика очерчивала несимметричные очертания этих комнат. Но на следующем повороте коридора все разбивалось вдребезги. Логика выветривалась через камины, лишенные дымовых труб. На ее место приходила пугающая бессмысленность пустой покинутой квартиры, превращавшая этот лабиринт в запутанное чрево змеи, которая пожирает саму себя.

Последние несколько месяцев Славик все чаще работал по ночам. В дни, свободные от операций, он мог так, как сегодня вечером, неподвижно лежать перед терминалом и часами смотреть тридцать каналов в минуту. А потом всю ночь работать, втискивая в эту вечно незавершенную композицию кластера все новые и новые элементы, куски реальности, выплеснувшиеся на

него через терминал Си-Джея. Он почти забросил то, чем раньше занимался ежедневно, — психотренинги, практики, медитации, помогавшие ему найти нужную волну и настроиться на работу.

Когда-то они вместе ходили на такие тренинги. Славик, тогда очень серьезный и важный среди парней группы. Он тогда закончил первую серьезную серию операций и обзавелся «чероки». На занятиях он был ироничен и иногда перехватывал инициативу у лидера группы. И часто многозначительно рассказывал о том, чему научился, будучи на «настоящей бустерской прокачке» у гейткиперов. Он был надменен, но с ней он переставал быть таким. Он был внимательным и нежным и очень любил говорить о том, что будет, когда он закончит то дело, которое задумал. Тогда Славик еще только обдумывал концепцию кластера. Но уже тогда Катя знала, что это будет что-то из ряда вон выходящее.

Правда, тогда он тоже не любил, когда во время работы его прерывали, тем более смотрели из-за спины.

Он на секунду замер. Наверное, она ворочалась слишком громко. Катя закрыла глаза и сжалась, думая о том, что тех, кто притворяется спящим, выдает подергивание век. Но в комнате было темно, и вряд ли он разглядит что-то в этой темноте. И наверное, сегодня не будет той истерики, которая была у него один раз, когда они вот так же вот ночевали вдвоем в кемпинге у главной трассы.

Славик тихо подсел к ней на кровать и наклонился, поцеловав в лоб. Теплое дыхание легко щекотало щеки, и она улыбнулась, не открывая глаз. Он поцеловал ее снова.

Она ждала, что он сделает это в третий раз, и тогда она откроет глаза, и обнимет его голову, и будет ее целовать. Но ответом на ее ожидания был холод. Тепло ушло. Она открыла глаза и увидела, что он сидит на краю кровати, охватив голову руками. Она знала, что будет дальше. То, что, как она считала, было признаком нервного переутомления и той кочевой жизни, которую он вел. Его истерики делились на две части. Он мог быть агрессивен и криклив, в его голосе появлялся гневливый фальцет, и он говорил о том, что его никто не понимает и все только и хотят воспользоваться его талантом. Но это быстро проходило, надо было просто дать ему сбросить пар и вовремя отойти в тень. Такое бывало чаще, чем то, что собиралось случиться сейчас.

Беззвучные слезы и сбивчивый шепот. Это могло продолжаться всю ночь, и наутро он прятал красные глаза за широкими черными очками, хранившимися в бардачке его джипа. Он плакал и дрожал, дергаясь на каждый звук. Что-то говорить в эти минуты было бесполезно. В такие минуты она думала о том,

что все это когда-нибудь закончится, что эти трудности, которые всегда бывают в начале пути. Она просто обнимала его и гладила его мягкие русые волосы.

Славик был незаурядным. Мог по трем нотам определить группу и год выпуска альбома, и ему было достаточно увидеть полминуты видеофильма или просто экранной графики компьютерной игры, чтобы определить, кто к этому приложил руку. Всем этим он остроумно жонглировал, складывал в оригинальные смысловые цепи, стягивал в клубки ассоциаций.

Она очень гордилась тем, что он первой рассказал ей о том, что сделает. О его кластере. Кластер, который займет первую строчку в чарте Best 3D of Second Zone. Славик перестанет быть тем, кем он является сейчас, будет делать настоящее искусство, тратить время и силы. Поменяет местами полушария тем придуркам, которые делают всякую лажу в пространствах Шельфа.

Но за все это надо платить. Хакинг на Магистрали, «серые дилеры», заказчики, которые норовят прокинуть, вечная опасность быть взятым за жабры киберами, постоянные переезды. Все, все это когда-нибудь кончится…

Катя поднялась с кровати и надела халат, висевший на стуле. Она подошла к нему и обняла его голову, поставив левое колено на кровать. Мягкие темно-русые волосы с пробором посередине, четкий рисунок губ, серые глаза, полные слез. Катя чувствовала, как судорожно подергиваются его неширокие плечи с накинутым на них одеялом. Катя посмотрела ему в глаза, пытаясь успокоить взглядом, поскольку слова ему сейчас были не нужны. Его лицо бывало разным, очень подвижная, живая мимика, он быстро реагировал на все, что происходило, не скрывая своих эмоций. И мог имитировать кого угодно и что угодно. И для этого ему не нужен был никакой грим. Может быть, именно эта подвижность была тем, что заинтересовало ее в нем в тот самый первый раз, когда они встретились. Но сейчас его лицо было неподвижным и бледным в свете матрицы работающего ноутбука. Она опять обняла его, крепко, до хруста позвонков, прижав к себе.

За окнами было тихо, только далекий гул проезжающих мимо кейджа редких машин вибрировал в тонких пластиковых стенах мотеля.

Дядя Олаф жил на четвертом этаже здания на улице Храма. Эту квартиру, а точнее, весь этаж, он купил лет пятнадцать назад и поначалу собирался сделать в ней одну из своих галерей. Перепланировка, которую он провел почти тогда же, превратила четырехкомнатную квартиру в единый зал, но экспонатами и

предметами продажи эта галерея так и не была заполнена. Вопрос о том, как использовать квартиру, повис в связи с разводом дяди Олафа со своей первой женой. Часть имущества отошла к ней, и поскольку более подходящего помещения под жилье у него не оказалось, дядя Олаф переделал галерею в квартиру. Дизайнеру-авангардисту был сделан заказ на концепцию «жилища для холостяка». Тот справился с задачей блестяще и с юмором. В зале не было ни одного закрытого угла. Все было выставлено напоказ, мебель размещена в нарочитом беспорядке, кухня, ютившаяся рядом с входной дверью, отличалась крайней простотой исполнения вкупе с системой полной автономности — для приготовления пищи достаточно было нажать пару кнопок на панели управления; более всего независимость и наплевательское отношение хозяина к приходящим в его жилище выражал его санузел — унитаз размещался рядом с ванной прямо посреди зала. Дядя Олаф даже изобрел способ быстрого выпроваживания нежеланных посетителей: налив крепкого кофе, он ждал, пока гостя припрет, и на вопрос «а нет ли у вас другого туалета?» отвечал, что «я живу один». Впрочем, для своих он включал режим оптического экранирования объекта. Система, которая обеспечивала подобный эффект, была одним из элементов общей пространственной системы апартаментов Олафа Мортона.

За нарочитой простотой дизайна скрывалась цельная технократическая концепция апартаментов со «смещенным пространственным акцентом». Переводя на человеческий язык, квартира была напичкана аппаратурой, которая могла создать практически любой оптический эффект, связанный с изменением окружающего пространства, и воссоздать образ любого объекта природы или результата человеческой деятельности. За считанные секунды апартаменты могли оказаться открытой площадкой над водопадом Виктория, залом в Новоафонских пещерах, копенгагенским баром «Дублинец», наполниться абстрактными образами, совершающими не менее абстрактные трансформации, или прокуренным стрип-баром на тихоокеанском побережье где-нибудь в Северной Калифорнии.

Реализация подобных эффектов в пределах виртуального пространства была делом обычным, но в реальном мире такие фокусы стоили больших денег. Системы проецирования сложных образов, самонастраивающаяся оптика, трансформирующиеся элементы обстановки, замаскированные в капитальных стенах, программируемые полимерные «блоки» и очень многие другие вещи, названия которых мало что говорили несведущему обывателю.

Дядя Олаф разбирался во всем этом. Консультируя богатых

чудаков, желавших сделать из своей усадьбы собственную вселенную, живущую по собственным законам, он испытывал новинки сезона в полевых условиях — в своей квартире. Каждый раз Эрика находила в его квартире что-то новое — проекционную систему на несимметричных многогранниках, нанококон с роем роботов, которые могли воспроизводить десять тысяч скульптур из всех исторических эпох, обои из полимеров на RIMM-памяти, меняющие раскраску в зависимости от эмоционального фона хозяев квартиры. Проще было перечислить те новинки из области дизайна интерьеров, которые не прошли через квартиру на улице Храма. Одно Эрика никак не могла для себя уяснить — почему она никогда не заставала в этих апартаментах монтажников, занимающихся очередным ремонтом.

Она поднялась на четвертый этаж и нажала кнопку старомодного звонка, на самом деле служившей сенсором, настроенным на линии указательного и большого пальцев руки. Дверь открылась сама, и Эрика прошла в апартаменты. Дядя Олаф поприветствовал ее на шведском откуда-то из угла, в котором размешалась кухня. Эрика плохо говорила на языке матери, предпочитая английский. Дядя Олаф плохо говорил на английском. Прожив больше двадцати лет в Париже, он впитал истинно французскую неприязнь к языку «островитян», и если бы не необходимость общаться с деловыми партнерами, он бы вообще не пользовался им. Несмотря на то что свою русскую родню он видел довольно редко, дядя Олаф пытался поддерживать свой русский на уровне. Это был один из курьезных фактов из жизни семьи Мортонов, разъехавшейся по всему миру. Собираясь вместе, они общались на всех известных им языках сразу. Эрика выходила из этой ситуации просто. Обычно она активизировала переводчики со шведского, русского и французского.

Олаф вышел из арки, разделявшей главный зал и кухню. На нем был двубортный светло-зеленый костюм, под которым была такая же светло-зеленая рубашка, застегнутая до последней пуговицы. Вокруг шеи был небрежно намотан белый шарф. Результат двадцатилетних попыток натурализоваться в местных условиях. Здесь эти шарфы носили через одного, невзирая на возраст, пол, социальный статус и погоду. Но отсутствие типичной скандинавской бороды и этот шарф все равно не делали из него парижанина. Причины были серьезные — темперамент дяди так и остался скандинавским.

В руке Олафа было два стакана с грейпфрутовым соком, судя по всему, только что выжатым из натурального продукта.

Первые пять минут они определялись с языком общения,

рассказывали последние семейные новости, сетовали на жизнь и радовались встрече. Потом чокнулись стаканами с соком. Потом лицо дяди Олафа стало чуть серьезнее, а голос чуть ниже:

— Хорошо, а теперь рассказывай, что у тебя стряслось?

— Куда можно подрубиться?

— На восьмой порт. Как всегда. Тут я ничего не менял. — Он посмотрел на часы.

— Ты куда-то спешишь?

— На эту встречу можно опоздать. Ты же знаешь французов.

Эрика отдернула рукав плаща и активизировала передающий канал, закачав данные в локальную сеть дома через инфракрасный порт, вмонтированный в письменный стол. Посередине комнаты возникла проекция…

…В конце длинного, отделанного темно-бордовым коридора была дверь, массивная, из темного дуба, без ручки и замочной скважины. Чистая, моренная не меньше двух раз поверхность. Номер в отеле. Транзитная зона для командированных, любовных пар, переживающих переход от этапа романтического увлечения к более серьезным движениям, дилеров, совершающих «серые» сделки. Комнаты, в которых никто не живет больше недели. Посередине помещения стоял стол, на котором был телефон с диском вместо кнопочного циферблата, антиквариат темно-зеленого цвета с длинной царапиной, идущей по внешней стороне изогнутой трубки. Здесь кто-то был. Совсем недавно. И, видимо, собирался прийти снова. Рядом с телефоном был пустой стакан и россыпь таблеток разной формы и цвета. В углу стояла вешалка с висевшим на нем длинным кожаным пальто. Зеркало, рядом с которым стояла вешалка, ломало обыденность и простоту обстановки. Вместо ровной поверхности в полукруглую раму было вправлено то, что остается после того, когда камень попадает на водную гладь, — круги, расходящиеся от центра. В этой комнате не было дверей. Та дверь, которая привела сюда, потерялась среди симметричного рисунка обоев. Это была первая из тысяч загадок, которую содержал этот лабиринт. Камера сделала круг по комнате и направилась к зеркалу, подернутому рябью волн от попавшего в них камня…

Минут через двадцать Эрика погасила проекцию.

— Мне нужно знать, что это и кто это сделал.

Олаф поставил стакан на стол, взял пульт управления и прокрутил демку до одной из комнат. Потом прошел несколько коридоров и остановился в большом холле.

— Это очень похоже на «Усадьбу Вдовы».

Он прошелся еще по нескольким комнатам.

— Да, это «Усадьба». Правда, это модифицированная версия. Я видел более раннюю.

— Что это такое?

Олаф встал со стула и пошел в коридор. Вернулся он уже одетым в длинный плащ оливкового цвета и клетчатую кепку.

— Пойдем, поговорим по дороге.

Светло-зеленый костюм был надет неспроста. У Олафа была назначена встреча с одним из служащих Лувра. Точнее, с одной из служащих. Взаимовыгодные консультации по интересующим вопросам с перспективой перерасти в более тесные отношения. Эрика не стала расспрашивать его о деталях, ни о том, что они собирались обсуждать, ни о том, кто она. В первом она бы все равно ничего не поняла. Эрика была столь же далека от сферы интересов дяди, насколько он был далек от ее профессиональных дел. Второй вопрос ее волновал меньше всего. Французские подруги Олафа были так же непостоянны, как и местная мода.

После недолгого совещания они решили пройтись пешком.

Песочные башни Нотр-Дама возвышались левее. Правая башня была закована в серые леса. Архитектурный памятник в стиле ранней готики опять решили подлатать. Тысячи мелких деталей из песчаника, который безвестные парижские каменщики резали почти сотню лет, требовали регулярного ремонта. Песчаник не выдерживал натиска цивилизации, выбрасывающей в атмосферу десятки тысяч кубометров активных химических веществ, и через какое-то время светлый камень становился грязно-серым. Низкие мосты, соединявшие остров Ситё с остальной частью города, также постоянно ремонтировались. Они были сделаны из того же песчаника, что и собор, и требовали такого же постоянного ремонта.

Сена, несущая свои мутно-желтые воды, почти не отражала домов, скучившихся на обоих берегах. Четырех-, пяти-, шестиэтажные дома с покатыми серо-черными крышами и балконами-садами плотно прижимались друг к другу, образуя мозаичную стену. Каждый из них имел свои неповторимые детали, выделяясь из общего ряда но, несмотря на это, все они несли какую-то общую сущность, не позволявшую этому пестрому ряду превратиться в беспорядочное безвкусное нагромождение разношерстных стилей. Каждый из них был оригинален и каждый из них дополнял общую картину, имевшую свой собственный смысл.

Движение по набережной уплотнилось. Поток машин и мотоциклистов шел вдоль Сены, изредка поднимая волну гудков

и свиста тормозов.

Они шли вдоль набережной, и Олаф в очередной раз рассказывал ей историю застройки острова. И как в прошлый раз, эта история дополнялась новыми деталями, сохраняя общую канву, знакомую Эрике почти на память. Она знала, о чем будет говорить Олаф, когда они пройдут мимо моста Нотр-Дам и моста Сент-Мишель. И что когда впереди покажутся быки моста Порт-Нефа, дядя вспомнит о старом фильме «Любовники Нового Моста» и о том, что мост перекрывался на полгода, пока велись съемки этой мелодрамы. Здесь Сите становился похожим на корабль, острым носом разрезающий воду Сены. Порт-Неф отсекал жилую часть острова от небольшого парка, с десятком приютившихся деревьев и рядом лавочек. Да, да и вон там, у той ивы, Жюльетт Бинош, героиня фильма, рисовала эскиз, когда главный герой познакомился с ней.

Ей нравились истории дяди Олафа, он был прекрасным рассказчиком. Спокойный низкий голос, строгая логика рассуждений, масса цифр, которые он помнил, отсутствие резкой категоричности, уместные шутки — она могла слушать его часами, все равно, о чем он говорил.

Эрика знала эту милую привычку дяди пересказывать старые истории на новый лад, но сейчас, похоже, он просто уходил от разговора. Он очень редко терял нить беседы, и то, что он не хотел дальше рассказывать об этой «Усадьбе Вдовы», ее несколько озадачивало. Она не прерывала его, решив дождаться удобного момента, когда разговор можно будет вернуть в начальную колею.

Когда они нырнули в темный проем одной из арок Лувра, в нос ударил кислый запах. Главный музей мира впитал в себя не только массу произведений искусства всех времен и народов, но и мочу, которую сливали здесь не слишком воспитанные парижане и гости столицы. Лувр, как и Нотр-Дам, был построен из песчаного камня, обладавшего хорошими абсорбирующими свойствами.

Они вышли из арки и направились к стеклянной пирамиде, главному входу в музей.

У пирамиды выстроилась очередь из туристов, постепенно пропадавших в большом зале музея, из которого можно было попасть в любое крыло.

— Подожди меня здесь. Или, если хочешь, я познакомлю тебя с Жюльетт?

— Я уже была здесь раз пять. Лучше здесь подожду.

Он вернулся минут через двадцать, довольный и немного помолодевший.

Эрика решила не церемониться:

— Так что такое «Усадьба Вдовы»?

Олаф поправил кепку и достал продолговатый серебряный цилиндр с сигарой Churchill-7. Эрика смотрела на Олафа хитро, как будто собиралась нашкодить. Как тогда, когда была маленькой и играла с любимым дядей в конструктор Lego и лото. Олаф помнил эти интонации. Некоторые вещи не меняются. Племянница выросла, перекрасила волосы в ярко-красный цвет, ее уши под самую завязку были увешаны кольцами. Она стала женщиной и одевалась как женщина. Но сейчас ее обычно бледное лицо зарумянилось. Ее распирало от любопытства. Дядя часто рассказывал ей в детстве сказки, и тогда она тоже так вот зарумянивалась, распираемая любопытством.

— Старый дом в Сан-Диего. Прообразом кластера, который ты показала мне, была усадьба Сары Винчестер, вдовы изобретателя ружья «винчестер». — Он сказал это сухо, как автоответчик.

— Это все? — Эрика обошла его слева и, прищурившись, посмотрела в глаза.

— Нет, это довольно старая и жутковатая история, — также прищурившись, ответил он.

— Я пролетела три тысячи километров, чтобы услышать от тебя что-то путное. И не только старую сказку про какую-то там вдову. Ты больше ничего не знаешь про этот кластер? — Ее физиономия выглядела разочарованной.

— Знаю, но если я не расскажу про вдову, то вряд ли ты поймешь все остальное.

Олаф достал газовую зажигалку Zippo. Выпустив два клуба дыма, он улыбнулся и спрятал зажигалку в карман.

Они вышли на улицу Риволи. Слева за высокой оградой из чугунных решеток, одетых на каменные столбы и увенчанных вазами, были разбиты сады Тюильри. Ровные широкие аллеи с ухоженными, пока еще зелеными газонами и подстриженными деревьями были заполнены гуляющими людьми. Некоторые деревья уже почти лишились своей листвы, некоторые еще несли свой покров. Статуи с классическими героями и героинями стояли под ярким полуденным солнцем, которое играло с тенями на рельефах каменных изваяний. Правая сторона улицы была выгорожена длинным прямым рядом однотипных зданий, на первых этажах которых за высокими арками разместились десятки магазинов сувениров. Здесь можно было купить картинки с видами Парижа — Собор, Башня, Базилика, — стилизованные под импрессионизм, подарочные тарелки с теми же видами, столовые наборы, чашки, книги на шестнадцати языках и многое

другое. Вся эта масса предметов имела смысл лишь при их покупке, сопровождавшейся чувством выполненного перед друзьями и родственниками долга.

— Сара Винчестер жила в девятнадцатом веке и была богатой вдовой, которой досталось в наследство 20 миллионов долларов и бизнес, приносивший по тысяче в день. Которые, кстати, не облагались налогом до 1913 года. Для восьмидесятых годов позапрошлого века это была более чем значительная сумма. Ее дочь умерла в младенчестве, и она верила, что над семьей тяготеет проклятие. Ее муж, Вильям Винчестер, сколотил состояние на поставках оружия для северян в годы гражданской войны в Штатах. Он продавал ружье, которое потом так и осталось в памяти как «винчестер». Когда случились все эти несчастья с ее семьей, она тронулась рассудком и начала ходить к медиумам. Один из них и сказал, что над семьей тяготеет проклятие. Что духи убитых из этого ружья людей будут преследовать и ее. Единственный способ остаться в живых — это строить дом. Медиум сказал, что пока ты будешь строить дом, ты будешь жить…

Слева по ходу острым золоченым наконечником замаячила колонна Луксора, вывезенная Наполеоном I из Египта. Они подходили к площади Воссоединения. Мимо промчалась полицейская машина с включенной сиреной.

— Потом она перебралась на запад, в Сан-Диего, купила недостроенную усадьбу и начала строительство. Строительство продолжалось тридцать восемь лет, до самой ее смерти в 1922 году. Вначале у нее был какой-то план, но потом, позже, дом строили без всякого плана. Лишь бы строить. В результате возникла семиэтажная усадьба, в которой было сорок семь каминов, сорок спален, шесть кухонь, две бальные комнаты и еще бог знает сколько чего там настроили. Статистику эту можно продолжать долго, но интересно то, что никто толком не знает, сколько комнат в этом доме. Их много раз пытались пересчитывать, и притом каждый раз их число оказывалось другим. Последняя версия гласит, что их сто шестьдесят… Запутанные коридоры, которые заканчиваются тупиками. Двери, открывая которые, находишь глухие стены. Или, наоборот, обрывающиеся на нижние этажи. Светильники, расположенные один над другим. Камины, не имеющие дымовых труб. Лестницы, упирающиеся в потолок. Дом Сары Винчестер — это архитектурный парадокс, ловушка для приведений, стоившая

пять с половиной миллионов долларов в ценах 1922 года. Результат совместной работы крупного состояния и больного рассудка. Великолепный лабиринт, отделанный золотом и серебром, в котором нельзя жить. Говорят, что дух вдовы все еще обитает в этом доме. Как и призраки тех, кто пришел за ней, чтобы отомстить за свою смерть. Такая вот история вдовы.

— Жуть какая. Она действительно сошла с ума.

— Я бы не стал определять это так. Не было бы преувеличением сказать, что большая часть создателей произведений искусств, писателей, философов выстраивали свои «усадьбы». В случае с Сарой мы имеем крайнюю патологию, которая видна невооруженным глазом. Любой обыватель скажет, что этот дом — плод больного воображения. На самом деле таких «феноменов» вокруг больше, чем хотелось. Однако далеко не каждый может разглядеть подобное. Когда, вместо того чтобы пойти к психиатру, человек садится и пишет книгу, то на свет рождается такой вот «культурный» уродец. Каждая строчка которого является диагнозом для того, кто это писал. Сара не была одинока в своем стремлении спастись от внутренних демонов не тем путем, которым следовало это делать. Но самое неприятное во всем этом даже не это.

— А что?

— То, что те, кто не видит этой изнанки, воспринимают это «произведение искусства» за чистую монету. Размышляют над рассуждениями, написанными шизофреником, думая, что читают великого философа. Слушают бредни какого-нибудь человеконенавистника в ток-шоу, которого считают борцом против глобализации. Смотрят спектакли, в которых играют закоренелые вуаеристы. Да много всего, сама присмотрись…

— Ну и что? Люди всегда любили поглазеть на уродов. В каждом цирке есть карлики…

— Цирк цирком, а хуже всего, что, например, вся мировая военная промышленность стоит, по сути, на двух архаичных столпах — на страхе перед чужаками и страхе потерять свою власть среди своих. В результате сотни тысяч людей в этом мире заняты изобретением и производством орудий убийства себе подобных. По большому счету они живут внутри такой вот усадьбы и большую часть времени не понимают, что существуют в лабиринте, сделанном из чужих фобий…

Олаф говорил о французской литературе прошлого века, о том, что ее сделали сифилитики и шизофреники, что на весь девятнадцатый и двадцатый век в этой литературе было только два нормальных человека — Дюма и Сент-Экзюпери. Первый был

прагматиком, догадавшимся сделать из нее конвейер, дававший неплохие деньги, а второй занимался настоящим мужским делом и писал в перерывах между полетами. И то и другое было правдой только отчасти, но Эрике нравилась его легкая ирония.

Когда он начинал рассказывать эти истории, Эрика редко прерывала его. Ей нравились эти лекции на культурно-исторические темы.

Они вышли на площадь. Стоянка туристических автобусов была наполнена группами фотографирующихся туристов. Сады Тюильри заканчивались здесь. Здесь же начинались Елисейские поля, тянувшиеся до площади Шарля де Голля, которую венчала Триумфальная арка. Эрика прищурилась. Широкий прямой проспект длился километров на десять, начинаясь в парках с множеством небольших театров и павильонов, далее пересекая самую респектабельную часть Елисейских полей, проходя под аркой и дальше, уходя в сторону от Булонского леса. Где-то там вдалеке, почти растворяясь в дымке, виднелся белый квадрат арки в районе Дефанс, куда благоразумные власти Парижа снесли деловой муравейник. Эрика никогда там не была и каждый раз, будучи в городе, собиралась съездить туда, чтобы посмотреть на офисное здание, выполненное по проекту очередного парижского безумца-авангардиста. Может быть, в этот раз…

— Поехали в «Георг V»?

Ковецкий пришел со стороны кемпинга, из темноты, которая все реже освещалась фарами проезжавших мимо автомобилей. Он забрался в машину и коротко приветствовал Образцова. Салон «ирокеза» стал еще меньше и черные кожаные кресла натужно заскрипели. Он тут же попросил Образцова установить контакт со штаб-квартирой юго-восточного консорциума.

Приборная доска супервана пульсировала сине-зеленой россыпью огоньков-цифр и индикаторов. Свет в кабине был выключен. Суперван стоял на обочине трассы, в полукилометре до магистрального комплекса. Там все переливалось огнями, а здесь еще было видно черное небо с едва мерцающими звездами.

В раме небольшого монитора универсального назначения — основной индикатор систем машины, сетевой терминал и бортовой персональный компьютер — появилось лицо женщины в больших старомодных очках. Судя по величине глаз, у нее была сильная дальнозоркость.

— …Тамила, мне не нужны оптимистические прогнозы. — Я передаю тебе то, что нарыли мои ребята за последние два часа. — Перешли мне это почтой, я сам почитаю… Сейчас мне нужна

принципиальная договоренность с Толстым или его людьми. — Мы работаем над этим. — Ну и когда? — Ты до утра можешь потерпеть? И вообще это вы, мальчики, довели ситуацию до пожара… — Слушай, давай без «раньше надо было думать»… — Меньше шифроваться надо было. Вы ведь знали, что этот засранец прессует нас четыре недели подряд! А я узнаю о том, что три года назад его подготовкой занимались центральноевропейские гейткиперы. Вы его прокачивали, и я узнаю это не от тебя, а от своих подчиненных! А теперь вам нужна «принципиальная договоренность с Толстым». — Тамила, Тамила, ну ладно, облажались мы, бывает. Так когда? — Пока не знаю. Предварительно он согласился на наши условия. — Это хорошо. — Пока ничего хорошего. Он враз может все переиграть. Пока он не даст окончательной отмашки, сидите тихо. — Хорошо, будем сидеть тихо. — Это все, что ты хочешь мне сказать? — Радость ты моя, спасибо, красавица. — Витя, от меня комплименты уже лет десять отскакивают. Ты мне о другом скажи. — О чем, родная? — Почему все-таки дело довели до пожара? — Какая ты все-таки зануда, как тебя муж терпит… — Давай выкладывай. Если вы молчали столько времени, значит, никто не был против того, чтобы мы нейтрализовали его сразу. Парень мог закончить с черепно-мозговой травмой средней тяжести еще две недели назад. — Ну да, конечно… — И если ты выбрался из своего углового офиса на Магистраль, то… — То… — То произошло что-то из ряда вон выходящее. — Люблю умных женщин… — Да, да, спасибо за комплимент. Зачем вам этот хакер? — Он сделал кластер, который очень понравился всем нам и который мы хотели бы иметь в своем активе. — А зачем вам сам Тенсинг? — Он активатор пространства. Без него шкатулка работать не будет, не будет нелинейной динамики. Ты удовлетворена? — Ладно, иди спать… — И тебе того же…

Ковецкий перевел монитор в режим приборной доски и откинулся в кресле. Образцов открыл глаза. Ковецкий порылся в сумке, что-то переложил в один из карманов безрукавки. Хайкорд отключил терминал связи и потянулся в кресле.

— Что, Влад, тебе тоже объяснения нужны? — сказал Ковецкий, не прекращая рыться в сумке.

Тот нагнулся к приборной доске и включил радио. Салон наполнился шумом эфира. Беспорядочное шипение, прерываемое музыкой спрятавшихся где-то в темноте станций FM-диапазона.

— А ты как думаешь?

— Ты был бы не ты, если бы не навел справки, пока ехал сюда.

Образцов повернулся к Ковецкому.

— Пока мы проводили совещание у Тамилы, наши техники смонтировали на моем борту оборудование приема-передачи на десять терабит. Естественно, что после такой модернизации машины, причем без предварительного согласования, мое любопытство взыграло.

Они оба засмеялись. Хайкорд снова взялся за радио. Шипение в динамике утихло и на смену ему заиграло диско середины семидесятых.

— Конечно, Витя, я навел кое-какие справки. В свое время хакер проходил курс предварительной подготовки у нас, но постоянный контракт подписан не был, поэтому парень ушел из клана. Подрабатывал на изготовлении кластеров для развлекательных программ в Шельфе. Подавал и подает надежды в сфере киберарта. Параллельно занимался и занимается традиционными хакерскими операциями. Сейчас он работает против нас. Парень решил заняться серьезным шоубизнесом и сделал виртуальное пространство, которое будет работать в пределах внутренней группы кластеров медиа-холдинга «Новая Гавань». Холдинг запускает несколько новых развлекательных проектов, и кластер Тенсинга будет одним из ключевых элементов в этом комплексе. Для того чтобы подстраховаться, он зашил в ткань кластера цепи, которые запускают динамику пространства только в случае обнаружения его психических профилей. Наш центральноевропейский консорциум очень заинтересован в том, чтобы получить этот кластер в свои активы. Это вкратце что я понял.

— Теперь о том, чего ты не понял…

— Конечно. Во-первых, если Тенсинг занимается шоу-бизнесом, то почему он продолжает заниматься взломами? Он мог бы неплохо зарабатывать и без этого.

— Штаб-квартира «Новой Гавани» размещается в Штатах. Он собирается осесть в Штатах и делать шоу-бизнес там. А это страна адвокатов и полицейских. Плюнешь невзначай на чью-то личную собственность — будешь всю жизнь судебные издержки выплачивать. Чтобы начинать серьезный шоу-бизнес там, надо иметь хорошего адвоката, стать клиентом хорошей службы безопасности и купить хороший домик на Западном побережье, чтобы устраивать там вечеринки для нужных людей. Без этого всего его съедят с костями через полгода. Те деньги, которые ему платит Толстый за операции сейчас, могут покрыть расходы на первое время.

Образцов покачал головой.

— Тогда второй вопрос: а вы не пробовали договориться с

холдингом? Просто купить права на этот кластер и все?

— Они не хотят ничего продавать. Три недели вели с ними переговоры и все впустую.

— Вы уже знали, что кластер создал Тенсинг?

— Это выяснилось месяц назад, еще до того, как он начал прессовать кластер ваших фондовиков. Его последняя операция не была для нас неожиданностью, но Тумосу стоило больших усилий уговорить Ярцева не прижимать Тенсинга по обычной схеме.

— То есть последние несколько недель, пока он не давал работать нашим брокерам на фондовых биржах, наши адвокаты вели переговоры с холдингом?

— Да, когда стало ясно, что дела не будет, решили действовать по другому плану.

— Предложить Тенсингу вернуться в клан вместе с тем кластером, который он сделал, и оставить холдинг с носом перед самым запуском новых программ?

— Точно так.

— Я видел ваш разговор. После него у меня возник третий вопрос: не проще было бы снять с него киберклон без этих душещипательных бесед? Неужели еще кто-то думал, что он поведется на эти предложения и вернется в корпорацию? Витя, он от нас ушел, и больше того — он начал против нас работать.

Ковецкий утвердительно покачал головой.

— Правильно говоришь, Влад. Если бы не было двойного прикрытия, под которым он работает, то так бы и сделали.

— Двойного?

— «Быки» Толстого, которые охраняют его, — это первый уровень защиты. Есть еще один.

— Какой?

— Симулякры.

— Симулякры?

— Технически продвинутые в сетевых делах антиглобалисты. Они считают кибернетическое пространство инструментом контроля личной свободы человека и стараются оставлять поменьше «следов» в пределах Си-Джея. Не регистрируются в первой зоне, стараются не появляться в местах с камерами и вообще в местах, где стоят камеры, работающие на «портретную» плоскость, а если появляются, то маскируются как партизаны Второй мировой. Не пользуются кредитками, не заходят в Си-Джей под официальным логином. Весьма искусны в деле стирания данных о себе из официальных баз данных. Предоставляют такие же услуги всем заинтересованным лицам. Второй эшелон, который прикрывает Тенсинга, — это симулякры.

Кстати, большинство из них — женщины в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет. Такие себе новые амазонки.

— А… знаю, довольно типичная шайка эзотериков-маргиналов. Студентки старших курсов социофака, политологии. Таких групп в каждом мало-мальски крупном универе как собак нерезаных.

— Да, не так все просто, они связующее звено между Europe Anti-Global Coalition и хакерами восточного сектора Магистрали. EAGC — контора вполне пристойная, с криминальным элементом не связанная, прямой контакт с хакерами им не нужен, а работа у них есть, как у всех. Помимо всего прочего, симулякры работают координаторами операций хакерских кланов. У EAGC есть расширенный доступ к спутникам, обеспечивающим картинку «портретной» плоскости. Через эти спутники симулякры проводят координацию хакерских операций. Крыша Толстого — это первый эшелон, который предстоит убрать, чтобы взять парня без шума. А вот что делать с этими девочками, пока неясно. Кто ведет Тенсинга, мы не знаем.

— Почему?

— Про симулякров мало известно. Мы раньше не сталкивались с ними. Сейчас наши ведут переговоры, чтобы перекупить массив информации на симулякров у «северных хакеров» из [NNW]. Они больше всего нарыли на этих антиглобалистов. У них есть технологии организации их операций и большая часть ников. Реальных имен мало. По их данным, оперативное сопровождение операции типа той, что затевает Тенсинг, делают два-три человека. То есть, кроме его девочки, которая приехала два часа назад к нему в мотель, есть еще кто-то. Поэтому тупо тормознуть ее на трассе нельзя, полностью внешнего наблюдения это не снимет. Она сразу вызовет на место кучу местной полиции и тогда действительно будут проблемы. Нужно узнать не только кто она, но и тех, кто работает с ней в связке.

— Кто бы спорил… То есть главная задача следующих двух дней — выяснить, кто она такая и кто работает вместе с ней… при почти полном отсутствии какой-либо информации.

— Примерно так.

— Ну… веселое дело.

— Ладно, Влад, прорвемся.

Ковецкий посмотрел на часы.

— Слушай, может, пойдем перекусим? Кафе рядом.

— Пошли.

Она опять обняла его, крепко, до хруста позвонков, прижав к

себе.

За окнами было тихо, только далекий гул проезжающих мимо кейджа редких машин вибрировал в тонких пластиковых стенах мотеля…

Звук был резкий и так же, как все, растаял посередине нигде. Наверное, это был рейсовый автобус. Львов — Прага или что-то в этом роде.

Он схватил ее за талию и прижался к ней. Полы ее халата раздвинулись, и она почувствовала, как его мокрое от слез лицо коснулось ее живота. Он убрал руки с ее талии. На какое-то мгновение они блуждали где-то в пустоте, но потом она почувствовала, как его гладкие ладони коснулись ее голеней и не спеша пошли вверх, к внешней части бедер, поднимая и сминая полы халата. Он крепко сжал ее ягодицы, и она оторвала свои руки от его головы, положив руки на плечи. Одеяло полетело в другой конец комнаты. Его руки опять были на ее талии, но сейчас между его ладонями и ее кожей не было тонкой границы из бело-синего шелка. Ладони, касающиеся лица, ладони на изгибе талии. Встретившиеся губы и на мгновение остановившееся дыхание. Его правая рука начала гладить внутреннюю поверхность ее бедра. Но она оторвалась от его губ и, порывисто тряхнув волосами, оттолкнулась от него, чтобы потом со смехом опрокинуть поперек кровати. Оседлав его бедра, Катя начала расстегивать полы его клетчатой рубашки, а он запрокинул назад руки и, улыбаясь, смотрел на нее.

Бледный сполох фар ближнего света полоснул по оконной раме, высветив длинные черные полосы на противоположной стене.

Он резко поднялся, торопливо задернул шторы и почти сорвал с себя рубаху, отбросив ее туда же, где валялось смятое одеяло. Они поменялись местами. Теперь она лежала внизу, а он был сверху. Отведя ее руки назад и крепко схватив ее запястья, он наклонился к ней. Ложбинка между ключицей и шеей, предплечье, губами отводя полы халата в разные стороны, обнажая ее и целуя ее тело. Он был то резок, то медлителен, и когда ее руки снова стали свободны от его полушутливых оков, она сильно прижала его к себе. Его рука прошла по талии, остановилась на ягодице, опять сильно сжав ее упругую округлость, и двинулась дальше, к редким волоскам лобка. Катя ослабила хватку. Он не останавливался, мокрые пальцы отрывались от нее, сжимали ягодицу и опять возвращались обратно. Славик целовал ее в губы.

В коридоре кто-то шумел. Кто-то возвращался из местного

бара, громко разговаривая по-польски.

Славик встревоженно оглянулся на дверь. Голоса стихли где-то в глубине коридора. Он встал, снял джинсы и повесил их на стул. Серые «боксеры» остались там же. Приподнявшись на локтях, Катя смотрела на то, что он делает. Соски ладно сложенной груди были все еще напряжены, и комната по-прежнему освещалась тусклым светом активной матрицы ноутбока. Славик подошел к кровати, встал на колени и резко подтянул Катю за бедра к краю. Живот, пупок, переход между талией и бедром с выступающей косточкой. Он не спешил сужать круги. Спираль скручивалась медленно, но она уже не помнила, как давно он начал этот делать. Гул трассы и редкие всполохи бело-желтых огней наполнили комнату, сливаясь с древним ритмом этой игры. Дважды она чувствовала, как теплая тяжесть разрывалась где-то внизу и как мышцы ее живота судорожно сжимались, прежде чем он вошел в нее, чтобы навсегда остановить время…

Потом они лежали, глядя в потолок и тихо разговаривая. Спать не хотелось. Ее голова лежала на его левом плече, и когда она поворачивалась к нему, ее волосы легко щекотали его. Он рассеянно гладил ее живот и грудь, доходя до соска, и тогда она тихонько отодвигала его ладонь.

— …Хорошо, они большие люди в GK и редко сходят со своих небес на землю. Деми-лич вышел на Магистраль. Ну и что в этом такого?

— Понимаешь… Деми-лич — это не просто место в иерархии. Это не дают за выслугу лет или за какие-то особые заслуги перед корпорацией. Чтобы получить этот ранг, нужно обладать определенными способностями. В каком-то смысле они уже не люди. То есть они, конечно, люди, но… Это трудно объяснить вот так, на пальцах.

— Что ты имеешь в виду? Они что, трансгуматы или что-то в этом роде?

— Нет, не совсем то. Они практикуют техники, которые дают им возможность управлять подсознанием. Не совсем так… Они умеют задействовать те ресурсы мозга, которые у подавляющего большинства людей не работают. То есть, конечно, подсознание работает у всех, но далеко не все могут контролировать его работу и управлять этим ресурсом. Они могут это делать. Распределять мощность, так сказать, между различными задачами. Деми-лич может разговаривать с тобой о чем-то, но это не значит, что он только разговаривает с тобой. Его башка

обрабатывает еще несколько десятков задач. Про Юлия Цезаря слышала? О том, что он мог делать несколько дел одновременно? Ну так вот, это похоже на то, что делают они. Как многозадачная операционная система, под которой работают несколько приложений…

Катя встала, надела халатик, но не стала завязывать пояс. Она подошла к столику, и налила себе в стакан немного сока. Катя присела на кровать и поджала под себя ноги.

— Я все еще не понимаю, почему они не люди.

— Ну хорошо, когда ты подрубаешься в Сайберглоб, ты как бы отключаешься от реальности, ты начинаешь жить там, все твое «я» уходит в виртуальность полностью. — Славик приподнялся на кровати. — Когда деми-лич подключается к Сети, он, распределяя мощности подсознания, может порождать несколько личностей, которые действуют независимо друг от друга. Сидя в своем офисе на сто первом этаже, гейткиперский деми-лич может присутствовать одновременно в нескольких местах в Сети, при этом оставаясь в реальном мире и действуя вполне осознанно.

— Погоди… подобные вещи вытворял Дхарм. И не он один. Он принадлежал к одной из сект, кажется, она до сих пор действует, их называют шиваитами. По имени индийского божества с множеством рук. Про него говорили, что он мог одновременно контролировать борт на трассе, вести операцию в Си-Джее и анализировать несколько потоков оперативной информации для того, чтобы вовремя делать нужные маневры на трассе и в Сети. Но говорят, что в таком «разобранном» состоянии нельзя пребывать долго.

— Шиваиты… Они и все остальные не умеют контролировать переход через экстремум из открытой фазы. Чересчур интенсивный информационный поток приводит к разрушению личности…

— Что такое «открытая фаза»?

— Термин, который используют гейткиперы для описания эволюции сознания.

Катя иронично улыбнулась.

— Исчерпывающее объяснение. Спасибо.

— Кать, ну это слишком долго объяснять…

— Ты каждый раз говоришь, что это долго объяснять, что это чересчур заумно. Мы куда-то спешим? Иногда ты сыплешь этими терминами, которые я не понимаю, а потом из тебя надо клещами вытягивать то, что ты имел в виду…

— Ну… ну ладно. Но в это действительно тяжело въехать с первого раза. Гейткиперы считают, что информация, которая содержится в человеческой памяти, делится на две части:

упорядоченный массив и неупорядоченный, хаотичный набор фактов. Первый представляет собой более или менее жесткую структуру, между элементами которой есть логические, ассоциативные и другие связи. Именно этот массив служит основой для принятия человеком решений. Они являются его личной картиной мира. Так как поток информации извне никогда не прекращается, то человек постоянно наращивает эту жесткую структуру, этот массив. Но не все факты могут найти в нем место, так как противоречат этой структуре. Постепенно они накапливаются и образуют второй массив. Который является хаосом. Пока понятно?

— Да, я не такая дура, как ты иногда думаешь. Продолжай.

— Рано или поздно устоявшаяся картина вступает в острое противоречие хаотичному массиву. Тогда происходит ее разрушение. Старая структура валится, рассыпается на отдельные куски. Начинается процесс построения новой картины из обломков старой и тех хаотичных фрагментов, которые накопились до этого момента. Эту фазу гейткиперы называют «открытой». Ее логичным завершением является построение новой, непротиворечивой для человека картины мира. Человек вновь имеет мировоззренческую основу для принятия решений. Эта фаза называется «закрытой». Но внешний информационный поток снова набрасывает новые факты и события, хаотичный массив снова начинает расти. Если он вырастает и снова становится в противоречие существующей картине мира, то цикл повторяется. Точка перехода между «открытой» и «закрытой» фазами называется «моментом истины». Из «закрытой» в «открытую» — «конусом тишины».

— Интересная терминология… почему они так называются?

— Образование новой картины мира переживается как откровение. Все вокруг становится на свои места. Момент истины.

— А «конус тишины»?

— Когда сверхзвуковой самолет обгоняет собственную звуковую волну, он оказывается в «конусе тишины». Полное молчание, ничего вокруг тебя нет, пустота. Старая картина разрушена, а новая еще не начинается выстраиваться.

— Ясно…

— Эта схема является основой большинства гейткиперских ментальных техник. Гейткиперы регулируют информационные потоки, переводя сознание из фазы в фазу, тем самым достигая новых уровней овладения сознанием и подсознанием. Если у обычного человека фазы могут длится годами, у гейткиперов они сжимаются до месяцев. У деми-личей скорость смены фаз достигает подчас нескольких минут. Шиваиты контролируют до

десятка задач и делают это на протяжении нескольких часов, потом долго восстанавливаются. Если, конечно, у них не съезжает крыша и они не заваливаются в полный хаос. Гейткиперский деми-лич может контролировать три сотни параллельных потоков на протяжении двух-трех суток. Но их возможностям тоже есть предел. — Славик замолчал. — Ацтек мог руководить операцией, не выходя из своего офиса. Создать несколько своих проекций и контролировать все из штаб-квартиры… Но он вышел на трассу, чтобы руководить операцией из ближнего горизонта. Это значит, что для GK эта операция крайне важна. Это значит, Катюша, что они используют все возможности.

— Ты говоришь очень пространно. Что конкретно они могут предпринять?

— Самое простое — перехватить меня на трассе. Во время операции или по пути в аэропорт.

— Парни Толстого прикроют тебя. И я тоже. Вместе с моими девочками. И не забывай, Мирослав тебе должен. А гейткиперов он не любит.

— Пацаны Толстого сойдут с трассы, как только гейткиперы договорятся об отступных. На них надежды нет. Мирослав… Может быть, но это временное решение. Главная надежда только на тебя и твоих девочек. То, что они не взяли меня до сих пор, говорит о том, что они опасаются вас. Вы хорошо умеете прятаться. И пока они не смогли найти способ нейтрализовать тебя… До этих пор я в безопасности. Поэтому завтра ты должна улетать из Европы. Улетать как можно скорее. В Лос-Анджелесе у нас уже все подготовлено. Они найдут тебя через неделю, не раньше. За это время расклад поменяется. Охрана из «Гаваней» сможет прикрыть меня.

— Значит, я лечу завтра?

— Да, Катюша, ехать надо как можно быстрее.

— Ты думаешь, за сутки они смогут узнать, кто я? Муляж, следы в Си-Джее стерты, все транзакции делались через левые карточки. Ты думаешь, что они смогут?

— Не знаю. Пятьдесят на пятьдесят. Деми-лич может найти человека, зная его имя, за два-три часа.

— Это невозможно. Да и не знают они моего имени.

— Возможно. Твое имя — это вопрос времени.

Стакан был пуст. Она покрутила его в руках и, не глядя на Славика, встала с кровати. Подойдя к окну, Катя отдернула штору, впустив в комнату рваный свет проносящихся мимо машин. Тени от оконной рамы и ее силуэта опять расчерчивали стены на черное и белое.

— Ты можешь демонтировать разъем сейчас и мы вместе

уедем.

— Тогда мой долг перед Толстым увеличится на триста тысяч. Не забывай, что это сейчас он прикрытие. Через двое суток он станет проблемой, от которой тоже придется как-то избавляться. Операция в пятницу будет последней. Мне все равно надо ехать, а до ближайшего аэропорта не меньше двух часов езды. Так почему бы мне не провернуть еще одну операцию?

— Может, ты и прав… Не знаю.

В «Георг V» они не попали. Точнее, Эрика не захотела туда идти. Одно из самых старых кафе в Париже превратилось в музей и постепенно вырождалось как ресторан. Это относилось как к предлагаемому ассортименту, так и по составу публики, которая его посещала. Вместо этого они прошлись еще немного и оказались в местном «Макдоналдсе». Эрика заказала себе бигмаковское меню, а Олаф ограничился стаканом спрайта. Они поднялись на второй этаж и сели на высокие стулья у длинного стола, стоявшего прямо у окна, откуда хорошо была видна вся дневная суета Елисейских полей.

— Все-таки что это за пространство? Я так и не поняла, подо что оно заточено. В нем совершенно нет динамики, чем его толкают? — Эрика вытерла салфеткой губы и приложилась к красному бумажному стаканчику с колой.

— Изначально этот кластер был рабочим треком для «эй-ай» личностной схемы.

Эрика покачала головой и сморщила недовольную гримасу.

— В смысле? Извини, я не специалист в области искусственного интеллекта.

— Рабочий трек — это диалоговая среда, в которую помещают искусственный интеллект, построенный на основе личностной схемы. На ранних этапах в рабочем треке закладываются основы «психики» искусственного интеллекта, структуры необходимых баз данных и наполнение этих баз. Оператор-человек, кукольник, пользуясь этим пространством, задает необходимое информационное окружение, формирующее «эй-ая», его эмоциональные и интеллектуальные характеристики. После этого «эй-ай» становится работоспособным и помещается в информационную среду, где он занимается непосредственно своими задачами. В периоды простоев в работе над основными проектами «эй-ай» проходит дальнейшую модернизацию, или «прокачку», как говорят профессионалы. Другими словами, рабочий трек — это своеобразная конюшня, дом, в котором существует искусственный интеллект, когда не ходит на работу.

— Каких же «эй-аев» должен был прокачивать этот кластер?

Каких-нибудь совсем чокнутых…

— Трек создавался по заказу медиахолдинга «Новая Гавань». В сегменте рынка электронных развлечений это одна из лидирующих компаний на Западном побережье Штатов. Они являются первопроходцами на рынке мыльных опер, которые целиком и полностью делаются с участием виртуальных актеров. У них больше десятка таких проектов. Часть их кукольников корпят над внешним видом их цифровых «звезд», часть работают над характерами. Полтора года назад «Новая Гавань» планировала запуск еще нескольких проектов. Проекты позиционировались не как обычные шоу для домохозяек, а рассчитывались на довольно требовательную аудиторию интеллектуалов. Для этого «Новой Гавани» требовался рабочий трек, с помощью которого можно было получать яркие характеры. Шизофреники и параноики всегда считались интересными и яркими характерами. Так что в какой-то мере твое утверждение справедливо, «Усадьба Вдовы» должна была рождать чокнутых, за которыми было бы интересно наблюдать людям, чьи фобии и комплексы не превышают принятой в обществе нормы.

— Ты сказал, что кластер изначально являлся рабочим треком. А что это сейчас?

— Анонс новых проектов и раскрутка самого трека, который должен стать одновременно и клубом фанатов этих новых мыльных опер, делались с размахом. Но что-то сорвалось, и трек ушел от «Новой Гавани». Начало проектов перенесли на полгода, формат их изменился. Холдинг понес серьезные убытки.

— Почему это случилось?

— Судя по тому, что я знаю, в дело вмешались гейткиперы.

— Перекупили кластер?

— Не совсем так. Архитектура этого пространства была такой, что динамика и возможность организации активного диалога появлялись в нем только при запуске специальных программ-стартеров. Это распространенный способ защищать свою продукцию. Автор кластера создает такую программу, чаще всего основанную на его психических профилях, и передает ее компании уже после того, как деньги перечислены на его счет. Есть несколько способов обходить подобную защиту. Один из самых эффективных — сформировать кибернетический клон создателя кластера. Судя по тому, что я знаю, гейткиперы реализовали как раз этот вариант.

— Я так понимаю, что «Новая Гавань» автоматически потеряла эксклюзивные права на этот кластер.

— Да. Версия кластера, которая была доступна для осмотра, была практически готовой, рабочей. Ее можно было скачать и

посмотреть без всяких ограничений. Получив в руки киберклон автора программы, гейткиперы обрели возможность запуска этого пространства. Таким образом «Новая Гавань» потеряла возможность создавать эксклюзивные характеры для своих мыльных опер..

— «Новая Гавань» не пыталась договориться с GK?

— Не знаю, но судя по тому, что они запустили новые проекты…

— Даже если они пытались это делать, то у них ничего не получилось.

— Именно так. Кластер канул в Лету. — Олаф сделал паузу. — Кстати, я не встречал упоминаний о нем с того времени до сегодняшнего дня. Ты так и не рассказала, где взяла эту, уже модифицированную, версию.

Олаф вопросительно посмотрел на Эрику.

— Рассказывай, где ты это купила.

— Я купила это у одного человека в Праге.

— Тебе не раз говорилось, что Прага — это город алхимиков и раввинов, которые делают големов. Там живут шарлатаны, выдающие желаемое за действительное.

Эрика ответила ему упрямым и насмешливым взглядом.

— Кто продал тебе это?

— Это имеет значение?

— Имеет. На текущий момент кластер контролируют гейткиперы. Ты уже имела отрицательный опыт общения с корпорацией. Учитывая то, что у тебя есть еще и определенные проблемы с кибернетическим кодексом, меня беспокоит вся эта ситуация с «Усадьбой». Зачем тебе понадобился этот кластер? Ты продолжаешь искать туннели?

Эрика встала из-за стола.

— Пойдем.

— Куда?

— Не знаю…

Ковецкий и Образцов вышли из кафе. Ветра не было, но было зябко. Бабье лето закончилось, впереди были яркие солнечные дни и холодные ночи с заморозками на почве.

— Витя, кто все-таки провис?

Ковецкий застегнул безрукавку и включил терморегулятор на свитере.

— Что ты имеешь в виду?

— Тамила права, мы тушим пожар. Бегаем за хакером по Магистрали, а он со дня на день собирается дернуть туда, где достать его будет уже очень трудно.

— Никто не провис. Ошибки не было. Кластер обнаружили слишком поздно.

— Судя по официальным анонсам, «Новая Гавань» уже полгода рекламирует проект. Демонстрационная версия «Усадьбы» была доступна для обозрения еще в мае. Ваша служба мониторинга что, не интересуется новыми веяниями в цифровом шоу-бизнесе?

— Интересуется. Анализ «Усадьбы» был сделан почти тогда же. Проблема в другом. Наша схема, в которой «Усадьба» будет работать, окончательно оформилась только в середине сентября. Пока выясняли, что к чему и кто сделал этот кластер, прошло еще недели три. Вот тебе и пожар.

— Не проще бы было создать подобное пространство самим?

Они пошли по направлению к «ирокезу», припаркованному в двухстах метрах отсюда. Шум и свет из широких окон кафе постепенно тух. Рукотворный свет угасал, уступая место ярким точкам звезд.

— Ты сам хорошо знаешь, что на создание виртуального пространства такого масштаба уйдет год, а может, и больше. Даже если посадить за это дюжину классных архитекторов. И не факт, что мы получим то, что нужно. Тенсинг создал в своем роде уникальную вещь. Совет принял решение сразу и большинством голосов. «Усадьба» идеально соответствует тем требованиям, которые были изложены в новой стратегии. Упустить ее сейчас означает затормозить реализацию на пару лет. А два года для нынешнего времени — это большой срок. Если мы не сделаем этот насос сейчас, через пару лет финансовый поток может изменить русло. Качать будет нечего.

— Кто бы спорил… Серьезная схема?

— Да. Но дело не только в деньгах…

Образцов вытащил из кармана брелок с пультом управления сигнализацией и снял охрану. Салон «ирокеза» сверкнул сине-зеленым сполохом искусственного света.

— Витя?

— Да.

— Этот разговор в кафе… Ты ведь мог его загипнотизировать и вывести под белы ручки оттуда без всякого шума.

Ковецкий остановился и засунул свои руки в карманы джинсов.

— Нет, не мог. Психика у него, конечно, расшатана, но он еще способен мобилизовываться и гасить эти атаки. Если бы почувствовал такое давление, то разговор закончился бы сразу. Почему ты спрашиваешь?

— Этот разговор… Ты предлагал ему вернуться в корпорацию. Ты действительно не исключал этого варианта?

Тот вытащил руки из карманов и широким жестом развел их в стороны.

— Мы пытались это сделать и раньше. Еще до того, как узнали, что он делает этот кластер.

— Тогда… Тогда, несколько лет назад, он пришел к нам уже с очень плохими признаками стагнации. Мы вывели его из этого тупика и провели через один цикл. Открытая фаза, формирование новой жесткой компоненты сознания, наработка базовых навыков для проведения самостоятельных практик. Потом было плавное закрепление в закрытой фазе. И мы предложили ему работать в клане.

Хайкорд вытащил ключи и открыл дверь супервана, но не полез в салон. Продолжая держать ключи в руках, он оперся на крышу машины. Ковецкий остановился.

— Почему он отказался?

— Крайняя эгоцентричность. — Ковецкий двинул в сторону «ирокеза». — Мы думали, что это несколько ослабится после прохождения через открытую фазу, но эта компонента оказалась слишком сильной. Может быть, это был основной просчет. Основы техник могли подождать, не надо было давать ему этот курс. Похоже, что он чересчур уверовал в свои силы. Он вернулся в университет, отучился там семестр и начал работать с белорусскими хакерскими кланами. Параллельно практиковал ментальные раскачки подсознания у Лайбаха. Вся эта алхимия с метатаранолом, хула-хупом-Бэ и резонансным даталифтингом. Он затачивал себя под вполне определенную хакерскую работу. Спутниковые системы передачи данных, наземная часть оборудования, вирусы-резаки. Вначале мы думали, что он собирается делать эту карьеру, но все оказалось не совсем так. Он уже тогда прицеливался к калифорнийским цифровым студиям. Шоу-бизнес, однако…

— Вы пытались вернуть его?

— Пытались, но он уже тогда сделал несколько операций по вживлению кремния. Зарабатывал деньги и делал операции. Потом его и вовсе списали со счетов.

— Побочных эффектов после вашей работы с ним не было?

Деми-лич сделал паузу и ответил вопросом:

— Почему ты спрашиваешь?

— Судя потому, что я видел, — эту «Усадьбу» делал шизофреник. Твой ученик. Парень пошел вразнос. Химия, кремний, не слишком квалифицированные гуру по методам ментальной прокачки довели его до глубокого тупика. Это

шизофрения, и если им не заняться сейчас, он может закончить клиникой. Утренний разговор выглядел как попытка изменить что-то. Виктор, ты что-то хочешь изменить? Провести его через конус тишины и вывести на новый цикл?

Ковецкий ничего не ответил. Хайкорд немного подождал и забрался в салон. Массивная фигура деми-лича немного помаячила за окнами, после чего Ковецкий сел на свое место, заставив кожаные сиденья натужно скрипнуть.

— Ничего я не хочу. Он зашел довольно далеко со своими играми. Вылезет сам — хорошо. Нет — как будет, так и будет.

Дверь резко захлопнулась.

— Поехали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«За пять лет, которые предшествовали двухтысячному году, софтовики, занимавшиеся проблемой 2YK, перекачали на свои счета около пятисот миллиардов долларов. Даже если все аналитики, предвещавшие в своих прогнозах всевозможные беды в первых числах января, получили взятки за свои отчеты — вряд ли эта сумма стояла близко к выходящему финансовому потоку. Позже, в первых числах января, было отмечено, что, может быть, в силу того, что были затрачены такие средства, конец света был перенесен на неопределенный срок. Страх перед круглыми цифрами, компьютерная безграмотность большинства пользователей и принимающих решения, умение манипулировать техническими терминами и складывать из них логически выверенную картинку — все эти слагаемые и дали в результате тот «знаковый насос», который при минимуме затрат дал максимум прибыли. Наркобизнес, торговля оружием и порноиндустрия рядом не стояли с тем, что можно было провернуть, зная, как сделать нужный знак.

Так или иначе построением подобных «знаковых насосов» занимаются многие крупные иерархии. Более всего в этом преуспели религиозные, политические и рекламные структуры, основа жизнедеятельности которых во многом зависит от удачно построенной и преподанной целевой аудитории идеологии. Самый значительный опыт в этом деле имеют, конечно же, религиозные структуры. Вследствие этого бытующее утверждение о том, что гейткиперские личи занимаются чем-то очень новым, не имеет под собой веских оснований. Но нельзя снимать со счетов, что именно они находятся в авангарде. В основе их лидерства в этой области лежат три кита: собственная сильная идеология, которая не является подчиненной по отношению ни к одной из мировых религий; широкий спектр новейших психотехник, ведущих свои корни от старых восточных практик и активно использующих Си-Джей, а также другие информационные технологии; и третий — упор исследовательской деятельности на области создания искусственного интеллекта, так называемых «гибридных» коммуникативных систем — «человек-компьютер», «человек-«эй-ай». «Эй-ай-эй-ай»…

Василий Шидловский
«Вводный курс знакового менеджмента»

Образцов вел борт по третьему ряду, время от времени

посматривая на Ковецкого. «Стекла» плотно сидели на массивном лице и четки ни на минуту не прекращали движения. В правом верхнем углу бортового монитора индикатор, показывавший входящий поток данных, который шел на борт, уже с час как стоял на одном и том же уровне. Через равные промежутки времени потоки входящей информации спадали почти до нуля. В то же время резко возрастал поток исходящего трафика. Демилич активизировал свои проекции, субличности, подключая все новые и новые ресурсы подсознания. Хайкорд насчитал почти три десятка пиков исходящего потока. Множа свои проекции, демилич запускал процесс параллельной обработки нескольких десятков потоков данных.

Три глубоких выдоха. Ковецкий передвинул «стекла» на лысину и активизировал свой лэптоп.

— Хэвен контрол, чего у вас? — Она покинула кемпинг десять минут назад, ни с кем на связь не выходила, никаких сообщений на вход не было, сейчас движется по Е-50 в сторону Праги. — Подвесить ничего не удалось? — Удалось. Но она стряхнула почти все. — Этого следовало ожидать. Что у нас с данными на нее? — Трехмерный портрет, детальный фоторобот уже готов. — Это все равно муляж. Форма черепа, костей, что с этим? — Пока ничего, перехват будет через двадцать минут, ребята уже на трассе. — Не забудьте про все остальное. Что-нибудь еще про нее выяснить удалось? — Практически ничего, кроме того, что она зарегистрировалась в отеле под именем Вероники Земановой. — Земанова? — Да, у вас есть что-то по ней? — Нет, это фамилия одной из чешских порнозвезд начала века. — Ага… — Хэвен контрол, как только появятся костные профили, сливайте сразу сюда.

Ковецкий положил лэптоп на бардачок.

— Васильич, давай двигать в сторону Праги. Она рвется туда.

— Туда, куда же еще. Я так понял, что у нас на нее сейчас ничего нет.

— Пока похвастаться нечем. Но это вопрос времени. Активизируй второй и третий каналы связи.

— Нет проблем, только аккумулятор сядет в три раза быстрее.

— Через два часа на нашей площадке поставят свежий.

— Тогда вообще без проблем.

Еще минут десять Ковецкий согласовывал с операторами корпоративных платформенных «эй-ай» график работы свободных

вычислительных и передающих мощностей. Потом его «стекла» снова переместились на его нос, и пальцы снова стали быстро перебирать четки.

Мотоцикл уходил по трассе в сторону большого города, петляя между фурами, микроавтобусами и легковыми автомобилями, из второго в третий ряд.

«Какие-то новички». Черный гейткиперский суперван повторял траекторию ее прохода по трассе, как будто в прямом смысле слова был ее хвостом. Притормаживая и уходя вновь в отрыв, она сделала на мотоцикле еще несколько контрольных виражей, чтобы убедиться в том, что эти ребята действительно неопытные новички. Правда, эти виражи не прошли и ей даром. Три раза она подсекала один и тот же микроавтобус, пока наконец водитель не открыл окно и не покрыл ее смачным польским ругательством. Несколько позже, на въезде в город, она решила вернуть долг и отчебучила в адрес толстого усатого поляка трехэтажный русский мат.

Катя въезжала в город по Ческобродской. Окончательно она оторвалась от них уже в городе, свернув на Новосаганской и дальше, к реке. На узких улочках маневренные качества вана-вездехода не шли ни в какое сравнение с легким мотоциклом. Поблуждав по старому городу, она нырнула в один из подземных торгово-развлекательных комплексов на Белогорской, располагавшихся ближе к окраине. Здесь Катя сдала мотоцикл «бимер» технику-охраннику, взяла свой съемный багажник, рюкзак и поднялась по пандусу на третий подземный этаж, где была камера хранения. До самолета оставалось больше десяти часов, надо было где-то убить время. Высовывать нос из этого комплекса не имело смысла. Если они действительно ее ищут, то лучше пересидеть это время здесь и не светиться лишний раз на улице. И вообще поменьше двигаться. Даже по этому магазину, напичканному камерами наблюдений. Надо было где-то упасть.

80679933. Камера запросила карточку или наличные на выбор. Катя сунула в разъем мятую бумажку в десять евро и получила сдачу. «Будь проклят пластик». Она никогда не пользовалась карточками для расчета. Последние пять лет она делала это сознательно. До этого она просто не зарабатывала на свою жизнь сама. Единственную транзакцию с пластиком она провела, когда обналичивала родительский подарок — серебряную Visa, — который они сделали на ее восемнадцатилетие. Три тысячи евро. На эти деньги она модернизировала свой комп, купила подержанный «судзуки» и дорожный рюкзак от «Дольче-Габбано». Последний потянул на

пятьсот евро, и Катя помнила, как отреагировал на него отец. Он весь вечер тихо бурчал себе под нос, что это пустая трата денег и что платить за лейбл на куске выделанной кожи такие деньги глупо.

Ее родители были типичной семьей из самой середины среднего класса. Хорошо оплачиваемые офисные работники, бизнес-наемники, создававшие капитал своим хозяевам, имея за это зарплату, небольшой компенсационный пакет и осознание принадлежности к «большому делу». Деньги, которые они зарабатывали, создавая товар своих фирм, уходили на покупку других товаров, которые производили такие же рабочие лошадки из других фирм. Замкнутый круг, когда все заработанное уходило на операционные расходы семьи — еду, одежду, бытовую технику и коммунальные платежи. Вырваться из этого круга, приобрести что-то, что генерировало положительный денежный поток, удавалось единицам.

Ее отец, человек умный, сильный и веселый, принадлежал к тем, кто мог найти выход из любой ситуации и промолчать о том, чего стоит ему это решение. «А-ля-гер ком а-ля-гер» — его любимая фраза. Он действительно ходил на работу как на войну, на которой главный враг не конкурент из другой компании, а твой сослуживец или начальник, а когда станет совсем горячо или надоест «по самое не балуйся», надо складывать в коробку из-под бумаги любимый старый степлер, чашку и искать другого хозяина. «Дай мне смирения принять вещи, которые я не могу изменить. Дай мне мужества изменить те вещи, которых я не могу принять. Убереги меня сегодня от неосторожности наступить на те пальцы, которые могут иметь отношение к той заднице, которую мне, может быть, придется поцеловать завтра».

Когда Катя была маленькой, она мало понимала те вечерние разговоры, когда они с матерью вместе готовили ужин. Обсуждения офисных будней, тенденций в отрасли, конкурентов, корпоративной кадровой политики, перестановок в компании. Интриги, сплетни и скандалы. Кидалово, щемилово, разводилово. Когда папа говорил эти слова при Кате или младшем брате, мама просила его не ругаться при детях. Отец говорил не спеша и редко повышая голос, мать изредка взрывалась, но быстро успокаивалась и с улыбкой смотрела на отца, давая закончить ему начатую фразу. Иногда они засиживались допоздна, и чем старше становилась Катя, тем больше она понимала, о чем говорят ее родители. Об этом замкнутом круге, в котором с каждым годом становится все сложнее бежать так, чтобы успеть за всеми.

О чем они говорили, она поняла позже, когда, выпустившись из универа, устроилась в офис маленькой консалтинговой фирмы с очень амбициозным исполнительным директором, имевшим долю в бизнесе. Его настроение было непредсказуемо и, кажется, мало зависело от той ситуации, которая была вокруг. Он мог быть веселым и рассуждать о том, что Акиро Морита начинал с пяти сотен американских долларов, хотя при этом на тот момент не было даже намека на клиентов. Иногда он был злым и считал каждый лист бумаги, вылезший из принтера, срываясь на любом человеке, проходящем мимо, несмотря на то что за последнюю неделю удалось поднять на деньги трех жирных клиентов, и портфель заказов был обеспечен месяца на два вперед. Каждый месяц из компании кто-то увольнялся, и на его место приходил кто-то новый, но так же ненадолго, как и его предшественник. Шеф кричал о том, что мало кто выдерживает тот высокий ритм, который задается «у них в компании», но не видел того факта, что компания давно стала для некоторых всего лишь трамплином для прыжка на лучшее место.

Каждый день Катя заставляла себя приходить в офис отрабатывать положенное и сбегала, как только часы пробивали шесть.

И однажды до нее дошло, какая жизнь была у ее родителей там, откуда они приходили вечером домой. И мысль от того, что ей придется впрячься в такое же ярмо и жить по расписанию, доводила ее до ступора, подчас не давая нормально соображать и опасливо прислушиваться к поворотам ключа в двери кабинета директора. Вылазки на кластеры с вакансиями приносили больше тревоги, чем успокоения. Поиск работы по объявлению был сродни свиданию вслепую. Кто его знает, что будет там. Исполнительный хоть не лез под юбку и при всех своих недостатках искал работу с рвением первокурсника, не прошедшего через зимнюю сессию. Родители могли бы помочь найти что-то получше, но она завралась, рассказывая им, что все хорошо и дела идут как надо. Рассказать о том, что на работе у нее ничего не получается, было равносильно поставить двойку самой себе. Она иногда с завистью наблюдала за продавщицами в том супермаркете, где она каждую неделю закупала продукты. Знай себе товар раскладывают, на кассах сидят, зал после закрытия прибирают… Хотя везде были свои напряги. Кто знает, как вел себя вот этот нагловатого вида охранник с острым носом и вечно прищуренными глазами.

Катя стала проводить время в «кофейнях» Шельфа, где

общалась радикально настроенная молодежь, на разные лады хаявшая современную систему. Вначале она просто отводила душу в этих разговорах, но очень быстро поняла, что вся эта антисистемная тусовка делится на две части: тех, кто говорит, и тех, кто делает. Болтуны, цитировавшие Кропоткина, Че Гевару, Керуака, Тимоти Лири и Гибсона, в большинстве своем в реальном мире были мирными ребятами, тихо ненавидевшими то, что они делали большую часть светового дня, а по вечерам отрывались в спорах о лучшем способе переделать мир. Те, которые что-то делали, вели себя по-другому. В «кофейнях» они развлекались, издеваясь над теми, кто только говорил, и находили потенциальных кандидатов на пополнение своих рядов. Хакеры-классики, ломавшие сервера на заказ. Криптографы, писавшие оригинальный шифрующий софт для кодирования сообщений с помощью запрещенных алгоритмов. «Пластеры», занимавшиеся подделкой пластиковых карт. «Псы», занимавшиеся разработкой психонического программного обеспечения, сетевой защиты, действовавшей прямо на нервную систему. «Кукольники», писавшие экспертные системы с элементами «эй-ай». «Архитекторы», лепившие кластеры с «эксклюзивным» содержанием на заказ.

Многие другие.

Они тоже не любили порядок, но их нелюбовь выражалась в делах, за которые они получали деньги.

Из всей этой пестрой братии Кате больше всего понравились симулякры. У них была довольно логичная идеология, четкая структура в рядах и более или менее легальный источник доходов. Они не занимались взломом и психоникой. Симулякры говорили, что Си-Джей — это способ тотального контроля, что виртуальное пространство создано для того, чтобы собирать информацию о людях и в нужный момент давить на нужные места. Чтобы быть независимым от системы, нужно уметь не оставлять следов в виртуальности. Меньше пользоваться незащищенными средствами связи, не использовать пластиковых карточек, избегать камер в общественных местах и так далее. Симулякры занимались консалтингом относительно того, как оставлять минимум следов, и создавали соответствующие приспособления и софт. И все это пользовалось достаточно широким спросом. У симулякров была довольно широкая сеть, и они работали в дружеском альянсе с [WolWes] одной из хакерских группировок, действовавших на Магистрали. Симулякры заметали за хакерами их «информационные следы», а те, в свою очередь, держали у себя на бортах сервера симулякров, обеспечивая безопасность их виртуальных пространств.

Первые полгода Катя въезжала в тему и понемногу училась производить нужный для продажи продукт. Жизнь выровнялась. Днем она была добропорядочным членом общества, по ночам — давала консультации тем, кто не хотел, чтобы в Си-Джее осели данные на него.

А однажды… Однажды ей позвонил Славик и ни с того ни с сего предложил встретиться.

Следы, которые человек оставляет во времени, размазанные по серо-черным ноябрьским тротуарам, в колонках банковских счетов, в опросных листах уличных маркетологов, в сотнях документов, часах домашнего видео и в школьном фотоальбоме, на винтах служебных серверов почтовых систем. Во многом другом, о чем человек забывает и не придает значения до той поры, пока следствие запущенной им причины не пересечется с ним на каком-нибудь светофоре, и все, что останется, это ломать себе голову, «откуда это на меня свалилось». А до того момента кто-то тянет за собой длинную цепь следов, состоящую из разрозненных фрагментов потревоженной реальности, от кругов на воде в местном бассейне до скачков на фондовом рынке. И цепочка эта тесно переплетается с такими же цепочками, которые оставляют другие. Выложенные на фундаментальных координатах места и времени, эти пересекающиеся цепи дают текстуру жизни, сумму событий, поступков, всех тех, кто ходил рядом. И между фактом жизни одного человека можно из клубка спутанных следов вытянуть все, что наматывалось вокруг дюжины тех, кто был когда-то рядом.

Информация не бывает лишней. Информации не бывает много. Старые постулаты, основанные на слепой вере в то, что все в этом мире имеет объяснимую рациональную основу, что события делятся на причины и следствия и что вся диалектика состоит в том, что следствие когда-нибудь станет причиной.

Вся первая зона Си-Джея, треть Кибернетического Глобуса являлась динамической копией реальности. Копией, которая меняется вслед оригиналу. Графическая оболочка Си-Джея отображала большинство объектов реального мира размером более десяти сантиметров. Под этой «упаковкой» лежали десятки и сотни информационных слоев, «семантических плоскостей», и графическая оболочка обеспечивала тот понятный и удобный интерфейс, посредством которого можно было взаимодействовать с информационным пространством, существующим на

технологиях «слепка реальности». «Портретная плоскость», фотографическая копия земной поверхности и всего, что двигается по ней.

Частота обновления «портретной плоскости» зависела от географического региона и от плотности источников исходной информации, которые там размещены. «Портретная плоскость» формировалась на основе видео и другой информации, которая поступала из сотен тысяч обычных видеокамер и сенсоров, которые фиксировали полный волновой спектр.

От видеокамеры в небольшом продуктовом магазине, который располагался посередине нигде, до телескопов спутниковой сети Snowy Owls.

В центре какой-нибудь европейской столицы или в крупном аэропорту, где были установлены несколько тысяч камер полного волнового спектра, частота обновления картинки в Си-Джее была тридцать — сорок кадров в секунду. То же самое касалось и степени детализации информации об объектах — камеры полного спектра давали представление не только о внешнем виде объекта. Волновые характеристики давали представление о его внутренней структуре, температуре и далее по списку. Если же регион представлял собой участок африканской саванны, то единственным источником исходной информации тут был спутник, «сова», запущенная в рамках программы, которую осуществлял Серебряный Холм в рамках проекта развития глобального информационного пространства. Сеть «снежных сов» обеспечивала покрытие всей поверхности Земли. Частота обновления «портретной плоскости» в незаселенных зонах составляла один кадр в десять секунд, и тот, кто решил погулять по амазонской сельве с помощью ресурсов Кибернетического Глобуса, оказывался в мире, живущем по законам замедленного кино.

«Портретная плоскость» была настоящим временем Си-Джея. Отражение *этого* момента времени. Отснятое и ставшее прошлым видео и волновики, а также вся сопутствующая информация из «семантических плоскостей» дайса складировались в глобальном хранилище — Депозитарии Серебряного Холма. Длинный ряд отпечатков реальности, растянутый по бесконечной временной координате с разрывами в одну секунду. Тысячи терабайт информации, закатанные на оптические и магнитные носители. Оперативная, первичная, зафиксированная в точно известный момент времени информация о состоянии окружающего мира. Но Депозитарий не был резиновым и тут был свой предел. Буфер Депозитария хранил оперативные снимки первой зоны Си-Джея

не больше трех месяцев. Потом информация стиралась, и на место ее записывались новые дни. Оставляли только то, что имело значение, события политической, социально-экономической и культурной жизни, динамику изменений состояния ключевых энергетических объектов, предприятий, маршруты перемещения vip's и многое другое, что потом имело шанс быть использованным в чьих-то аналитических вкладках.

Подобные Депозитарии имели все. Емкость и масштаб подобного хранилища оперативной информации были пропорциональны ресурсам и степени влияния того, кто мог содержать это хранилище. Вершину этого хит-парада составляли «терадомены», безразмерные по обеим координатам — времени и пространству — банки данных. В такое хранилище информация только входила. И ничего не уничтожалось.

Васильич снова посмотрел на индикатор входящего трафика. Масштаб отображения поменялся, и тот поток данных, который шел на борт, возрос примерно на порядок. Хайкорд просмотрел лог, из которого можно было понять, с каким потоком данных сейчас работал Ковецкий.

Это был Clipper-78, один из платформенных «эй-ай» корпоративного класса С-2, которые принадлежали центральноевропейскому консорциуму GK; на жаргоне сетевиков назывался «пылесосом». Безличностная схема искусственного интеллекта, гигантский калькулятор, на вход которого подавались сотни терабайт из Депозитария GK. Из которого нужно было вытянуть два-три метра ключевых данных, способных стать причинами для больших следствий. Сейчас два процента распараллеленных мощностей Clipper-78 работали над несколькими потоками задач.

Clipper -78 работал с несколькими десятками фильтров. Скелетное и визуальное отображение внешности Тенсинга, второй отсеивал и фиксировал все женские лица, которые находились рядом с хакером. Получаемый фильтрат из фото Тенсинга и сопровождающих тысяч женских лиц служил входящими данными для многомерной матрицы данных, где каждое из лиц было тем небольшим комом снега, который порождал лавину новой информации. «Эй-ай» тянул из первой зоны Си-Джея и терадомена GK все, что могло быть связано с этими женщинами. Подробные, насколько это возможно, биографии подавались как по конвейеру в третий поток, где происходило определение того, насколько тесно переплеталась судьба и карьера хакера с этими женскими лицами.

Дальше отфильтрованный поток данных обрабатывался «проекциями» Ацтека.

Обрабатывался даже тогда, когда деми-лич общался с операторами стационарных центров и магистральщиками GK.

Субличности Ацтека сокращали время поиска в несколько десятков раз. Поиск человека, а тем более человека, который сознательно оставляет минимум следов, мог затянуться на дни и даже недели. И дело было не в количестве вычислительных мощностей, а в алгоритме поиска. Субличности выгребали из терадомена все, что связано не только с тем, кого ищут, но и его родственниками в пятом колене, и с теми, с кем цель игралась в песочнице, когда ей было три года, моделируя динамику эволюции сознания. К этому прибавлялась информация по всем тем районам, где жил человек, и как менялся ассортимент в магазинах, в которых его мать покупала ребенку одежду, еду и игрушки. К этому коктейлю добавлялась вся информация по районным дискотекам и другим местам, куда любил заходить человек. Сотни причинно-следственных связей, которые сделали человека таким, каким он есть, и заставляли ходить по тем дорогам, по которым он ходил. Зная, кто он и что собой представляет, уже не так трудно понять, куда он пойдет дальше. Субличности деми-лича накладывали те закономерности, которые существуют в окружающем мире, и те внутренние мотивации, которые двигают человеком, сознательно или бессознательно. Потом все эти векторы складывались и получался ответ.

— Ближний край, говорит ди-эм-два. Объект? — Идет в прежнем направлении. Ведет себя спокойно, не дергается. — Сделайте так, чтобы она вас срисовала. — Понятно, ди-эм-два. — В городе дайте ей уйти, но только так, чтобы не очень просто. — Все ясно. — Дадите знать, когда она сорвется. Что с базой данных на симулякров от [NNW]? — Построение профилей психики на основе их никнеймов и перекрестный анализ открытых списков EAGC. Восемьдесят процентов покрытия. Немного не сработались с киберами, информация пришла пару часов назад. — Тщательнее, ребята. — Ты не боишься, что она начнет откат прямо сейчас? Штаты, юго-восток? — Не должна. — …Под Йиглавой она свернула на E-55. Идет по-прежнему на Прагу. — У вас что-то есть уже? Есть скелет, есть образцы голоса, есть немного характерных жестов, ну и всякая мелочь типа марки комбинезона, номера мотоцикла. — Очень хорошо, наконец-то есть с чем работать. Отправляйте прямо операторам

«платформы». — Оп-три, конец связи.

Катя поднялась на первый этаж. Прямо был выход из центра, налево светился логотип общественного терминала Кибернетического Глобуса. Провести шесть-восемь часов в киберячейке, войдя в Сайберглоб под анонимным логином, было хорошей идеей.

Час аренды места стоил пять евро. Она заплатила вперед сразу сорок. Мягкое, самонастраивающееся кресло, удобно расположенные на подлокотниках кресла клавиатуры и манипуляторы. Катя плюхнулась в кресло и открыла контейнер, в котором лежали простенькие «стекла», выданные ей на входе в зал. Пристроив «стекла», Катя дала команду, ячейка затянулась матовой поверхностью, скрыв ее от чужих глаз. Полазив полчаса по знакомым кластерам, она пришла к выводу, что сейчас не имеет смысла разговаривать с кем-то из знакомых. Меньше чем через полдня она должна была пропасть, и пропасть навсегда. Говорить «гудбай» своим подружкам и знакомым означало светиться лишний раз. Впереди была новая жизнь, с чистого листа. Может быть, через год-полтора она позвонит всем и даже встретится где-нибудь на нейтральной территории. Потом, когда-нибудь.

Идея повидать тех, кто был ей дорог, через камеры, обеспечивавшие картинку портретной плоскости, показалась ей интересной.

Катя включила службу доступа к общественным камерам, транслировавшим в реальном времени, и нашла район кейджа, в котором был Славик. Легкое чувство тревоги не покидало ее. И хотя в самом кейдже не было ни одной камеры, которая позволила бы ей увидеть его, наблюдение за зданием со стороны немного успокаивало.

Со Славиком они встречались, еще когда она была на четвертом курсе. Но потом он ушел с факультета. По потоку прошел слух, что его взяли к себе GK. Слух был верным, он действительно попал к джакам. Они расстались тихо, он просто перестал звонить.

У них оказалось очень много общего. «Как мы раньше этого не замечали». На самом деле за то время, которое они были в разлуке, они поменялись настолько, что стали ближе друг к другу. Та же насмешка над системой, те же ощущения тревоги и жалости к самому себе, тот же путь наружу. Она нашла симулякров, а он смог сделать себе имя на хак-сцене и в среде

набирающей силу второй волны киберарта. Яркие и запоминающиеся кластеры, которые делал Славик, завоевали несколько первых мест в местных чартах. Его приглашали крупные студии, но Славик с улыбкой отказывался от этих предложений, продолжая делать себе имя независимого художника, и все чаще посматривал в сторону настоящих денег. Голливуд.

Позиции «Фабрики грез» чуть пошатнули прорыв новых европейских студий. Но это было в начале века. В чем в чем, а в грамотных маркетинговых схемах американцы соображали хорошо, больше чем в создании оригинального содержания. Мощная закачка финансовых ресурсов со стороны издателей компьютерных игр и столпов американского кинематографа вернула все на свои места. Париж и Лондон сдали свои позиции, и на Западное побережье Штатов высадился десант молодых львов из Старого Света. Ряды стареющих первопроходцев цифрового кино навроде Джона Гаеты пополнились молодой кровью.

Славик сумел завести нужные знакомства и уже начал разрабатывать проект, который должен был вывести его в элиту мастеров цифры. Но для низкого старта нужны были деньги. На авиабилеты, на проживание в гостиницах, на содержание агентов, на консультации с юристами. На то, чтобы оттянуться в барах Санта-Моники. Такие деньги он никогда бы не заработал, даже если бы попал в «Правекс-банк» на позицию шефа операционных кластеров. Другие, намного большие деньги.

Его решение работать на «реальных пацанов» было воспринято Катей в штыки, но он, как и всегда, был очень убедительным в своих расчетах и быстро показал ей три цифры. Сколько им нужно для старта, как долго он должен будет работать на «папу» Толстого и сколько они будут иметь потом. Скомкав салфетку и выбросив ее в мусорное ведро, он задал ей один вопрос: «Ты хочешь обратно?» Он спросил это грубо, почти срываясь на крик. Тогда Славик первый раз сорвался при ней.

Катя не хотела обратно. Он пришел в ее жизнь, и жизнь стала другой. Просто другой. То, что ждало ее через год-два, было вообще другим измерением. Процент, который мог получить Славик за аренду кластера у крупного медиахолдинга за месяц, вдвое превышал те деньги, которые заработали ее отец и мать за последние пять лет. И это было только начало. Славику было только двадцать четыре. Он был талантлив, уверен в себе и полон новых идей. Кроме денег, новая жизнь обещала новое общество. Те, кого она рассматривала на обложках журналов и в новостях,

могли оказаться совсем рядом. Это было банально, глупо, Катя всегда смеялась над этими полудетскими желаниями типа водить знакомства со знаменитостями, но когда это стало вдруг так близко — захватило дух. Она поняла, что все эти насмешки были только защитной реакцией, за которой пряталась самая обычная зависть. Зависть к тем, кто не суетится в офисе от зарплаты до зарплаты, а делает настоящие деньги, которые дают больше, чем просто комфорт. Дают свободу от условностей и правил, написанных малограмотными невеждами для того, чтобы другие играли в их игры.

И еще она подумала о родителях. О том, что через какие-то год-два она вернется в город и придет к ним. Придет, чтобы отдать им долг. Сделать их жизнь мирной и спокойной. Мать перестанет в спешке накладывать по утрам макияж и ехать на работу, давясь в пробках и сутолоке метро. А вечером ехать обратно усталой и вымочаленной за день в толпе, пропахшей потом и дешевой парфюмерией. Отец сможет забыть о кредите за квартиру. И перестать ездить на десятилетнем «ниссане». Она купит им новую машину. Две, нет — три. Через два года Женька окончит школу, и она подарит ему новенький «ягуар». Они съедут с Поздняков и купят квартиру в какой-нибудь из монолитных «свечек» в центре города. Они переберутся на тридцатый этаж и…

Катя приняла решение.

В сравнении с общим входящим потоком данных несколько мегабайт оперативной информации, которую обрабатывал демилич, были каплей в море. Но этот небольшой массив данных полностью изменил структуру алгоритма поиска и поменял приоритетность задач. Через три с половиной минуты в структуре произошло еще одно качественное изменение, оставившее в покое проработку четырех тысяч пятисот двадцати женских физиономий, симпатичных и не очень. Изображение молодой женщины совпало с десятью кадрами, сделанными соответственно три недели, два месяца и полгода назад. Ночные клубы Кракова и Киева, места, в которых наличие «естественной» маскировки делало затруднительной работу обычных камер. Лазерные и голографические спецэффекты перекрашивали танцпол и зал в разные цвета с частотой два такта в секунду. Постоянно двигающаяся толпа, грим на лицах делали видеокамеры не более чем декорацией для инспектора, проверяющего зал раз в полгода на наличие в нем требуемого оборудования для обеспечения безопасности. В обычных клубах аппаратуру типа Long Wave не использовали, но иногда ее все же устанавливали. Если проверка обещала быть серьезнее, чем

обычно. На мониторе Ковецкого широко улыбалось девичье лицо, острый точеный подбородок, широко поставленные серые глаза. Объемная модель ее фигуры и лица, собранная на основе снимков с дискотек и сегодняшней оперативной работы, теперь стала для субличностей Ацтека основным управляющим фильтром. Теперь деми-лич качал видеоряды, исходными точками которых были клубы, в которых Тенсинг и его подруга проводили те вечера. Камеры на центральных улицах города и милицейские съемки с машин, которые патрулировали эти районы в ту ночь. Три видеоряда завели поиск в тупик. Но два месяца назад они покинули киевский «Голливуд» в три часа ночи и сделали неосторожность, проехав по центральным улицам, дав отследить почти весь их маршрут. Улица Артема, Владимирская, Крест, бульвар Леси. В районе Печерского моста они разъехались и потерялись из виду. А через пятнадцать минут с безличной расчетной карты с шестнадцатизначным номером в небольшом частном отеле в районе улицы Бастионной, в три тридцать утра, была снята сумма. Больше в эту ночь и в этом районе никто не снимал комнат в частных гостиницах.

Карта засветилась еще три десятка раз в разных местах. Главным образом мелкие покупки в больших магазинах. Одежда, иногда еда. Один раз — это было в одном из мегамаркетов Болсера, огромном стеклянном колодце — в букинистическом отделе на эту карту была приобретена раритетная DVD-версия отреставрированного путешествия, которое последние битники затеяли с «детьми цветов». Том Вулф, Кен Кизи, Grateful Dead в одном автобусе. LCD-шное безумие вперемежку с отвязными хеппенингами. Полубитники-полухиппи едут через все Штаты. Характерная покупка. Тот, кто брал подобные вещи, обычно знал, что покупал. Критерии поиска дополнились ключевыми элементами, касавшимися круга интересов. Это значительно сужало область поиска. Идеология битников и хиппи была почти позабыта, современные субкультуры вели свою родословную от хакерских мифов, киберпанков, фантазий братьев Вачовски, отцов культовой «Матрицы». Найти того, кто увлекался Керуаком и читал «Пик забвения», было проще, чем рыться в списках хакерских группировок.

Ковецкий поднял архивы групп новостей, форумов и кластеров-кофеен, в которых обсуждали темы, связанные с битниками, борцами за чистоту окружающей среды и тотальным разрушающим контролем корпораций. Список сократился. Еще раз. От идентификации личности Ковецкого отделяла еще одна, максимум две итерации.

Его план, нарисованный на салфетке, был прост. На доработку кластера ему нужно было еще год-полтора. Расходы на промоушн, личного адвоката и агента стоили бы ему около пятисот тысяч евро. Это были реальные деньги, если работать на Магистрали, выполняя задания Толстого в Восточной и Западной Европе. «Папа» Толстый давал принципиальное согласие, но единственным условием, которое не устраивало Славика, было то, что Толстый хотел видеть его в постоянном штате через эти полтора года. Он давал работу, смотрел на результат и мог сам разорвать контракт, но если Толстому хотелось иметь человека в своей команде, то принимал для этого все меры. И потом вырваться из его команды было уже нереально. Отступные он ставил слишком высокие. Но и те деньги, которые Славик должен был получить в первые полгода за аренду кластера, позволили бы ему заплатить долг. В самом крайнем случае Славик мог лечь на дно на Западном побережье. Сделать пластическую операцию, изменить форму черепа, выжечь отпечатки пальцев. Катя смогла бы сделать ему новую историю, купить документы и… В общем, план был прост, но имел несколько слабых мест. Катя попыталась намекнуть на то, что есть еще и кибернетическая полиция и что он уже в списках. Он опять взорвался упреками о том, что она сомневается в его таланте и может идти на все четыре стороны, если не хочет идти с ним. Этот скандал закончился еще более неожиданно, чем она себе представляла. У Славика была истерика, он плакал, просил у нее прощения и целовал ее колени, умоляя не уходить. Говорил о том, что ему было одиноко и что он не хочет ехать на Запад один. Катя простила его и на этот раз. А на следующий день они пошли покупать новое оборудование, среди которого главными пунктами были новенький джип «чероки» для Славика и мотоцикл для Кати.

Новая работа означала перемену места жительства. Вернее было сказать, что на следующие полтора-два года у них вообще не было бы дома. Работа на Магистрали подразумевала постоянное перемещение. Магистральщики проводили большую часть своей жизни на своих бортах — джипах, суперванах, микроавтобусах, которые обычно и были их домом. В лучшем случае они ночевали в мотелях, кемпингах или кейджах. Жизнь кочевника.

Катя провела несколько бесед с центровыми симулякрами и перешла в мобильную группу, работавшую в Восточной Европе. Самый серьезный разговор должен был состояться с родителями.

Они восприняли ее решение спокойно. Может быть, потому,

что знали то, что она пыталась скрывать от них. Может, потому, что она уже была действительно взрослой, и решение о том, как, где и с кем ей жить, дальше зависело только от нее. Отец был серьезен и немного ироничен. Он знал Славика и не раз высказывал мнение о том, что у «парня есть будущее». По правде говоря, эту фразу он произносил, когда рядом была мать. Наедине с Катей отец говорил немного по-другому. Время от времени отец по своим каналам наводил справки о том, как и чем занимается Славик, и о том, как смотрят на симулякров официальные органы. И выкладывал свои выводы Кате. Последний разговор наедине был более жестким, чем обычно. Планы оказаться на Западном побережье с семизначной цифрой на счету он отвергал сразу, считая это глупыми юношескими мечтаниями. Перспектива работы на Магистрали рассматривалась им в контексте уголовного кибернетического кодекса. И тут он был прав по большинству пунктов. С выездом на Магистраль вероятность получить три года условно возрастала примерно на порядок. Вероятность получить «приличную работу» стремилась к нулю. Провал в резюме надо было объяснять, и если бы выяснилось, что претендент провел два года на Магистрали, интервью можно было считать законченным. «Ты слишком рано сжигаешь мосты». Это было последней его фразой в этом разговоре.

В его словах была большая доля правды. И легкая зависть к тому, что сейчас собиралась сделать она.

Ковецкий снял «стекла».

— «Платформа», здесь ди-эм-два. — Здесь «платформа». — Цель: Екатерина Гармаш. Приступайте к голосовой отработке цели. Принимайте необходимые данные. — Понял, ди-эм-два.

Ковецкий повернулся к Васильичу:

— Едем в аэропорт.

Круг знакомых, бытовые мелочи, привычки, соседские сплетни. Все, на чем стоит нехитрая вязь ежедневных разговоров, этой естественной каждодневной потребности узнать. Тетя Маша была одинокой вдовой, две дочки которой давно съехали из их шестнадцатиэтажки в спальном районе и воспитывали своих детей. Старшая — в Перми, младшая — в Барселоне. Тетя Маша не любила кошек и соседа с третьего этажа, хронического алкоголика, медленно, но верно пропивающего деньги, доставшиеся от продажи второй квартиры. Тетя Маша ежемесячно снимала дивиденды с акций «Пром-эксим» и любила смотреть новости с виртуальной версией Евгения Киселева, звезды

телевидения конца прошлого века.

С матерью Кати их связывала давняя соседская дружба, единство места и времени. Они знали друг друга лет с четырнадцати, когда тетя Маша, тогда еще Мася, приехала в новый дом и пошла в восьмой класс средней школы.

Все эти детали, необходимые для поддержания пятиминутного разговора, операторы «платформы» восстановили по той открытой информации, по тем следам, которые составляли нехитрый жизненный путь вдовы. Неоднократные жалобы на соседа выудили из архива местного отделения милиции. Нелюбовь к кошкам — из того же отделения, но уже из жалобы соседки на тетю Машу. Список акционеров «Пром-эксим» и стандартные пакеты услуг вытянули из регионального клирингового центра. Вечно молодой Киселев мог появиться на экране ее терминала только при условии подписки на один из гейткиперских информационных каналов, корни школьной и дворовой дружбы восстановили по фотографиям из кластеров и сайтов двух одноклассников матери Екатерины и тети Маши. Подделка модуляции голоса и телефонного номера была делом еще более простой техники. Голос оператора, пропущенный через фильтр, мог быть опознан с помощью трубок типа Errikson-GHJ, в функции которых входила подобная услуга. Вероятность опознания пятьдесят на пятьдесят, но у Кати был другой аппарат.

Оперативное голосовое сканирование, короткое, но ключевое звено в отработке «цели». Короткий разговор, позволявший провести идентификацию голоса и географическое расположение отвечающего.

— Все, есть, мы ее засекли. Мегакомплекс в районе Белогорской. — Это не так далеко от аэропорта. Екатерина Гармаш, двадцати трех лет от роду, уроженка Харькова, ники… — Не отпускайте ее, но никакого ближнего наблюдения. Только спутники и местные камеры. Наложение ее профиля на базу симулякров уже сделали? — Да, возможно, с ней работают еще двое. Но никаких связей ников с реальными лицами мы пока не обнаружили. — Работайте над этим. Да, сделайте мне график возможных маршрутов отхода в западном и юго-восточном направлениях из той точки, в которой она находится сейчас. Рейсы, время отлета. Все. — Уже сделано. — Хорошо, ну и что мы имеем? — Она заказала билет на рейс LARG-554. Маршрут Прага — Париж — Нью-Йорк — Лос-Анджелес. Отлет через три часа. — Что с ее дублерами? Что-то есть? — Нет, ничего не прорубилось. — Ясно… Ладно, значит, так, два техника с малым джентльменским набором и два опера-«быка» в аэропорт. Выйти в

городе, переодеться и добираться на такси. Никаких «ирокезов» в радиусе десяти километров. Точка сбора: южный терминал. — Принято. — Выдвигайтесь прямо сейчас. Саша, сделай билет на ее имя по маршруту Прага — Сингапур — Лос-Анджелес или что-то типа того. Короче, чтобы она улетала отсюда по большому кругу через юго-восток, желательно, чтобы стыковка рейсов была часов на пять-шесть и в транзитной зоне, где нет доступа к терминалам Си-Джея. — Ясно, ди-эм-два. — Да, и купи билет в бизнес-класс. — Принято.

Ковецкий взял сумку с заднего сиденья.

— От Толстого нет новостей?

— Нет, молчит как рыба об лед.

— Плохо. Если бы он дал добро на откат своим ребятам сегодня, нам не пришлось бы гоняться за парнем завтра.

— Ты думаешь погасить ее в аэропорту?

— Если она успеет передать его своей дублерше, то нам придется сажать в тень все спутники, дающие картинку на «портретную» плоскость. Очень не хотелось бы это делать. Слишком много возни.

— Она уже могла передать вахту.

— А вот это еще не факт. Ладно, давай воспринимать неприятности по мере их поступления.

Размявшись после почти восьмичасового сидения в кресле, Катя пошла обратно в камеру хранения за вещами.

Прежде чем выйти на уровень стоянки, она зашла в женский туалет, нашла пустую кабинку и закрылась там. Она сняла красный комбинезон и надела синие просторные джинсы, черный свитер, который был на два размера больше, новые кроссовки Reebok и куртку цвета хаки. Термоформ она решила не надевать. Ей надоела эта маскировка. Через четыре часа она сядет в самолет, а еще через день будет там, где ее никто не знает. Длинные волосы она перехватила вокруг головы широкой повязкой. Из багажника в сумку перекочевала ее косметика, фен, смена нижнего белья и другая необходимая мелочевка. В самом багажнике почти ничего не осталось. Немного поколебавшись, Катя засунула в него свой красный комбинезон. Нажав на кнопку слива воды, она вышла из туалета.

На парковочном уровне было тихо. Пройдя мимо охранника, она отметила про себя, что утреннего сухопарого брюнета сменили.

Подойдя к мотоциклу, Катя открыла багажник и вытащила из него шлем. Черный и блестящий, верно служивший ей все это

время. Жаль, придется оставить все здесь: и «судзуки», и всю амуницию. Она положила его обратно в багажник. Отсутствие шлема на голове было достаточным основанием для того, чтобы дорожная полиция остановила ее и оштрафовала. Но сейчас ей хотелось проехаться так вот, не оглядываясь назад и не прислушиваясь к сигналам и сообщениям в эфире. Катя вытащила из сумки свой цифровой плейер. На цветном мониторе поплыли названия групп и альбомов. Она всегда гордилась своей коллекцией. Рок семидесятых и восьмидесятых, классика харда. На кристалле флэш-памяти было записано больше двух сотен альбомов. Катя нашла Iron Maiden, Live After Death, сборник восемьдесят пятого года, живые концертные записи, пик популярности команды.

Мотоцикл вынес ее на трассу, ведущую к международному Пражскому аэропорту.

Размеренная речь Черчилля, которой начинался альбом, сменилась дробью ударника и ритмичными переборами сологитар. Она вырулила на хайвей, когда хриплый голос Брюса Диккенсона прервал медленное вступление и все три гитариста дружно ударили по гитарным рифам.

«Судзуки» петлял между машинами, переходя из ряда в ряд. Ветер бесшумно бил в лицо, и вокруг не было ничего, кроме дороги впереди нее и виртуозного двенадцатиаккордного хард-рока, пулеметной очередью разрывавшего окружающее пространство. Ритм песни задавал ритм движению. Все остальное не имело значения. Ни сигналящие водители машин, ни то, что, может быть, где-то в этом ряду за ней идет гейткиперский суперван. Она обгонит его, потому что она едет за солнцем, на запад. Теперь только туда. Катя долго ждала этого момента. Два года жить мыслями о том, что одним утром или вечером, без разницы, они рванут в ближайший аэропорт и что Магистраль и все, что на ней было, останется позади. И все то, что было до Магистрали, тоже. И сейчас этот момент пришел. И все, что тревожило, уходило куда-то назад, оставалась только легкость от того, что решение принято и скоро, совсем скоро все будет по-другому.

Впереди засветились огни аэропорта, и гул садящихся и взлетающих самолетов прорывался в финальные аккорды Aces High.

Припарковав мотоцикл на стоянке, Катя хотела включить сигнализацию. Потом усмехнулась этой привычке, почти рефлексу. У нее был билет в один конец и поэтому ключ зажигания остался в мотоцикле.

Мобильник зазвонил неожиданно.

Звонила мамина соседка, тетя Маша с четвертого этажа, передала, что у матери проблемы с подключкой, и если Катя не сможет с ней соединиться, то пусть не волнуется. После того как тетя Маша исполнила свой соседский долг, она проинформировала Катю обо всех последних новостях на их площадке. При попытке перейти к верхнему этажу Катя мягко напомнила тете Маше, что скоро приедет и все посмотрит сама. Катя поблагодарила за информацию, отключила трубку и спрятала ее в сумку. Ей стало грустно. Может, и к лучшему, что у матери опять проблема с терминалом. Мать была единственной, кому она хотела сказать об отъезде, но… Она скажет родителям об этом потом, когда они уже будут там, на Западном побережье.

Двигающийся людской поток. Хорошо организованная расписаниями взлетов и посадок толпа. Пассажиры с тележками, сумками и кейсами, персонал, передвигающийся на самокатах. Кто-то остановился посреди этой толпы. Она заметила это. Продолжая глядеть на экран, Катя отметила про себя, что этот кто-то смотрит прямо на нее. Отдав команду на выполнение операции, она подняла глаза.

В его левой руке были четки. Связка черных матовых шариков, нанизанных на шелковую нить, которые он перебирал указательным и большим пальцами. Некоторые шарики он тщательно перекатывал между пальцами, другие быстро пропускал. На нем не было халата муллы и бороды. Ближайшая мечеть находилась в двух тысячах километров от этого места. Старый медитативный инструмент в его левой руке был манипулятором, позволявшим раздевать и одевать реальность.

Ковецкий пересек толпу, подошел к бару и заказал два двойных «аэро». Коктейль «Для отлетающих», содержал натуральные экстракты, предназначенные для успокоения нервной и пищеварительной систем. После такой смеси временно глушился страх перед перелетами и позывы к рвоте на взлете.

Он сел за ее столик и поставил перед ней стакан.

Катя начала поспешно закрывать запущенные на компьютере приложения.

— День добрый.

— Кто вы такой?

— Вы знаете, кто я такой.

— Вы… Ковецкий?

На массивном лице не дрогнул ни один мускул.

— Вы — Ацтек?

— Да, так меня тоже называют.

Ковецкий вытащил из кармана куртки продолговатый

конверт из плотной желтой бумаги и положил его на стол.

— Здесь билет на рейс, отлетающий…

— У меня уже есть билет.

Ковецкий не обратил внимания на ее реплику. Он пододвинул конверт ближе и скрестил пальцы рук, оперев на них свой массивный подбородок.

— Здесь билет на рейс, отлетающий в Лос-Анджелес через полтора часа. И деньги за то оборудование, которое стоит перед вами на столе. А также за все программное обеспечение, которое стоит на этом оборудовании. Перед тем как отдать это, вы включите компьютер и дадите отбой вашему дублеру на спутнике.

Она посмотрела на конверт, на гейткипера, отпивающего коктейль из стакана, захлопнула экран и поднялась с места. Четыре шага спустя она услышала стук дна стакана о гладкую поверхность стола.

— Не принимайте поспешных решений.

Катя повернулась к нему. Он все так же сидел, упираясь подбородком в скрещенные пальцы рук.

— Да? У меня есть билет на самолет и мой компьютер мне нравится.

— Давайте не будем вести подобных разговоров и терять время.

Она подошла ближе.

— Что вам нужно?

— Молчание в эфире на протяжении следующих двадцати четырех часов.

— А если я откажусь?

— Альтернатива простая. Вы можете провести это время в бизнес-классе А-400. Или в местном отделении кибернетической полиции, в котором будут потрошить содержимое вашего ноутбука, ваших дисков и вашего персонального кластера в Сайберглобе.

— На каком же основании меня задержат?

— Три-четыре фотографии в компании главы клана [Jacks] Фореста Камеранеззи будут вполне весомым основанием, чтобы задержать вас до выяснения обстоятельств на двое суток.

Катя поправила сумку с ноутбуком, слезшую с плеча.

— Очень хорошо, не надо будет далеко ходить, чтобы рассказать местным киберам, что вы собираетесь провернуть на Магистрали завтра.

Ковецкий допил коктейль и поставил стакан на столик.

— О чем вы хотите им рассказать?

— О том, что вы собираетесь сделать. Кибернетическое

клонирование личности без письменного согласия и проведения необходимых медицинских тестов. Статья двести восемьдесят восьмая Европейского кодекса. Срок от года до трех лет для всех принимавших участие в этом.

Ковецкий не ответил и взял в руку пустой стакан. Его большие пальцы вращали стакан, и стеклянная поверхность странным образом переливалась в его руках. Эти переливы привлекли ее внимание, и Катя несколько секунд смотрела на игру разноцветных узоров. Что-то оторвало ее взгляд, и она посмотрела на деми-лича. Его глаза изменились. Катя не поняла, что произошло, но сейчас она почему-то глядела прямо в глаза Ацтека и взгляд этот не был взглядом одного человека. Как будто несколько человек поочередно начали говорить с ней, и этот разноголосый хор повторял какие-то фразы. Она не понимала точно, что ей говорят, но сделала три шага вперед. Голоса ушли. Катя почувствовала легкое головокружение. Ацтек наклонил голову и она наклонила ее вместе с ним. И какой-то частью себя испугалась того, что только что сделала.

— Что… что вы делаете?

Он перестал вращать стакан, расцепил пальцы рук и положил их перед собой на стол.

— Пока ничего. Но вы легко внушаемы и сделать с вами можно почти все, что угодно. При желании. Не хотелось бы прибегать к гипнозу, но придется это сделать, если вы не перестанете упорствовать.

Его низкий тембр голоса странным образом успокаивал. В нем не было угроз, давления, издевки, какая нередко бывала в интонациях тех, кто имел власть диктовать условия. Он просто ставил ее в известность о том, что «будет, если…», и о том, кто она такая и что собой представляет. Как школьный учитель или старший товарищ с большим, чем у тебя, жизненным опытом. Лич не пришел уговаривать и угрожать. Он пришел рассказать ей, что будет с ней в ближайшие сутки, расписание, которое в общих чертах уже определили за нее. Она подошла к столику и села.

— Что вы хотите?

— Молчание в эфире на следующие сутки.

Катя поставила сумку на пол. Футляр с ноутбуком висел на левом плече и Катя сначала хотела оставить его там, но потом замешкалась и положила его на стол перед собой.

— Я не об этом. Что вам нужно от Славы? Что вы хотите с ним сделать?

— Вы сами знаете об этом. Снять киберклон, вполне легальная и безболезненная процедура.

— Зачем?

— Это второстепенные детали. Сейчас вы включите компьютер, дадите отбой своему дублеру на спутнике, дадите мне код доступа к вашему персональному кластеру, а потом отдадите компьютер и все внешние диски.

Зал шумел объявлениями о взлетах и посадках, перемежающихся переливами мелодий, обозначающих окончание голосовых объявлений. Катя отправила несколько закриптованных сообщений «сестрам» и передала ноутбук Ковецкому.

Сопротивляться было глупо. После того как она связалась с симулякрами, встречи с «реальными пацанами» перешли на регулярную основу, и Катя хорошо отличала серьезных ребят от балаболок, которые только и умели пальцы разворачивать. Несколько раз ей приходилось встречаться с действительно крупными игроками. Ковецкий был из той же когорты. Вершина айсберга. Она поежилась. Сколько сейчас его людей находится в аэропорту и сколько еще выполняет его команды, которые он, возможно, отдает прямо сейчас, проверяя содержимое ее машины. Ей показалось, что просторный зал ожидания вдруг опустел. На какое-то очень короткое мгновение стало тихо и осталось только клацание пальцев деми-лича по клавиатуре.

«Боже мой, Славик, что же ты такое создал…» Минут десять Ковецкий проверял машину. Затем из одного из многочисленных карманов своей безрукавки он достал небольшой блокнот и ручку и написал на листке бумаги номер.

— Через сутки позвоните сюда. Вам дадут новый код доступа к вашему личному кластеру. За это время желательно обойтись без глупостей.

— У вас на любые глупости будет вариант. Лучший из всех, — зло сказала она.

Ковецкий не ответил. Надев «стекла» и размотав четки, он подхватил футляр с компьютером, встал из-за столика и направился в сторону выхода из зала.

«Какого черта?!.»

— Стойте!

Ковецкий обернулся, переложил футляр из одной руки в другую и продолжил свой путь к выходу.

Она догнала его и встала перед ним. Ковецкий едва успел остановиться, качнувшись всей своей массивной фигурой.

— Вы не можете уйти вот так! Вы же!.. Вы же лишаете его всего, к чему он шел! Зачем так?! Зачем?!. Славик художник, вы наносите ему травму, от которой он не сможет оправиться! Он же хочет творить, а вы, вы… это все равно что поломать руки скульптору…

Он обошел ее и снова направился к выходу. Катя опять обогнала его, но теперь, видя, что он не собирается останавливаться, начала пятиться назад.

— Вы не можете сделать так! Это нечестно! Он два года делал этот проект, он жил им! Вы поступаете несправедливо!..

Катя продолжала говорить, почти кричать, вызывая на себя вопросительные взгляды пассажиров и персонала. Половина из них вряд ли понимала смысл ее слов, но ее интонации и жесты были более чем красноречивы. Ковецкий не отвечал на этот поток эмоций, продолжая смотреть на нее спокойным взглядом. Видя это безразличие, она осеклась и прекратила кричать и размахивать руками. Ее голос стал насмешливым:

— Вы ему завидуете, да? Он талантливее ваших архитекторов, они не могут сделать то, что сделал он. Ведь так? Потому что если бы они могли сделать то, что сделал он, вы бы не пришли бы к нему и не стали шантажировать его, делать разные заманчивые предложения и угрожать. Делать все, чтобы он отдал вам это. Да, GK умеет делать таланты, умеет развивать врожденные способности и клепать гениев на конвейере… Как бы не так, фигушки. Если бы вы могли… ну к чему это я? Вы этого не смогли, а пришли к нему и отобрали то, что уже сделано. И не надо рассказывать о том, что он нанес ущерб и может это компенсировать… Ничего, он сделает другой кластер. Лучше этого. А потом другой. Будут еще проекты и такие, что вы все там у себя от зависти сдохнете. Он создаст такой кластер, по сравнению с которым этот — ерунда, детские игрушки…

— Он ничего больше не создаст. — Она не ожидала этой реплики, настроившись на длинный и безнадежный монолог.

— Что?..

— Он не создаст ничего нового. В лучшем случае что-то очень похожее на этот кластер. После чего вы будете очень долго ждать от него новых откровений.

— Вы ничего не понимаете! Вы не можете понять его творчества и потому отрицаете его… То, что он создал это…

Ковецкий прервал ее:

— Он не создаст ничего нового, Екатерина.

— Вы ему завидуете? Да, да, вы ему завидуете! Он был вашим учеником, и он оказался талантливее вас. И теперь вы ему завидуете и хотите отобрать то, что он создал. Он будет создавать и творить, он этим живет и это нельзя остановить. И вы еще увидите, на что он способен. Вы завидуете ему…

Ковецкий резко остановился.

— Все, что угодно, только не зависть. И творчество для него — это только средство, инструмент. Цель совсем иная. Найти

нору поглубже и спрятаться там. Кластер ему нужен, чтобы получить деньги, возможность купить отдаленный домик где-нибудь на Западном побережье и спрятаться там. Он в тупике, и если вы это не понимаете, то тем хуже для вас.

— Почему нора? Почему тупик? Вы не видели, как он работает, в том, что он делает, смысл его жизни, и вот так отнять… Почему вы так думаете?!

— Потому, что у меня есть основания. У вас их нет.

— Да неужели?.. Что вы вообще знаете о нем?

— Феноменальная память, недюжинный интеллект. Но все, чем оперировали эти мозги, было коллекцией банальностей, мусором вчерашних вечерних новостей. Чушь, которая составляет девять десятых содержания кластеров в Шельфе. Он довольно быстро понял, что то, что ему преподавали, было таким же мусором, только более старым. Старые сказки типа давно переработанной теории поля или догм квантовой механики. Вокруг него был хаос, бардак, море информации, в котором нет ни одного берега. Он чувствовал это. Но не видел, за что можно уцепиться. Все его способности уходили на то, чтобы забивать баки девушкам и дразнить профессоров на лекциях, ставя их в тупик своими рассуждениями, которые они не могли опровергнуть. Университетский любимчик, звезда факультета. Но под маской шута был растерянный парень, не знавший, куда ему приткнуться в этой жизни. Таким он пришел к нам.

— Вы дали ему смысл жизни?

— Нет, он прошел ряд тренингов, больше ничего. Никто не пытался дать ему смысл жизни.

— Но он ушел. Почему?

— Дальнейший тренинг был возможен только после продления контракта и поступления на работу…

— В клан, — едко уточнила она. Ковецкий пропустил это мимо ушей.

— …Он не стал этого делать, и мы расстались.

— Теперь же вы мстите ему за то, что он не остался с вами тогда и достиг того, кем он является сейчас. Кем он стал без вас, без ваших тренингов, в одиночку.

— Вы очень упрощаете ситуацию и видите не то, что нужно видеть. — Ковецкий сделал паузу. — Его приступы гнева, которые сменяются резкими подъемами настроения, слезы и тут же широкая улыбка на лице. Рассказы о том, что нас контролируют через Сеть, оболванивая глупыми шоу и ненужными новостями. Рассуждения о том, что он переиначит все это, что он покажет всем, на что он способен. Что хаос, который нас окружает, программируем и подконтролен определенным силам. При этом

он работает допоздна и мало спит.

— Откуда… откуда вы знаете это? Вы следили за нами?

— Нет, таким он был, когда пришел к нам. У него была стагнация в закрытой фазе.

— Что?..

— Это внутренняя терминология. У старой школы психологов это называется шизофренией. Обострение вялотекущего процесса, с плавным переходом туда, откуда можно вытянуть только с помощью интенсивной химии и гипноза. Мания преследования, бегство от реальности, замыкание в себе и на себе. Он был таким. Судя по тому, что он сделал этот кластер, дело не изменилось к лучшему, как раз наоборот. Это тупик. И гораздо более глубокий, чем был до этого.

— Вы хотите сказать, что он болен, сходит с ума?

— Нет, он не сходит с ума. В этом нет ничего страшного. В подобных тупиках живут и заканчивают свою жизнь очень многие. Некоторые с успехом эксплуатируют свои комплексы и страхи, выставляя их на показ за умеренную плату. Становятся классиками при жизни, имеют толпы поклонников. В благоприятном сценарии Славика ждет примерно такое же будущее. Эксплуатация одной-двух тем, периодическое издание новых вариаций об одном и том же. В менее благоприятном он окажется в клинике и надолго. Иногда такая шизофрения заканчивается тяжелым аутизмом, глубокой замкнутостью в себе. А с такими людьми тяжело, очень тяжело.

— Я его люблю.

— А он вас?

В его глазах не было иронии или злости. Он просто задал вопрос.

— Он… Да, он тоже меня любит.

— Хорошо, если так.

— Вы сомневаетесь в этом?

— Пока вы тот человек, который воспринимает его как центр мира, как безусловный талант. Вполне может случиться, что его любовь кончится с вашими первыми вопросами: а что же дальше, дорогой? Вы же ждете от него новых свершений, ведь так? А он не сможет ничего сделать, только повторит, что уже делал, когда и получит то, к чему стремится, — бомбоубежище, которое даст ему возможность спрятаться от зла, правящего миром. Он будет плевать в потолок где-нибудь на вилле в Малибу и рассуждать о мировом кризисе культуры, который организовали гейткиперы, масоны, транснациональные корпорации. Любые попытки подвигнуть его на новые свершения закончатся тем, что вы займете место во внешнем мире, который он ненавидит и

которого боится. Подумайте об этом.

— Я вас ненавижу.

— Прощайте.

Ковецкий обошел ее и через минуту исчез за стеклянными дверями выхода из аэропорта.

Они нырнули в метро на станции «Георг V». Проехав одну остановку до площади Шарля де Голля, они пересели на вторую линию, шедшую на холм Монмартра. На станции «Пигаль» они перескочили на двенадцатую линию.

Всю дорогу Эрика молчала. Теперь была ее очередь думать. Он прижал ее по полной, и дальше скорее всего должен был состояться разговор, никогда не заканчивавшийся ничем путным. Туннельные кластеры. Будучи рационалистом до мозга костей, Олаф не воспринимал никаких разговоров на мистические темы всерьез и в лучшем случае шутил. В худшем — начинался разговор, касавшийся самого больного места всей семьи — смерти Энджел, старшей сестры. И мать, и другая старшая сестра, Маргарет, давно смирились с этой потерей и воспринимали ее поиски как легкую форму помешательства. А она продолжала искать возможности.

Продолжала, несмотря ни на что. Ни на резкие разговоры с отцом, Владимиром Карелиным, ни на открытые издевательства сводного брата Василия. Олаф занимал не менее твердую позицию, чем русская половина семьи. Правда, его доводы были более четкими, а упреки менее эмоциональными.

Они выбрались на поверхность на станции «Ламарк».

Вечерело. Играла музыка, вначале Эрика не поняла, откуда она исходит. Огромный главный купол базилики был похож на гулко звонящий колокол. В базилике Сакре-Кер начиналась служба.

Толпы туристов становились гуще. Они стекались сюда со всех близлежащих улочек, приходили снизу, приезжали на фуникулере. Насмотревшись за день на картины местных художников, они приходили сюда, чтобы посмотреть на оригинал, с которого эти ремесленники копировали свои полотна. С холма были видны почти все основные символы города. Шпиль Нотр-Дама по левую сторону, стальной каркас Башни с вращающимся маяком по правую, остальные достопримечательности поменьше размещались между ними. Эрика видела город в разных ракурсах, как в реале, так и на официальном отражении города в Кибернетическом Глобусе. Длинные прямые проспекты и улицы, натянутые между площадями, рассекали город на геометрически

правильные фигуры, треугольники и многоугольники. Квадратные поля садов Тюильри, Марсова поля и других зеленых участков плавно вписывались в общий ансамбль. Олаф раз десять рассказывал ей, почему город имеет такую планировку. «Город переформатировали в девятнадцатом веке, для того чтобы было проще дислоцировать войска и подавлять восстания». Это была цитата из какого-то учебника истории. Кроме нее, Эрика каждый раз вспоминала о домах, которые составляли эти улицы. Один непохожий на другой. Сочетание двух трудносовместимых вещей — жесткой планировки и разнообразия форм, которое укладывалось в эти расчерченные как по линейке фигуры, — по ее мнению, и было сутью этого города.

Жесткость закона и свобода выражения в пределах отведенных тебе рамок.

Достопримечательности постепенно таяли в темнеющем воздухе. Контуры зданий размывались, становясь единым целым, исколотым точками огней окон.

Они пошли к лестнице, ведущей вниз с холма все к тем же бесчисленным кафешкам и магазинчикам сувениров. И те и другие сейчас переживали наплыв посетителей. Счастливчики, которые успели занять места в кафе, тараторили скорее об одном и том же, на сотне разных языков. Мелкие сувенирные лавки были забиты тем же товаром, что и магазины на Риволи, с той лишь разницей, что цена на этот товар была вдвое дешевле, чем там, и торговали там не белые европейцы, а арабы и алжирцы. За недостатком товарных площадей торговцы выносили товар наружу, делая улицы еще более узкими.

Эрика и Олаф уже почти спустились до бульвара Клиши, когда услышали крик и звук битого стекла. Кто-то кричал еще минуты три, а потом звук утонул в гуле толпы и музыки, раздававшейся из кафе. Вряд ли это было ограбление магазина, скорее всего кто-то цапанул у ротозея-туриста дорогостоящий транслятор образов или цифровую камеру. Или еще что-то достаточно дорогое, что турист плохо держал в руках. Этот район никогда не был особенно безопасным, тем более поближе к бульвару Клиши.

Они вышли на бульвар.

Олаф прервал затянувшееся молчание:

— Ты по-прежнему ищешь туннельные кластеры?

— Да.

За сорок лет своего существования Сеть породила множество мифов и сказок самого разного масштаба. От анекдотов, шутливых баек и страшилок до пафосных и мрачных легенд. Вечные поиски земли обетованной, Шамбалы, рая или ада,

лучшего места, где лежат истоки всех причин и откуда можно изменить свою жизнь к лучшему, где обитают демоны и/или ангелы, входили по умолчанию в состав любого корпуса мифов. Сетевая субкультура не была исключением. Легенды о том, что в Си-Джее существуют кластеры с порталами, ведущими на «ту сторону», были многочисленны, противоречили здравому смыслу и физическим основам технологий, на которых основывались. Ее знакомство с этими мифами началось с «эффекта лавинообразного трафика» или, на сленге сетевиков, «терминала Максвелла». Данный эффект наблюдался при работе спутников-ретрансляторов, когда объем передаваемых данных резко возрастал, на порядок превышая общую пропускную способность ретранслирующего канала. При этом ретранслятор выходил из строя на несколько часов, после чего снова начинал работать. Сетевики считали, что «терминал Максвелла» связан с информационными прорывами из некоей сферы, пока лежащей за пределами понимания человека. В разных вариантах толкование принадлежности этой сферы представлялось по-разному. Параллельный или потусторонний мир, «информационный след» инопланетян, ноосфера Вернадского — вариантов было масса. Как и неких фрагментов, которые ходили по Сети и были якобы выкачаны во время такого «лавинообразного трафика». Некоторые считали, что сфера содержит информационные портреты умерших людей, которых, при определенных условиях, можно «вернуть к жизни». Но если «лавинообразный трафик» пользователь мог только зафиксировать на своем носителе, то попавший в туннельные кластеры мог попасть на «ту сторону».

— У кого ты купила доступ к пространству и демо-версию?

— У Михаэля Паулуса.

— Не знаю такого.

— Он из молодых.

— Это не имеет значения. Я уже тебе говорил. Туннельные кластеры — это современная модификация мифа о потустороннем мире. Правды в них не больше, чем в народных сказках или канонических религиозных текстах. Проходимцы вроде твоего Михаэля продают доступ к якобы сакральным сферам, программы для ускоренного достижения нирваны, формулы вызова демонов и тому подобные вещи. Меня удручает то, что ты увлекаешься подобными вещами. Тратишь кучу денег, времени и ресурсов на это.

— Мы уже обсуждали это. Мы опять будем тратить время на общие разговоры. Лучше скажи мне, почему «Усадьба Вдовы» не может быть туннельным кластером?

— Для того чтобы это обсуждать, я должен предположить, что туннельные кластеры существуют.

— Сделай мне такое одолжение. О'кей?

— О'кей. Уже сам факт того, что гейткиперы владеют этим кластером, является весомым доводом в пользу того, что мистикой тут и не пахнет. Они не играют во всякие непонятные игры с религиозной символикой или чем-то подобным. Они скорее являются конструкторами идеологий и взращивания определенных типов сознания. Именно они являются основателями так называемого «знакового менеджмента»: создание и управление сложными информационными потоками. По сравнению с ними традиционные пиарщики и маркетологи — неандертальцы с каменными топорами. «Усадьба» является инструментом, который они используют для каких-либо своих целей, связанных со «знаковым менеджментом».

— И какая же возможная цель?

— Трудно сказать точно. Гейткиперы оперируют слишком большими объемами информации и слишком большими сроками… Я думал над этим. «Усадьба» является сложным символом, который можно интерпретировать в разных аспектах. Один из возможных вариантов толкования касается мировоззренческого кризиса нашей, Северо-Атлантической, цивилизации. Прогресс западной науки, который начался в период Просвещения и продолжается до сих пор, вызвал к жизни множество теорий, которые объясняют местоположение человека в мире, структуре человека, структуре мира. Некоторые из них изначально являлись «усадьбами». Многие стали «усадьбами» в процессе своей эволюции. Строя жизнь на основе этих представлений о мире, человек рискует загнать ее в тупик.

— Например?

— Та же классическая механика Ньютона. Безжизненный холодный мир, в котором нет места для живого человека. В котором тела связаны только силами тяготения, но никак не любви. Как ты думаешь, какие технологии могли возникнуть на основе этой теории мира и какие мысли могла рождать эта теория в голове других людей? И что за человек был этот «великий Исаак Ньютон», чья фантазия могла породить такую вот модель мироздания? Угрюмый нелюдимый отшельник, жутко религиозный и набожный, живший довольно обособленно от остальных.

— Но ведь он же открыл законы, которые…

— Все проходили в школе и верили, что это истина. Правильно, моя дорогая. В этом-то и суть. Ты не пытаешься осмыслить его мертвую механику с другой стороны. Ты

продолжаешь жить внутри этой усадьбы, даже не осознавая этого. Но возвратимся к нашим рассуждениям. «Усадьба» как воплощение кризиса западной цивилизации. В ней можно найти фрагменты практически всех знаковых и идеологических систем, порожденных Западом, — от физических теорий до отрывков из популярных мыльных опер. Все эти знаковые системы являются генераторами сильного информационного шума, борьбу с которым ведут с начала века. В том числе и гейткиперы. Борьба эта идет с переменным успехом. Кризис информационного перенасыщения был частично решен с помощью Кибернетического Глобуса, но до развязки пока еще далеко.

— Какую роль «Усадьба» может играть в разрешении этого кризиса?

— Такой кластер может использоваться гейткиперами как полигон, на котором они отрабатывают модели сознания, которые смогут разрешить кризис. Оказавшись внутри этого лабиринта, человек, или «эй-ай», начинает искать выход, читая ребусы на стенах и блуждая по коридорам. Если ему сопутствует удача, находит этот выход. Они уже давно занимаются подобными экспериментами, я имею в виду отработку моделей личностного и группового поведения, а также моделирования социальных макропроцессов. Сама структура их корпорации настолько сильно отличается от традиционно западной культуры менеджмента, что заставляет предположить использование специальных разработок в этой области.

Среди магазинов и кафешек все чаще стали появляться заведения с ярко-красными вывесками. После площади Пигаль с высоким недавно отремонтированным зданием «PLACE PIGGALE» обычные магазины сошли на нет. Потянулась череда секс-шопов и баров с «live-show», где при желании можно было найти любую экзотику в любой форме — от чистого незамутненного кремнием и химией реала до терминалов, где давали доступ к закрытым кластерам Области Героев, третьей зоны Си-Джея. Неоновый карнавал с всплесками виртуальных проекций на самые различные темы интимной жизни человека раскрашивал бульвар во все цвета радуги.

— Как же быть с другими пространствами, в которые можно проникнуть через этот кластер? Михаэль говорил, что это возможно.

— Допустим, что он не лжет. Вполне возможно, что в «Усадьбе» есть порталы, ведущие в другие пространства. Как ты можешь проверить, что это выходы в потусторонний мир? Другой вариант — в составе самого кластера есть вложенные

пространства. «Матрица внутри матрицы». Шельф забит такими вот кластерами типа русских матрешек.

— Это я и хочу проверить! Я должна пройти через «Усадьбу» и понять, так это или нет!

— Кластер контролируют гейткиперы. Там не может быть никаких порталов на «ту сторону». Но внедряясь в пространство, ты так или иначе будешь работать на GK, давая им опытный материал, свои поведенческие реакции, которые они используют для своих нужд. Ты хочешь поработать на них? После всего того, что было? Извини, что касаюсь этой темы, но мне не нравится твоя настойчивость.

— Я пока не могу понять, на чем основана твоя уверенность в том, что кластер контролирует GK.

— Две причины. Первая — они увели его из-под носа «Новой Гавани» самым наглым образом. Не в их правилах поступать так грубо. «Новая Гавань», конечно, не Warner Brothers, но все равно наживать себе лишних врагов они не стремятся. Это значит, что они очень хотели завладеть кластером и у них не оставалось никакого другого выхода, кроме как отобрать его у почти владельца. Второе — операцией руководил один из гейткиперских деми-личей…

— Деми-лич? Ну и что с этого? Деми-личи руководят всем, что делают GK. Да и откуда ты знаешь?

— Косвенные, но достаточно убедительные признаки. Когда иерарх такого уровня начинает планомерные действия в пределах Си-Джея, это можно отследить по особым эффектам. Один из таких навыков профессионалы называют «мальстримом». Ты знаешь, что, когда задействуются серьезные вычислительные мощности, информационные потоки начинают стекаться в «точку обработки». Ее местоположение можно отследить по входящему и исходящему трафику информационных каналов. Экранировать такой поток данных довольно сложно, да и не всегда это видно невооруженным глазом. Подобная информационная активность есть всегда, корпоративные «эй-ай» постоянно создают такие «мальстримы». Но географически они обычно остаются на месте. Когда «мальстрим» перемещается, это значит, что потоки тянет на себя живой человек, или «эй-ай», размещенный на мобильном носителе…

— Не пересказывай мне букварь.

— За десять дней до того, как состоялась охота на Тенсинга, «мальстрим» затягивал на себя трафик очень высокой плотности. По некоторым оценкам, он вбирал в себя полтора процента от всех гейткиперских коммуникационно-вычислительных мощностей. За день до операции пик временами достигал двух-

трех процентов. Задействовать такие ресурсы мог только кто-то из верхушки GK. Более того, точка перемещалась в пространстве. И это не был мобильный «эй-ай». Это был человек.

— Ты знаешь, кто бы это мог быть?

— Милая племянница, не знаю и знать не хочу! То, что я не сую нос в такие дела, сберегло мне лет десять спокойной жизни…

— Тем не менее ты в курсе того, какие потоки затягивал в себя «мальстрим».

— Мое любопытство иногда сильнее моего благоразумия. Дело касалось подающего надежды молодого художника, весьма перспективного, и я не мог пропустить это просто так… Сам факт говорит о том, что GK не могли позволить себе ошибиться и упустить кластер из рук, для них это было делом чрезвычайной важности. Я не могу себе представить ситуации, что после всего этого они упустили контроль за кластером или передали его в чужие руки. «Усадьба» является элементом какой-то стратегической схемы и в ней нет ничего, что может быть определено как случайность…

Олаф остановился, глядя прямо перед собой. Объемная проекция большой красной мельницы заставила его замолкнуть. Он огляделся по сторонам, назад и, с легким упреком глядя на Эрику, спросил:

— Какого черта мы делаем здесь? Куда ты меня затащила?

Эрика засмеялась.

— Ты хочешь сменить маршрут?

— Да, и как можно скорее.

— Метро рядом.

— Нет уж, поехали на такси.

Они взяли такси и через десять минут были на бульваре Хаусманна.

Галерея Ла-Файет сияла как рождественская елка. Гирлянда из тысяч цветных лампочек, стилизованная под розу готического собора, висела на фасаде магазина, в котором держали торговые площадки практически все европейские дома мод. Эрика хотела зайти в магазин, но время подходило к половине восьмого, и охранник на входе остановил их мягкой улыбкой.

Недалеко от входа в магазин, почти у самой бровки стоял торговец каштанами со своей жаровней. Старушка довольно бодрого вида с широким сиреневым шарфом вокруг шеи о чем-то говорила с ним, пока он насыпал каштаны в плотный бумажный кулек и пересчитывал сдачу. Эрика посмотрела на дядю. Он отрицательно покачал головой, и она купила у торговца один

пакетик горячих каштанов и подошла к витрине магазина.

Скучившаяся вокруг витрины толпа состояла в основном из родителей с детьми. Объяснялось это просто — вместо товара в каждой из витрин магазина разыгрывалась кукольная сценка. Причем куклы были самые настоящие, из ткани, ваты и дерева и работали на механике, видимой невооруженным глазом — нити, на которых они висели, были видны, и никто не пытался спрятать их с помощью хитроумных оптических и компьютерных средств.

В одной из витрин разыгрывалась сценка из «Белоснежки и семи гномов». Первая часть кукольного представления показывала гномью гостиную, в которой Белоснежка ужинала вместе с гномами. Прошла смена блюд, и на последней тарелке, которую поставили перед Белоснежкой, было то самое яблоко. Сцена погрузилась во тьму, и второй акт показывал, как гномы тащат стеклянный гроб с Белоснежкой. Витрина стала бледно-голубой и музыка стала глуше и тревожнее. Они поставили ношу на холм, собрались вокруг, и сцена снова погрузилась во тьму.

Эрика не стала смотреть дальше. Она знала, чем закончится эта сказка. Отойдя от витрины, Эрика стала жевать каштаны, которые ей продал уличный торговец.

— А ты сам не задумывался о том, что гейткиперы ведут поиски порталов на «ту сторону»? Может быть, они используют кластер для своих мистических изысканий?

— Если они действительно что-то ищут. В чем я сомневаюсь. Они слишком рациональны и насмешливы для этого. Да, они ведут полемику с религиозными адептами, но эти игры являются не более чем пиар-кампаниями или ответами на те реплики, которые идут со стороны церковных иерархов. С чего ты взяла, что гейткиперы заняты такими вещами, как мистические поиски?

— Ты слышал о кластере «Долина Царей»?

— Конечно. В особенности после того скандала. Закрытый кластер внутреннего гейткиперского сегмента Сети, который содержит кибернетические копии членов корпорации, отошедших в мир иной. Или как сейчас принято говорить — прекративших свое биологическое существование. Подобные сегменты имеют все крупные корпорации. Так сказать, аккумуляторы жизненного и делового опыта компании. Не вижу в этом ничего, что делало бы GK сектой нового толка, ищущей в Си-Джее выходы на «ту сторону».

— Слухов много…

— Возможно, ничего нельзя отрицать. С одной стороны, они могут тонко иронизировать над религиозными мифами, с другой — они давно оперируют понятиями «жизнь» и «смерть». И не только на словах. Кибернетическое клонирование, воссоздание

ДНК из цифровых копий, виртуальные личности, «эй-аи», которые существуют в каркасах гуманоидоподобных роботов, нанотехнологии в медицине, многое другое. Все это постепенно стирает грань между жизнью и смертью отдельной личности. Сам по себе факт существования «Долины Царей» и подобных кластеров у других корпораций является святотатством с точки зрения христиан и мусульман. Буддисты смотрят на этот факт, как на досадную задержку на пути к истинной нирване и в целом тоже не слишком одобряют.

— Интересно было бы посмотреть, чем занимаются гейткиперы в «Долине»…

— Только ради всего святого, не пытайся войти в «Долину Царей», такие кластеры не просто охраняются. Гейткиперы отслеживают потенциальных хакеров, желающих взломать это пространство, и мобильная бригада с Магистрали приедет раньше, чем ты успеешь загрузить необходимое программное обеспечение. И чем меньше ты говоришь или думаешь про «Долину Царей», тем меньше шансов у тебя вляпаться во что-нибудь неприятное.

— Да ладно тебе… Я не собираюсь ломать этот кластер. Никто из моих не полезет туда, разве что совсем обдолбанный гик. Но ведь ее не зря называют «Долиной Царей». Там есть храмы, святилища, там совершают ритуалы. Все это очень похоже на то, что GK медленно начинает становиться именно сектой. Ведь они никогда не были просто корпорацией, как Sony или Texaco. У них идеология — это не набор обычных лозунгов типа «Мы процветающая компания», там все серьезно. Может быть, они так взялись за этот кластер, потому что там действительно были туннели?

— Мы опять занимаемся гаданием. Давай оперировать фактами, а не домыслами. Я не отрицаю того, что гейткиперы выдумали себе собственных богов и теперь тайком молятся им. Но и утверждать с уверенностью это я тоже не могу. Но есть способ узнать, что представляет собой этот кластер в действительности.

— Какой?

— Нужно спросить об этом создателя этого пространства. Это самый простой способ внести ясность. Все легенды о туннельных кластерах упираются в одну большую проблему — объяснение того, как в виртуальном пространстве возникает туннель на «ту сторону»? Если кластер создавался человеком, с помощью программного обеспечения на «железе», которое можно купить в любом магазине, то как в нем появляется портал? На каком этапе создания произошло вмешательство чего-то, что проделало дыру

в кластере?

— Михаэль говорит, что программер, создающий пространство, получает откровение, и оно направляет его силы и разум. Он создает порталы в пространстве, сам того не осознавая.

— Это одно из самых распространенных объяснений. Я бы сказал, это объяснение имеет большую традицию. В конце концов все канонические тексты писались с помощью карандаша и бумаги или какой-либо доступной всем на то время технологии. Но пророк осознает, что на него снизошло откровение, и говорит об этом. Многие ли архитекторы признавались в том, что создают нечто, инспирированное высшими силами?

— Были такие…

— В этом все и дело. Если создатель кластера скажет тебе, что он творил под воздействием высших сил, то, может быть, имеет смысл попасть туда и найти в «Усадьбе» выход на ту сторону. То есть, как я уже сказал, ответ может дать тебе автор кластера. Быть может, у него были переживания, которых не было ранее, и его опыт можно назвать мистическим.

— Ты знаешь, кто создал и где можно найти «Усадьбу»?

— Вячеслав Доброхотов, также известный как Тенсинг. Весьма талантливый молодой человек.

— Где его можно найти?

— Не знаю. Сразу после операции, которую провели гейткиперы, он исчез. За прошедший год я слышал о нем много противоречивых слухов. По одной из версий, он подался в GK и растворился в рядах корпорации, приняв новое имя. Другие говорят, что он лег на дно где-то на Западном побережье Штатов, изменил внешность, форму черепа, опять же имя и продолжает заниматься творчеством. Пессимисты говорят, что он не пережил операции киберклонирования и сейчас находится в одном из немецких шелтеров без всяких надежд на возврат в реальный мир. Для снятия киберклона гейткиперы применили один из ускоренных алгоритмов, побочные эффекты которого плохо прогнозируемы. Слухов много, и все они противоречивы.

— А как думаешь ты?

— Я хорошо знал его работы, и если бы на рынке появилось что-то, напоминающее его стиль, я склонен верить в то, что он поменял внешность и живет на Западном побережье. Но ничего не появлялось. Может быть, он готовит серьезный проект, и мы вскоре о нем услышим. Хотя у него остались крупные долги в Европе. Он же был хакером-классиком, ломавшим корпоративные кластеры. Работал при этом на серьезных людей, которые, как и «Новая Гавань», понесли убытки. Даже если он жив, то будет прятаться долго и потом долго решать свои проблемы с этими

ребятами. Найти его будет сложно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Массивный бело-синий корпус А-450, приклеенный к гармошке 38-го гейта, вбирал в себя последних пассажиров. Транзитная остановка закончилась, впереди был длинный перелет через Тихий океан.

Катя шла по временному коридору. Прохладный аквариум аэропорта Чанги, в котором собрали, кажется, все кондиционеры этой части Земли, остался за спиной. Шесть часов в транзитной зоне. Она успела облазить все дьюти-фри шопы и посмотреть римейк «Ангелы Чарли-3» на большом экране в зале бизнес-класса. Она могла бы выйти наружу и проехаться с экскурсией по открытым районам Сингапура, но стопроцентная влажность и тридцатипятиградусная жара оставили неизгладимое впечатление в прошлые два посещения Города Льва.

Куклообразные блондинки-стюардессы, стоявшие у входа в самолет, показали ей ее место в салоне бизнес-класса. Сидевший у окна белый англосакс с длинной физиономией улыбнулся более чем дружелюбно и сказал «хай». Она тоже сказала ему «хай». Расстояние между креслами было такое, что можно было спокойно, во всю длину, вытянуть ноги. Она положила сумку под сиденье и откинулась в кресле, оглядывая салон. Расстояние между сиденьями было не единственным преимуществом бизнес-класса. В спинке противоположного сиденья крепился универсальный комплект терминала Fly Suit, включавший в себя обычную мобильную связь, доступ к коммерческим кластерам, несколько развлекательных пространств пятого класса, в общем, весь тот минимальный пакет сервисов Си-Джея, который мог скрасить несколько часов пребывания в утробе трансокеанского лайнера.

Посадка закончилась. Лайнер начал медленно выруливать на взлетную. Вырисовав замысловатую траекторию, А-450 остановился. На пяти международных языках прозвучало «пристегните ремни» и тихий шум двигателей сменился мощным ровным гулом. Когда-то она любила этот момент взлета, испытывая что-то вроде полуоргазма в тот момент, когда шасси отрывались от бетонки. Сегодня она или слишком устала, или была напряжена. Все прошло как-то обыденно, без обычной в таких случаях улыбки на лице и ощущения внутреннего восторга.

Тишина повисла в воздухе, перебиваемая короткими просьбами-репликами пассажиров и стюардесс. Катя еще раз оглядела салон и еще раз ее взгляд остановился на терминале Си-Джея. Она посмотрела на часы, вычисляя, сколько сейчас в

Европе. Шесть-семь часов разницы. Лич, сукин сын. Расчет времени у них был точный, операция совпадет со временем ее полета. Но деми-лич не только рассчитал время. Он решил немного поиздеваться и дал ей возможность посмотреть на все это. Посмотреть. По сравнению с тем «железом», которое он утащил с собой, терминал в бизнес-классе был игрушкой.

Она нажала на панель и перед ней развернулся плоский монитор, на котором уже светился интерфейс операционной системы Decada. Катя выделила прямоугольник на карте, в который вмещалась Германия и половина Польши. Геометрические параметры «чероки», на котором ездил Славик, она знала наизусть. За пять минут запрос на поиск объекта был готов.

Экран замигал полосой с надписью Searching…

Эрика заказала билет на утренний рейс в Лос-Анджелес. Она решила найти Тенсинга, и если следовало начинать искать, то скорее всего там, где прячется большинство таких, как он, — в мегаполисе, где полно глубоких нор. Из так и не разобранного мешка она достала походный сотовый набор и полночи провисела в Си-Джее, напрягая своих ребят на Западном побережье. Кто был должен ей, перед кем-то пришлось задолжать снова. Обычное дело, когда у тебя есть друзья и у твоих друзей есть друзья. После мобилизации людских ресурсов она зашла под левым логином в Депозитарий Европейской дорожной полиции и выудила записи того дня и места, когда Тенсинг попал в оборот. Такие же записи она вытащила из трех депозитариев. Взлом гейткиперского терадомена пришлось заказывать через Фетча, и дело скорее всего затягивалось больше чем на неделю. И еще дня два придется резать закриптованное сообщение на закрытой рабочей станции. Чтобы узнать, что там произошло на самом деле

Звонок по внутреннему телефону застал ее врасплох. Таксист ждал внизу уже двадцать минут. Эрика запустила обработку записей на предмет выявления критических несоответствий на своем лэптопе и, взвалив мешок на плечо, вышла на улицу.

Таксист заломил пятьдесят евро за то, чтобы доехать до аэропорта. Она ничего не сказала и сунула ему сорок, добавив еще пять евро мелочью по десять и пятьдесят центов. Таксист буркнул что-то невнятное относительно ночных тарифов и сел за баранку. Она открыла свой компьютер и надела «стекла».

Параллельная обработка четырех записей выявила больше десятка несоответствий. Джаки прессовали Тенсинга упорно и долго, но последние двадцать минут записей были полны несовпадений и непоняток.

Борт Тенсинга сошел с Магистрали на подъездах к Гамбургу. В сотне метров от него остановился гейткиперский борт. Запись ETP показывала человека, который вышел из машины и, судя по жестам, общался по мобильному телефону, потом спрятал его в куртку и скрылся в машине. Потом машина уехала, и еще через десять минут приехали несколько югославских джипов-внедорожников вместе с амбулаторией. На записи медицинской службы человек из гейткиперского борта не выходил и уехал почти сразу. Две другие записи показывали, как гейткипер провел последние пятнадцать минут внутри борта Тенсинга и уехал за несколько минут до приезда югов и амбулатории.

Но самое интересное было не это. Эрика прозвонила рефлект человека, который выходил из гейткиперского борта, и пробила его по нескольким базам данных, которые время от времени пополняли ребята Фетча. Такой человек никогда не существовал. Это был эмулятор. Эрика закусила губу. Гейткиперы создавали такие личности, вылепливая их судьбы путем манипуляции с потоками информации, подделывая «следы», которые оставляет каждый человек, так или иначе пользующийся Си-Джеем. Покупки в магазинах, финансовые транзакции, бухгалтерские отчеты, официальные запросы в муниципальные службы, электронные письма и фотографии, идущие по каналам Кибернетического Глобуса. Они создавали этих эмуляторов годами. Чтобы потом, при необходимости, подставить такого голема под пристальный взгляд служб безопасности национального и корпоративного уровня и пустить ищеек по ложному следу.

Олаф был прав. Такой ресурс, как эмулятор, был доступен гейткиперскому функционеру не ниже претора. Это и подделка сразу трех (а может, и более) записей из официальных депозитариев говорили в пользу того, что операцией руководил один из деми-личей. Только реальная запись из гейткиперского терадомена сможет поставить точки над «i».

Такси подъехало к первому терминалу аэропорта «Шарля де Голля».

Впереди ее ждал перелет через океан.

— …Витя, Толстый дал добро. Его ребята снимут сопровождение, когда нам будет это удобно. — В полчетвертого ночи? — Он сейчас в Филадельфии и там не полчетвертого ночи. А чем ты, собственно, недоволен? — Наш парень покинул кейдж и уже пять часов на полном ходу идет в северном направлении. — А вы? — А мы как дураки его догоняем. — Ты хочешь сказать, что у тебя что-то срывается? — Нет, но если бы Толстый отзвонился

пораньше, мы бы накрыли его по выезде из кейджа. Теперь придется устраивать свалку на трассе. — Ребята Толстого могут сделать все без шума и пыли. — Да? Он в получасе от Берлина. Пока мы растолкуем им что к чему, они уже будут там. Пустой город, с хорошо работающими камерами на каждом углу. — Но он же не дурак, чтобы сворачивать с автобана на улицы города? — Да, будет лучше, если они остановятся на автобане в городе… Тут же съедется куча полицейских. Тамила, не учи меня жить. — Делай что хочешь, я свое дело сделала, какие претензии? — Никаких, спасибо за работу.

— Какие у тебя будут соображения? — спросил Ковецкий у Образцова. — Куда бы ты поехал на его месте?

— Или на Гамбург, или на Ганновер. Быстро выбираться из Берлина лучше всего по этим двум трассам. Иначе он рискует завязнуть в городских пробках.

— А если он решит сделать взлом прямо в городе, а потом со спокойной душой выехать оттуда?

— В городе нельзя включать автопилот, а ему работать надо. А искать парковку в Берлине бесполезно. Хорошо бы он один был, а так ему ее три борта где-то пристроить надо. Не, Вить, дилемма у него простая — или F-51 и на юго-запад, или E-26 и на Гамбург.

— Ладно, уговорил. Поехали. Разносим группы на выезды по обеим трассам, а мы потом будем догонять.

— Здесь ди-эм-два. Внимание всем бортам. Просыпайтесь, ребята. — Эфир заворчал разноголосицей переклички. — Включение кластера через сорок минут. Еще раз пробежимся по последовательности. База-Восток? — Здесь база-Восток. — Чего мы ждем от гостя? — Схема простая. Сначала он заходит на коммуникационный сервер провайдера и отводит выходящий сигнал из нашего кластера. Причем отводит только наш пакет. Все остальные пакеты, идущие через провайдера, идут дальше по прежнему маршруту. Любые апелляции к провайдеру и объяснения займут часа два-три, за это время он успевает запустить ботов-резаков. Все три файерволла ложатся в течение часа. Дальше он получает доступ к системным файлам и рабочим файлам. Все. Сервак ложится наглухо. — Ясно, база-Восток. Вопросы есть? — Пятый раз уже слышим… — Ничего, чтоб как Отче Наш знали… Значит, так, «план А» состоит в том, чтобы выдавить его на обочину и сделать слив в каком-нибудь близлежащем кемпе. Попутно надо закачать ему в локалку пару крепких троянов. Состав троянского пакета — навигационный софт, меддиагностика, общий доступ к системе. Ближний край, как поняли? — Ближний край, поняли. Здесь возможны

сложности. — Сложности всегда возможны. Тут тот случай, когда берут не умением, а числом, закачивайте столько, сколько успеете. Что-то он успеет выкурить, что-то нет. — Ясно. — Если парень будет упрямиться и не захочет съезжать на обочину, то начинаем «план Б». «Майские жуки», блокировка железа и управления. Так, ребята, два главных момента. Первый — адаптер его «штыря» должен остаться целым и невредимым. Если он сожжет кремний, то кина не будет. Второе — пока он на трассе, он не должен слазить со «штыря». База-Восток, если будет необходимо, поиграйте с ним в поддавки, пусть будет в он-лайне подольше. — База-Восток, все поняли. — Вопросы? — Что решили с его сопровождением? — Толстый согласился на наши условия, его борты откатываются при нашем первом сигнале. — А что с возможной заменой сопровождения? — Пока не ясно, но возможно, кто-то из югов. Фидлер, на тебе связь с «платформой». Как только парни Толстого откатятся от него, начинайте отслеживать движение югославских бортов в восточном секторе Магистрали. По последним сводкам, они сейчас работают на польских трассах. — Ясно, ди-эм-два. — Ну что еще? — Что с симулякрами? — С этими уладили. — Ближний край, задачу понял. — Дальний край, задачу понял. — Хорошо, ребята, десять-четыре, ждите отзвона.

Шумные операционные залы с толпой нервных торговцев и полами, засыпанными к концу дня бумагой, начали отходить в прошлое с появлением виртуальных бирж типа Forex. Это было еще в конце прошлого века. Попытки возродить старую атмосферу были предприняты в первых виртуальных версиях Нью-Йоркской биржи, но от них тоже отказались. В результате возник стандарт, упрощать который дальше уже было некуда — что-то типа огромного кинотеатра со здоровым экраном, по которому ползла оперативная информация и в который упиралась безразмерная лестница амфитеатра с рядами рабочих мест торговцев ценными бумагами.

Славик считал кластеры бирж самым скучным местом в первой зоне Си-Джея. Ничего более унылого, чем полупустой кинотеатр, по его мнению, быть не могло. Дело усугублялось еще и тем, что те редкие рефлекты торговцев, виртуальные тела, представлявшие свои реальные оригиналы, были похожи один на другой, как цыплята из инкубатора. Они сидели на своих креслах и скупо комментировали происходящее на экране, размахивая руками и что-то записывая на бумажках. Три-четыре вида пиджаков и дюжина рубашек — дизайнеры пакета CG Stock Market 2.3 мало напрягались при разработке текстур виртуальных

тел для биржевых торговцев. Да, впрочем, тем это и не надо было. Конвульсии аватар были мало похожи на те действия, которые биржевики делали в реальности.

Единственное, что было полезного в этом цирке без клоунов, — торговцы и сторонние наблюдатели могли видеть, кто в данный момент играет на рынке. Каждое из мест было зарезервировано под определенного маклера или фирму. Активизированные ячейки подстреливались и в них находились аватары торговцев. Серые и пустые ячейки показывали, что на данный момент игрок не присутствует на рынке.

Поле экрана было разделено на две половины. Верхняя отображала кластер Си-Джея, полигональный графический движок, снабженный удобным интерфейсом, включавшим в себя разнообразные всплывающие меню и подсказки. Нижняя была консолью Memphis, сухой командной строкой операционной системы. «Профессионалы не смотрят на фасад. Профессионалы приходят через черный вход». Графические красивости виртуальности стояли на этой командной строке. Знающий ее мог делать не только то, что давал делать графический интерфейс, но и то, что нельзя — интерфейс всеми силами запрещал — пользователю делать.

Интерфейс был цветаст, дружественен и менялся с каждым новым годом. Консоль была суха, не прощала ошибок и не менялась уже который десяток лет. Мигающий плоский курсор, ряд знаков, цифр и букв, которые складываются в длинную строку. Изменения в экране интерфейса были следствием черно-белых команд, идущих с консоли.

Славик работал с клавы. Команды печатались в строке со скоростью двести знаков в минуту. Он знал эту песню наизусть. Как и дыры в системе провайдера, обеспечивавшего гейткиперам доступ в Си-Джей. Хотя они были не так уж и плохи. На ликвидацию проблемы у них уходило два-три часа, что было довольно неплохим результатом. У некоторых могло уйти полдня на то же самое.

Он пробежался по похожим, как однояйцевые близнецы, кластерам Нью-Йоркской, Лондонской, Тихоокеанской и других бирж. Везде была одна и та же картина — серая дыра на месте, зарезервированном под гейткиперов юго-восточного консорциума. Он сделал то, что должен был сделать в первую очередь, и сделал это быстрее, чем обычно. Менее трех минут.

Он оторвал пальцы от черного пластика, снял защитный колпак со «штыря» и подсоединил его к разъему на затылке. Первый раунд закончился. Сейчас начинался настоящий заезд, и двести знаков в минуту было уже очень мало для такого дела. Тут

нужна была настоящая скорость. Тут нужен был консольный конвертер, напрямую переводивший сигналы нейронов в консольные команды.

Славик посмотрел в зеркало заднего вида. «Быки» Толстого шли не отставая. Он надел «стекла» и щелкнул выключателем.

Мир перед глазами раскололся на несколько неравных частей. К окну консоли и куску Си-Джея прибавилось зеркало заднего вида и рабочее окно взломщика. Эту программу он писал сам. Вначале программа строила модель защиты, посылая пакетные запросы на вход в систему. Почтовые сообщения, пакеты данных, вирусы, обычный спам, который система фильтровала. Постепенно на экране появлялось объемное изображение защиты кластера, многогранная модель, грани которой расцвечивались в разные цвета. Эта визуализация была абстракцией, которая имела мало общего с тем, что представляла собой система файерволлов кластера. Подобно тому, как индикатор копирования файлов или установки софта мало отражал истинную суть процесса. Но эта визуализация вкупе с его интуицией и командой им же разработанных ботов неплохо работала и давала свои результаты. Сейчас многогранник был пустым скелетом, совокупностью точек, соединенных между собой прямыми. Пришло время дорисовать все остальное. Он включил автопилот джипа.

Катя увеличила изображение. Там, внизу, все было по-другому. Там, внизу, воздух резался на сотни частей стальными корпусами автомобилей и не было ничего, кроме рева двигателя твоего мотоцикла и гула проносящихся мимо соседей по трассе. Немая картинка со спутника фильтровала ощущение скорости. Оно оставалось за скобками, по сторону экрана. Она почувствовала себя глухой.

— …Он сбил роутинг, и выходящий сигнал нашего кластера уходит через левые спутники на глухой хост где-то в Восточном полушарии. Все как обычно. — Ясно. Здесь ди-эм-два, Фидлер, где цель? — Цель отстоялась около Темпельхува, свернула на внутигородскую ветвь E26, развернулась и идет по E-55 в северо-западном направлении. Третий ряд. Скорость около ста пятидесяти. Джипы Толстого идут рядом. — Здесь ди-эм-два. Ну все, покатили, ребята. Мы вас будем догонять.

Три «ирокеза», шедших во втором ряду, перестроились в четвертый ряд.

— Фидлер, что у нас с обстановкой на трассе? — Движение в норме километров на двести. Трасса Берлин — Гамбург чиста, как никогда. Никаких пробок. Даже намеков нет. — Ну дай бог и

дальше так.

Колонна «ирокезов» шла в четвертом ряду. Передовой борт время от времени сигналил другим любителям быстрой езды чтобы те уступили дорогу.

— Ближний край, что у нас с видимостью? — Пока ни хрена не видно, ди-эм-два. — Ну так отзвоните, когда будет. — В эфире послышался смех. — Мы догоняем вас, через полчаса будем в непосредственной близости.

Семейный трейлер грязно-бежевого цвета вел упрямый немец в клетчатой рубашке. Колонна из трех «ирокезов» обогнала бюргера по пятой полосе.

— Ди-эм-два, здесь претор сектора. — Привет, Нильс. — Здравствуйте, Виктор. — Нильс делал ударение на втором слоге. — Виктор, дорожная полиция сказала, что прикроет глаза часа на два, но чтобы все было аккуратно. — Все будет аккуратно, Нильс. — Хорошо. Fifth Praetor is over.

— База-Восток, здесь ди-эм-два. Что у вас? — Он в он-лайне. Судя по характеру бомбежки кластера, это не резаки, это он сам на прямом нейроакселе. «Эй-аи» так не работают. — Это хорошо. — Что хорошо? Если он будет продолжать делать это сам, то защита ляжет в два раза быстрее. — Отслеживайте скорость и характер атаки. Мне нужно, чтобы он был в он-лайне. Отзванивайте, когда он будет выходить. — Ясно, ди-эм-два.

— Здесь ближний край, цель в пределах видимости. — Рассыпаетесь. Дистанция пятьдесят метров. Пока ничего не делайте.

Три «ирокеза» выверенным маневром рассыпались по серой полосе автобана.

— База-Восток, звоните «папе», чтобы он убирал своих «быков».

Минуту спустя три черных джипа один за другим перестроились в третий и дальше, во второй ряд, снижая скорость.

Борты Толстого уходили с головной трассы. Перейдя в первый ряд, они остановились у обочины рядом со столбами, державшими транспаранты с дорожными знаками. Он перестал подавать команды на консоль и положил руки на руль.

«Свято место пусто не бывает».

Но «ирокезы», которые шли за ними уже минут десять, не

спешили занимать место «быков». «Игра в последний шанс». Лич давал время подумать. «Сукин сын». Сейчас можно дать знак, снизить скорость и отойти на обочину. И все, все закончится через два-три часа.

Сначала ей показалось, что она потеряла группу. Она повторила запрос. Монитор выдал картинку. Да, это был его «чероки». Но уже без окружавших его трех корпусов черного цвета. Она стукнула кулаком по подлокотнику. Англосакс с длинной физиономией настороженно посмотрел на нее.

«Ирокезы» все также шли, сохраняя дистанцию. Не приближаясь, но и не удаляясь.

— База-Восток, что у вас? — Затих. — Уже неплохо…

«Тянет время? Может, он все-таки договорится с ними?» Кто-то тянул кота за хвост. Или джаки, или Славик. А может… В проходе показалась стюардесса с тележкой. Пиво, Cola, Johnny Walker. Катя сделала ей знак. «Пятьдесят граммов со льдом». Стюардесса кивнула с улыбкой. Хотя если бы у них были какие-то варианты, они решили бы все до того, как выкатываться на трассу.

Ковецкий достал из кармана мобильную трубку.

— Думаешь, он позвонит?

— Кто его знает.

Защита кластера в виде модели объемного многоугольника застыла в окне программы взлома. Грани правильного додекаэдра были заполнены едва ли на одну пятую.

«Ирокезы» шли, не подавая никаких сигналов. Борт Ковецкого он не заметил, но сукин сын явно был где-то здесь.

«No guts, no glory».

Славик вызвал еще одно окно. Четыре бота-резака и один бот-менеджер. Команда, которая уже имела порядочный опыт в этих делах. Он разморозил Локки и Одина, первого и второго номера в команде.

Славик открыл окно и высунул руку с вытянутым средним пальцем.

Командная строка опять ожила.

Грани додекаэдра раскрашивались в разные цвета. В верхнем окне все оставалось без изменений. «Ирокезы» не сигналили и не приближались. Он активировал третьего резака. Вряд ли после

этого они будут еще задавать вопросы.

— Здесь база-Восток. Все пошло по новой.

Славик ухватился за рычаг коробки передач, надавил на газ, переводя борт в четвертый ряд.

— Это Фидлер. От него пошел исходящий сигнал. Три одинаковых пакета. — Куда? — Пока не знаем, неплохо закриптованный пакет. — «Платформа», здесь ди-эм-два. Все юговские борты в нашем и восточном секторе Магистрали на оперативное отслеживание… Ни хрена он не понял… Ближний край, е-два-е-четыре.

Свалка на Магистрали, как и шахматная партия, начиналась с розыгрыша стандартных комбинаций. Дебют, потом миттельшпиль, эндшпиль. Три из гейткиперских борта резко приняли влево и вышли на пятую полосу, туда, где, по правилам, скорость передвижения должна была быть не меньше двухсотпятидесяти километров в час. Первый в колонне обогнал джип Славика и подрезал его, перейдя на четвертую полосу, третий также грубо обошел темно-синий «шевроле», шедший за джипом. Второй остался на пятой полосе и, нарушая правила, не стал повышать скорость, не давая джипу выйти из образовавшейся коробки. Цель была проста, как угол дома, — выдавить объект на низкоскоростные полосы вплоть до обочины.

— Помните его немного.

Второй борт начал медленное сближение. Борт вана слегка царапнул джип и отошел, потом опять и опять, все более настойчивее. Тертый грязный борт каждый раз оставлял на лакированной поверхности полосы царапин. Но джип не сместился ни на йоту.

Автопилот отключился после первого удара. Славик перешел на ручное управление, не прерывая работы со взломщиком.

Окружавшие группу машины начали освобождать пространство. Соседство с работающим хакером, которого прессуют три супервана, ничего хорошего не предвещало. Уловив просвет, Славик резко подал вправо и сделал попытку выйти из коробки. Гейткиперские узлы повторили маневр, опять замкнув джип в коробке. Ответом был резкий толчок джипа, но силы были

явно не равны. Легкий «чероки» против трехосного «ирокеза», днище и ходовую часть которого специально укрепляли для таких дел. Сдвинуть суперван можно было либо рейсовым автобусом, либо прямой пальбой по стеклам, колесам или водителю.

Шуршание за спиной. Катя обернулась и увидела, что стюардесса с тележкой катилась обратно. На приветливую улыбку она только качнула головой и повернулась обратно к монитору. «Ирокезы» разыгрывали стандартную партию. Это называлось «тиски» или просто «коробка». После предложения остановиться или прекратить атаку следовал направленный электромагнитный импульс в ту область, где могла находиться передающая антенна. Иногда вместе с передатчиком вырубались цепи управления. И тогда плохо было всем. Но вряд ли они будут разыгрывать этот сценарий.

Двумя щелчкам она разбила монитор на две части. Общий план трассы, квадрат двадцать на двадцать и меньшее увеличение, километр на километр.

— Здесь база-Восток. Он вывалился из он-лайна. — Черт… Продолжайте сканировать. Ближний край, попуститесь немного, ребята. Кончайте прессовать, но не выпускайте его. — Ближний край, поняли.

Ковецкий встал с кресла, прошел в салон и вернулся оттуда с контейнером размером с двухсотграммовую банку растворимого кофе. Контейнер был темно-зеленого цвета, с длинной кривой царапиной от крышки до дна.

— Ты думаешь, время? — спросил Васильич, не отрываясь от управления.

Вместо ответа Ковецкий передал ему «рукавицу». Он соединил разъем на контейнере с компьютером. Пальцы лича быстро пробежались по клавишам. Верхняя панель контейнера открылась и из нее выползло существо размером с половину спичечного коробка. У существа было пять лапок и некое подобие хитинового покрова. Ковецкий еще раз прошелся по клаве. Существо расправило хитиновый покров, из-под которого показались полупрозрачные крылья. Лич надел рукавицу.

От майских жуков генетики оставили только эти крылья. Мутировавшие до неузнаваемости «жуки» имели семь лап, что противоречило всем законам живой природы, но было весьма функциональным с точки зрения перемещения по сложным поверхностям.

— Ты знаешь, Витя, а по законам аэродинамики майские жуки не должны летать, — сказал Васильич, надевая перчатку на

руку.

Из контейнера появился второй «жук».

— Да?

— Да. А вот летают ведь… Проверь второго.

Хайкорд нажал кнопку на рукавице. «Жук» приподнял крылья. Васильич поднял ладонь и покачал рукой, одновременно перебирая пальцами в воздухе. Робот поднялся в воздух и задвигал лапками.

— Нормально.

Ковецкий отрыл окно и впустил в кабину порыв ветра. Он прилепил «жуков» на стекло и прикрыл окно.

— Вот так вот…

Васильич перевел управление на автопилот.

«Жук» пошел над крышами машин. Темно-красный «бумер», синяя «шкода», салатовая «Лада».

— Идиотский цвет…

«Жук» пошел на снижение. Серый асфальт с бесконечными белыми полосами. Широкий хромированный бампер с черной пластиковой полосой посередине. Скорость осталась позади. «Жук» прилепился к бамперу.

— Ближний край, привлеките его внимание минут на пять.

«Ирокез», шедший по пятому ряду, несильно, но настойчиво начал давить на левый борт «чероки».

На мониторе Ковецкого всплыла объемная полупрозрачная модель джипа. Красными и желтыми линиями на ней были высвечены цепи управления. Пульсирующая точка медленно поползла в направлении к ближайшему каналу управления.

Этот удар был сильным. Джип качнуло в сторону. Славик повернулся и посмотрел на гейткиперский борт. Сидевший на правом джак поднял левую ладонь и ткнул в нее средним пальцем правой руки. «Тормози». Славик оторвал руки от руля и скрутил в ответ не менее интернациональный жест. Ответом был еще один удар в левое крыло.

Зеленая точка подползла к толстой красной линии. Ковецкий снял перчатку, опять взявшись за клаву. Изображение с камеры «жука». Толстая красная линия на схеме стала зеленой. «Жук» подсел на контур управления ходовой части.

Ковецкий надел «стекла». Кабина «ирокеза» пропала, от сидевшего рядом Васильича остался только ехидный голос. Перед его глазами возникла голограмма, изображавшая управление автомобилем. Руль, приборная доска, рычаг коробки передач. Полная цифровая копия кабины «чероки» модели Desert Hawk.

Ковецкий дернул руль вправо.

Машину неожиданно вильнуло в сторону. «Что за черт?..» Славик выровнял управление и подумал, что надо быть собраннее.

Заляпанное грязью днище автомобиля. Несущаяся под колеса трасса.

— Что у тебя? — Ты уверен, что он перемонтировал кабеля связи? — Да, уверен, эйч-восемь… нет, левее, левее… Вот этот. — Ладно, поверим на слово. — Блин, не думаю, что это лучший вариант. — Давай попробуем.

Краем глаза она уловила движение в левой части монитора. Ряд точек, идущих быстрее, чем все остальные. Она зуммировала по максимуму. Четыре тяжелых трака, идущих по пятому ряду. Всплывающее меню показало текущую скорость: 200, 205, 208. Четыре «мегаладона», набирающих крейсерскую скорость.

Синее пятно на черной поверхности. Дыра в защите.
Многогранник рассыпался тысячей цветных осколков.

— Здесь база-Восток. Первый файерволл благополучно лег. — Ди-эм-два, понял. Сколько у него ушло? — Минут пятнадцать. — Что с прогнозом? — Вторая и третья система посерьезнее, но если он будет продолжать в том же духе, ему хватит часа полтора. — Ди-эм-два, понял.

Анонимный мейл, просто звонок или еще что-нибудь в этом роде. Джаки вряд ли успеют ее засечь: даже если кто-то и пасет этот самолет, им сейчас все равно не до этого. Но не может быть, чтобы он не заметил такую массу, идущую по трассе. Навигатор должен отреагировать. Если он, конечно, оставил все прежние настройки на месте.

— Что? — Надо ближе. — Почему? — Сигнал слабый. — Ты еще пару раз так позвони, он сам тебе покажет, куда ему датчик

лепить… А так? — Нет, давай выводить его на крышу. — Это еще минут десять. — Зато уж наверняка.

В окне взломщика начал появляться другой многогранник. Точки, соединенные прямыми тонкими линиями. Он приподнял «стекла» и посмотрел налево. Гейткиперский борт шел параллельным курсом, не снижая скорости. Они продолжали держать его в коробке. Внезапно сработал сигнал бортовой навигационной системы. Это было предупреждение, что-то шло по пятому ряду, и это что-то скоро должно было быть здесь. Он вывел на «стекла» картинку со спутника.

Трасса пропала. Лакированная поверхность корпуса матово отсвечивала. «Жук» полз наверх. Длинные полосы царапин по корпусу.

— Ребята, вы его неплохо помяли.

«Жук» переполз на крышу.

— Это Фидлер. У нас проблемы. Колонна из четырех «мегаладонов». Движутся в пятом ряду. Дистанция пятнадцать километров. — Где они были раньше? — Съехали с второстепенной трассы в районе Виттстока. — Черт… Ди-эм-два, понял. Попробуй связаться с ними и обрисовать ситуацию. — Понял. — Ближний край, всем внимание. У нас будут гости.

Четыре желтые точки на серой полосе автобана. Ковецкий увеличил изображение. Четыре дальнобойных трака типа «мегаладон», специально разработанные Volvo для скоростных трасс Европы. Альтернативная концепция дизайна, отошедшая от обычных кабин-кубиков, раскачивающихся на амортизаторах. Когда от них отстегивали прицепы, они становились похожи на танки без башен. Отказ от «прямоугольного» дизайна дал значительный выигрыш в аэродинамике и устойчивости, но по плохим трассам на таких машинах не ездили. Слишком низкий клиренс. «Мегаладоны» таскали срочные грузы между большими городами и тут у них не было конкурентов.

— Он может рискнуть. — Да, может. Что у тебя? — Все, дальше уже некуда.

«Жук» осел на цепи дальней связи, у самого основания, где кабель от бортового компа подсоединялся к антенне.

— Пингуй.

— Это Фидлер. Дальнобойщики сказали, что им насрать. — И такое бывает… Порядок, связь есть. Фидлер, сколько у нас до сближения? — Секунд восемьсот. — Будем пропускать. — Мы можем спихнуть его прямо сейчас… — Мы уже пробовали его спихивать. — Управление уже под нами, что тебе еще нужно? — Мне не нужна свалка под носом у дальнобойщиков. — Нажать две кнопки, взять управление под себя… — Куда я дену десяток машин, идущих в оставшихся трех рядах?!. Ты что, не видишь, что давить некуда!

Она не отправила ничего. Даже если бы она что-то отправила, оно все равно пришло бы слишком поздно. Штормовое предупреждение для всех, идущих по автобану, срабатывало за несколько километров до приближения. Весь вопрос был в том, успеет ли он придумать что-нибудь. Или решиться на что-то.

Ковецкий надел «стекла». Рулевое управление, приборная доска, экран бортового компьютера. Рычаг коробки передач. Прозрачный, неактивированный интерфейс. Две кнопки под пальцами левой руки.

Приплюснутые силуэты «мегаладонов» промчались мимо них, уже включив предупреждающие огни и вовсю сигналя сиренами.

— Все, я молчу, молчу… — Ди-эм, дальнобойщики прибыли. — Вижу. — Что делать?

Она знала, что пятая полоса была резервом. Что водители траков заплатили за то, чтобы проехаться по ней на скорости триста двадцать километров в час. Что им не нравится, когда их тормозят на разгоне. Что они вполне могут брякнуть дорожникам. Что они вообще не любят всю эту братию, таскающую компы в трехосных суперванах.

— Ди-эм?

Ковецкий снял «стекла».

— Ближний край, отходите.

Борт, прижимавший «чероки» слева, прибавил газу и вышел из пятого ряда. Первый трак в колонне перестал шуметь

сиренами. Джип Славика резко принял влево и втиснулся в промежуток между первым и вторым траком. Второй трак залился воем сирены.

— Ешкин кот…

«Мегаладоны» уходили по пятой полосе. Втесавшийся в их ряд джип вызвал бурную волну ругани, которую Ковецкий молча слушал, подключившись к шоферской волне. Гейт-киперские борты пристроились к хвосту этой колонны, продолжая следовать за целью.

— Ближний край, отходите. — Но… — Отходите! — Ближний край, поняли.

— Что будем делать? — спросил Васильич.

— Догонять. Но чуть позже.

Ковецкий взял свою сумку с заднего сиденья. Покопавшись в ее недрах, он достал походный «карман», рассчитанный на двадцать дисков. На блестящих поверхностях закатанной в поливинил алюминиевой фольги широким черным фломастером были сделаны надписи.

— Хэвен контрол, Фидлер, здесь ди-эм-два. — Да, ди-эм. — Фидлер, мне нужна «шпага». Ориентировочное время закачки продукта сорок секунд. Подготовь расклад пятен на все протяжение трассы до Гамбурга. — Понял, что будем закачивать? — Сейчас примешь файл.

Шестьдесят лет освоения ближнего космоса имели свои далеко идущие последствия. Мобильная связь для домохозяек, служба быстрого оповещения для районов с сезонными торнадо, военные спутники слежения за террористами, шесть интернациональных орбитальных станций и две девочки, рожденные на гелиостационарной орбите. Побочным эффектом этой большой работы была куча мусора, вращавшаяся вокруг Земли. Рой искусственных спутников, размер которых колебался в широких пределах от диаметра теннисного мяча до небольшого семейного автофургона. Для большинства обитавших на поверхности этот факт мог быть поводом еще раз упомянуть об извечной человеческой привычке засорять окружающую среду. Для тех, кто на Земле имел серьезное передаточное оборудование, эти обломки научно-технического прогресса представляли собой поле самых широких возможностей.

База данных, содержавшая параметры орбит этих объектов, в свое время была зашита в папки под грифом «секретно». Имея на

руках мощный передатчик и зная эти параметры, можно было отправить сигнал практически в любую точку земной поверхности. Времена изменились. База «010» стала ходовым товаром. Отраженный от какого-нибудь обрывка обшивки или солнечной батареи сигнал возвращался на Землю пятном с заданным размером. Это называлось «шпаговой передачей сигнала» или просто «шпагой».

Карман с дисками исчез в сумке Ковецкого. В его руках остался один диск, который он отдал Васильичу.

На диске черным фломастером было небрежно написано два слова латиницей.

Time Stop.

Васильич вопросительно посмотрел на Ковецкого, но ничего не сказал.

— Вставляй диск… — Здесь база-Восток. — Здесь ди-эм-два. — Он опять топчется по нашей защите. Что у вас там произошло? — Ничего особенного. Непредвиденные обстоятельства. — Какие-то изменения? — Нет, все идет по старому распорядку. Фидлер, сканируй шоферскую волну. Вряд ли дальнобойщики позволят ему долго отсиживаться в их колонне. — Здесь база-Восток. Он возобновил атаку. — Сколько у нас есть? — Не больше часа.

— Через час он будет в Гамбурге.

— Через час ему уже будет не нужен кремний в затылке.

— Здесь «платформа». Есть новости. Мы просчитали югов. Это [Ниск]. — Мирослав? — Да, отморозки. — Плохие новости. — Плохие новости в том, что точка пересечения югов и Тенсинга будет через минут тридцать — тридцать пять. Они выкатываются на трассу Берлин — Гамбург через В-16. Если, конечно, мы что-нибудь не предпримем. — Дальний край, здесь ди-эм-два. Что у вас с перехватом? — Плохо. Они идут по второстепенной. Перехватить мы их сможем только на основной примерно в той же точке. — Черт… Фидлер, что с закачкой продукта в стек? — Еще совсем немного…

Time Stop. Заказчиком этого нейрофага был Пентагон. Во времена второй афганской кампании американские военные заказали гейткиперским бустерам софт, который ускорял процедуру кибернетического клонирования до сорока минут. Цифровые копии должны были сниматься со смертельно раненных солдат. Вместе с цинковыми гробами, которые

привозили самолеты транспортной авиации на базу в Сан-Диего, родственникам передавали диск с копией и генетический материал. Для восстановления «основы сознания» Пентагон основал специальный фонд.

Rippers, британские спецназовцы, проводившие операции против IRA, Ирландской республиканской армии, использовали нейрофаг менее гуманным образом. Негласной традицией подразделения было то, что пленных они не брали. Все террористы уничтожались во время операции. F6 использовался для снятия информации с коры все еще теплых «повстанцев». Нейрофаг поставлялся с катетером, который подрубался к мозгу «цели». Первые версии нейрофага обеспечивали скорость сканирования от сорока минут до получаса. Это было в пятнадцать раз быстрее, чем обычная процедура. Более поздние версии, самой удачной из которых являлась революционная 5.16, довели время до семи минут. «Гробовщики» использовали варварский метод «съема», введение нейрокатетера в полевых условиях уже было равнозначно смерти. Более «цивилизованные» версии использовали интерфейс стандартного «штыря». Но это все равно не снимало проблемы побочных эффектов при процедуре ускоренного киберклонирования. Версия 5.16, названная Time Stop, оставляла те же шансы на выживание, что и все остальные, — пятьдесят на пятьдесят.

— Здесь база-Восток. Все, ребята, третий файерволл лег. — Здесь ди-эм-два, понял. — Здесь Фидлер. Продукт в стеке, готов к передаче. Подготовлена цепь пятен. Вступаем в зону через полторы минуты. — Активизируй «жука» на стволе связи его «чероки». Закачка через второй канал. — Витя, если он поймет, в чем дело, он тут же слезет со «штыря». — Для того чтобы понять, у него будет минуты две. Вряд ли он сообразит так быстро. Фидлер, не забудь пустить за нейрофагом диагностический софт. Мне нужно знать, какое у него давление. — Понял, ди-эм-два. — Какие у него шансы? — Какие у всех. Пятьдесят на пятьдесят. Отслеживай его состояние. — Понял. — Здесь Фидлер. Count down. Ten, nine, eight…

Вначале Славик подумал, что это глюкнул софт, но таких сбоев не могло быть по определению.

Граница между консолью и графикой Си-Джея поплыла. Многоцветная палитра начала проваливаться в черно-белую половину экрана, сливаясь с буквами. Буквы стекали как капли по стеклу, так, как будто начался дождь. Сначала одна, потом другая — и все, за струями воды уже не видно реальности. Которая

осталась там, снаружи. Но тут все было наоборот. Струи из белых букв текли наверх, смывая с монитора изображение кластера. Что-то было не так, что-то было совсем не так. Он поднял руку, чтобы выдернуть «штырь» из разъема, но рука поднималась медленно, слишком медленно. Он услышал, как отключился автопилот джипа. Грудь сдавило. Тяжелая, тупая, пульсирующая боль началась где-то в самой середине тела, поднялась выше и остановилась плотным комком, мешающим дышать.

— У него повысилось давление. — Это нормально. — Сто восемьдесят на сто двадцать — это уже не нормально. — Это нормальный побочный эффект. Фидлер, что у нас с «жуками» на борту? — Сигнал нормальный. Закачка ровная. — Отлично. — Темно-зеленая полоса статуса закачки перевалила за половину. — Давай, давай… — Витя, давление не падает. — Понял тебя, товарисч шуруп…

Ковецкий надел «стекла». Перед глазами опять появилась голограмма внутренностей кабины «чероки».

— Я уже в седле. Что у него? — Все по-прежнему. Сто двадцать на сто восемьдесят. — Ну дай бог…

Статус закачки приблизился к трем четвертым.

Консоль разъела графику Си-Джея, превратившись в сплошное серое пятно. Славик увидел, что дорога впереди пропала. Осталась серая пустота, глухо бьющая внутри тела тяжелым неровным пульсом.

— Витя, он теряет сознание. — Вижу… — Две клавиши под пальцами левой руки. Лич активизировал интерфейс управления. Голограмма перестала быть прозрачной.

Машина резко вильнула вправо, Катя видела это. Потом ей показалось, что джип сбавил скорость. Она два раза щелкнула рукавицей. Да, зеленый индикатор скорости, появившийся на мониторе рядом с джипом, показывал снижение скорости. Машина перестроилась в третий ряд.

— Все, он в отключке. — Давление? — У него приступ. — Фидлер, что с югами? — Минут двадцать. Может быть… — Мало… Они не успеют. — Даже если успеют, то вряд ли поймут, что делать. — Что будем мы делать? — Пока тормозить. Ближний край, обгоняйте его и уходите на пересечение с Е-67. Все,

встретимся там. Ближний край, конец связи. — Конец связи, диэм-два.

Джип перешел во второй ряд. «Ирокезы» догнали его, и ей на мгновение показалось, что сейчас они начнут ту игру, которую уже вели с ним. Но они обошли его и ушли дальше, а «чероки» ушел в первый ряд и притормозил на обочине.

Индикатор статуса закачки остановился.

— Где у тебя аптека?
— Под твоим сиденьем.
Ковецкий остановил «чероки».
— Тормози.

«Ирокез» Васильича остановился, не доехав до «чероки» полсотни метров.

— Здесь все? — спросил лич, показывая на черный чемоданчик.

— Да, не тяни…

Ковецкий открыл кейс. Потертый «пульверизатор» для внутренних инъекций, ряды пластиковых ампул, наноустановка с набором катетеров. Ртутный градусник и два бинта. Он закрыл кейс и вышел из машины.

Она видела, как одинокий «ирокез» притормозил невдалеке от остановившегося джипа. Из него вышел человек. Она увеличила изображение по максимуму.

Ковецкий надел «стекла» и вставил микрофон в ухо.

— Первый борт, как слышишь? — Нормально. Витя, у тебя есть минут пятнадцать, не больше. Если юги застукают нас здесь, мало не покажется.

Лич посмотрел на поднимающееся солнце и быстрым шагом пошел к джипу.

Она сделала запрос на сервер «депозитария» и получила запись со спутника за последние четыре минуты. Человек, поднимающий голову. Максимальный зум. Это был тот же человек, который нашел ее вчера в аэропорту. Катя свернула окно и перешла на камеру спутника.

Лич не мог открыть дверь. Из черного ящика он достал что-то серебристое и, судя по всему, тяжелое. Боковое окно разлетелось вдребезги.

— Витя, что у тебя? — Твои херовы отмычки…

Ковецкий открыл правую дверь и залез в кабину. Желтая ампула утонула в затворе «пульверизатора». Лич отстегнул ремень безопасности и разорвал рубашку на груди Славика. Он отмерил четыре пальца ниже левой ключицы. Глухой треск, и желтая капсула мгновенно опустела.

— Что у тебя? — Погоди, не так быстро…

Катя выключила экран и закрыла глаза ладонями. Кто-то тряс ее за плечо, уже почти выкрикивая отрывистые фразы на английском.

Боль ушла, став гулким эхом поезда, уходящего в темноту туннеля. Она уходила все дальше, отдавая место обрывкам воспоминаний, которые не были связаны между собой ни местом, ни временем. То, что случилось с тобой когда-то давно, приблизилось ко дню вчерашнему. На несколько мгновений окружающее наполнилось резкими звуками. Воздух резался на части корпусами проезжающих мимо них автомобилей. Магистраль. Лента Мебиуса, у которой нет ни конца ни края и всего одна сторона. Та, по которой едут туда и обратно. Он уцепился за этот образ, вокруг которого начали наматываться события последних трех дней, но вслед за ним неожиданно навалилась усталость и как долгожданное спасение пришел сон. Утренний сон-обманщик, который приходит иногда после сна ночного. И в этом утреннем сне время растягивается от плюс до минус бесконечности, тормозя время реальности. В этом сне можно прожить полжизни, чтобы потом, посмотрев на будильник, обнаружить, что прошло всего минут двадцать. И в этом сне не было ничего. Ничего, что могло бы заставить проснуться и вспомнить о том, что было вчера, позавчера или месяц назад.

Потом темнота рассеялась и стала тепло-красной. Он открыл веки. Свет солнца, идущего к полудню, ударил в глаза, и он прищурился.

Рубашка была разорвана. Одна из пуговиц висела на длинной тонкой нитке. Он оторвал ее и зачем-то положил во внутренний карман. Кто-то, сидевший рядом, говорил на чешском. Славик повернул голову и увидел человека со «стеклами» на массивном носу. Человек перебирал черные четки. Короткая пауза, и человек заговорил на русском:

— Я вызвал «скорую». Да… да… хорошо… Ты говорил с ними?.. Ну они не пальцем деланные, понимают что к чему. Да,

Мирослав неплохо говорит по-украински… Ну ладно, все, жди, я сейчас.

Хакер поправил разорванную рубашку и приподнялся в кресле.

Солнце било в глаза, белое, раздувшееся до краев горизонта. Ковецкий повернулся в его сторону:

— Я вызвал «скорую».

— Да, я слышал.

Славик открыл бардачок и вытащил из него черные солнцезащитные очки.

— Зачем?

— Какое из «зачем» тебя интересует?

— Зачем все это? — Славик указал на «пульверизатор», лежавший на коленях Ковецкого.

— Скажем так, пополнять сводку новостей еще одним несчастным случаем не входило в наши планы.

— Планы… Ваши планы… Ну… ну и что дальше?

Ковецкий снял «стекла», отключил, и они переместились на лысину, окруженную проседью. Он открыл черный кейс и положил туда инъектор. Две защелки с облупившейся краской глухо щелкнули.

— Завтра солнце тоже взойдет, парень.

Раздался звонок мобильного.

Ковецкий открыл дверь джипа и выбрался наружу. В кабину ворвался пыльный осенний ветер.

Мобильный продолжал звонить, пытаясь перекричать многоголосый шум Магистрали.

— Возьми, это тебя.

ПОЗДНИЙ НОЯБРЬ 2.0.1.2

Рынок. Длинные торговые ряды, скроенные из железных рам и листов жести. Рынок тянется от входа на станцию метро, вдоль железной дороги, по которой бесконечной гремящей цепью ползут торговые составы и электрички, нафаршированные жителями пригородов. Шум проходящих мимо составов сливается со звуковым рядом рынка, смонтированным из обрывков мелодий, попавших в ротацию этого сезона, и прерывистой многоголосицы. Ряды, которые ближе к входу в метро, застеклены. Мутное пластиковое стекло, которое моют раз в полгода. Ноябрьский дождь просачивается сюда, монотонно капая через трещины и плохо подогнанные стыки конструкций. В дырах в асфальте скапливается вода, и продавцы тихо клянут администрацию, регулярно взимающую дань, но палец о палец не ударившую для того, чтобы залатать покрытие. Вечная история.

Продавцы ютятся в железных коробках три метра в ширину и столько же в глубину, среди товара, лежащего на прилавке и висящего на задней стенке ячейки. Музыка, диски, книги, журналы, постеры и древние видеокассеты в пластмассовых коробках. Информация, закатанная на все доступные носители. На девять десятых пиратская продукция, стыдливо помеченная фальшивыми голограммами.

Рынок состоит из двух главных рядов, соединенных поперечными проходами, и это единственный элемент логики, видимый с первого взгляда. Продавцы прячутся за неровными стенами книг, развалами альбомов и трехтомных собраний сочинений современных фантастов, дешевыми пакетами детективов, которые читают в метро, псевдоисторическими исследованиями и русской классикой. Они пьют кофе из белых пластмассовых стаканчиков, курят и нервно посматривают на глухие углы прилавков, с которых чаще всего воруют. Компьютерные диски, «гаммы» и флэшки лежат на длинных полках, ролевые игры чередуются с компактами с софтом для дизайнеров, признаки упорядоченности условны, товар не рассортирован, и часто сам продавец не знает, где искать последний шутер от id Software. В каморках торговцев культовыми безделушками товар свисает длинными звенящими гроздьями. Там, где заканчиваются крытые ряды на сером асфальте, прикрытом новыми газетами, лежат старые, тридцатилетней давности книги, виниловые пластинки и коробочки с кассетами, которыми торгуют такие же старые, интеллигентного вида пенсионеры.

Здесь нет логики, на которой выстроены супермаркеты-конвейеры, где покупатель может найти все что ему угодно за десять минут, ориентируясь по надписям на стеллажах и под ободрительные улыбки продавцов. Рынок — это чистая стихия первобытного поиска, пережиток охотничьего инстинкта, где важен не только результат, но и сам процесс. Быть может, это — единственная причина, по которой рынок смог выжить, стерпев натиск новых бизнес-технологий.

Ноябрь. Небо — все оттенки серого. Желтые листья на почерневшем от дождя асфальте, сорванные и прибитые к земле, сбивающиеся в грязные бурые кучи ногами горожан. Дождь, который идет не переставая, то моросящий невидимыми всепроникающими каплями, то как из ведра. Ноябрь — это всегда дождь. Короткие дни без солнца. Утро, которое почти ничем не отличается от вечера. Скрытые капюшонами и зонтиками люди. В ноябре нет лиц, есть только согнутые и спешащие домой или на работу фигуры, торопливо избегающие луж и себе подобных, идущих навстречу.

Андрей любил это время. Серый провал между октябрьским пожаром и едва припорошенным снегом безмолвием декабря. В такой вот серый день она пришла сюда и, легко лавируя между лужами и другими покупателями, подошла к тому месту, где он торговал своими дисками. Это был его второй месяц на рынке. Сентябрьское увольнение из «ТНК» все еще зудело в памяти, и это новое рабочее место все еще воспринималось как перевалочный пункт к лучшей жизни. Перекантоваться и продолжить как-то не к месту прерванную карьеру. Тогда все воспринималось как «временное». Временная работа, временная осень. Очередная временная знакомая. Еще месяц, и выпадет снег. И все будет по-новому.

Прошло еще много дней здесь, на этой толкучке, прежде чем новая жизнь стала восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

В ноябрьские будни рынок пуст. По нему бродят сбежавшие с лекций студенты в поисках свежих компьютерных игр, коллекций конспектов и контрольных, которые им не удалось найти в Сети или просто лень было искать. Они ищут развлечения и софт, который сделал бы их учебу таким же развлечением. С бутылками пива, по три-четыре человека они слоняются по рынку, останавливаясь то у одной, то у другой точки, чтобы потрепать длинные ряды прозрачных пластмассовых футляров, посмотреть на диски с дешевой полиграфией на тыльной стороне, повтыкать флэшки в разъемы компактных устройств воспроизведения,

обсудить с продавцом причину того, почему задерживается выход очередного хита, и попытаться поменять какой-нибудь отстой трехмесячной давности на стоящий софт.

Большинство продавцов не любят их. Много разговора, дела почти нет. Эти трое-четверо покупают один диск на всех, сваливают за ближайший угол и там переписывают его на болванки, потом выбирают, кому идти к продавцу на размен. Тот, кого выбрали, идет к продавцу и вешает лапшу на уши насчет того, что диск паленый-пиленый и хотелось бы его поменять.

На выходные сюда подтягивается народ. К полудню становится тесно от разнородной толпы, пришедшей сюда за дешевыми книгами и пиратским софтом. Дети с круглыми глазами и тянущие их от лотков молодые родители. Подростки постарше, устраивающие бурное обсуждение в переходах от одного лотка к другому. Серьезные завсегдатаи, четко знающие, что им нужно, и пересекающие толпу с ловкостью хищников, идущих по охотничьей тропе. Странного вида молодые люди с кодовыми знаками на запястьях, куртках, разговаривающие между собой на диком молодежном жаргоне.

В отличие от большинства продавцов Андрей не любил выходные. Напряжные дни. Много людей, много покупок, много воровства. Десяток человек, толкущихся около прилавка, это десять потенциальных проблем, начиная от глупых вопросов и заканчивая стянутыми из-под носа диском или флэш-кристаллом на десять гигабайт.

Дождь идет с утра. Его место расположено на пересечении главного и поперечного рядов и закрыто стеклянной крышей, но он видит, как по лужам центрального прохода бьют капли. Дождь становится сильнее. Продавцы на той стороне главного прохода прикрывают прозрачной клеенкой первые ряды своих раскладок. Порывы ветра задирают кверху концы этих простыней. Порывы редкие, но резкие.

Народ прибывал, день обещал быть веселым. Андрей поправил воротник своей куртки. Хорошая куртка. Волоха посоветовал купить. Мультисезонная, с автоматической терморегуляцией. В любой сезон носить можно. Стирается легко и самое главное — сушится сама. Включил режим сушки, десять минут, и все готово. Капюшон такой, что шапки не надо. Он не был любителем капюшонов, но как оказалось, штука довольно удобная. Простая практичная одежда. Как и те джинсы, которые он купил на распродаже месяц назад. Главное — стирать вовремя, а так никаких проблем с гардеробом.

— У вас Road Warrior III есть? — Да, да… был… вот, пожалуйста. — Парнишка лет десяти быстро берет диск и читает

аннотацию к игре. Позади него стоит высокий мужчина лет сорока пяти с большим зонтиком. Папа. Судя по выражению лица, для него посещение рынка — обязаловка. — Пакеты сканирования ландшафта? — Что конкретно вас интересует? — «Геодезист-4.91». — На парне длинный шарф, обмотанный вокруг шеи, защитного цвета куртка и очень неплохой рюкзак; на геодезической съемке с помощью цифровиков сейчас можно неплохо заработать. Правда, при этом приходится по стране мотаться, потому как в городе уже делать нечего. — Какое «железо» используете? — А что, имеет значение? — Да. — Sony GeoUnit 6733. — Неплохая техника. Но «Геодезист» с этим работать не будет… — Почему?..

У лотка скапливается толпа. Пора переключаться на многозадачный режим работы.

— Диски не меняете? — У меня брали? — Нет. — Тогда не получится. — Извините… Я недели две назад здесь у кого-то покупал, но уже забыл где… — Ничем не помогу. — Андрей возвращается к парню с длинным шарфом. — «Геодезист» заточен под Sharp и Panasonic, на «соньках» будет систематическая ошибка, если вы будете работать со сложным ландшафтом…

Раздосадованный мужчина, который не смог поменять диски, отходит от лотка и накидывает капюшон, прежде чем выйти в центральный проход между главными рядами.

Капли дождя сильнее бьют по лужам.

Выторг с дисков давал примерно тридцать процентов всей выручки и не являлся основным его товаром. В рыночной иерархии он был на другом уровне. Его место находилось в четвертом ряду от северного выхода из метро. Ячейка закрывалась на поликарбонную сетку, которую нельзя было взрезать автогеном и которая была снабжена цифровым замком. Но самое главное было не это. Эти понты мог позволить себе любой начинающий торговец, даже не имеющий постоянного «пастуха». Главное, был товар, который лежал у него в отдельном лотке, слева от основной массы оптических дисков, кристаллов и бумажных журналов в блестящем глянце, разноцветным иконостасом висевшими на задней стенке его торговой ячейки. Все это было в том ассортименте у большинства торговцев Старой Петровки. Три сотни мест, в которых торгуют одним и тем же. То, чем торговал Андрей, было не более чем у десятка продавцов — «термитники», новая линейка носителей информации, дальний потомок устройств с флэш-памятью.

Среди торговцев «термитниками» его место было одним из первых, если считать от входа в метро. Выгодное место, хотя говорили, что настоящий покупатель идет в глубь рынка. Может,

и так, только на его продажах это мало сказывалось.

Как бы то ни было, именно это он считал причиной того, что они с Олей познакомились.

Оля была завсегдатаем рынка. Каждую неделю она ходила сюда, когда одна, когда с подругой. Субботний ритуал, предваряющий посиделки в кафе. Ей было двадцать три, у нее была двухкомнатная квартира на Русановке, которую подарили ей родители, и непыльная работа в «глянцевом» сетевом проекте. Издание для женщин «до тридцати и ниже» также существовало в «твердом», традиционном виде и неплохо расходилось. Клон Cosmopolitan с несколькими разделами, посвященными современной театральной жизни. Хорошо оплачиваемая работа на второй роли в отделе рекламы, с десяти до семи, обед за счет конторы и без особой ответственности. Хозяйка журнала была школьной подругой ее матери.

В первый раз Оля купила пять флэшек-«термитников», обеспечив ему норму по выручке на два дня вперед. Товар она выбирала быстро, легкими движениями длинных пальцев с ярко-красными ногтями, выхватывая из коробки первое, что попадало под руку, и так же легко, даже небрежно, кидала это обратно, если это оказывалось не тем. Грациозность, с которой она это делала, наводила на мысль о легкомысленности и неопределенности в целях, но это было ошибочным впечатлением. Она умела быстро принимать решения и четко знала, чего хотела, а легкость в движениях была результатом многолетних занятий классическим балетом и современными танцами. Хрупкая сероглазая блондинка с хорошо наложенным мейкапом, ростом чуть ниже среднемодельного.

Длинные льняные волосы долго колыхались над темно-красной сумочкой, когда она искала деньги. Тогда Оля расплатилась новыми евро, не найдя местной валюты в своей сумочке. В ее взгляде была легкая досада, и когда она поправила спутавшиеся волосы, Андрей заметил за левым ухом четыре нейроразъема. Четыре SiOt-порта, два из которых были обрамлены изумрудно-зеленой каймой. Два других — светло-синей. Зеленые выходы предназначались для пассивного приема входящего сигнала. Синие — для вывода сигнала на адаптер активной генерации.

SiOt-разъемы, Signal Out.

Оборудование для активной виртуальной жизни.

«Термитники», «термы», «термосы». Носители емкостью больше одного терабайта, снабженные встроенным

предпроцессором. Носители информации на кремниевой основе, снабженные универсальным портом типа USB-Alpha 3.0, с помощью которого их можно было подрубить к любому компьютеру, терминалу или мини-станции. Через тот же порт ее можно было подключить к центральной нервной системе и пустить сигнал на зрительный и слуховой нервы. Конечно, если у пользователя была вживлена соответствующая аппаратура. Клевый товар. Два года назад его выбросила на рынок компания Infeon, еще через полгода тайваньские и сингапурские умельцы наладили производство у себя, и вот теперь они добрались до рынков типа Старой Петровки, по пути растеряв три четверых той цены, за которую их продавали в первые месяцы.

«Это очередная революция, — так говорил про «термитники» Волоха. — С тех пор как Сеть переделали в Кибернетический Глобус — это революция».

Андрей верил ему. Волоха был здесь еще до того, как появились DVD, не говоря уже о SuperDVD и флэшки на десять гигабайт. Да что там говорить, он успел еще поторговать обычными сидюками, компактами со смешной емкостью в семь сотен метров. Волоха был одним из старожилов рынка, двадцать лет на точке, это вам не два байта переслать. Сколько всего было революций, он точно сказать не мог. В разные дни и от разного количества выпитого пива это число колебалось от пяти до двенадцати. Первой в этом списке было появление CD-приводов в середине девяностых, вторая — после того, как на рынок вышли писалки этих сидюков. Дальше список менялся, но одна из революций оставалась неизменной — когда Сеть переделали в Кибернетический Глобус. Впрочем, такое длинное название Волоха не употреблял. Он называл это Си-Джеем. Искаженное произношение английской аббревиатуры CG — Cyber Globe.

В тот день, когда заработала группа спутников «Снежные Совы», запущенная на орбиту в рамках очередного международного проекта по развитию информационной структуры, мир перевернулся, правда, поняли это не все и не сразу.

С задержкой в пятнадцать минут за «Совами» стартовали основные сервера Си-Джея, размещенные в надежно защищенных бункерах под ютландскими пустошами в районе Хонстхольма. «Совы» вместе с несколькими миллионами наземных камер сгенерировали сигнал, который закачал в себя первый базовый центр Си-Джея. Сигнал был наложен на «слепок реальности», цифровую модель Земли, максимально точно (на тот день) описывавшую физические, химические и другие свойства ее поверхности, того, что под поверхностью, и всего того, что стоит,

ходит и дышит на этой поверхности.

На экранах пользователей возник Си-Джей, цифровая копия матушки-Земли. Тогда еще довольно блеклая, карикатурная, как черно-белые фильмы начала двадцатого века. Но старт был дан. С каждым днем на растущие вычислительные мощности в районе Хонстхольма заводились все новые потоки данных, и Си-Джей все больше становился похож на оригинал.

Кибернетический Глобус.

Виртуальное пространство нового поколения.

К 2010 году человек, которому не хватило денег на билет до Сингапура, мог зайти в Си-Джей и посмотреть, чем занимаются китайцы на Орчад-роуд. Картинка на мониторе или на внешней поверхности виртуальных очков мало чем отличалась от реальности, которую видели эти самые китайцы. Си-Джей был динамической копией, которая меняется вместе с реальностью с дельта-задержкой полторы минуты.

Двойная радуга.

Одна — над озером, на фоне уходящей грозовой тучи, темно-серой, полной длинных дождевых струй и электричества. Радуга, широкая, занимающая половину неба, семицветная арка, полупрозрачная, появившаяся ниоткуда и исчезающая вместе с тучей, плывущей на запад. Другая радуга — в ее глазах. Переливающиеся всеми цветами видимого волнового спектра контактные линзы. Контактные линзы с полным нейроинтерфейсом вместо ее обычных «стекол» в тонкой оправе. Темно-фиолетовый становится ярко-синим, как небо, что сейчас над головой, вымытое грозовым дождем. Небо блестит из ее глаз, широко раскрытых, немного рассеянных и улыбающихся. Темно-синий сменяется на зеленый и вдруг на миг этот изумруд превращается в кроваво-красный рубин. Взгляд неподвижен и пробивает насквозь. А может быть, ему это только показалось? Последний блеск молнии в серой туче, что уходит на запад. Оля улыбается и ладони поддерживают розовые щечки, делая лицо пухлым и смешным.

Радуга над озером пропадет через несколько минут, вместе с тучей, оставившей ее.

Она останется здесь, дразня переменчивостью настроения.

Их первое свидание.

Оля много говорила. О непыльной работе, о начальнице, о родителях, о своих замужних подругах, о премьерах сезона и кластерах Си-Джея, откуда она не вылезала в ночь с пятницы на субботу, и после долго отсыпалась, и до вечера не могла прийти в себя. Они засмеялись, вспомнив, как она копалась в сумочке в ту

субботу.

Ее жесты становились резче. С каждой новой фразой ее лицо становилось ближе, яснее, черты ее лица заслоняли небо, правильными линиями вытесняя все, что напоминало о прошедшей грозе.

Когда она заговорила о своей студии, цвет ее глаз перестал меняться, зафиксировавшись на родном сером. Оля поправила волосы, оголив четыре порта SiOt, она сделала эту операцию в Вене, ее отец не хотел давать денег, но мать всегда умела быть убедительной. «Да, это больше чем увлечение».

Она могла менять свое мнение о нынешнем бойфренде ее лучшей подруги по пять раз за час и пересказывать злобные шутки о своей шефине, у которой личная жизнь так и не удалась. Но о студии она всегда говорила одинаково, и вскоре Андрей знал уже все о том, что она скажет об этом. Эта часть оставалась неизменной в любое время суток. Ядро операционной системы, которая управляла ее жизнью и всей остальной периферией, крутившейся вокруг нее.

Андрей поправил «стекла». Пожалуй, единственная по-настоящему дорогая вещь, которая была сейчас на нем. Neoptic-795. Очки, дававшие возможность видео- и аудио-доступа в Си-Джей. Совместное производство Sony и итальянской компании Neoptic. Настоящее «железо». Линзы полностью ложатся на глазницы, не оставляя зазоров и при необходимости регулируются. Пять минут — и все на месте. Все вычислительные мощности, передатчик и батареи вмонтированы в дужки. Выглядит немного тяжеловесно, но это лучше, чем таскать на шее батарею, компьютер и передатчик. Тем более учитывая, где он работает. Болтающиеся на шее предметы здесь лучше прятать или носить там, откуда их трудно будет сорвать.

«Стекла» были не просто понтами. Это был инструмент работы. Через них он мог находиться в виртуальном образе, рефлекте рынка, и получать доступ к наложенным на реальность информационным слоям.

Одним из ключевых принципов, на котором строился Си-Джей, был принцип так называемого «цифрового наложения».

На стандартную картинку, которая получалась из переработанного сигнала, можно было наложить любую информацию об объекте, который находился в поле зрения. Эта информация вытягивалась из более чем сотни информационных слоев «слепка реальности», так называемого дайса, и выдавалась пользователю в любой удобной для него форме — плавающих меню с параметрами, таблиц, графиков, текста, звукового

сигнала, комментариев аватаров-помощников. Эти функции почти сразу стали весьма популярны, в особенности в тех областях, где было необходимо оперативное реагирование на возникающую ситуацию. Возможность видеть основные параметры объекта, обновляющиеся каждые пять секунд, понравилась многим. Дорожной милиции, водителям городских маршруток, дальнобойщикам, диспетчерам аэропортов, операторам крупных производств и энергетических станций.

На повседневную жизнь наложение также оказало свое влияние. В частности, появление цифрового наложения привело к тому, что вначале из модных бутиков исчезли ценники и продавцы-консультанты. Зачем ценники в реале, если их можно подгрузить в виртуальность с «цифровым наложением» и менять там ежечасно в зависимости от цены на такой же товар в соседнем магазине? Зачем держать живого продавца, который хочет процент от продажи, если можно заменить его ничего не просящей диалоговой системой с приятным графическим интерфейсом?

В обычных магазинах продавец с надетыми «стеклами» считался плохим тоном. Типа продавец видит информацию о клиенте и готов окучить его по полной программе. Вроде как это было нарушением этики продаж. Ну да, а набрасывать сорок процентов наценки на товар — это типа корректное поведение. Как бы то ни было, в магазинах в очках разрешалось ходить только покупателям.

На рынке все было по-другому. «Просвечивать» покупателя не считалось зазорным. Конкуренция высокая, и поэтому те полминуты, которые покупатель находится у твоего лотка, нужно использовать по максимуму. Задавать тупые вопросы типа «Вам помочь?» — самое последнее дело. По опыту Андрея эта фраза имела скорее отрицательное воздействие. А вот просмотреть что к чему и сказать, что вышел Scream Loudly III или Master of Nature Magic XII, могло оказаться ударом в точку. И теперь, пока покупатель смотрит на аннотацию на коробке, у тебя появляется еще две минуты на то, чтобы узнать о нем побольше.

Подобные вещи уже давно не были верхом технического прогресса. Самое интересное в наложении было не это.

На стандартную картинку можно было наложить другое изображение — сгенерированное «косметическими» программами, «косметологами», «космами». Реальность с движущимися в ней предметами становилась каркасом, скелетом, на который можно было «натянуть» любое другое изображение, любой другой мир. Какая-то часть реального мира, например лавки в парке и расположение деревьев, оставалась на месте, но

большая часть деталей окружающего заменялась на то, чего никогда не существовало в этом физическом мире. Менялась погода и небо над головой. Менялось все вплоть до выражений лиц проходящих мимо и их одежды. В наложенной виртуальности появлялись предметы и люди, которых не было в данный момент там, где шел человек, наблюдающий наложение.

— …Коля, я серьезно, пока есть оригинальная версия, бери, потом перепрут на великий и могучий или на мову, будешь иметь проблемы.

Двое парней, искавших новые ролевые игры и продолжения к старым релизам, явно разбирались в том, что искали. Shadows of the Road II, последний хит от Bioware. Насчет локализаций игр на один из двух местных языков они были правы, с этим до сих пор были проблемы. Знатоки брали оригинальные версии, как только они появлялись на рынке.

Тот, кого называли Колей, молча рассматривал коробку с SuperDVD, потом полез в карман за портмоне.

— Сколько?

— Тридцать.

Коля протянул деньги.

— Это точно оригинальная версия?

Андрей достал ручку, бланк с печатью и написал на нем название покупки и номер торгового места.

— Будут проблемы — приходите.

С такими ребятами проблем обычно не было. Грамотные люди, знающие, что им нужно.

А вот с этой четверкой придется повозиться, и дай бог, чтобы не было проблем.

Эти четверо тусовались здесь уже минут пятнадцать. Малолетки из «спального» района. Судя по одежде и замашкам, от них можно было ждать проблем. Последняя коллекция зимней одежды Columbia, ботинки Timberland, одинаковые спортивные шапочки. Скорее всего какая-то группировка, пытающаяся стать бандой. Мелкий грабеж, торговля слабой наркотой, прикрытие опять же мелких хакерских операций, таких же, как и они, начинающих. В свободное от основной работы время такие компании обычно развлекались с наложением. Посеревшие от времени и побитые трещинами корпуса жилых многоэтажек прошлого века, песок и вечнозеленые ивы мало кого вдохновляют, и с каждым днем нужно все больше пива с водкой, чтобы одномерный ландшафт поплыл перед глазами и в жизни показалась перспектива. Поэтому обычно посиделки за бутылкой пива, предваряющие групповуху в подъезде, сопровождались

виртуальным наложением. Квартал становился веселее, а дешевая и плохо наложенная косметика девчонки из соседнего дома становилась макияжем фотомодели.

Эти четверо искали клубные программы. Первое серьезное вложение нажитого непосильным подростковым трудом капитала.

С таких вещей начинали многие. Это казалось делом простым и не хлопотным. Снять полуподвал в многоэтажке, полулегально подвести оптоволоконный ствол, прикупить среднего класса технику и, главное, купить пакет, позволяющий создавать виртуальное пространство, которое накладывалось на пустые стены подвала. При наличии воображения, хороших отношений с местной налоговой и районной администрациями, а также старшими пацанами, курировавшими микрорайон, затраты на такой клуб отбивались за полгода. И потом давали неплохой навар. За мебель платить не надо, плата за аренду — ниже плинтуса, операционные издержки только за электроэнергию и отопление. Стой на входе, проверяй билеты. Если наладить в таком клубе продажу выпивки и, еще лучше, легкой наркоты, то дело имело шансы пойти еще веселее.

С крышей можно было договориться. С налоговой тоже, в особенности если там работает двоюродная тетя. С дилерами-химиками, продающими цветные таблетки, сложно, но в принципе можно. А вот с воображением чаще всего бывали проблемы. Создать оригинальный клуб было тяжело именно по этой причине. Каждый день в городе возникало десяток клубов, из которых девять не переживало первого месяца. Потому что на серые стены полуподвала натягивались стандартные, приевшиеся кластеры, которые делались на коленях за два дня с помощью вот таких вот «клубных программ».

Светло-красная сфера с синими и бордовыми прожилками по всей поверхности висит в белом пустом пространстве. Пауза начинает казаться затянутой, когда цвет пространства начинает менять оттенки, появляется динамика, яркие протуберанцы, всполохи пламени, кривые тонкие молнии. Они касаются поверхности сферы, и она начинает реагировать на окружающее, меняя форму и цвет, сопротивляясь и поддаваясь тому, что происходит вокруг. Сфера вбирает в себя молнии и фрагменты предметов, появляющиеся из окружающего хаоса. Вдруг ее поверхность подергивается рябью, и она ощетинивается рядом ровных стальных шипов, которые отбивают предметы и отражают молнии, летящие из середины ниоткуда. Через мгновение их уже нет, поверхность поменяла цвет и сфера стала толще. Проходит несколько циклов, в результате которых сфера покрывается

несколькими десятками слоев, которые помогают ему защищаться или абсорбировать в себя окружающую жизнь. Но борьба продолжается. В этой борьбе проходит еще половина вечности, пока наконец внутри яйца не появляется нечто похожее на свернутый женский силуэт. Лежащее в позе зародыша тело взрослой женщины.

Еще мгновение — и сферы уже нет. Есть нарисованный четкими линиями профиль женщины, которая стоит с широко раскинутыми руками, не страшась творящегося вокруг. Начинается танец. Протуберанцы и молнии становятся быстрее и ярче, и женщина начинает танец.

Эту композицию Оля назвала «Рождение сознания», и это был один из тех номеров, которые она показывала редко для тех, кто хорошо знал ее. По субботам эти люди приходили к ней в квартиру, и она открывала им свою студию. Квартира на улице Флоренции была когда-то трехкомнатной, но перед тем как въехать туда, Оля заказала ремонт. Две комнаты были превращены в достаточно просторный зал, стены которого были оклеены белыми обоями. Аппаратура для генерации виртуального наложения, полтора десятка стульев, столик, на котором в дни приемов стоял кофейник, печенья и минеральная вода.

В такие дни сюда приходили ее друзья. Единомышленники, новаторы, экспериментировавшие на пересечении традиционного театра и новых цифровых технологий. Чаще всего это был театр одного живого актера в окружении виртуальных декораций и виртуальных актеров и созданий, мало напоминавших человеческие тела. Галлюцинации, доступные не только их создателям. Иногда эти ребята употребляли с кофе сухие амфетаминовые добавки и практиковали подачу прямого сигнала на центры удовольствия, но сама Оля избегала этого. Ей нравилось танцевать, получая при этом чистый, природный амфетамин.

Танец каждый раз был разным. Как и концовка этого выступления. Борьба женского тела и жизни, которая била со всех сторон, чаще всего заканчивалась победой женщины. Закаленное огнем, покрытое сотней защитных слоев, тело начинало излучать свет в спокойном синем диапазоне и протуберанцы гасли.

Иногда яркие трещины молний, бившие в тело, оставляли там отпечатки. Тело покрывалось сеткой этих трещин, они становились толще, и после нескольких ударов оно рассыпалось на тысячи мелких осколков.

В субботу Оля принимала гостей дома, а в четверг работала в небольшом театре-студии на Ярославовом валу. Там она играла чужие роли, в пространствах, сделанных другими людьми. Что-то

ей нравилось, что-то нет, но она считала это нужной работой. Практика, возможность отрабатывать технику, была первой причиной, по которой она оставалась там. Второй — возможность показать себя тем, кто искал актеров и дизайнеров для более серьезной работы. На этот случай в ее сумочке всегда лежал диск с демозаписями «Рождения сознания» и «Флиппера», лучшими ее вещами.

В ожидании спектакля он бродил по фойе, небольшому залу с вполне традиционными картинами, написанными маслом, и слушал разговоры о том, как виртуальное наложение и другие цифровые технологии изменят театр. «Пространство, расширяющееся практически до бесконечности и послушное всем изменениям, которые над ним совершают. Актер больше не ограничен сценой, условностью мира, делающей представление на сцене фарсом. Сцена и зал более не разделены, теперь нет этого условного и глупого деления на реальность и мир игры, теперь все едино, и актер — центральный элемент новой концепции, действующий режиссер пространства и времени, меняющий рамки по ходу пьесы…»

Эту пламенную речь произносил молодой худощавый человек в черном костюме на два размера больше.

Андрей слушал этот непрерывный поток сознания и думал, что полгода назад компания таких людей показалась бы ему странной. Сейчас он вслушивался в рассуждения о новых пространствах человеческого сознания, и рабочий день с девяти утра до шести вечера в чистом белом офисе становился похожим на однообразный заводской конвейер. Другая жизнь, с отсутствием четкого ритма и импровизацией на ходу. Странно, но это было действительно больше похоже на настоящую жизнь, с ее неожиданными вывертами и стенами, которые возникают там, где их не ждешь. Офисный кубик, сделанный из тонких листов гипсокартона, внутрикорпоративные правила поведения и стратегия развития компании — это всего лишь слабая попытка защититься от этой непредсказуемости, течения жизни, сминающей то, что противоречит ее древним правилам. Эти фантазирующие мальчики и девочки, которые ждут просмотра, живут честнее и правильнее, воспринимая происходящее тогда, когда оно происходит, и не пытаются нарисовать прогноз на следующие три года.

«Познакомь». — «Она не в твоем вкусе». — «Еще как в моем. Высокие блондинки очень в моем вкусе. Или у тебя с ней всерьез?» — «Не знаю». — «И когда узнаешь?» — «Как узнаю, тебе расскажу первому». — «Да я не буду клеиться. Если у тебя

намерения, я подожду до лучших времен». — «Ну а тогда на фиг тебе с ней знакомиться?» — «Она оказывает на тебя благотворное влияние. Хочу узнать, как у нее это получилось. Спокойнее ты стал, Андрюша». — «А что, раньше был дерганым?» — «Нет, но раньше ты к работе относился как-то без энтузиазма. Типа, чего там, на рынке, стоять дисками торговать. Корни пускаешь». — «Ты знаешь, какой у нас был уговор. Я нахожу место и мы мирно расходимся». — «Ну и что, нашел?» — «Пока нет». — «Ну ищи, ищи».

Его круглое бородатое лицо засияло ехидной улыбкой. Пачка новых дисков, которые он держал в левой руке, исчезла в толстой джинсовой куртке. Куртка была короткая и заканчивалась прямо над широким поясом, державшим синие джинсы, заправленные в черные спортивные боты. Раскачивающейся медленной походкой Волоха пошел на другую точку, располагавшуюся через два ряда.

На вид Волоха был грубоватым увальнем, типичным рыночным барыгой средней весовой категории. Но каждый год у него появлялась новая точка на рынке, и ребята, которые его крышевали, отоваривались тоже чаще у него. Он умел прочувствовать ситуацию. Иногда еще до того, как она случалась. Он был прав. Что-то изменилось. Андрею стало нравиться здесь. В отличие от товарного рынка, который располагался справа от метро, здесь продавцы отличались воспитанием и определенной эрудицией. Товар требовал. Нужно было разбираться в том, чем торгуешь, а делать это без подготовки было трудно. Андрей подружился с Олегом, державшим свою точку напротив его, и с Алиной, соседкой сбоку. При необходимости они приглядывали за товаром друг друга, перекидывались фразами и шли вместе ужинать после закрытия рынка.

Волоха был прав. Андрей стал пускать корни.

Правда, с чего тот решил, что все это из-за Оли, Андрей так и не понял.

Обычная, низкоемкостная флэшка умещала на себе две-три программы-утилиты, которые позволяли просматривать до десятка информационных слоев, наложенных на реальную картинку. Для того чтобы ходить в респектабельный магазин за покупками или просматривать сообщения программы-экскурсовода в незнакомом городе, этого было вполне достаточно. Для того чтобы накладывать сложные, ресурсоемкие программы, искажавшие реальность до неузнаваемости, было недостаточно. Для этого надо было идти домой и подрубаться ко Второй Зоне Си-Джея со стационарного компьютера, имевшего достаточно памяти и вычислительных мощностей.

«Термитники» были вехой. Их емкость была на порядок выше, и более того, они были снабжены предпроцессором, облегчавшим обработку данных для персонального, ручного компьютера. «Термитники» позволяли обрабатывать огромные массивы «наложенной» на реальность информации, превращая знакомые улицы в нечто совершенно новое и неузнаваемое.

Проще говоря, они позволили обычным пользователям таскать у себя на шее целый мир.

Первый раз Андрей услышал о «термитниках» от Васи Кашубы. Он рассказывал о компании малолеток из его микрорайона на Троещине, которые в складчину купили софт с японским названием «Синдзюку». Программа накладывала архитектуру и детали окружения из токийского района Синдзюку на реальность местных улиц. Малолетки собирались вечером попить пивка, массово подключались к Си-Джею и оказывались в Токио. Андрей сказал, что таким макаром развлекаются почти все подростки из спальных районов. На это Вася ничего не ответил, а просто показал демозапись «Синдзюку». Разрешение и эффект присутствия был потрясающим. Через два дня Вася принес софт, и Андрей провел два вечера, разгуливая по смеси из виртуального Киева и Токио со схожей геометрией улиц.

Но тогда, в первый раз, ему стало страшно от того, что он всерьез подсядет на это дело. Истории про людей, которые не хотят выбираться из виртуальности, регулярно печатали «твердые» издания — газеты и журналы. Две трети этих статей были перепевками старых страшилок пятилетней давности, но Андрей слышал реальные истории и видел некоторых своих знакомых, которые реально подсели. Волоха только смеялся над его страхами. «Та чушь все это». — «Сколько есть компы, столько говорят о зависимости. А смотреть каждый день по общественным каналам всякую херню типа сериалов и новостей? В Перу снова наводнение, болят мои ноги, мне что с этого? Мои предки до сих пор по два часа в день вечером убивают за ящиком. Двадцать лет назад это был телик, теперь это терминал Си-Джея. И они же мне орали, что ты за этим компьютером весь вечер сидишь. Андрюша, выкинь эту херь из головы». Они тогда пили пиво в конце дня, воскресным вечером, посреди пустых рядов. На рынке оставались редкие продавцы, в их ряду уже никого не было. Сквозняк носил туда-сюда обрывки дешевой упаковочной бумаги, газеты и пластмассовые стаканчики. Удачный день. Тогда Андрей действительно почувствовал вкус к этой работе. «Перестань забивать себе голову мутотенью. Люди всегда видели не то, что есть, а то, что хотели видеть. Только раньше это не было так осязаемо, раньше нельзя было взять реальное изображение и

смешать его с наложением, нельзя было пустить себе сигнал на нерв». — «Скажи еще — реальности нет, это все сигнал». — «Не-е-е… Так не скажу. Все это объективно существует, но каждый видит в этом какие-то куски, которые ему или очень нравятся, или не очень, или он к ним вообще равнодушен. Понимаешь? Вот видишь, эта бутылка пива наполовину… ну?» — «Полная». — «Правильно, или наполовину пуста. Такая простая вещь, а уже есть две противоположные точки зрения. С «термитниками» то же самое. Программы, зашитые в «термитниках», берут реальность за основу и выпячивают то, что тебе нравится больше всего. Если ты мазохист и хочешь всего бояться, то выпирает то, что страшно. Но самое главное то, что у тебя уже есть в голове то, что может просимулировать для тебя софт из «термитника». Так что проблема не в софте, а в головах».

Андрей представлял себе, сколько миров проходит мимо него, когда он стоит на рынке. Реальность настоящего являлась сырым материалом, рудой, которую сознание переплавляло, мешая с воспоминаниями прошлого, планами на будущее, чужими представлениями относительно механики мира и надеждами на лучшую жизнь. Рекомбинация пространства и времени, переназначение смыслов, коктейль из своих и чужих заблуждений. Несущие конструкции, на которых строится жизнь и которыми мотивируются поступки.

Они вышли из метро, когда начали падать первые крупные капли теплого летнего дождя. К дому они бежали, но дождь оказался быстрее, и они забежали в подъезд мокрые с ног до головы, смеющиеся друг над другом.

Окна выходят на канал. Старые ивы, растущие по его берегам, зеленеют молодой листвой, и тяжелеющие ветви спускаются в воду. В праздничные дни из середины канала бьют фонтаны, их струи подымаются вверх и широким веером падают в воду.

Мокрая футболка обтягивает ее небольшую грудь, и она снимает ее с себя, не отходя от окна. На той стороне канала зажигаются огоньки кухонь и гостиных. Темнеет, и в надвигающейся темноте все отчетливее проступают всполохи молний и далекие раскаты грома становятся ближе. Он подходит к ней, пытается обнять, но она отталкивает его и с улыбкой уходит в ванную.

Июньские дожди часто становятся грозами с градом, но сейчас из неба просто льет. В квартире тепло и она сидит на широком подоконнике в темной комнате. Вспышки молний выхватывают ее силуэт из проема окна. На ее плечах большое махровое полотенце, закрывающее почти все тело, в руке кружка

с теплым чаем. Она смотрит на канал. В углу комнаты беспорядочными огоньками блестит медиацентр, из которого на небольшой журнальный столик проецируется последний холоклип Арканы. Он сидит в кресле, замотанный в такое же полотенце, и пытается рассмотреть линии ее тела. В одно из мгновений комната освещается особенно сильной вспышкой молнии, и он видит, что теперь она смотрит на него.

Тем летом он часто бывал у нее, задерживаясь допоздна. Оля варила кофе в древней джезве, доставшейся в наследство от бабушки по материнской линии, и они пили его из маленьких чашечек, сидя на том самом подоконнике. Ее коллекция «термитников» и прочих носителей медиа была самой большой, которую Андрей когда-либо видел. Медиацентр жевал все форматы, начиная от раритетных музыкальных CD и заканчивая «термитниками» шестого формата. Центр был подключен к компьютеру, сутками качавшему из Сети самые последние новинки рынка и классику из независимых архивов. Где-то с месяц эти посиделки были невинными разговорами о жизни и о современных течениях рынка цифрового масс-медиа. Длинные вечерние разговоры, мягко освещаемые постоянно включенным холопроектором. Полупрозрачные стереообразы растекались по стенам и изменяли геометрию интерьера, проникая в сознание, и оставались там вместе со словами, которые она говорила. Годовые кольца на срезе векового дуба, обволакивающие середину. Новые слои бытия, заворачивающиеся плотной спиралью вокруг так и непознанной сердцевины его «я».

Андрей засиживался у нее до полуночи, а иногда и до часа, потом заказывал такси, целовал в щечку и уезжал. Только в душном салоне такси на него наваливались усталость и воспоминания о завтрашнем тяжелом утреннем подъеме.

В тот вечер он остался у нее дома в первый раз.

Она взяла его за руку и, не снимая полотенца, повела в зал, где обычно устраивала свои выступления. Странно, только тогда он заметил, что пол здесь застелен мягким пушистым покрытием, гревшим голые ступни ног.

Она снимает полотенце с плеч и обматывает их вокруг своих бедер.

Две пары «стекол» с дистанционным приемом сигнала в ее руках. Одну пару она надевает на себя, другую дает ему.

Пустота, белая пустота виртуального конструкта, пространства без времени. Он чувствует только прикосновение ее рук, но не видит и не слышит ее. Она прикасается к нему в реальности, но здесь, в белой пустоте, нет никого. Андрей слышит странный звук. В нескольких субъективных метрах перед

собой, на фоне белой пустоты он видит зеркало и в нем — себя и ее руки, призрачные контуры пальцев, которые гладят и ласкают его. Он одет в длинный демисезонный плащ. Под плащом — хороший темно-серый костюм, голубая рубашка и галстук. Тонкие контуры рук продолжают гладить его, и у него начинает кружиться голова. Изображение в зеркале противоречит тому, что он чувствует сейчас. Оля нагибается и что-то говорит ему. Он не разбирает что, но видит, как прозрачные контуры рук разматывают пояс плаща и снимают сам плащ, бросая его куда-то в бледную пропасть, расползшуюся во все стороны. Узел красиво завязанного шелкового галстука слабнет. Еще несколько движений, и он сползает к ногам. Туда же падают и исчезают в белой пустоте пиджак и свежевыглаженная рубашка, пояс с пряжкой BOSS — и превращаются в полотенце, намотанное вокруг его бедер. Зеркало исчезает. Исчезают и полупрозрачные кисти рук без тела. Вместо них появляется Оля. На ней нет ничего, глаза смотрят озорно и внимательнее, чем обычно.

Были и другие ночи, без подключки, на цветных простынях, раскрашенных в модернистском стиле — светло-желтые квадраты на синем фоне. Каждая по-своему незабываемая.

Одна вещь осталась для него непонятной. Оля любила штуки с раздеванием, только когда они подрубались к наложению. Это был почти ритуал. Когда они занимались этим «по-дедовски», то она предпочитала сразу прыгнуть голой в кровать и побыстрее перейти к активной фазе. Ласки в реале, кажется, ее интересовали мало. Странная заморочка, думал он тогда, но ему встречались и более странные вещи.

Андрей увидел его периферийным зрением. Ритмично раскачивающийся метроном среди хаотично снующей толпы. Он двигался медленно и осторожно, как пьяный, который делает вид, что все в порядке, когда видит в поле зрения пару патрульных ментов. Неопытные милиционеры, из тех пацанов, что только дембельнулись из армии, действительно принимали транзов за пьяных. Несмотря на все инструкции и предупреждения. Они забывали об этом, как и о том, что нельзя называть транза пьяным и пытаться затащить его в ближайший участок. Проблем с адвокатом потом не оберешься. Опытные менты обходили их стороной, и если уж задерживали транза, то по другому поводу — «несоответствие персональной навигационной системы стандартным требованиям». Опытные дядьки в отличие от зеленых и полуграмотных сопляков знали, что идущий по улице транз на самом деле находится сейчас совсем в другом месте. Его сознательная часть выполняет какую-нибудь работу в

корпоративном кластере или оттягивается в одном из тысяч развлекательных пространств Шельфа. Рефлексами и движениями тела управляет навигационная программа, софт, через прямой порт подающий сигналы на мозжечок. Дух в полном смысле слова витает в облаках, а бренная плоть дана на откуп программе, экспертной системе низшего класса, которая не позволяет хозяину тыкаться носом в столбы, прохожих и не ходить на красный свет.

Расщепленное сознание. Дух, временно освобожденный от необходимости смотреть за плотью.

Транз. Трансгумат.

Такой же раскачивающейся походкой транз подошел к точке Андрея. Капюшон, надвинутый на лицо, верхняя половина которого была спрятана за «стеклами», очками, полный доступ к виртуальности. Четыре толстых кабеля уходили от оправы «стекол» в густую курчавую шевелюру. Руки были спрятаны в карманы куртки. Один бог да оператор, курирующий этот участок рынка, знали, какой сигнал идет сейчас на зрительный нерв транза. Концерт Rammstein в прямом эфире или матч за европейский чемпионат по Quake TV Conversion, сейчас как раз должны идти четвертьфиналы одиночного турнира. В любом случае транз был сейчас не здесь. Если реальность и присутствовала, то скорее всего она была небольшим окошком, плавающим где-нибудь в правом верхнем углу его поля зрения.

На секунду транз застыл в неподвижности. Андрею показалось, что что-то щелкнуло. В движениях транза появилась осмысленность. Он поднял голову, и Андрей увидел свое отражение в больших, на пол-лица, очках.

— Pandora Toolset есть?

— Нет.

— A Moonlight Spooks?

— Какая версия?

— Шестая. Можно и пятую.

У него был ровный спокойный голос. Скорее всего вольнонаемный аналитик, работающий тогда, когда ему удобно, а не тогда, когда скажет начальство. То, что он просил, было профессиональными пакетами для работы с плотными информационными средами в режиме реального времени. Андрей достал «термитник».

— Я проверю.

— Пожалуйста.

Транз достал правую руку из кармана и подключил флэшку к «локтевику». На несколько мгновений он застыл.

— Нормально. Сколько?

— Сто двадцать пять. — Он снял пломбу с «термитника» и взял деньги. — Обмен — пятьдесят.

Транз протянул новенькую банкноту.

— Спасибо.

— Приходите еще.

Транз отошел в сторону. Странный малый.

С виду — полный гик, транз, поведенный на виртуальности настолько, что даже в туалет его водит программа-навигатор. Но обычно транзы разговаривали дергано и невнятно, бестолково торчали у лотков и не знали, чего им толком надо. Голова уже в реальности, а жопа застряла в каком-нибудь кластере Си-Джея. Как будто только проснулся. Этот знал, чего хотел, и провел у лотка столько времени, сколько было нужно. Человек-расписание. Волоха говорил, что такие ребята самые серьезные из всех тех, кто приходит на рынок. Поведенные на карьере ребята. Ешь-потей-работай. В перерывах спи. Если прикормишь такого, можешь считать, что приобрел постоянный источник дохода. Если вычислишь его расписание, можешь считать, что с планированием доходов с выторга у тебя появился элемент определенности.

«Была не была». Андрей решил попробовать прозвонить этого парня. Кто его знает, может быть, действительно можно будет узнать, кто он, и в следующий раз поддержать разговор. Андрей продал ему нормальный товар, так что, может быть, он и в следующий раз придет сюда. Андрей поправил «стекла» на носу, вытащил из правого кармана пальто четки, запустил скан-программу.

Вокруг ходивших мимо него покупателей снова засветились ореолы из цифр и текста. Обычная информация, которую генерировал персональный CG-терминал о своем владельце. Типа электронной визитной карточки. Получив эту информацию с помощью обычного скана, дальше можно было запустить более сложный софт, с помощью которого велся поиск и анализ другой информации, связанной с объектом. При умелом использовании софта за час-полтора о человеке можно было узнать многое. Незаменимая вещь для того, чтобы пикапить девок и раскручивать зажиточных покупателей «чайников».

Темно-зеленая рамка курсора легла на спину уходящего транза.

Над рамкой возникло имя. «Тумос». Сетевой ник.

Больше ничего о том, кем был этот странный покупатель.

Потом латинские буквы трансформировались в тонкую полосу, которая сжалась в светящуюся точку. Транз остановился. Пауза длилась с полминуты, после чего точка над его головой

стала расширяться, разъедая окружающий мир, разрывая его в лохмотья, срывая с покупателей демисезонные пальто и куртки. Вода из луж испарялась, оголяя провалы в асфальте. На голых деревьях появилась листва. Зеленая и сочная июльская листва. На сером небе стали проступать голубые пятна ясного полуденного неба. Андрей поднял глаза вверх. Где-то там было солнце. Режущий глаза ослепительный свет, превращающий в летнюю пыль последние осколки осени.

«Сукин сын…»

Транз, которого он хотел просветить, засек это и почти сразу запустил контр-программу. Незлобный парализующий вирус. «Смывка». Обычно такие программы снимали все виртуальное наложение, возвращая человека в ничем не прикрытую реальность. Андрей зажмурился и снял «стекла». Осень пропала. На дворе был теплый июльский день и с утра синоптики обещали без осадков. Транз стоял в двадцати метрах и смотрел на Андрея. В реальности он выглядел почти также, как в виртуальном рефлекте города, только с поправкой на лето. Вместо куртки с капюшоном на нем была длинная спортивная кофта размера на три больше, свисавшая до колен. Правда, все с тем же капюшоном. Андрей зажмурился от яркого света и огляделся.

Вокруг сновали люди в футболках и обычных солнцезащитных очках.

Транз покачал головой, повернулся спиной и направился к станции метро.

«Я улетаю сегодня. Как приеду — позвоню. Хороших тебе выходных. Целую. Пока».

«Куда?»

Мысль, почти произнесенная вслух.

Впрочем, это не имело значения.

Короткое видеосообщение. Оля на фоне стеклянного фасада аэропорта «Борисполь-3». Секунда помех после завершения передачи и бледный экран CG-терминала с пульсирующими секундами поддатой. Международный аэропорт, тот, что выстроили пять лет назад. Если она звонила оттуда, значит, это не местный рейс, значит, она улетает далеко. Если она не сказала об этом заранее, значит, улетает надолго. Это было важно.

Все остальное детали.

Она ушла так же легко и неожиданно, как и пришла. В этом была своя логика, и жаловаться на жизнь было глупо. В тех длинных вечерах, которые они проводили у нее дома, не раз звучало слово «Париж». В ее коллекции было полно флэшек с софтом, дававшим доступ к виртуальной версии города. Там были

и дешевые туристические флэшки с программами доступа к десятку популярных мест, и профессиональный софт экскурсоводов, с помощью которого можно было получить доступ ко всем улицам в максимальном разрешении. Оля знала город наизусть и несколько раз бывала там в реале. Это был ее любимый город, и она стеснялась этого увлечения, считая его банальным. Город, задававший архитектурную и другие моды в течение последних двух веков, не мог не нравиться. Если она и могла куда-то уехать надолго, то только туда.

Она ушла, но Андрей знал, что она вернется. Не знал, как это будет, но знал, что обязательно случится.

Так оно и случилось. Через месяц от нее пришло письмо по обычной электронной почте, а на следующий день — извещение о посылке на его имя.

Извещение о посылке с местного почтового отделения он воспринял как забавный курьез. Это случилось с ним первый раз, он никогда не получал посылок по обычной почте.

В бандероли была записка и «термитник». Записка была написана неровным почерком человека, редко державшего в руках обычную ручку.

«Прости, что так получилось. Я получила стипендию Пикассо в колледже Сен-Мартин на два года. Программа не предусматривает дистанционного обучения, поэтому пришлось ехать сюда. Я не хотела тебя расстраивать. Курс обучения очень интенсивный, потому приезжать я смогу только раз в полгода. Еще раз прости. Теперь за то, что письмо такое короткое. Я не умею писать писем. На кристалле ты найдешь то, что поможет нам встретиться. Если ты, конечно, хочешь этого. До встречи в Си-Джее. Целую. Оля».

Присланный ею программный пакет содержал в себе программу так называемой зеркальной связи. Эффект зеркальной связи состоял в том, что на контакт с человеком в пределах первой Зоны Си-Джея можно было выйти, не покидая виртуального рефлекта своего родного города. Обычно для этого использовали специальные кластеры, не привязанные к какой-либо реальной местности. «Зеркальные» программы давали возможность контактирующим людям не покидать рефлектов тех городов, откуда они выходили на связь, и при этом наблюдать своего собеседника на расстоянии вытянутой руки. Хорошее «зеркало» само по себе стоило дорого, на рынке торговали в основном индийскими и китайскими подделками, но в бандероли было еще что-то.

Софт, который Оля написала сама.

«Поздний ноябрь», версия 2.0.1.2.

Там был дождь.

Совсем как в тот день, когда они встретились.

Вне зависимости от того, где они гуляли, по узким улочкам Третьего округа или по паркам на днепровских холмах, всегда шел дождь. Когда он выходил на связь из дому и попадал в ее личный кластер, то за виртуальным окном тоже слышался шум дождя. Ритмичный стук капель по окну.

Дождь, везде дождь.

Сначала это раздражало, и он даже попросил отключить это. Оля отказалась и сказала, что тогда она вообще не будет звонить.

Он не стал спорить.

Вскоре он привык к этому дождю.

Еще через несколько недель он перестал отключать «стекла» в ожидании ее появления.

«А ты уверен, что это она?» — «Что ты имеешь в виду?» — «Я наводил справки. Колледж Сен-Мартин специализируется на системах искусственного интеллекта в области театрального искусства. Там учат живых актеров играть пьесы вместе с AI-системами. Конечно, на второстепенных ролях, но все равно… Может быть, на связь с тобой выходит не она, а какой-нибудь «эй-ай», которого ей написал местный программер». — «Вряд ли». — «А ты проверял?» — «А зачем?» — «Тебе что, неинтересно?» — «Волоха, не трахай мозги». — «Я знаю ребят, они могут прозвонить аватара, который выходит с тобой на связь». — «Зачем тебе это надо?» — «А мне интересно, продолжает она играть или нет». — «Прекрати». — «Она сделала тебя, Андрюша. Она сделали из тебя то, что ты есть сейчас. Когда ты сюда пришел, ты думал перекантоваться и свалить обратно в какой-нибудь теплый офис. Да и потом первые два месяца смотрел в сторону выхода. А когда пришла она, у тебя эта дурь по поводу карьеры стала выветриваться…» — «Волоха, перестань. Ты как пацан сейчас говоришь». — «Она тебя сделала, Сейчас этой дури почти не осталось». — «Хватит, думай, что ты несешь». — «А ты подумай, подумай хорошенько. Если захочешь узнать, с кем ты сейчас ходишь на свидания в Си-Джее, — только скажи, ребята вмиг узнают». — «Пошел на фиг…» — «Нет проблем, ты только скажи».

Тогда Андрей ничего не ответил.

Транз скрылся из виду.

Андрей надел «стекла» и нащупал в кармане куртки твердый шарик четок, манипулятор, управляющий курсором.

Изображение расфокусировалось и замерло. Рассекаемое

длинными серыми полосами время остановилось, заморозив нечеткие силуэты прохожих в ярких летних одеждах. В ушах застучал прерывистый сигнал. Пошел прием данных с какого-то безвестного спутника на геостационарной орбите; обновленные данные из Си-Джея, перемешанные с иллюзией, порождаемой черной продолговатой коробкой его CG-терминала. Поток данных сфокусировал изображение и прогнал туман…

Ноябрь. Небо — все оттенки серого. Желтые листья на почерневшем от дождя асфальте, сорванные и прибитые к земле, сбивающиеся в грязные бурые кучи ногами горожан. Дождь, который идет не переставая, моросящий невидимыми всепроникающими каплями…

ДЕКОДЕР
ЧЕРНОВИК ТЕКСТА, ВЕРСИЯ 1.2 (НАЧАТО 08.12.03)

ПРОЛОГ

Доброго времени суток

Посылаю тебе то, что ты просил. Из всего того, что я видел по Декодеру-7, это наиболее связный и содержательный материал. Тема обсуждалась профессионалами, которые не только разбирались в том, о чем говорили, но и лично знали некоторых людей, прямо связанных с Декодером. Там, конечно, есть вода, не имеющая отношения к делу, и над массивом стоит поработать. Во всяком случае, там нет откровенного бреда, который часто присутствует при обсуждениях этой темы.

Есть, правда, несколько «но», которые тебе необходимо учитывать при использовании этого материала в открытых областях данных. Во-первых, часть фрагментов является личной перепиской Александра Морозовского, Константина Калача и Николая Шинкаренко. Первые двое — это, собственно, основные участники обсуждения. На то время, когда состоялась эта переписка, Морозовский был профессором кафедры истории Сети в КГУ, а Калач — старшим аналитиком в службе корпоративной разведки «ТНК». Обоим было уже по восемьдесят лет. В свободное от основной работы время они подрабатывали как вольнонаемные датамайнеры, диггеры, обслуживали клиентов, которым нужны были квалифицированные информационные услуги. Надо сказать, что услуги они предоставляли очень квалифицированные, я знаю ребят, которые считают их не просто профи, но кем-то вроде гуру частного датамайнинга. Их персональные области данных начинаются с середины 50-60-х годов прошлого века, задолго до «точки отсчета». Шинкаренко был их клиентом. Так вот, напоминаю тебе, что законодательство по поводу чтения личной переписки у нас до сих пор довольно суровое. Как и откуда я получил этот массив данных, лучше не спрашивай, но для себя учти, что в своем исследовании лучше не светить цитатами из писем, неопубликованных в открытых областях.

Во-вторых, я даю тебе материал вместе с пакетом

криптоключей. Морозовский и Калач шифровали свою переписку. Не бойся, в ней нет ничего криминального. Для диггеров их уровня это нормальная практика, криптовать все, что уходит с их компа на вполне определенный адрес. Программы криптования разрабатывал Калач, и нужно сказать, делал это очень неплохо. В принципе то, что они пользовались для общения самой обычной электронной почтой, следует как раз из того, что лучше всего Калач консервировал эти сообщения. Будь осторожен в использовании этих «консервных ножей» и лучше делай это на закрытой, отключенной от Сети системе, поскольку при кодировании они автоматом посылают на адрес их разработчика твои координаты. Если ты человек опытный в этом деле, то, может, и заметишь изменения в исходящем трафике, если нет — Калач пока еще жив-здоров, и настолько здоров, что не поленится приехать к тебе и спросить, где ты взял его «кухонный комплект».

Третье, последнее. Расшифровать удалось не все. Некоторые фрагменты переписки до сих пор трут наши ментаты. Так что пользоваться гипотезами, до которых Морозовский и Калач дошли в своих рассуждениях, нужно тоже осторожно. Они рожали их, как кошки котят, поэтому вполне может быть, что что-то действительно важное пока осталось за скобками. Кстати, там есть то, что тебя должно порадовать. Старики, так же как и ты, считали, что Арбитр причастен к созданию Декодера. В деталях там, конечно, у вас есть много расхождений, но их основная идея созвучна твоей.

Структурно материал состоит из пяти доменов. Первые четыре содержат переписку и ответы на запросы, которые получал Шинкаренко в свой адрес. Там есть скучные куски, содержащие общеизвестную информацию, но я не хотел кромсать массив. Пятый домен содержит всю информацию, которая была в пакетах «24», «31», «38», «45» и «52». Старики и тут не подкачали и собрали все, что было возможно собрать о пакетах Декодера. В теле ответов на запросы были ссылки на источники, которые служили первичным полем данных для ментатов Морозовского. Я их поубирал, большинство из них уже не работает. Впрочем, если хочешь, у меня есть вариант со всеми ссылками. Жаль, что персональный домен данных Морозовского уже недоступен. После физической смерти профессора его личный кластер был перекуплен гейткиперами и законсервирован в их закрытом терадомене. Не пытайся посылать запросы туда, они все равно тебе не дадут доступ к его кластеру.

Вот вроде и все.

Надеюсь, теперь мы в расчете, и я отдал свой долг.

Желаю удачи.

P.S. Связь держим и при необходимости работаем по прежней схеме. Номера ячеек хранения и коды для них — те же самые. Раз в неделю я проверяю содержимое входящей. Заказ по выполнению работы. Запасной вариант — через курьера-мотоциклиста, но это в случае, если дело срочное. Электронная почта, голосовая связь и прочие электрические средства связи только в крайнем случае.

< < < < Домен данных #1 > > > >

Фрагмент 1.1

Формат данных (Data Formal): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <lifter@i.com.ua>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Пятница, 22 марта 2052 года, 17:42
Тема (Subject): Сколько лет, сколько зим

Привет, Костя

Был рад получить от тебя письмо. Знаешь, старая добрая электронная почта с каждым годом приходит все реже и реже, а от старых друзей вообще весточки не дождешься. Сколько мы не переписывались? Больше года? Вроде как и немного, а сколько воды утекло.

Семья, как всегда, живет в перманентном кризисе. Последний пакет законов (те, что прошли в сентябре), который принял парламент в отношении трансгуматов, несколько обострил ситуацию. Алена моя и старший сын, как всегда, резко отрицательно относятся ко всему этому баловству с биохардовыми технологиями. У Алены на работе сейчас поддерживают ее взгляды, хотя это скорее мода. Дело в том, что сейчас на серьезные переговоры крупные компании стараются нанимать переводчиков-людей, и чем меньше «железа», биочипов там всяких, тем лучше. Безопасность превыше всего. Тарифы на

«чистых» переводчиков сейчас на порядок выше, чем на трансгуматов, не говоря уже о дроидах. Алена сейчас ищет незамужних барышень из бедных семей, которые не успели понапихать в себя профессионального биохарда.

Лагерь сторонников трансгуманизма возглавляет Олег. Его младшая дочка сейчас на пятом курсе. Тематика дипломной работы как раз такая, что не балуйся, сердечные симбиоты, нанороботы, которые мало что следят за состоянием сердечной мышцы, но и могут работать в режиме оперативного вмешательства. Причем расстояние между хирургом и пациентом не имеет значения, симбиоты могут транслировать сигналы о состоянии пациента и получать общие указания от хирурга. И таким образом до операции дело не доходит, все дефекты прибиваются этими «няньками»-симбиотами на ранней стадии. И естественно, Олег сейчас пропагандирует нанодиагностику, в частности симбиотические системы с использованием искусственного интеллекта в управляющих узлах.

У Насти самая интересная ситуация. Она как-то от всех этих дел была далека и поэтому на все эти дискуссии смотрела с насмешкой. А тут один из ее близнецов начал встречаться с дочерью Шереметьева. Того самого. В каком-то кластере в Шельфе познакомились. Сам Шереметьев один из пионеров и идеологов коммерческого биохарда. Мало того, что он топ-менеджер «АЕР», он еще и сам на себе многое носит и подвязывает это к религиозной основе. Более того, детей своих с младых лет регулярно пичкал этим добром. В общем, привел сын эту девочку на смотрины… Ну то, что она принимает не обычную еду, а жидкие пищевые смеси через катетер, который трансплантирован в кисть левой руки, это ладно. Настя и не такое в своем госпитале видела. Кое-как до десерта досидели. Потом ей позвонил какой-то друг из их круга, и она, чтобы общаться с ним, транслировала его изображение из оптоволокна, вмонтированного в средний палец правой руки, это тоже можно пережить. Кого сейчас удивишь прямой трансляцией потокового видео через Сеть, пусть даже и таким образом. Но когда стукнуло шесть часов и она заявила, что ей нужно уединиться для вечерней медитации, Настя начала беспокоиться. Отвели девочку в отдельную комнату и оставили одну. Все бы хорошо, если бы Настя туда из любопытства не заглянула во время этой медитации. Морфинг в ускоренном режиме — для неподготовленного человека зрелище то еще. Как оказалось, вся «одежда», в которой эта подружка пришла знакомиться с

родителями, является одной из последних моделей комбинезона «Протей-777». Человек одет в трехсантиметровую органическую ткань, напрямую соединенную с головным мозгом и нервными окончаниями на теле. По желанию хозяина такой комбинезон может быть чем угодно — от зимнего пальто до купальника. Стоит — как два сухопутных скутера на магнитной подушке. Да и комбинезон был с возможностью полного обесцвечивания. Вначале эта девочка «сбросила» с себя все, потом на теле появилась ритуальная татуировка ее секты, потом у этой коротко стриженной брюнетки выросли белые как снег волосы аж до пола. И в таком виде она минут двадцать что-то бормотала.

В общем, у Насти был шок. Какие там еще сюрпризы их ждут — один Шереметьев знает. Правда, что успокаивает — девочка строгих правил. Никакого пива, сигарет, не говоря уже о наркотиках. Ежедневные медитации и учеба на все пятерки в медицинском университете. Такая плохому не научит. Так что Настя пока не знает, кто прав — мама или Олежка.

Время от времени мне приходится их мирить. На семейных встречах ввел мораторий на разговоры на эту тему. Вот такие вот дела, семья моя как отражение глобальных технологических проблем человечества.

Кроме меня, вне этой болтовни остался только Паша, старший Витин сын. Парень в прошлом году выпустился из академии и получил назначение на второй орбитальный тор «Цефея». Он пока местными грузоперевозками по станции занимается, небольшой челнок, два человека экипажа. Разгружает рейсовые пассажирские корабли с Марса и «Moon Ring». Полгода уже там, каждый день шлет матери панорамные снимки с орбиты. Никак не может насмотреться на большие корабли на фоне большой орбитальной станции. Сколько он там будет — пока не ясно, но Витя сказал, что не слишком долго. Собирается пристроить его на какой-нибудь регулярный лунный рейс. С одной стороны, чаще дома будет бывать, а с другой — по деньгам вроде как и неплохо. Да, так что ему как-то все эти штучки с биохардом до одного места. Для пилотов правила до сих пор не изменились — никаких имплантантов, кроме зубных протезов.

А так у меня все по-прежнему.

Как у тебя-то, старый?

WBR
Александр

P.S. Отдельное спасибо за фотографию. Правда, ты тут слишком хорошо выглядишь, наверное, лет пять назад фотографировался.

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@i.com.ua>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Суббота, 23 марта 2052 года, 09:50
Тема (Subject): Re: Сколько лет, сколько зим

День добрый, Саня

> Короче, время от времени мне приходится их мирить. На семейных встречах ввел мораторий на разговоры на эту тему. Вот такие вот дела, семья моя как отражение глобальных технологических проблем человечества.

Да чушь все это, а не глобальные проблемы. Биохарду лет тридцать, если не больше. Первые нейроадаптеры прямого подключения к мозгу появились еще во второй декаде этого века. Просто тогда они стоили бешеных (для среднего потребителя) денег и было табу на их применение. Если у тебя из затылка торчал разъем для «штыря» или в кисть руки были впаяны выходы для «кошки», то обыватель смотрел на тебя, как на криминала-хакера. Почти как протез мизинца у японского «яка», если нет пальца, значит, бандит. А то, чем сейчас торгуют в клиниках и магазинах, — это отработавшие свое профессиональные технологии тридцатилетней давности. Как тефлон, который использовали в конструкциях космических кораблей, а потом стали лепить на сковородки. То, чем сейчас балуются настоящие профессионалы, — это цветочки по сравнению даже с «Протеем-777». Когда военная разработка теряет свою актуальность, она перебрасывается в коммерческий сектор и фирма-производитель из нее опять начинает выкачивать деньги. Этот самый «Протей-777» очень похож на то, в чем воевал американский спецназ в последнюю китайскую кампанию. Камуфляж с замкнутой системой жизнеобеспечения и утилизации отходов метаболизма. Один взвод зеленых беретов в таких

«Протеях» две недели в болоте сидел. Питались тем, что комбинезоны фильтровали из этого болота и регулярно включали системы массажа, чтобы от неподвижности ткани организма не пострадали. Потом кокнули какого-то китайского генерала и смылись. А истерию разогревают PR-отделы конкурентов.

Дело не в «глобальных тенденциях», а в нерешенных внутренних проблемах. Дело в том, что люди почему-то не любят друг друга и при этом ищут поводы для того, чтобы погрызть друг другу глотки. У меня у брата жена — ярая националистка, а он совсем наоборот. Так они о политике лет сорок не говорят и живут душа в душу.

А «глобальные проблемы» были, есть и будут. Вспомни, в наше время чем заморачивались. Когда нам лет по двадцать — гнали на бедный Internet, мол, что будет с нашими детьми, когда они вырастут, только с компами и общаетесь. Дети когда выросли, повзрослевшие родители увидели, чем стал Си-Джей в двадцатых годах, то у многих волосы дыбом встали. Вспомни все эти истории о массовом исходе в виртуальность и параллельное существование нескольких киберкопий человека — сколько этим пугали. Ну и что? Попривыкли, освоились, написали пару нужных законов, и никого сейчас не удивишь этим. Сейчас все возятся с трансгуматами. Как будто их не было раньше. Бабы, которые силиконом сиськи накачивали, — чем не трансгуматы? А? Было уже это. И будет еще.

Меня другие вещи волнуют. Это мало обсуждают в новостях, но тем не менее. У орбитальных кланов трансгуматов далеко не все так хорошо, как рассказывают в новостях. Марсианские и лунные колонии ведут войну, причем это не фигура речи. По официальным каналам ничего особенного не передают, но то, что мне известно из моих источников, — разборки между службами безопасности уже с год как стали войсковыми операциями. Астермары и селениты рвут друг другу глотки. Самое главное — непонятно почему. Саша, они уже другие. Всего двадцать лет прошло, а мы уже перестаем понимать их.

Как у тебя-то, старый?

У меня кое-что поменялось. За выслугу лет контора (сорок лет как-никак) сделала двойной подарок — бессрочный абонемент на бесплатное обслуживание у «Бориса» и перевод на

почетную пенсионерскую должность с сохранением. Организовали у нас что-то вроде клуба «кому за семьдесят». Собрали всех старых пердунов в одной комнате, а тем, которые на покой ушли, но еще соображают, провели защищенные линии и поставили по последнему Си-Джей-терминалу Sony. Кто-то из начальства решил, что наш неоценимый и безразмерный опыт работы нужно использовать с максимальной отдачей. Так вот теперь я и живу — по пятницам хожу в клинику и прохожу курс омоложения, а в остальные дни сидим мы со старыми бойцами и трем истории из жизни. Хотя правды ради нужно сказать, что кое-что мы все-таки еще можем. Ну ты сам знаешь, мы ж не пальцем деланы.

С семьей все как всегда. Сын на старости лет учудил — пятого внука мне сделал. Сам-то уже скоро шестой десяток разменяет, а угомониться не может. Стругает мне внучат каждые пять лет. Дал Бог одного сына, а он решил компенсировать отцовскую безответственность в отношении продолжения рода и делает теперь маленьких Калачей.

Вот такие у меня новости.

Наилучших
Костя

P.S. Насчет фотографии — снимался я недавно, так что выгляжу вполне адекватно. Ты внимательнее посмотри. ВСЕ КАК ВСЕГДА.

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <lifter@i.com.ua>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Воскресенье, 24 марта 2052 года, 10:11
Тема (Subject): Re: Сколько лет, сколько зим

Привет, Костя

> P.S. Насчет фотографии — снимался я недавно, так что выгляжу вполне адекватно. Ты внимательнее посмотри. ВСЕ КАК ВСЕГДА

Н-да, новости у тебя есть. Но некоторые вещи не меняются. Ты как слал криптософт, закодированный в фотографиях, так и продолжаешь его слать. Даже ключ извлечения не изменил. Впрочем, радует, что ты еще в седле. Не зря тебя начальство с сохранением должностного оклада перевело на почетную должность. Ну ладно, про семьи поговорили, что у тебя за дело? Ты ведь редко когда просто так пишешь.

WBR
Алекс

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отравитель (From): <lifter@i. com.ua>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Воскресенье, 24 марта 2052 года, 15:19
Тема (Subject): Re: Сколько лет, сколько зим

День добрый, Саня

> Н-да, новости у тебя есть. Но некоторые вещи не меняются. Ты как слал криптософт, закодированный в фотографиях, так и продолжаешь его слать. Даже ключ извлечения не изменил. Впрочем, радует, что ты еще в седле. Не зря тебя начальство с сохранением должностного оклада перевело на почетную должность. Ну ладно, про семьи поговорили, что у тебя за дело? Ты ведь редко когда просто так пишешь.

Клиент интересный появился. Настолько интересный, что я решил привлечь тебя к этому делу и даже поделиться гонораром:))). Клиент интересуется ранним гейткипингом. Очень ранним, практически с самого начала движения, вплоть до первой Берлинской конференции в 2006 году. Причем иногда задает такие вопросы, на которые я ответить не могу, да и боты мои на такие вещи не настраивались, тоже мало чего могут нарыть. Ну ты знаешь, ранние гейткиперы никогда не были моим профилем. После 2020 года у меня в базе много чего есть, но до — дыры порядочные. А ты, как я помню, человек аккуратный, ты болванки с архивами новостных сайтов заливал, еще когда аспирантом в своем универе был. Я думал замкнуть его на тебя, но решил, что будет не слишком хорошо, если он просто так свалится тебе на

голову. Да, парень он небедный, сидит на непыльной должности в богатом офисе и, похоже, не знает, чем себя занять, так что если что, можешь заламывать по максимуму. Со мной он даже не обсуждал тарифы.

Ну так как, ты в деле?

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.81 2/563.333.211
Получатель (To): <lifter@i.com.ua>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Воскресенье, 24 марта 2052 года, 17:35
Тема (Subject): Re: Сколько лет, сколько зим

Привет, Костя

> …когда аспирантом в своем универе был. Я думал замкнуть его на тебя, но решил, что будет не слишком хорошо, если он просто так свалится тебе на голову. Да, парень он небедный, сидит на непыльной должности в богатом офисе и, похоже, не знает, чем себя занять, так что если что, можешь заламывать по максимуму. Со мной он даже не обсуждал тарифы.

Замкни его пока на мою область данных. Я недавно там скрипт прописал, вся процедура регистрации и подписания контракта может проходить без моего присутствия. Так что пусть начинает спрашивать моих ботов-ментатов, а если что, я сам подключусь.

Ok.

Фрагмент данных #1.2

«Текст контракта на предоставление информационных услуг в персональном кластере профессора А.А. Морозовского».

Добро пожаловать!
Вы находитесь на входном шлюзе персонального кластера профессора А.А. Морозовского. Ваш запрос классифицирован как деловое предложение, поэтому процедура прохождения через

шлюз в кластер будет проходить по предусмотренной в таких случаях схеме.

Если вы уже пользовались услугами нашего кластера, то можете пропустить нижеследующий текст с условиями соглашения и активизировать контракт простым введением вашего универсального CG-ID кода.

Если вы не знакомы с условиями работы с нашими консультантами, то мы рекомендуем вам ознакомиться с нижеследующим текстом.

«Условия соглашения»

1. ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ.

Данный кластер является совокупностью персональной области данных профессора А.А. Морозовского и парка AI-сущностей (далее по тексту — боты-ментаты), в функции которых входит поиск, фильтрация и структурирование информации по запросу клиента. Основные принципы работы кластера и ограничения, которые накладываются на работу AI в кластерах подобного типа, соответствуют стандарту ISO-004.005.987.

1.1 Параметры области данных.

Временной интервал: 1962–2052 гг.

Географический ареал: Восточная и Западная Европа, Северная и Центральная Америка.

CG-принадлежность: третья зона Кибернетического Глобуса.

Адрес области данных: cg3://cg.freehost.iia//Prof.Morozzz

1.2 Тематика.

1982–2000. История игровых приставок. Игры на PC-платформе.

1992–2004. История FIDO в восточноевропейском регионе. Архив сообщений FIDO deganews.

1992–2006. Развитие Internet в восточноевропейском и западноевропейском регионах.

1996–2004. Трехмерные миры Internet. Онлайновые игровые вселенные.

1998–2052. История киберспорта.

2006–2024. Киберарт. Становление кибернетической культуры в Восточной и Западной Европе.

2017–2032. Американский киберарт «второй волны».

2002–2015. Ранний гейткипинг.

2002–2014. Гуманоидные («личностные») системы искусственного интеллекта. Ранний период.

2040–2052. Гуманоидные («личностные») системы искусственного интеллекта. Поздний период.

1.3 Реестр ботов.

Обслуживание клиента осуществляется ботами-ментатами как в режиме реального времени, так и режиме оф-лайн. Ниже приведены параметры ботов, доступных в рамках данного контракта.

Никнейм: «Шелли», Shelly;
Код бота в глобальном реестре: AIGR-002.411.444.845;
Схема искусственного интеллекта: мономорф, личностная;
Параметр Римана: 178;
Половая идентификация: «мужчина».

Никнейм: «Стерлинг», Sterling;
Код бота в глобальном реестре: AIGR-002.411.444.867;
Схема искусственного интеллекта: мономорф, личностная;
Параметр Римана: 182;
Половая идентификация: «мужчина».

Никнейм: «Флетлайн», Flatline;
Код бота в глобальном реестре: AIGR-002.411.444.878;
Схема искусственного интеллекта: «двойная платформа»;
Параметр Римана: 201;
Половая идентификация: отсутствует.

Никнейм; «Нимфа», Nymph;
Код бота в глобальном реестре: AIGR-002.411.444.991;
Схема искусственного интеллекта: дуал, личностная;
Параметр Римана: 176;
Половая идентификация: «женщина».

Никнейм: «Атлант», Atlant[1];
Код бота в глобальном реестре: AIGR-002.411.444.991;
Схема искусственного интеллекта: «мультиплатформа», безличностная;
Параметр Римана: 446;
Половая идентификация: отсутствует.

1.4 Доступные области данных.

Помимо персональной области данных боты-ментаты имеют нелимитированный доступ в ряд CG-кластеров. Список этих

кластеров находится по адресу:

cg3://cg.freehost.ua//Prof.Morozzz/ conditions/ unlimited.access

1.5 Дополнительные области данных.

Помимо персональной области данных боты-ментаты имеют льготный доступ в ряд CG-кластеров. Список этих кластеров и условия работы с ними находятся по адресу:

cg3://eg.freehost.ua//Prof.Morozzz/conditions/ limited.access

1.6 Области данных клиента.

Работа с областями данных клиента рассматривается после предоставления клиентом параметров данных кластеров, копий контрактов, а также подтверждений со стороны владельцев информации прав доступа клиента к данным областям. Клиент полностью оплачивает время пользования и объемы информации, а также ведет переговоры об изменениях условий контрактов с владельцами кластеров.

1.7 Форматы результатов.

1.7.1 Результаты поиска и структурирования информации предоставляются в любой удобной клиенту форме. Форматы данных, имеющие льготный тарифный план, приведены ниже:

— он-лайновый потоковый дайсовый ряд (VDice-I, VDice-II, VDice-IV); он-лайн формат; передача данных клиенту происходит в реальном времени с возможностью записи сессии диалога на носитель клиента;

— оф-лайновый потоковый дайсовый ряд (VDice-1, VDice-II, VDice-IV); оф-лайн формат; рассылка осуществляется стандартной службой электронной почты;

— WWW-гипертекст (HTML, VTML); оф-лайн формат; рассылка осуществляется стандартной службой электронной почты;

— CG-гипертекст (Dice-02); оф-лайн формат; рассылка осуществляется стандартной службой электронной почты;

— плоский текст (MS-text, PJ-text, text MS-DOS, RTF, HJR); оф-лайн формат; рассылка осуществляется стандартной службой электронной почты.

2. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА СТОРОН.

2.1 Предоставляемые услуги:

— обеспечение доступа к личной области данных профессора А.А. Морозовского;

— поиск информации;

— структурирование информации;
— пересылка информации.

2.2 Обязательства исполнителя.

Исполнитель берет на себя следующие обязательства:

— своевременно предоставлять необходимые массивы данных в требуемом формате в соответствии с запросами клиента;

— осуществлять поиск и структурирование массивов данных в личной области данных профессора А.А. Морозовского;

— осуществлять поиск и структурирование массивов данных в других областях данных клиента;

— обеспечивать безопасность содержания выходящего из кластера трафика (все уровни);

— сохранять тайну запроса и тайну ответа в случае, если клиент требует этого.

В случае несоблюдения исполнителем какого-либо из пунктов клиент может подать на исполнителя в арбитражный или гражданский суд.

2.3 Обязательства клиента.

Клиент обязан:

— своевременно оплачивать предоставляемые услуги; оплата должна производится в течение 48 часов со времени получения клиентом результатов поиска и структуризации информации (тарификация услуг приведена в Приложении № 1 данного Соглашения);

— при использовании результатов ссылаться на источник полученных данных (личный кластер профессора А.А. Морозовского);

— обеспечивать безопасность входящего на кластер трафика (все уровни);

— соблюдать условия консолидации AI-сущностей и областей данных (см. пункт 3 данного Соглашения).

В случае несоблюдения клиентом какого-либо из пунктов исполнитель может подать на клиента в арбитражный или гражданский суд.

3. Условия консолидации AI-объектов и областей данных.

Решение о совместной работе (консолидации) данного кластера с другими областями данных, а также организация совместной работы AI-объектов данного и других кластеров осуществляется владельцем, профессором А.А. Морозовским. Консолидация с трансгуматами и гибридными системами осуществляется на основе процедур SH-2014.

Критерий оптимизации процессов анализа и структурирования информации при данных слияниях не является решающим.

Критерий возможности обмена информацией при данных слияниях не является решающим.

Критерий обмена «сжатым» опытом AI не является решающим.

3.1 Работа с трансгуманными системами.

В данном случае под трансгуманной системой подразумевается система, созданная на биологической основе (жизненно важные органы и нервная система), в прошлом имевшей статус гражданского лица. Либо гражданское лицо, имеющее в своем составе имплантаты искусственного происхождения, которые позволяют считать данное лицо трансгуматом. Классификация трансгуматов осуществляется на основе классификатора SH-470.771.547, краткие выдержки из которого приведены ниже:

• трансгуматы первой степени имеют в своем составе:

— зубные протезы;

— протезы опорно-двигательного аппарата с элементами механической регулировки без элементов искусственного интеллекта (AI);

— протезы системы пищеварения без элементов AI;

— протезы элементов сердечно-сосудистой системы без элементов AI.

• трансгуматы второй степени имеют в своем составе:

— протезы опорно-двигательного аппарата и мышечной системы с элементами искусственного интеллекта (показатель Римана для данных элементов не должен превышать 3 пункта);

— протезы систем пищеварения и выделения на основе самовосстанавливающихся органических тканей с AI-регуляторами;

— протезы сердечно-сосудистой системы на основе самовосстанавливающихся органических тканей с AI-регуляторами.

• трансгуматы третьей степени имеют в своем составе:

— акселераторы мышечных рефлексов на основе AI «клеточных» схем (показатель Римана не более 5 пунктов);

— экзоскелеты с регулировкой на основе AI систем (показатель Римана для управляющих элементов не должен

превышать 6 пунктов);

— мобильные и стационарные акселераторы, регуляторы и диагностровщики органов пищеварения и желудочно-кишечного тракта (корректоры метаболизма) с элементами AI (показатель Римана не более 5 пунктов);

— мобильные и стационарные акселераторы, регуляторы и диагностровщики органов пищеварения, желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой на основе нанотех-нологий (показатель Римана для AI управляющего элемента нанороя не должен превышать 7 пунктов);

— высокоемкостные накопители информации, имеющие прямое соединение с головным мозгом (более 1000 Tb) на органических и неорганических носителях;

— акселераторы нервной системы (все типы);

— адаптеры, осуществляющие соединение нервной системы с компьютером (все типы) и коммуникационным оборудованием (все типы).

• трансгуматы четвертой степени имеют в своем составе:

— заменитель любого отдела головного мозга на основе неорганических элементов;

— заменитель отдела головного мозга на основе органических элементов (клонированные элементы в том числе);

— заменитель любого отдела спинного мозга на основе неорганических элементов;

— заменитель отдела спинного мозга на основе органических элементов (клонированные элементы в том числе);

— высокоемкостные накопители информации, имеющие прямое соединение с головным мозгом (более 10 000 Tb) на органических и неорганических носителях.

Под консолидацией с трансгуманными системами понимается:

— последовательная обработка потоков данных («цепная» и «конвейерная» процедуры обработки), которые подразумевают объединение AI в единые системы без потери «личности» AI;

— образование временных AI-сущностей (равноправное слияние, подчиненное слияние, образование сложных иерархий);

— обмен «личностным опытом» AI;

— возможности остальных видов консолидации обсуждаются с заказчиком.

Консолидация ботов со следующими трансгуманными системами не осуществляется ни при каких условиях:

— системы на основе головного мозга естественного происхождения;

— системы на основе спинного мозга естественного происхождения;

— системы, включающие в себя биологический материал естественного происхождения (жизненно важные органы и элементы нервной системы);

— роботы-андрогины типа BioTech-11 с долевой составляющей биологической массы менее 55 %;

— трансгуматы четвертой степени (в соответствии с классификатором SH-470.771.547).

Консолидация ботов со следующими трансгуманными системами осуществляется в соответствии с процедурой SH-778.885.001:

— системы на основе симулятора головного мозга;

— системы на основе симулятора спинного мозга;

— системы, включающие в себя биологический материал искусственного происхождения (жизненно важные органы и элементы нервной системы);

— трансгуматы третьей степени (в соответствии с классификатором SH-470.771.547).

Консолидация ботов со следующими трансгуманными системами осуществляется в соответствии с процедурой SH-778.885.012:

— роботы-протогоны типа HumanTech 7892 с долевой составляющей биологической массы (имплантированных органов естественного происхождения) менее 60 %;

— трансгуматы второй степени (в соответствии с классификатором SH-470.771.547).

3.2 Работа с гибридными системами.

В данном случае под гибридной подразумевается система искусственного происхождения, базирующаяся в реальном пространстве, работа которой регулируется AI-объектом. При этом вмешательство человека-оператора в работу такой системы не превышает 15 % от годового фонда календарного времени.

Под консолидацией в этом случае подразумевается:

— формирование и выдача решения в контур управления гибридной системы;

— прием решения от AI гибридной системы на контуры управления кластера профессора А.А. Морозовского либо на

контур управления бота-ментата кластера;

— см. п. 3.1 данного контракта.

Консолидация ботов со следующими гибридными системами не осуществляется ни при каких условиях:

— энергетические объекты регионального масштаба;

— транспортные узлы регионального масштаба;

— предприятия государственной формы собственности (вне зависимости от масштаба);

— военные объекты;

— «закрытые» виртуальные пространства (кластеры) частных лиц;

— «закрытые» виртуальные пространства (кластеры) любых организаций.

Консолидация ботов со следующими гибридными системами осуществляется в соответствии с процедурой SH-778.886.001:

— управляющие кластеры развлекательных центров сети CPL Quake Viii;

— управляющие кластеры локальных игровых терминалов сети CPL DOOM Vii;

— кластеры активных лабораторий киберарта университетов стран Восточной и Западной Европы (в соответствии с Открытым Реестром CG-I);

— дазз-холлы стран Восточной и Западной Европы (в соответствии с Открытым Реестром CG-I).

3.3 Работа с Al-объектами других типов.

Данный вопрос оговаривается, в случае если у клиента будет необходимость в использовании дополнительных A1-мощностей.

Владелец кластера А. А. Морозовский оставляет за собой право немотивированного отказа.

3.4 Работа с областями данных.

Данный вопрос оговаривается, в случае если у клиента будет необходимость в использовании дополнительных областей данных.

Владелец кластера А. А. Морозовский оставляет за собой право немотивированного отказа.

4. Процедура активизации контракта.

Активизация контракта может быть осуществлена посредством введения в соответствующее поле кластера персонального CG-ID кода клиента.

Фрагмент #1.3

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #1, среда, 27 марта 2052 года, 11:03

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Чем было обусловлено объединение разрозненных гейткиперских групп в довольно строгую иерархию консорциумов и последующий резкий рост финансового оборота GK после 2007 года?»

Ответ на запрос:

Прежде чем дать ответ на основной запрос, необходим небольшой экскурс в историю «раннего» гейткипинга.

Первые группы гейткиперов образовывались в странах Восточной Европы и СНГ в первой декаде века, когда опытные пользователи начали осваивать программное обеспечение, позволявшее проводить быстрый поиск и структурирование информации, содержавшееся в сети Internet. Это программное обеспечение представляло собой результат эволюции интернетовских поисковых систем. Обладая расширенными возможностями формирования запроса на нужную информацию, эти search engines также облегчали процесс структурирования информации из различных источников. Если раньше на свой запрос пользователь получал длинный список ссылок, то теперь при грамотном использовании этого ПО он мог получить уже готовый текст (или комплексный документ, состоящий из видео, звуковых и графических объектов).

Использование этих пакетов осложнялось тем, что требовало достаточно серьезной подготовки и определенного мировоззрения. Веб-сайты независимых групп разработчиков содержали не только файлы с программами, но и тексты философской направленности, призванные подготовить пользователя к полноценной работе с этими пакетами. Лейтмотив этих текстов — борьба с «информационным хаосом», который, по мнению разработчиков, провоцировался ростом сети Internet и тем мощным подъемом, который тогда переживала отрасль

компьютерных технологий. «Софт», который они разрабатывали, должен был частично решить проблему «информационного хаоса». Эта философская подоплека в будущем сыграла важную роль в становлении гейткипинга как такового.

Период 2000–2003 годов характеризуется активным диалогом между разработчиками и пользователями «фильтрующего софта» и привел к образованию — в основном на территории СНГ — нескольких команд, которые смогли внедрить это новое поколение search engines в жизнь. Другими словами, программное обеспечение «для избранных» нашло коммерческое применение. Гейткиперы-пользователи начинают работать на рынке информационных услуг, активно разворачиваясь в секторе, традиционно принадлежавшем газетным издательствам — средний класс городского населения. Основным продуктом того времени стали так называемые «индивидуальные информационные бюллетени», которые GK формировали в индивидуальном порядке для каждого отдельного человека. Естественно, в соответствии с его вкусами и потребностями. С помощью «фильтрующего софта» GK сумели повысить скорость структурирования информации и снизить ее себестоимость до цены обычных печатных изданий, которые по старинке продолжали формировать свои тексты на некоего гипотетического потребителя.

С 2003-го по 2006 год диалог между GK-разработчиками и GK-пользователями может характеризоваться как определяющий в дальнейшей судьбе движения. Грани между «разработчиками» и «пользователями» постепенно стираются. Кристаллизуется и идеологическая программа GK. Патетические тексты о «всемирном информационном хаосе» скрещиваются с прагматическими и ироничными дзенскими постулатами, в сумме дающими вполне конкретные программы действий. Базовые идеологические тексты GK, как, например, «Протокол цикла», «История копии», «+ бесконечность», появляются именно в этот период. Принципы, изложенные в этих текстах, позже становятся основой оригинальной корпоративной культуры гейткиперов.

В 2006 году этот процесс взаимопроникновения находит свое логическое завершение. В Берлине организуется первая конференция GK, в которой принимают участие лидеры европейских и «восточных» GK-кланов. На этой конференции принимается решение об объединении кланов в иерархию консорциумов под единым логотипом «GK». Ответ на первую часть вопроса — почему кланы объединились? — следует искать прежде всего в тех внешних условиях, в которых находились гейткиперы в то время. Жесткая конкуренция с традиционными

СМИ, которая иногда отзывалась эхом выстрелов (что больше касается, конечно, «восточных кланов»). В этих условиях выжить физически и финансово можно было только путем объединения ресурсов и слаженностью действий. Конечно, не все GK-кланы подписали «Берлинский кодекс». Некоторые предпочли свободное плавание, и, как показало будущее, для многих это оказалось стратегической ошибкой. Они либо распались, либо растворились в конкурирующих структурах. Единицы, вроде клана [Scram], смогли сохранить независимость и перерасти в сильные компании.

Расхожее мнение о том, что рост оборотов GK после шестого года обусловлен вливаниями из фондов Европейской комиссии, при более пристальном взгляде не выдерживает критики. Суммы, которые выделялись Сообществом на гейткиперские проекты, были значительны, но на порядок меньше тех цифр, которые закрутились в балансовых отчетах после 2007 года. Главная причина этого роста обусловлена заключением так называемого «основного контракта» между GK и Европейским центром по развитию и координации информационной политики (также известным как «Серебряный Холм» или «Холм»). По условиям контракта ряд информационных технологий, разработанных гейткиперами, планировалось использовать в проекте так называемой «новой сети». Во что вылилась эта инициатива Европейского Союза, сейчас знает каждый школьник — именно этот проект положил начало новому витку эволюции виртуального мира Internet. Кибернетический Глобус, CG, «Си-Джей» (сленг, искаженное произношение английской аббревиатуры). Технология компактного представления данных («слепок реальности», «дайс») являлась тем локомотивом, который вывел гейткиперов на ведущие позиции. Информационное наполнение «новой сети», техническая поддержка, разработка новых программных продуктов, предназначенных для работы с «дайсом», — все это и многое другое является главной причиной финансового роста корпорации.

Фрагмент #1.4

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #2, пятница, 29 марта 2052 года, 19:07

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Последний ответ частично подтверждает гипотезу, говорящую о том, что гейткиперы инициировали проект «новой сети», тем самым обеспечив себе многолетний и многомиллионный заказ. Целенаправленная «обработка» принимающих решение лиц в Европейской комиссии и других управляющих структурах сообщества привела к тому, что Холм принял решение о проекте, сделав одним из главных субподрядчиков GK. Насколько обосновано это предположение?»

Ответ на запрос:

Факты, которые известны, могут говорить как «за», так и «против» этой гипотезы. Лоббирование отдельными лицами с Холма интересов GK являются рядом событий, часть которых подтверждена документально, а другая часть является предметом споров. Да, лоббирование было, это нормальная практика для любого инвестиционного проекта, который осуществляется за счет государственных средств. Но что и в какой степени проталкивали GK в брюссельских коридорах, остается предметом обсуждений.

Идея создания сети «с регулируемым содержанием на основе единых технических стандартов, протоколов передачи и обработки данных» была выдвинута в 2004 году руководством TEN-155, транснациональной европейской сети. Вместе с экспертами Серебряного Холма они, а также специалисты других национальных европейских сетей почти два года вырабатывали концепцию «новой сети». Проект имел серьезную политическую подоплеку. «Новая сеть» планировалась как противовес американскому засилью в информационном пространстве. К 2002 году на территории Штатов размещалось в четыре раза больше основных серверов глобальной сети, чем во всей Европе, вместе взятой. «Новая сеть» должна была поколебать не только Америку, но и бурно растущий азиатский сектор, возглавляемый японцами.

Анонс проекта состоялся под Рождество 2005-го. Кибернетический Глобус позиционировался «как универсальная коммуникационная система всех уровней («аудио», «аудио-видео», «расширенная», «полная»), динамическая и статическая базы данных и совокупность контуров управления антропогенными объектами, обладающая дружественным трехмерным интерфейсом». Проще говоря, Кибернетический Глобус должен был стать отражением реальности (именно отсюда берет начало традиция называть объекты виртуальности

«рефлектами», отражениями реального мира). Для того чтобы получить информацию об интересующем объекте, достаточно подключиться к Сайберглобу и «найти на большом цветном глобусе нужную точку». Трехмерное изображение интересующего вас объекта, которое полностью соответствует реальному, можно было рассматривать как угодно и с помощью операционной системы получать какую угодно информацию (естественно, это не касалось военных и других национальных vip-зон). То же самое относилось и к коммуникации. Если вы хотели пообщаться с кем-то из близких, то перед глазами, на которые были надеты виртуальные «стекла», возникал аватар вашего знакомого, чья внешность полностью соответствовала реальной внешности человека. Си-Джей знаменовал отход от информационного хаоса Internet путем регулирования содержания и введения на виртуальных территориях Глобуса национальных киберкодексов.

Главные тендеры и собственно работа по организации Сети началась после Рождества 2006 года.

Если и говорить о лобби, то на то время GK были еще не в той весовой категории, чтобы выходить на уровень национальных правительств или даже отраслевые европейские ведомства. Главными игроками на то время были компании — производители коммуникационного оборудования, компьютерной техники и «традиционного софта», а также компании, активно занимавшиеся внедрением evernet-технологий. Именно им было выгодно потеснить конкурентов из Кремниевой Долины на мировом рынке информационных технологий.

Впрочем, анализ проблемы может быть осуществлен с другой стороны. Если присмотреться внимательнее к тем основным технологиям, которые были использованы для создания «новой сети» в начале века, то чисто гейткиперских разработок там будет не так много. Появляющиеся время от времени материалы о том, что GK принимали участие в разработке и монтаже аппаратной, «железной» части раннего Сайберглоба, являются надуманными и несерьезными. Они не принимали участие ни в одном тендере, который проводился Холмом в этом секторе. Лидирующие позиции в «железном» секторе GK завоевали намного позже, в середине 20-х годов, когда путем ряда слияний прибрали к рукам основных производителей и разработчиков. К слову — именно на организацию аппаратной части в первые годы Европейская комиссия сделала больше всего вливаний.

Что касается программного обеспечения, то тут тоже далеко не все так просто.

Концепция Си-Джея основывалась на трех китах, определявших технологии «второго» уровня. Первым китом был

принцип Digital Superposition, так называемое «цифровое наложение». Цитата:

«…Цифровое наложение впервые было продемонстрировано на CeBit 2003. Пакет Watcher — автоматизированная система управления и диагностики состояния машиностроительных цехов. Тогда демонстрировалась точная копия цеха «Южмаша», сделанная на основе одного из игровых графических движков. Подключение к цифровой модели было возможно через обычные виртуальные очки. Пользователь оказывался в точной копии цеха на том же самом месте, где стоял до того, как подключился к виртуальности. Только теперь, кроме самого оборудования, ему были видны параметры ключевых узлов этого оборудования, процессы, идущие в цехе, несложные аналитические выкладки и отчеты, предупреждения о возможных сбоях на конвейере, которые обновлялись через систему датчиков и видеокамер, установленных по всему цеху. Через интерфейс Watcher'a были также доступны контуры управления, позволявшие не сходя с места дотягиваться до нужного рубильника. Более того, все, что двигалось — люди, оборудование, транспорт, — также отображалось в виртуальной модели. Несколько десятков видеокамер отслеживали движение объектов, которое передавалось на главный сервер системы, где Watcher конвертировал их в графические полигональные модели…»

Watcher был создан малоизвестной на то время днепропетровской фирмой Dnepr-Soft, которую сразу после CeBit 2003 приобрела Oracle. Гейткиперы не имели отношения ни к Dnerp-Soft, ни тем более к такому гиганту, как Oracle.

Вторым китом, на котором основывался Си-Джей, являлась трехмерность. К 2007 году некоторые участки «плоского», «двумерного» Internet уже были трехмерными. Пионерами в этой области были он-лайновые ролевые миры, среди которых особо выделялись Ever Quest, Acheron Call и World of Warcraft, а также многопользовательские пространства, среди которых наиболее известны Active Worlds. Все то лучшее, что к тому времени наработали командами, поддерживающими эти виртуальные миры, использовалось при создании первых очередей Си-Джея. Тут ситуация аналогична ситуации с концепцией Digital Superposition. Гейткиперы не принимали участие ни в разработке графического движка Real Earth, на котором строили виртуальное пространство Си-Джея, ни к сведению воедино правил поведения и жизни в трехмерных сообществах, ни к другим не менее важным вещам в этой сфере.

За ними остался третий кит — «слепок реальности». Формат представления данных, предложенный кланом [Dice], который

позже так и стали называть — «дайс». Получив на руки не так много козырных карт, гейткиперы смогли распорядиться этим ресурсом намного лучше других. Чего только стоит их первый крупный альянс — сотрудничество с Microsoft, с которыми они разрабатывали операционную систему Decada и последующие операционные системы для работы в среде Сайберглоба. Если гейткиперы и могли что-то проталкивать, то скорее всего это были технологии, связанные с «дайсом».

Резюме: гейткиперы не инициировали проект «новой сети». Начавшаяся в первой декаде века эволюция Сети из двумерно-текстового состояния стала той волной, которая вынесла гейткипинг на новый финансовый и организационный уровень.

Фрагмент #1.5

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #6, понедельник, 4 апреля 2052 года, 12:54

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«В некоторых источниках встречается терминология, которая не является общеупотребимой. Не могли бы вы дать пояснения для следующих терминов: «Область», «портретная плоскость», «кора», «сфера», «спектр», «менеджер», «контур», «ось», «сибейзер», «эйч-ай», «полиморф», «платформа», «терадомен», «fps», «дельта запаздывания».

Ответ на запрос:

Перечисленные термины не являются терминологией в строгом смысле этого слова. Это старый сетевой сленг, который относится к различным программным и аппаратным составляющим Кибернетического Глобуса, имевшим место до 2034 года, до проведения кардинальной реорганизация глобального виртуального пространства. Поэтому некоторые из вышеперечисленных терминов больше не употребляются даже в среде профессионалов.

В частности, это относится к **«Области»** (также «Область Героев»). Первоначально Си-Джей планировался как «отражение реальности». Но помимо этого почти сразу же возникла проблема, на решение которой ушло несколько лет.

Автоматически из виртуальности оказались исключены все кластеры, которые никак не соотносились с реальными объектами. Особенно сильно это ударило по серверам различных киберспортивных игр и многопользовательских игровых миров, чьи «пространства» оказались выброшенными за рамки киберкодекса и не охранялись как обычные рефлекты Си-Джея. В 2009 году на второй Барселонской конференции Холма приняли решение о выделении из состава Си-Джея второго сегмента. Главным отличием второго сегмента от первого было то, что пространство не имело в своем составе никаких рефлектов. Помимо этого упростилась процедура регистрации, степени защищенности кластера и его содержания. Причем степень открытости была обратно пропорциональна степени защищенности и стоимости хостинга. То есть вы могли вообще не открывать содержания своего кластера, делая приватное виртуальное пространство, но при этом кибернетическая полиция не брала на себя ответственность за безопасность. Второй сегмент очень быстро разросся и догнал по объемам трафика первый сегмент. Среди пользователей сегмент стал более известен как **«Шельф»** в силу того, что порталы, позволявшие попасть в его кластеры, размещались в береговых зонах первого сегмента. Что же касается собственно **«Области»**, то она содержала в себе кластеры, условия регистрации которых относились к самому «облегченному» типу. После того как «критическая масса» кластеров Области стала слишком заметной, было принято решение выделить ее в отдельный сегмент. Образовалась своеобразная «дикая зона», в которой не было ни регулирования содержания кластера, ни безопасности. Что до этимологии термина, то большинство специалистов сходятся на том, что термин «Область Героев» пришел из он-лайнового мира Brotherhood, в котором также была зона, где основные правила поведения в игровом мире теряли силу.

В 2034 году в связи с изменением условий регистрации и функционирования кластеров и отмене централизованного хостинга Си-Джея Область растворилась в Шельфе.

Термины **«портретная плоскость»**, **«спектр»**, **«менеджер»**, **«контур»**, **«кора»**, **«сфера»** относятся к отдельным слоям (**«плоскостям»**) Кибернетического Глобуса. Образно говоря, Си-Джей представляет собой слоеный пирог, состоящий из сотен, а то и тысяч информационных плоскостей (см. также семантическая плоскость, дайс-плоскость). Функционально они подразделяются на дайс-плоскости (дайс) и вспомогательные технические плоскости. Первые содержат собственно информацию об объекте, вторые, помимо информации, являются

активными элементами, которые используют операционные системы Си-Джея и позволяют пользователю взаимодействовать с дайсом. **«Менеджер»** и **«контур»** являются синонимами, которые относятся к управляющей технической плоскости Сайберглоба. Проще говоря, когда вы из офиса подключаетесь к локальной сети вашей квартиры, чтобы запустить микроволновку, вы используете контур. Данная техплоскость является главным предметом интереса хакеров и подобных им лиц. Доступ к контуру осуществляется при помощи операционной системы Memphis, отдельные элементы которой входят в общепользовательскую Decada-34. Кстати, термин **«ось»** относится именно к операционным системам.

К той же категории относятся **«спектр»** и **«портретная плоскость»**. «Портретная плоскость» — это то, что мы, собственно, видим, та самая графическая оболочка, отражение реальных объектов. Визуальная информация, которая поступает с сотен тысяч камер на центральные обрабатывающие фреймы Си-Джея, преобразуют ее в картинку, которую мы видим, когда подключаемся к Си-Джею. Тут, кстати, есть один любопытный момент. Многие считают, что то, что мы видим через виртуальные очки, есть не более чем прямая трансляция, то есть мы видим изображение, которое напрямую транслируют камеры. Это в корне неверное представление. «Портретная плоскость» формируется с помощью графического движка Real Earth-IV и от начала до конца является продуктом компьютерной обработки визуальной информации. Что до **«fps»** и **«дельта запаздывания»**, то эти термины напрямую относятся к «портретной плоскости». Первое относится к частоте обновления плоскости. Визуальная информация о земной поверхности в разных ее местах фиксируется разными техническими средствами. Если в центре крупного европейского города плотность фиксирующих камер достигает двух сотен на один квадратный километр, то для таких зон, как бразильская сельва или Северный полюс, картинка обеспечивается с помощью спутниковой сети Snowy Owls («Снежные совы»). Естественно, что в первом случае информации гораздо больше и обновление ее будет идти быстрее, чем если использовать спутник. Сам термин ведет свою «родословную» от геймерского сленга и является аббревиатурой для Frame Per Second («частота кадра»). Далее процесс фиксации визуальной информации, передачи ее на центральные обрабатывающие мощности, преобразование и обратная передача на пользовательские сервера идет с запаздыванием (**«дельта запаздывания»**), что обусловлено технологическими причинами. То есть то, что мы видим через «стекла», есть прошлое, с

отставанием от нескольких секунд до пяти минут, если говорить о «медленных зонах» вроде Северного полюса.

«Портретную плоскость» создают камеры видимого спектра. Вместе с камерами полного волнового спектра они дают информацию для формирования спектральной картины поверхности. Другими словами, создают «спектральную» плоскость Си-Джея или **«спектр»**.

Более подробную информация по другим техническим плоскостям Сайберглоба вы можете найти по нижеприведенным адресам.

Помимо деления на дайсовые и технические плоскости, существует топологическое деление плоскостей. Здесь все достаточно просто. Кибернетический Глобус является не только отражением *поверхности* Земли, но также и ее геологического строения и атмосферы. Дайсовые плоскости, описывающие строение и динамику геологических процессов, называют **«корой»**. В них содержится вся информация вплоть о литосфере Земли. **«Сферой»** называют группу плоскостей, которая описывает атмосферу до ее верхних слоев. Именно на основе данных, которые содержатся в «сфере», мы получаем ежедневные сводки и прогнозы погоды.

Следующая группа терминов относится к системам искусственного интеллекта — **«сибейзер»**, **«платформа»**, **«эйч-ай»**, **«полиморф»**. В данном случае речь идет опять же о профессиональном сленге сорокалетней давности. Перечисленные термины охватывают далеко не весь спектр систем, которые применялись тогда, но тем не менее они относятся к двум основным типам, на которые до сих пор подразделяют AI («эй-ай») — личностным и безличностным. **«Эйч-ай»** (производная от AI и Human) является собирательным термином для личностных схем искусственного интеллекта.

«Сибейзер» и **«платформа»** являются синонимами и относятся к безличностной схеме. Данная схема не несет в своем составе «надсистемных протоколов». Выходные решения, которые дает данная схема, фильтруются человеком-оператором системы или другим лицом, принимающим решения.

«Полиморфная» схема являлась одной из модификаций **«эйч-ай»**, которую разработали гейткиперы в начале века. **«Полиморфы»** были одним из первых воплощений в жизнь концепции «фильтрационной решетки», созданной кланом [Shades] в 2004 году. Несмотря на то что схема являлась одной из самых эффективных на то время, довольно скоро выявили ряд серьезных недостатков, которые привели в тому, что схема одно время запрещалась для использования в пределах всех сегментов

Сайберглоба. Главной причиной было возрастание ресурсоемкости полиморфов в ходе их эволюции, которое приводило к перегрузке вычислительных мощностей и в ряде случаев спровоцировало катастрофы на нескольких производственных кластерах.

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): Понедельник, 1 апреля 2052 года, 14:50

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [AI], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Не могли бы вы подробнее рассказать о сцене полиморфов? В чем была причина охоты на полиморфов? Правда ли то, что на сегодняшний день это единственная личностная схема искусственного интеллекта, которая может существовать независимо от людей?»

Ответ на запрос:

Как уже упоминалось в предыдущем ответе, схема была одной из первых разработок GK на ниве искусственного интеллекта (AI). Первые «эй-ай», использовавшие «фильтрационную решетку», были созданы членами клана [Shades].

Общеизвестно, что эффективная работа искусственного интеллекта личностной схемы зависит не только от его структуры и от задач, над которыми он работает, но и от информационной среды, в которой он существует. Данный краеугольный камень не потерял своего значения за прошедшие пятьдесят лет. Чем больше и интенсивнее «эй-ай» взаимодействует с информационной средой, тем лучше он развивается и тем мощнее его интеллектуальный потенциал. При выполнении задач, которые перед ним ставит человек, также идет процесс развития. В случае простоев (а такое случается не так уж и редко, смею вас заверить) «эй-ай» находится в так называемом режиме Radio Silence («молчание в эфире»). Помимо этого, на каком-то этапе развития «эй-ай» наступает «фаза насыщения», то есть информационный поток перестает обновляться настолько часто, насколько необходимо для того, чтобы «эй-ай» функционировал на выработку нового решения, а не вытаскивал на свет старые шаблонные решения. Radio Silence и «фаза насыщения» чреваты

тем, что длительное пребывание в них может привести к деградации и разрушению «эй-ай» (то же самое происходит и с человеческим сознанием, которое на долгое время изолируется от источников информации).

Вследствие этого всегда существовала проблема поддержания «эй-ай» «на номинале», то есть в таком состоянии, чтобы он не «сваливался» в фазу деградации и чтобы его развитие шло хотя бы небольшими темпами. Проблему пытались решать по-разному. Полиморфная схема «эй-ай» была попыткой найти это решение. Такой «эй-ай», по сути, представлял собой иерархию нескольких «эй-ай». Эта иерархия имела вполне определенную структуру, и во главе ее стоял центровой модуль, «хаб». Состоящий из нескольких отдельных «личностей», полиморф мог входить в режим внутреннего диалога, заключавшегося в «общении», обмене информацией между модулями «внутри семьи».

Подобное решение хотя и не сняло полностью проблемы Radio Silence, но значительно увеличило срок жизни «эй-ай». Более того, по отношению к другим «личностным» схемам значительно повысилась производительность этого «эй-ай». Основным недостатком этой схемы была ее высокая ресурсоемкость. Зачастую для организации диалога «внутри семьи» или решения задач хаб порождал ряд младших модулей, что при отсутствии должного контроля приводило к перегрузкам в локальных сетях. Дела обострились, когда несколько полиморфов привели к параличу ряд серверов, обеспечивавших работу головного офиса корпорации Bechtel Inc. в Сан-Франциско. Результаты работы комиссии по расследованию дела спровоцировали более широкомасштабное разбирательство, которое в конечном итоге привело к тому, что в 2013 году полиморфную схему искусственного интеллекта запретили для использования в первой зоне Си-Джея. Владельцев «эй-ай» обязали сдать носители, на которых существовали полиморфы, а GK — компенсировать убытки, связанные с этой заменой.

Нужно отметить, что это был первый в истории глобальной информационной Сети запрет на использование программного обеспечения («эй-ай» в то время не могли получить статус юридического лица). Многие пользователи расценили факт запрета как посягательство на свободу в информационном сообществе и первые признаки наступающего тоталитарного контроля за Сетью. Ответом на запрет Холма стала массовая акция неповиновения. Директиве сдать носители с обитающими на них полиморфами не подчинились около тридцати процентов пользователей, имевших в распоряжении эти «эй-ай». Полиморфы были «выпущены» в Сеть, а сдавались их вторичные копии. В

результате этого несколько тысяч «семей» ушло в свободное плавание по Си-Джею, и техники Холма начали ту самую пресловутую «охоту на полиморфов». Учитывая технические особенности схемы (то самое Radio Silence и «фазу пресыщения»), техники Холма рассчитывали «выловить» разбежавшихся «эй-аев» в следующие полгода. Но судьба этих изгнанников оказалась куда более сложной.

Несколько месяцев спустя после выхода директивы и массового исхода полиморфов выпустили патч (программа модернизации), который осуществлял поиск «эй-ай» этой схемы в Сети и последующую мутацию полиморфов. Большинство экспертов сходится на том, что именно это послужило причиной того, что полиморфы приобрели автономность и иммунитет к Radio Silence и другим эффектам, связанным с использованием личностных схем «эй-ай». Кто был ответственен за создание патча — в этом эксперты до сих пор расходятся. Скорее всего это был кто-то из специалистов по искусственному интеллекту, которые работали в GK. В пользу этого факта говорит то, что после акции массового неподчинения по GK прокатилась волна «чистки рядов». Все, кто имел отношение к нарушению директивы Холма, были уволены из корпорации. В чем состояла суть модернизации, также не удалось выяснить.

Так или иначе в Сети образовалась «сцена полиморфов», не зависящая ни от какой из людских сил группировка. Искусственный разум по-настоящему независимый от человеческого разума.

Фрагмент #1.6

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@j.com.ua> CG-ID://! 972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Среда, 3 апреля 2052 года, 07:43
Тема (Subject): Где ты его откопал?

Привет, Костя

Слушай, где ты откопал этого типа? Он похож на первоклассника, который пытается взять интеграл. Видит цифры, видит знакомые знаки, а решить не может. Хаотичные вопросы, никакой системы. После трех запросов по раннему гейткипингу он ни с того ни с сего начал спрашивать о старом сетевом сленге.

Мне, конечно, все равно, за что деньги получать, но подобная бессистемность меня слегка раздражает. А вопрос о том, что такое джимал и как он связан с дайсом, меня вообще до колик рассмешил. Что, в школе основ киберпространства уже не проходят?

Знаешь, если человек хочет, чтобы ему помогли, то неплохо бы, чтобы человек толком сформулировал свой запрос, а не ходил вокруг да около.

С наилучшими

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Среда, 3 апреля 2052 года, 09:05, April 16, 2052
Тема (Subject): Re: Где ты его откопал?

Привет, Саша

> Слушай, где ты откопал этого типа? Он похож на первоклассника, который пытается взять интеграл. Видит цифры, видит знакомые знаки, а решить не может. Хаотичные вопросы, никакой системы. После трех запросов по раннему гейткипингу он ни с того ни с сего начал спрашивать о старом сетевом сленге. Мне, конечно, все равно, за что деньги получать, но подобная бессистемность меня слегка раздражает. А вопрос о том, что такое джимал и как он связан с дайсом, меня вообще до колик рассмешил. Что, в школе основ киберпространства уже не проходят?

Он вышел на меня через объявление в «ИнвестигАторе». Работает помощником менеджера в небольшой фирме, которая торгует запчастями для прогулочных «подушек» и другой мелочью для пляжного оборудования в Севастополе. Школа, колледж, универ, непыльная работа в офисе. Помолвлен с бывшей сокурсницей. Ничего особенного. Ни он, ни кто-либо из его ближайшего окружения не связан с гейткипингом больше, чем обычно. Подписка на два канала и персональный бот с

инструментарием чуть выше среднего. Да и пользует он его пару раз на месяц. Я еще когда начинал с ним работать, провел мотивационный анализ. Судя по всему, парню просто делать нечего в свободное время. Кто-то начинает старые компакты с игрушками прошлого века собирать, а он гейткиперами интересоваться. Ну там сидели с парнями в баре, кто-то пару баек рассказал, и у человека появился смысл жизни. «Синдром коллекционера». На десяток клиентов один-два таких любопытствующих приходится. От этого бессистемность запросов.

Да, насчет того, что такое джимал и как он связан с дайсом, я вспомнил старый анекдот про подставку под кофе. Помнишь? Ничего не меняется, ламеры как были ламерами, так ими и остаются.

С наилучшими

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Среда, 3 апреля 2052 года, 14:12
Тема (Subject): Re: Где ты его откопал?

Привет, Костя

> Я еще когда начиная с ним работать, провел мотивационный анализ. Судя по всему, парню просто делать нечего в свободное время. Кто-то начинает старые компакты с игрушками прошлого века собирать, а он гейткиперами интересоваться. Ну там сидели с парнями в баре, кто-то пару баек рассказал, и у человека появился смысл жизни. «Синдром коллекционера». На десяток клиентов один-два таких любопытствующих приходится. От этого бессистемность запросов.

Я тут поразмыслил немного, с одной стороны, есть бессистемность, а с другой стороны, в общей хаотичной картине есть пики, которые свидетельствуют о хорошей осведомленности о предмете запроса. Взять хотя бы вопросы о том, почему Norrath перекупила Active Worlds, или о том, почему руководство CPL в 2002 году отправило Quake III: Arena в долгий отпуск и как это повлияло на дальнейшую эволюцию киберспорта. Что такое лига

киберспорта, что такое QIII, сейчас помнят разве что историки вроде меня. В лучшем случае люди что-то слышали о Quake Television Conversion, не более того. Тут не бессистемное любопытство. Ты провел мотивационный, а я контекстный анализ. Ты прав, во всех бесплатных областях данных информация по большинству вопросов слишком дефрагментированная. Что немудрено — эти области Си-Джея начали формировать после двенадцатого года, очень многие источники так и остались на своих оригинальных носителях. Ну а о метасвязях в этих массивах я вообще молчу. С частными областями данных он не работал. Я знаю всех мало-мальски серьезных специалистов, которые заняты в этой сфере, и, очевидно, мы первые, к кому он обратился. Остается промежуток — платные области. Я прогнал его запросы через них, и они выдали тот же результат — пять-шесть процентов твердой фрагментации. Та же каша. То есть, пользуясь этими источниками, он не мог поставить те вопросы, которые он поставил. Я не думаю, что он просто любопытствующий мальчик, который ищет, чем развлечься. Тут несколько вариантов. Может быть, с нами играется какой-то профессиональный датамайнер, который, прикидываясь ламером ушастым, вытягивает из нас нужные ему данные для личного массива. Может, этот парень и не водит нас за нос, а действительно тот, за кого себя выдает, но у него есть выход на какую-то неизвестную мне область данных, с которой он работает основное время, а мы у него на подхвате, лакуны заполняем. А может, к нему приехал на побывку его двоюродный дедушка и рассказывает разные байки про то, как он в Counter Strike в детстве гонял и с деми-личами пиво пил, когда они еще пацанами были:)) Знаешь, мне очень бы хотелось, чтобы это был второй вариант. Если он надыбал новый серьезный источник, то это интересное дело. Не каждый день в Си-Джее всплывают серьезные массивы по раннему гейткипингу.

Может быть, не надо заниматься мотивационно-контекстными анализами да просто спросить его, какими источниками он пользуется?

С наилучшими

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Среда, 3 апреля 2052 года, 19:27
Тема (Subject): Re: Где ты его откопал?

Привет, Саша

> Может быть, не надо заниматься мотивационно-контекстными анализами да просто спросить его, какими источниками он пользуется?

Я его спрашивал. У него через письмо: «в некоторых источниках». Он мне два раза обещал список прислать, но так и не прислал. Или он просто необязательный парень, или действительно чего-то темнит. По-моему, он не очень-то хочет рассказывать о том, откуда качает данные. А источник у него неплохой. Я думаю, стоит потратить время на то, чтобы узнать, откуда он все это узнал. Давай пока поиграем в ту игру, которую он нам навязывает. Пусть спрашивает все, что хочет спросить, а мы попробуем из этих вопросов вывести его мотивацию и возможные источники данных. Дело хлопотное, но я думаю, это стоит того. Инфа у него на руках, может быть, очень неплохая, за это стоит побороться.

С наилучшими

Фрагмент #1.7

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #7, понедельник, 8 апреля 2052 года, 18:04

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Что такое джимал и как он связан с дайсом? Что такое «сухой дайс», «базальт» и «плотность дайса»?»

Ответ на запрос:

Связь прямая. «Слепок реальности», или дайс, представляет собой формат данных, первоначально разработанный GK для своих нужд (уплотнение информации и облегчение ее обработки). Основой для создания дайса послужил так называемый **«джимал»**, General Meta Language, (GML), метаязык, разработанный группой европейских семиотиков во главе с

Максом Лангфельдом. Группа была занята проблемой установления метасвязей между различными языками описания реальности. Для пояснения возьмем следующий пример: у нас есть объект, допустим, чайная ложка. С точки зрения химии, эта ложка является сплавом определенного состава. С точки зрения металлографии, у этой ложки есть структура, набор внутренних дефектов и тому подобное. Также эта ложка может быть рассмотрена с точки зрения такой дисциплины, как сопромат. Далее, у этого предмета есть определенная история — ее сделали на конкретном предприятии, ее отливал конкретный литейщик, она попала в магазин, где ее приобрели и пользовались энное количество лет. В случае, если ею пользовался какой-нибудь известный человек, эта ложка имеет шанс стать экспонатом в музее со всей сопутствующей смысловой нагрузкой, другими словами, быть «больше, чем просто чайной ложкой». Резюмируя — каждый из предметов реальности описывается различными знаковыми системами. Некоторые из них близки друг к другу, как различные физические дисциплины, некоторые не имеют общей базы, такие дисциплины, как биология и соционика, хотя на их основе описываются одни и те же объекты (человек). Создатели «джимала» ставили перед собой цель установить связи (метасвязи) между различными знаковыми системами, языками описания реальности. Таким образом (путем интеграции различных знаковых систем), можно было получить цельную картину, знаковую копию объекта.

Гейткиперам удалось создать программные основы для реализации этой концепции. Описание объекта реальности в одной из знаковых систем называлось **«семантической плоскостью»**. Таких плоскостей мог быть не один десяток, и между ними существовали метасвязи. Соответствующее программное обеспечение позволяло делать «выжимки» необходимой информации из дайса, что позволяло устанавливать логические цепи между, казалось бы, несвязанными между собой фактами в описываемой модели реальности.

В одном из фантастических рассказов была описана встреча землян с пришельцем, носителем заоблачного (по сравнению с землянами) интеллекта. При первом же контакте Мешок (так назвали существо земляне) заговорил с ними на их языке. Изумленные земляне спросили его, как ему это удалось. Он сказал, что он смог понять структуру и словарный запас языка по форме космического корабля, на котором прилетели земляне. Мешок смог установить метасвязи между технологиями, на основе которых был сделан корабль цивилизации, и разговорным языком, которым пользовались создатели этого корабля. Нечто

подобное стало возможным и с появлением дайса.

Количество семантических плоскостей, которыми описывался объект, и количество метасвязей между этими плоскостями определяли **«плотность дайса»**. Чем «плотнее» был «слепок», тем соответственно полнее была цифровая модель объекта. Постоянное совершенствование версий «джимала» приводило к созданию все более и более плотных слепков реальности. Самые простые модели строились на основе **«легкого»** дайса. Самые «тяжелые» слепки на жаргоне гейткиперов назывались **«базальтом»**.

Помимо этого дайс делился на статический и динамический. Объекты реальности обладают динамикой. Они «рождаются», «развиваются», «стареют» и «умирают» из-за происходящих внутри и вне объекта процессов. Для моделирования этих процессов в структуру дайса вводились **«внутренние двигатели»**, изменявшие структуру данных с течением времени без активного вмешательства человека в этот процесс. Чем больше внутренних двигателей было в слепке, тем лучше он описывал объект.

«Сухой дайс». Другими словами, формулы с переменными, связанные между собой различными отношениями абстрактные величины. **«Залитый дайс»** — в формулу подставляется конкретная величина. Для моделирования объекта сухой дайс заливался информацией о реальном объекте (в «формулу» подставлялась реальная величина).

Фрагмент данных #1.8

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #11, вторник, 9 апреля 2052 года, 08:02

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLme [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Есть сведения о том, что многие из членов корпорации, в большинстве своем из старшего поколения, увлекались сетевой он-лайновой игрой Brotherhood. Не могли бы вы прокомментировать этот факт? Есть ли связь между идеологией гейткипинга и содержанием виртуального мира Brotherhood? Можно ли считать Мастеров Зеркал из Brotherhood прототипами гейткиперских деми-личей?»

Ответ на запрос:

Сетевая версия компьютерной игры Brotherhood начала свою работу весной 1999 года. Жанровая принадлежность игры определялась как action с элементами RPG (role playing game) и RTS, стратегии в реальном времени (real time strategy). Подобные игры были достаточно популярны в то время. Из ближайших к Brotherhood проектам можно отнести Ultima Online и более поздних (по отношению к Brotherhood) World of Warcraft и Planescape: Multi-Universe. Процесс игры в таких виртуальных пространствах заключался в выполнении различных заданий экономического или военного характера. Впрочем, процесс общения с другими пользователями не был ограничен только кругом этих задач, там можно было и «просто поговорить». Круг зарегистрированных пользователей игрового мира на конец 1999 года составлял около 80 000 человек.

Из нескольких десятков фракций, которые действовали в игровом мире Brotherhood, Мастера Зеркал представляли сильную гильдию магов, Братство (собственно, то самое Братство, которое дало имя игре). Братство владеет одним из мощных магических артефактов (Данхар) и занимается поисками остальных четырех, которые были рассеяны в результате длительной и разрушительной войны. Попасть в гильдию не так просто, но, с другой стороны, состоять в Братстве являлось одной из промежуточных целей многих геймеров, попавших в он-лайновую вселенную Brotherhood.

То, что многие из будущих гейткиперов в свое время прошли через этот игровой мир, является известным фактом. Впрочем, то же самое можно сказать и о других играх, в которые играли гейткиперы, — Quake, Baldur's Gate, Warcraft III и многих других. Девяностые годы прошлого века и первые десять лет нынешнего являются младенческим периодом развития игровой индустрии. Именно в эти годы совершается скачок от примитивных игр к виртуальным мирам, мало отличимым от реальности. Люди, чья юность и молодость пришлись на эти годы, так или иначе прошли через компьютерный гейминг. Поэтому говорить о каком-то особом влиянии вселенной Brotherhood на становление движения не стоит.

В этом свете связь Мастера Зеркал — гейткиперские демиличи выглядит слабой, и рассуждения о том, что структура Братства была заимствована гейткиперами для построения собственной двойной иерархии, не имеют под собой основания.

Фрагмент 1.9

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <iifter@i.com.ua>/ CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Вторник, 9 апреля 2052 года, 11:45
Тема (Subject): Откуда он знает?

Привет, Саня

Ты читал текст последнего запроса? Про связь Brotherhood и GK?

С наилучшими

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <lifter@i.com.ua>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Вторник, 9 апреля 2052 года, 12:56
Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

Привет, Костя

> Ты читал текст последнего запроса? Про связь Brotherhood и GK?

Да, это действительно интересно. Ты знаешь, даже мой центровой ментат не смог найти прямых четких связей между Brotherhood и гейткиперами в доступном массиве информации. Да и у меня в архиве на это дело тоже прямых связей нет. Так, слабые косвенные связки. А ведь тот же Шидловский в двух своих работах по раннему гейткипингу упоминал о том, что эта онлайновая игровая вселенная имеет прямые связи с движением. Правда, эти книги у меня, кажется, не оцифрованы… Блин, по-моему, я действительно стареть стал:)) Надо будет архив обновить.

С лучшими

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@i.com.ua>, CG-

ID://1973.04.03/786.812/446.255.654

Получатель (To): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211

Послано (Sent): Вторник, 9 апреля 2052 года, 14:33 Тема (Subject):

Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

Привет, Саня

> Да, это действительно интересно. Ты знаешь, даже мой центровой ментат не смог найти прямых четких связей между Brotherhood и гейткиперами в доступном массиве информации. Да и у меня в архиве на это дело тоже прямых связей нет. Так, слабые косвенные связки. А ведь тот же Шидловский в двух своих работах по раннему гейткипингу упоминал о том, что эта онлайновая игровая вселенная имеет прямые связи с движением. Правда, эти книги у меня, кажется, не оцифрованы… Блин, по-моему, я действительно стареть стал:)) Надо будет архив обновить.

Ну ты обнови, обнови. Прямые связи… Только косвенные и остались. А у Шидловского после этих двух книг появилось еще три статьи, в которых можно найти практически прямые опровержения того, что он писал раньше, пока помоложе был. Не знаю, такое впечатление, что прямые связи кто-то хорошо прополол. Всем известно, что Тумос или Ацтек тусовались в Brotherhood, когда были маленькими, но если попробовать копнуть глубже, то тут большое белое пятно на весь экран. Ну играли себе и играли, и больше ничего.

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8

Отправитель (From): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211

Получатель (To): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654

Послано (Sent): Вторник, 9 апреля 2052 года, 16:02

Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

Привет, Костя

> Ну ты обнови, обнови. Прямые связи… Только

> косвенные и остались. А у Шидловского после этих двух книг появилось еще три статьи, в которых можно найти практически прямые опровержения того, что он писал раньше, пока помоложе был. Не знаю, такое впечатление, что прямые связи кто-то хорошо прополол. Всем известно, что Тумос или Ацтек тусовались в Brotherhood, когда были маленькими, но если попробовать копнуть глубже, то тут большое белое пятно на весь экран. Ну играли себе и играли, и больше ничего.

У тебя, похоже, опять приступ паранойи… Что на тебя нашло? В наше время в Квейк играл каждый второй, так что, из этого надо делать выводы о каких-то далеко идущих последствиях? Шидловский занимался этим вопросом больше других, но даже в тех работах, где он рассуждал о связи он-лайновой ролевой игры с GK, не все было ясно полностью. В конце концов и он забросил это дело. Так что успокойся и перестань дергаться.

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <lifter@i.com.ua> CG-ID://! 972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Вторник, 9 апреля 2052 года, 18:10
Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

Привет, Саня

> У тебя, похоже, опять приступ паранойи… Что на тебя нашло? В наше время в Квейк играл каждый второй, так что, из этого надо делать выводы о каких-то далеко идущих последствиях? Шидловский занимался этим вопросом больше других, но даже в тех работах, где он рассуждал о связи он-лайновой ролевой игры с GK, не все было ясно полностью. В конце концов и он забросил это дело. Так что успокойся и перестань дергаться.

Пока Шидловский занимался темой, с точки зрения управленца, его было интересно читать. Когда он переключился на социально-философские основы GK, то стал пороть откровенную чушь. Его комментарии к «Протоколу цикла» — это

вообще повторение, компиляция из того, что уже было сказано до него. Так вот, возвращаясь к тому, что он писал, пока еще пытался разобраться, что к чему. Стержень, вокруг которого крутились все его рассуждения, был очень простой — как стало возможным, что за пятнадцать лет из разобщенных групп, разрабатывавших узкопрофильное ПО, возникла международная организация, имеющая влияние во всех основных секторах мировой экономики? А? Как? Лет тридцать этот вопрос задавали себе очень многие, но постепенно дело как бы сошло на нет. Почему и как — кто его знает, но согласись, вопрос более не актуален. И сейчас вдруг находится парень, который тридцать лет назад пешком под стол ходил, и задает вопрос: а есть ли связь? И что ты говоришь? Что вот Шидловский перестал рассматривать тему, а я — параноик. Спасибо, Саша, не ожидал. Я всю жизнь следственной работой занимаюсь. Факты, сопоставления, анализ. Ну что я тебе рассказываю? Ты же сам таким время от времени занимаешься, только это называется не расследование, а «научное исследование».

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Вторник, 9 апреля 2052 года, 20:12
Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

Привет, Костя

> …разрабатывавших узкопрофильное ПО, возникла международная организация, имеющая влияние во всех основных секторах мировой экономики? А? Как? Лет тридцать этот вопрос задавали себе очень многие, но постепенно дело как бы сошло на нет. Почему и как — кто его знает, но согласись, вопрос более не актуален. И сейчас вдруг находится парень, который тридцать лет назад пешком под стол ходил, и задает вопрос, а есть ли связь? И что ты говоришь? Что вот Шидловский перестал рассматривать тему, а я — параноик. Спасибо, Саша, не ожидал.

Ну извини, извини. Насчет комментариев к «Протоколу цикла» — это ты хватил, текст неплохой.

А по поводу того, как из разрозненных групп программистов возникла международная корпорация, отвечу. Во-первых, достаточная однородность участников GK. Основу движения составили молодые люди в возрасте 25–35 лет, пережившие идеологический кризис постсоветского периода. На таких исторических сломах нередки проявления активности «выше средней». Идеологический разброд вырабатывает привычку критически относиться к происходящему. И вырабатывать собственную точку зрения на предмет. Что, собственно, и произошло с гейткиперами. Выработка собственной идеологии, из которой потом сформировалась сильная корпоративная культура. Второй фактор — они вышли на рынок информационных технологий, самый бурно развивавшийся сегмент рынка. Можно сказать, им повезло. Вспомни Гейтса, Делла. Им тоже не было тридцати, когда они заработали свой первый миллион. Они тоже попали в струю.

С наилучшими

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <lifter@i.com.ua> CG-ID://! 972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Среда, 10 апреля 2052 года, 00:02
Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

День добрый, Саня

> …гейткиперами. Выработка собственной идеологии, из которой потом сформировалась сильная корпоративная культура. Второй фактор — они вышли на рынок информационных технологий, самый бурно развивавшийся сегмент рынка. Можно сказать, им повезло. Вспомни Гейтса, Делла. Им тоже не было тридцати, когда они заработали свой первый миллион. Они тоже попали в струю.

Ты прям как профессор на кафедре… Я же говорил, что все эти социально-философские рассуждения — чушь на постном масле. Был ты, Саня, профессором, им остался. А для человека, который в своей жизни руководил более чем двумя подчиненными, все это лабуда. С точки зрения управленческих

дел, создание GK есть высший пилотаж в кадровой политике и использовании ресурсов. Оригинальный и критический менталитет есть не более чем хорошая почва. Только все это не более чем почва. Для того чтобы на ней что-то выросло, надо очень и очень постараться. В 2006 году в Берлине собрались три сотни лидеров, которые представляли в общей сложности пять тысяч человек, тех, кто потом и составил костяк. Ты представляешь себе, что значит организовать пять тысяч человек так, чтобы они работали на один комплекс задач? Чтобы они не передрались из-за свалившихся на их голову «бабок», заказов и тех возможностей, которые открылись? Поверь мне, я работал в конторах, где пять человек не могли найти общий язык. А тут — пять тысяч человек из двадцати разных стран, каждый из которых с мозгами намного выше средних, амбициями и характером. Которые начали решать задачи, связанные не только с разработкой продуктов и грамотного маркетинга. И они не передрались тогда и за прошедшие полвека ничуть не сбавили оборотов. Да, там тоже есть игры и интриги, но они никогда не докатывались до прямых расколов.

Так к чему я клоню. К тому, что была проведена серьезная подготовительная работа. Серьезная, Саня. И Brotherhood тут причина номер один. И то, что сейчас об этом почти забыли даже те, кто что-то в этом смыслил, — это тоже настораживает.

С наилучшими

Формат данных (Data Format): Pfain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Среда, ТО апреля 2052 года, 1:03
Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

Привет

> Так к чему я клоню. К тому, что была проведена серьезная подготовительная работа. Серьезная, Саня. И Brotherhood тут причина номер один. И то, что сейчас об этом почти забыли даже те, кто что-то в этом смыслил, — это тоже настораживает.

Слушай, я — профессор и хочу иметь дело с фактами. Клиент

начал задавать вопросы о том, не являются ли Мастера Зеркал из игровой вселенной Brotherhood гейткиперскими деми-личами. Ты говоришь — расследование. Ну так давай факты, а не догадки. Доводы вроде того, что прямые логические цепи «Brotherhood — GK» были вырезаны из Си-Джея с целью замести следы, не принимаются. Идет?

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Среда, 10 апреля 2052 года, 07:37
Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

День добрый, Саня.
Привет

> Слушай, я — профессор и хочу иметь дело с фактами. Клиент начал задавать вопросы о том, не являются ли Мастера Зеркал из игровой вселенной Brotherhood гейткиперскими деми-личами. Ты говоришь — расследование. Ну так давай факты, а не догадки. Доводы вроде того, что прямые логические цепи «Brotherhood — GK» были вырезаны из Си-Джея с целью замести следы, не принимаются. Идет?

Лады, идет.

Факт номер один. В 2009 году GK перекупают у крупнейшей издательской конторы Infogrames все, что связано с вселенной Brotherhood: студию Virtual Waver, включая штат разработчиков и службу поддержки Brother.net. Учитывая то, что сумма сделки составила около сорока миллионов евро, а для GK тогда это еще ох какие деньги, то причины, подвигнувшие их на этот шаг, были весомыми. Показательно и то, что больше за всю свою историю GK не прокручивали ничего подобного в игровом бизнесе. Все их игровые проекты осуществлялись внутренними силами.

Факт второй. Операторская он-лайновая служба Brotherhood составляла пятьдесят три человека. Это были люди, которые помимо чисто технических дел выступали в пространстве в роли активных игроков. Что они там делали — об этом ниже. Интересно то, что только для четверти из них можно отследить их послужной список, что называется «до Brotherhood». Чем

занимались все остальные — бог их знает. Интересно и то, что после продажи десять из них ушли работать на Холм (включая директора фирмы Милларда и его зама Эмча), двенадцать разбежались по разным крупным лавкам, а оставшиеся подались в GK. Трое из них позже стали деми-личами. Это к разговору о том, как связаны Мастера Зеркал с деми-личами. Напрямую, Саша. Операторы он-лайновой вселенной Brotherhood и были теми самыми Мастерами Зеркал. Клиент интересовался именно этим вопросом. Вот почему я засуетился. Вопрос он задал прямо в точку.

Факт третий. В приложении к письму — два независимых друг от друга анализа игрового мира Brotherhood. Система правил, по которой игроки существовали в мире, графическое оформление, история мира, много чего другого. Оба экспертных заключения сходятся на том, что игровой мир был заточен под задачи ролевого программирования как на сознательном, так и на бессознательном уровне.

Факт четвертый. Как и во всех он-лайновых вселенных, в Brotherhood существовал рейтинг лучших игроков — ладдер. Так вот, после перекупки прав старый ладдер и вся рейтинговая система были переделаны под корень. Более того, все попытки достать старый ладдер безрезультатны. То есть кто был лучшим и в каком ремесле мира Brotherhood, сейчас установить трудно.

В свете этих фактов связка GK — Brotherhood довольно простая: за пять лет существования игрового мира через него прошли несколько десятков тысяч человек. Тренинги, через которые сознательно или бессознательно прошли игроки, потом пригодились им в реальной жизни. Они создали гейткипинг. Потом просто слегка подчистили за собой.

Что скажешь?

С наилучшими

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Среда, 10 апреля 2052 года, 09:12
Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

Привет, Костя

> В свете этих фактов связка GK- Brotherhood довольно простая: за пять лет существования игрового мира через него прошли несколько десятков тысяч человек. Тренинги, через которые сознательно или бессознательно прошли игроки, потом пригодились им в реальной жизни. Они создали гейткипинг. Потом просто слегка подчистили за собой.
>
> Что скажешь?

Скажу, что звучит логично. Особенно после прочтения тех приложений, которые ты прислал в письме.

Только не совсем понятна одна вещь. Основа GK — это восточноевропейские кланы. Из девяти консорциумов только два являются западноевропейскими — северо-западный и юго-западный. Причем последний самый малочисленный и образовался только в середине двадцатых годов. A Virtual Waver и все остальное, что связано с Brotherhood, базировалось в Западной Европе. В той ситуации, когда до нынешней Объединенной Европы было очень далеко, создание сильной структуры в Восточной Европе людьми из Западной Европы выглядит несколько странно. Зачем создавать себе конкурента?

Что до нас с тобой, у меня пока складывается следующее представление — у клиента на руках раритет, в котором есть масса полезного и увлекательного материала по поводу раннего гейткипинга. Предложение — давай попробуем сделать растяжку. Парень заинтересовался деми-личами. Может, подкинем ему еще немного пищи для размышлений, а там посмотрим, куда кривая выведет?

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru>, CG-ID:// 1 973.04.03/786.81 2/446.255.654
Получатель (To): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/ 786.812/563.333.211
Послано (Sent): Среда, 10 апреля 2052 года, 10:14
Тема (Subject): Re: Откуда он знает?

День добрый, Саня

> Только не совсем понятна одна вещь. Основа GK — это восточноевропейские кланы. Из девяти консорциумов только два являются западноевропейскими — северо-западный и юго-западный. Причем последний самый

> малочисленный и образовался только в середине двадцатых годов. A Virtual Waver и все остальное, что связано с Brotherhood, базировалось в Западной Европе. В той ситуации, когда до нынешней Объединенной Европы было очень далеко, создание сильной структуры в Восточной Европе людьми из Западной Европы выглядит несколько странно. Зачем создавать себе конкурента?

Западная или Восточная — все равно Европа. Саня, сам посуди, за полвека не образовалось ни одного азиатского или американского клана. Штатовские макромиксеры есть не более чем слабая копия GK. Да и юридически они не являются одним целым с объединенными консорциумами. GK сильно повлияли на силу европейского вектора. Они работали и работают на Европу. Поддержка только европейских проектов, скидки на услуги и продукты для европейских контор, лоббирование проектов в регионах. Их сотрудничество с «иностранцами» — это скорее из объективной необходимости. Которые они вполне могут принести в жертву экономическим выгодам. Вспомни историю с «силиконовым пакетом-18». Американцы предлагали очень выгодные условия при организации новой группы североамериканских кластеров. Гейткиперы поксерили это, потеряв, по разным оценкам, до трех миллиардов, но тем не менее. Сечешь? Они патриоты на уровне материка:).

> Что до нас с тобой, у меня пока складывается следующее представление — у клиента на руках раритет, в котором есть масса полезного и увлекательного материала по поводу раннего гейткипинга. Предложение — давай попробуем сделать растяжку. Парень заинтересовался деми-личами. Может, подкинем ему еще немного пищи для размышлений, а там посмотрим, куда кривая выведет?

Давай попробуем.

С наилучшими

< < < < Домен данных #2 > > > >

Фрагмент 2.1

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID:/ /2020.02.10/899.330/611.333.11 3)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #12, понедельник, 15 апреля 2052 года, 9:07

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Кем на самом деле являются гейткиперские деми-личи? Медведев и Стефенсон прямо называют их серыми кардиналами GK, тайной полицией, которая занимается внутренней чисткой рядов организации. А Коробко проводит аналогии с коммунистической партией Советского Союза. С другой стороны, в большинстве учебников по менеджменту, которые мне доводилось читать, личи являются составной частью топ-менеджмента корпорации. Кто в конечном итоге прав?»

Ответ на запрос:

Последняя точка зрения является наиболее близкой к реальному состоянию дел, но не совсем. Если отвечать по сути дела, то вопрос относится к специфике менеджмента GK. В структуре GK есть две иерархии. Чаще всего их называют вертикальной и горизонтальной. Гейткиперы делают информацию. Вертикальная иерархия осуществляет общее управление. Финансовая, техническая, снабженческая, юридическая и другие стороны организации работы. Вертикаль отвечает за то, «как делать» продукт. Горизонталь определяет, «что делать», то есть какой продукт, его содержание, дальнейшее продвижение и возможные последствия этих действий. «Что делать» сильно увязано с корпоративной этикой, с теми ценностями, которые являются для компании идеологическим фундаментом. Деми-личи не являются спецотделом в топ-менеджменте корпорации, который следит за «чистотой идеалов», или тайной полицией. Они являются верхом горизонтальной иерархии, которая определяет, насколько соответствует тот или иной проект идеологическим критериям GK.

Подобная двойственная структура не является изобретением гейткиперов. Наличие параллельной (или горизонтальной, как

хотите) управленческой структуры было свойственно многим сообществам. Лучший пример — сосуществование государства и религии в древних и средневековых обществах. И сейчас духовенство оказывает серьезное влияние на политическую и мирскую жизнь во многих государствах. В христианском мире политические и военные лидеры являлись «рабами божьими», которые преклоняли колена в храмах и нередко прибегали за советом к своим духовникам. Нередки были ситуации, когда «духовная власть» оказывалась сильнее мирской, и тогда в стране воцарялась теократия. Из недавних примеров такой теократии — Иран конца прошлого века.

Гейткиперы попытались, и довольно успешно, внедрить двойную управленческую структуру. Для GK естественна ситуация, когда в подразделении есть два лидера — один из вертикальной, другой из горизонтальной иерархии. И это «двоевластие» ведет свои корни практически с самого зарождения гейткипинга. Да, в свое время, когда основатели GK внедряли эту управленческую концепцию, у них были определенные проблемы. Существование двух лидеров в подразделении потенциально несет в себе зерно конфликта. Но, с другой стороны, оно приводит к более сбалансированным и эффективным решениям. И эффективным не только с точки зрения достижения технологического или финансового доминирования, но и информационного. Причем последний аспект оценивается ими не только в ближайшей, но и в дальней перспективе, жестко увязывается с идеологическими ценностями корпорации. Если прибыльный проект вступает в противоречия с этим «верхним» комплексом критериев, то высока вероятность, что GK не будут принимать в нем участие. С другой стороны, проект может быть идеальным с точки зрения следования канонам корпоративной структуры, идеологических задач GK, но быть чересчур дорогостоящим или трудноосуществимым технически. Посылать сверху команды о том, что невозможно осуществить технически, — значит создавать лишнее напряжение, однобоко распределять ресурсы.

Корпоративная идеология для GK не является пустым звуком, набором малозначащих лозунгов. Это комплекс, в который входит не только сильно проработанная философия, но и впечатляющий набор психологических техник, которые основываются как на старых восточных традициях, так и на последних западных разработках в этой области. Движение человека по карьерной лестнице в корпорации идет по двум путям — по вертикали и по горизонтали. Успешное освоение технических аспектов работы идет наравне с личностным самосовершенствованием. В этом

залог как личностного, так и корпоративного успеха. И наличие двух лидеров в одном подразделении тут выступает как стабилизирующий фактор. Единовластие, когда один и тот же человек совмещает равные по статусу позиции из вертикали и горизонтали, случается редко. Как и дисгармония, когда человек быстро движется только по одной лестнице. Это является тревожным сигналом, личность развивается однобоко. В какой-то момент его карьера остановится на обеих осях. Пересечение, совмещение обоих статусов наступает только на самом верху — в так называемой деми-группе, аналоге совета директоров. Которая помимо руководящей роли выполняет роль аккумулятора коллективного опыта GK. Деми-лич — это обычно профессионал высшего порядка, вне зависимости кто он — программист дайса, бустер, руководитель финансового отдела клана или «вечный кочевник» с Магистрали.

Что до сравнений с коммунистическими режимами, теократиями и сектами. Тут не стоит забывать о двух факторах. Первый — приведенные вами источники были написаны в двадцатые годы, когда такие двоевластные структуры не имели широкого распространения. Причем критиковали GK в основном приверженцы западных школ управления «человеческими ресурсами». Эффективность их была оценена совсем недавно, и сейчас те, кто пишет учебники по менеджменту, приводят эволюцию GK как один из примеров успешной реализации этой концепции в североамериканском и европейском регионах. Тогда подобные подходы были ересью и вызывали в лучшем случае насмешки.

Вторым фактором, который до сих пор вызывает косые взгляды в сторону гейткиперов, является относительная закрытость корпорации. Которая, в свою очередь, напрямую связана с внутренней кадровой работой и той самой «горизонтальной» иерархией. Часть психотехник, которые практикуют гейткиперы, являются закрытыми для тех, кто не является членами корпорации. В особенности это касается продвинутых практик, которые используют гейткиперские бустеры для «ментальной прокачки» на высших ступенях. Учитывая то, что идеология GK сильно замешана на новых трактовках дзен и других буддистских ветвей, сумма этих слагаемых вполне может послужить поводом для обвинений в сектантстве. Классическое обвинение руководства GK в массовом зомбировании своих «служащих» обычно сопровождается фотографией какой-нибудь коллективной медитации. Если отвлечься от экзотики, то закрытость некоторых аспектов работы GK от посторонних взглядов ничем не отличается от обычных мер

безопасности, которые предпринимают другие компании в отношении своих внутренних дел.

Фрагмент 2.2

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #14, понедельник, 15 апреля 2052 года, 11:49

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«От последнего ответа остается впечатление, что GK это чуть ли не орден добродетельных братьев-христиан, а деми-личи — это святые отцы этого ордена, С другой стороны, они не ведут себя как смиренные монахи, занимающиеся медитациями. Иначе бы они не достигли того, чего достигли. В этом мне видится некоторое противоречие. Декларация о «поисках равновесия» и самосовершенствования, с одной стороны. Агрессивная экспансия в основные сектора мировой экономики, вмешательство в политические игры, немалое влияние в сфере шоу-бизнеса и культурной жизни — с другой. Нейтральные философские тексты и борьба за доминирование сразу по многим направлениям. Как-то трудно совмещается…»

Ответ на запрос:

Как сказал о них Алексей Шведов: «У них жесткие догмы, но до безобразия гибкие трактовки этих догм». Это довольно распространенное восприятие идеологии и деятельности GK. Как видите, вы не одиноки в своих сомнениях.

Первое — не надо воспринимать их как некий монашеский орден или группу профессоров-философов, которые увлекаются не свойственными монахам и профессорам мирскими играми. Мощная идеологическая подоплека ни в коей мере не является религиозной догматикой, склонной к затвердеванию или выработке отвлеченных от жизни решений. Дело обстоит с точностью до наоборот. Их идеологический инструментарий дает человеку возможности вырабатывать картины мира, идеологии для каждой отдельной жизненной ситуации. Грубо говоря, в их распоряжении есть конструктор идеологий, знаковых систем, научных теорий и прочих «объяснительных принципов», который позволяет им принимать адекватные решения. Если какая-то

теория не работает на этом участке пространства и времени, то ее нужно переработать или вообще отбросить и тут же создать новую. Это они делают с легкостью, которая некоторым кажется цинизмом и беспринципностью. И тут стоит отделить зерна от плевел, те положения их системы, которые являются этим самым конструктором идеологий и их собственной этической программой.

Второе — этика GK изложена в «Стремлении к равновесию» и является переработкой старых положений стратегии стабильного развития, которые начал Римский Клуб больше семидесяти лет назад. Некоторые считают его главным, а не тексты «Протокола цикла» или «Плюс-минус бесконечность». Создание идеальной (логически выверенной или эстетически совершенной и т. д.) картины мира не есть самоцель. Первостепенной задачей является стабильное и сбалансированное существование человека в окружающей среде. В конце концов все равно, кто ты — буддист, христианин, неорейвер или политик левого толка. Физиология человеческого организма и законы его функционирования в окружающей среде от этого не меняются. В «Стремлении к равновесию» содержится этическая программа для всех уровней взаимодействия человека и окружающего мира, достаточно подробный свод правил поведения как для отдельного человека, так и GK в целом. Стратегия корпорации идет отсюда, из этих принципов.

Основные догмы, на которых базируется «конструктор знаковых систем», изложены в «Протоколе цикла» и всех текстах так называемого «нижнего уровня», на которые он ссылается.

Вкратце эта догматика гейткиперов сводится к следующему.

Человек познает мир посредством создания его копий. Спектр результатов реализации данного стремления лежит в пределах от создания миров, которые совершенно не похожи на реальность («нереальности»), либо копий, «фотографически» воспроизводящих эту реальность. Арсенал методик и технологий создания этих копий также весьма широк. Человечество за всю свою сознательную историю придумало сотни способов «закреплять» реальность в визуальном образе, символе, знаке, звуке и даже запахе. Мотивацию этого — «почему мы это делаем?» — гейткиперы не объясняют. Явление имеет место, бороться с ним бесполезно, потому как любой открывший рот и назвавший дерево деревом уже совершил «акт копирования реальности». Результат (цитата) — «сотни тысяч артефактов искусства и не менее впечатляющий ряд философских и других систем, а также океан менее значимой информации».

Второй краеугольный камень системы очень хорошо

сформулирован в «Протоколе цикла». Цитата:

«Объективно-существующая реальность подвижна и изменчива, и те, кто пытался создавать логически завершенные и выверенные картины мира, рано или поздно запутывались во вновь возникающих петлях, замкнутых циклах и разомкнутых цепях бесконечной длины. Следствия становились причинами, и тогда охотник и добыча менялись местами, и уже подчас сами того не замечая, ловцы последовательностей начинали строить вокруг себя защиту, которая давала им возможность спрятаться от новых парадоксов, необъяснимых событий, фактов, которые упорно не хотели влезать в те рамки, в которые их хотели запихнуть. Начав с крестового похода за истиной, эти создатели заканчивали в удаленных от торных дорог скитах, на разный лад повторяя одну и ту же фразу: «Я знаю, что я ничего не знаю. Создание завершенной картины мира невозможно. Истина не есть абсолют, достигнув который один раз, можно сказать, что это и есть корень причин. Подобно буддистской мандале из разноцветного песка, которую монахи разрушают сразу после того, как закончена работа, об открытой сегодня истине стоит забыть, когда солнце взойдет на следующее утро».

То есть «сотни тысяч артефактов искусства и не менее впечатляющий ряд философских и других систем» уже не являются актуальными на сегодняшний день и час. Они были верны для какого-то периода времени, который уже давно прошел, и для какого-то участка в пространстве. Да, возможно, те закономерности будут «работать» и для других подобных ситуаций, но как говорил Гераклит: «Нельзя вступить в одну и ту же реку дважды». Истина, открытая вчера вечером в десять часов на восемь утра следующего дня, — уже ложь. Картину мира каждый момент нужно воссоздавать заново.

Человеческое сознание, как массив связанных между собой воспоминаний, также является копией этой реальности, только гораздо более сложной и комплексной. По сути, любой текст или живописное полотно являются небольшим фрагментом той картины мира, который каждый из нас носит в своей голове. Вбирая в себя факты реальности и устанавливая между ними связи, каждый из нас создает свой микрокосм, свою картину мира, которая является лишь небольшой частью того, что мы видим вокруг.

Далее следует **третий догмат**, который уже напрямую связан с гейткиперскими медитативными практиками. Трактуя по новой «Пранаяму», гейткиперы отождествляют работу человеческого сознания с дыхательным циклом, выделяя в нем две фазы и две точки перехода между этими фазами. Вдох-выдох и паузы между

этими двумя действиями. В так называемой **«закрытой фазе»** картина мира относительно стабильна. Связи между фрагментами достаточно «жесткие», решения, которые принимает человек, основываясь на этой картине мира, адекватны окружающей ситуации. Но мир не стоит на месте. Каждый день мы вбираем в себя новые потоки информации. Существующая картина мира срабатывает как фильтр, вбирая в себя те фрагменты информации, которые не противоречат ей, и оставляет «за скобками» то, что противоречит. Таким образом, формируется некий массив неупорядоченной информации, который не входит в жесткую картину мира. Если этот массив не достигает «критической массы», находясь в относительном равновесии с «жесткой» картиной мира, то сознание так и остается в «закрытой фазе». Гейткиперы называют это «стабилизацией». Если этот массив растет, то тут возможны два варианта развития событий. В отрицательном сценарии жесткая составляющая становится еще жестче, и противоречащий ей массив информации просто отрицается. В положительном сценарии сознание переходит в **«открытую фазу»**.

В **«открытой фазе»** старая картина разрушается на несвязанные фрагменты и человек начинает строить новую картину мира из осколков прежней и новых фрагментов, которые ранее не могли быть включены в прежнюю. «Свержение старых идолов», «переоценка ценностей», «формирование нового мировоззрения» — все это смысловые синонимы «открытой фазы». Человеческое сознание находится как бы в дрейфе, формируя новые связи между фактами и нарабатывая новые пути поведения в новых условиях. Эта фаза также может стабилизироваться или иметь отрицательный и положительный сценарии развития. В отрицательном сценарии новая картина мира так и не сформировывается. Человек продолжает «искать». В крайнем случае это может приводить к потере способности принимать какие-либо решения, адекватно вести себя. В положительном сценарии человек формирует новую картину мира. Далее наступает следующая фаза цикла.

Переход между фазами может быть плавным, старая картина мира постепенно сменяется на новую. В отдельных случаях смена фаз может происходить очень быстро. Такие точки перехода между фазами гейткиперы называют экстремумами, **пиковыми состояниями сознания**. Переход от открытой к закрытой фазе называют «моментом истины». Картина мира в «моменте истины» полностью адекватна какой-то определенной части макрокосма, частицы мироздания, которая окружает человека. На какой-то момент времени человек тождественен части вселенной. Переход

из закрытой фазы в открытую фазу называют «конусом тишины». Старая картина мира сломана и уничтожена. Ничего нет. Сознание представляет собой полный ноль.

С экстремумами связаны так **называемые нейтральные стагнации цикла**, или остановках в точках экстремума. Основные диспуты, которые вели и ведут GK с духовными лидерами христианства и буддизма, крутятся вокруг этих вопросов. Классическую буддистскую нирвану гейткиперы трактуют как нейтральную стагнацию в «конусе тишины», состояние полного разрушения личности, которое фиксируется на неопределенно долгий период времени. Пророки христианства, наоборот, являют собой пример остановки в «моменте истины». Достигнув «момента истины», получив «откровение Господне», пророки фиксируются на этой картине мира, проповедуя об истине, которая открылась им и является неизменной и последней в инстанции. Это — стагнация в противоположной точке цикла. Несмотря на то что точки качественно полярны, переживания «экстремумов» тождественны, равнозначны. В случае «момента истины» макрокосм вселенной тождествен микрокосму человека. В случае «конуса тишины» личность отсутствует, микрокосм, внутренняя картина мира разрушена, существует только макрокосм вселенной. Моменты разрушения старой системы представлений через «конус тишины» и создание полной картины мира являются главными моментами в духовной жизни человека. Это пики, точки, в которых личность полностью гармонична с окружающим миром. В первом случае эта гармония происходит от полного совпадения внешней и внутренней картины, во втором — поскольку личность является пустотой и существует только мир, происходит совпадение пустоты и вселенной.

Каждый новый виток этой спирали приводит к образованию более полной картины мира и возрастанию творческих способностей. С точки зрения гейткиперов, нормальным циклом считается последовательная и ритмичная смена фаз без частого прохождения через точки экстремумов. Человеческая психика не может постоянно находиться в напряженном состоянии, которым характеризуется «открытая» фаза. Периоды отдыха так же необходимы, как и периоды напряжения. Поэтому пребывание в «закрытой» фазе необходимо. Безусловным негативом считаются отрицательные сценарии фаз, которые гейткиперы относят к сфере психических отклонений. Нейтральные стагнации тоже не приветствуются.

Две фазы, два перехода. Три варианта развития событий в каждой фазе. Возможность стабилизации цикла в любой из точек

(включая экстремумы), управляя входящими информационными потоками. В этом состоит суть концепции «праны», она является основой большинства гейткиперских практик. Интенсивные бустерские технологии «прокачки сознания» состоят в сокращении фаз и проходе через точки экстремума. Гейткиперские деми-личи практикуют интенсивную «прану», когда смена фаз происходит в течение нескольких дней. В некоторых случаях, когда возникает необходимость в быстром принятии сложных решений, деми-лич (или группа) входит в состояние «бегущего архата», когда фазы сменяют друг друга в течение нескольких часов. При этом источниками информации, которые поставляли поток противоречащих и неупорядоченных фактов, служили депозитарии GK, корпоративные банки данных и «несущие», базовые информационные плоскости Си-Джея. Состояние, когда идет непрерывное чередование фаз и точек экстремума, при котором длительность переходов через «момент истины» и «конус тишины» равна длительности фаз, деми-личи называли «дыханием Бодхисаттвы».

Четвертый догмат говорит о том, что сознание должно находиться в постоянном движении, постоянном переходе из одной фазы в другую, поддержании баланса между старой картиной мира и новыми впечатлениями, новой информацией, которая идет извне. В этом случае равномерного чередования фаз достигается полнота как духовной, так и плотской жизни. Человек остается открытым для новых впечатлений и переживаний, с одной стороны, и, с другой стороны, вырабатывает механизм адекватного принятия решения в окружающем мире для того, чтобы обеспечивать пищей не только свой мозг, но и тело.

Именно этот момент — постоянного создания новых картин мира — вызывает критику со стороны идеологических (и других) противников GK, которые называют эту мировоззренческую гибкость «демагогией и умением находить оправдания любым своим действиям». Характерно, что критики и откровенные противники GK чаше всего касаются первых четырех постулатов, не трогая всех последующих, в особенности последнего постулата «Сада камней». А ведь именно там лежат прямые ответы на их обвинения.

«Адекватность ответной реакции должна иметь место. Вы не говорите с китайцами на идиш и не объясняетесь с испанцем на кантонском диалекте. Глупо следовать какому-то жесткому кодексу поведения, если в той среде этот кодекс не более чем набор нелепых ритуалов». В этом пятый догмат, которому следуют гейткиперы. Адекватность принимаемых решений и

действий как признак того, что выстроенная внутренняя картина мира соответствует реальности. Как транснациональная корпорация GK играет по принятым правилам, придуманным задолго до них. Было бы глупо заниматься деловыми переговорами под пение мантр и рассказывать партнерам о том, какие «высокие цели» будут решены при реализации проекта. Было бы более чем нелепо сидеть сложа руки, когда питерские «братки» или японская якудза перехватывают грузы в подконтрольных портах. И коррумпированность местных чиновников — это тоже одно из условий игры. На силу надо отвечать силой. На слово — словом. Как в Ветхом Завете — «око за око». Гейткиперы очень хорошо знают правила, которые действуют в том или ином регионе, и прежде чем устанавливать там свои порядки, они играют по старым.

Агрессивная экспансия на мировых рынках является ответной реакцией на экспансию со стороны других корпораций, которая никак не следует из первых «четырех истин».

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): Понедельник, 15 апреля 2052 года, 13:50

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Спасибо за подробное объяснение в предыдущем письме. Но ответ вызывает больше вопросов, чем ясности. Ни для кого не секрет, что у гейткиперов есть четкое деление своего бизнеса на «основные» профили (кажется, это еще называют «три ремесла») и «косвенные» профили. Причем доля «ремесел» — это где-то около тридцати процентов с оборота, все остальное GK получают за счет «косвенных» профилей. Как эта ситуация следует из их догматики? Они вполне могли бы оставаться медитирующими над потоками данных монахами, проходить свои фазы и не лезть в большой бизнес, связанный с ресурсами, транспортом, энергетикой, не говоря уже о культурной и религиозной сферах. Как объясняется этот факт?»

Ответ на запрос:

Вначале небольшое уточнение. Есть «четыре ремесла» и есть «три ремесла». Первый термин является более старым и относится ко всем основным профилям. Второй получил

распространение с легкой руки Кушнира, который назвал классический гейткипинг рудиментом и «первой нелепой традицией» GK.

Классический гейткипинг («фильтрация») стоит особняком и давно уже потерял то значение, которое имел в начале века, но тем не менее остается в списках главных профилей.

С «классики», собственно, все и начиналось. Это один из первых гейткиперских сервисов, заключавшийся в фильтрации информации, сборе из различных источников в Сети и последующем структурировании. Автоматизация этих процессов позволила GK генерировать информацию не для широких слоев населения, как это делали обычные издания СМИ, а для отдельного пользователя в соответствии с его вкусами и запросами. Тогда, в начале века, это было прорывом на медиарынке. Первые миллионы и репутацию агрессивных молодых львов гейктиперы получили именно здесь. Поэтому, несмотря на утрату прежнего значения, фильтрация остается среди ремесел и каждый неофит GK в обязательном порядке проходит курс обучения по этому профилю.

«Три ремесла» тесно взаимосвязаны между собой и могут рассматриваться как три аспекта одного и того же явления: информационного обмена между объектами живой и неживой природы, а также объектами искусственного происхождения.

Дайс-мастеринг. Создание новых версий «джимала», программного обеспечения под него и дайсовых моделей объектов. В соответствии с «Основным контрактом», который гейткиперы заключили с Холмом, они разрабатывали и разрабатывают дайс для открытых кластеров, которые поддерживал Холм. А после принятия большинством компаний дайса как стандарта хранения информации рынок расширился, цифровые модели реальности, их сопровождение и модернизация сделались основным сервисом, дающим львиную долю дохода корпорации.

«Кукольничество». Разработки систем искусственного интеллекта. Помимо создания виртуальных личностей и «эй-ай» (AI) для работы в Си-Джее, кукольники занимались разработкой управляющих систем для робототехники, начиная от программирования сборочных линий на крупных производствах и заканчивая гуманоидоподобными роботами.

Бустинг. От английского to boost — ускорять (одно из значений). В широком смысле слова под бустингом подразумевается ускоренное обучение человека необходимым навыкам и знаниям (ускоренное обучение иностранному языку как вариант). Помимо «простых» сервисов (ускоренная передача

человеку определенной суммы знаний), бустеры предоставляют услуги более высокого порядка, такие, как усиление интеллектуального потенциала личности, творческих способностей, раскачка необходимых черт характера и т. д. вплоть до полной замены структуры личности.

Как нетрудно заметить, «три ремесла» касаются ключевых моментов в менеджменте *любой* организации: работа с персоналом (бустинг, «прокачка»), работа с информацией (дайс-мастеринг) и работа с информационными системами (кукольничество). Эффективность решений и результатов этих решений зависит от правильной оценки ситуации и умения управлять ресурсами (главным образом человеческими). В особенности это касается бустинга, который включает в себя не только методы личностной прокачки, но и формирование команд. Гейткиперы успешно реализовали эти принципы при создании своих структур и с не меньшим успехом выступали консультантами для сторонних организаций. И тут они столкнулись с определенными проблемами, которые отчасти были парадоксальными, но тем не менее естественными. Внедрение рекомендаций шло через среднее звено управления, через людей, которые имели собственное представление о работе с персоналом и свой набор стереотипов. Таким образом, эффективность советов зависела не только от того, что предлагали гейткиперы, но и от того, как это воспринимали управленцы фирмы-клиента. В некоторых случаях неудачи были следствием ошибок бустеров GK, в других — причина лежала в управленцах клиента. Отделить зерна от плевел иногда было очень трудно. Обе стороны были по-своему правы, и один из выходов из этой ситуации напрашивался сам собой: зачем лишнее промежуточное звено между персоналом? Почему бы полностью не взять управление в свои руки? Что и было сделано и продолжает делаться до сих пор.

И опять же повторюсь — не воспринимайте GK как группу философов, занимающихся бизнесом. Они управленцы, которые стоят на серьезной философской платформе. Быть может, это звучит как одно и то же, но на деле это далеко не одно и то же.

Фрагмент 2.3

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #15, вторник, 16 апреля 2052 года, 12:07

Ответственный за выполнение (Responsible Person):

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Но они же имеют собственную догматику. В позапрошлом ответе это прозвучало более чем ясно. То есть, с одной стороны, они занимаются конструированием модельных идеологий, а с другой — имеют свою собственную. Они подчас едко иронизируют над теми, кто поклоняется символам веры тысячелетней давности, но при этом имеют собственных идолов, которым поклоняются. Как согласуется это?

Вторая часть вопроса относится к тому, что некоторые отмечают медленный, но устойчивый дрейф GK в сторону религиозной секты с ярко выраженным культом мертвых и мистицизмом. И как главный аргумент тут выступает роль кластера «Долина Царей», который является закрытым виртуальным пространством, в котором обитают киберклоны умерших гейткиперских деми-личей. Что вы можете сказать по этому поводу?»

Ответ на запрос:

Последний постулат «Сада камней», текста, содержащего основную догматику GK, звучит следующим образом:

«Доктрина, изложенная в главах 1 — 11, в подпунктах, а также во всех текстах «нижнего» уровня, является попыткой воспроизвести реальность со всеми выползающими (вытекающими) отсюда тараканами (ограничениями)».

Этот абзац из трех строчек завершает двухсотстраничный трактат, в котором изложены основные положения, касающиеся воспроизведения человеком реальности. Нарочитая ирония и лаконичность, по сути, ставит крест на всем том, что читатель читал до этого момента. «Сад камней» содержит в себе элемент самоотрицания не случайно. Это не хулиганство и не попытка вызвать к жизни сотни комментариев. В нем суть гейткиперской доктрины. Выстроив завершенную систему и воспользовавшись ею для решения своей задачи, ее нужно разрушить, чтобы образовавшиеся стереотипы не мешали двигаться дальше. Гейткиперам свойственна не только ирония над другими, но и самоирония «как лучший способ остаться в пути, не закостенеть в своих убеждениях и не стать тормозом там, где нужен двигатель».

Касательно второй части вопроса. «Долина Царей» является «личностным доменом данных». После того как технология кибернетического клонирования человека (см. также «копия сознания») была отработана до уровня коммерческого

применения, такие домены стали организовываться многими. От частных лиц и до крупных корпораций. Функциональное назначение этих доменов также имело и имеет довольно широкий спектр. Для престарелых пенсионеров «терминал скорби», в котором обитают копии умерших родственников, является эрзацем общения с теми, кто отошел в мир иной раньше. Для крупных коммерческих структур такой домен является аккумулятором опыта сотрудников, которые долго проработали на корпорацию, тем самым пресловутым интеллектуальным капиталом, который стараются уберечь от глаз конкурентов. Вследствие этого эти банки данных являются вдвойне закрытыми. Узнать, кто, в какой форме и с какой степенью активности обитает в некрополисе, подчас просто невозможно. Эта святая святых охраняется лучше, чем кластеры с внутренней финансовой отчетностью.

Помимо этого существует еще и моральный аспект. Отношение к «личностным доменам» всегда было далеко от однозначного. Смерть, загробная жизнь и весь комплекс мифов, который связывают с этими категориями, всегда были ключевой темой любой религиозной или метафизической системы. Католики, которые всегда были и неплохими коммерсантами, разрешили использование этих доменов раньше всех. Остальные конфессии так или иначе не приветствовали создание киберклонов. Вокруг этого технологического явления всегда существовал ореол табуированности, вторжения в нечто запретное. А тех, кто занимался этим профессионально — кукольников, — старались обходить стороной и в некоторых случаях дело доходило до прямых расправ. В особенности тут преуспел исламский фундаментализм.

«Долина Царей» не является в этом плане исключением. Этот домен существует уже более тридцати лет, он был одним из первых в своем роде. Сведения о нем противоречивы и отрывочны. Наиболее полным исследованием этого пространства считают монографию Н. Н. Авдеева «Функции личностных банков данных в корпоративном менеджменте второй половины XXI века». По его данным, первым обитателем гейткиперского некрополиса в 2016 году стал Анджей Вачковски ака Тумос, первый деми-лич центральноевропейского консорциума GK. Собственно, он и дал название кластеру. Он был профессиональным кукольником и автором самой концепции корпоративного некрополиса. По оценкам Авдеева, степень влияния киберклонов на действия GK в реальном мире не была критичной до середины 20-х годов, пока большинство основателей движения пребывало в добром биологическом

здравии. Ситуация изменилась в конце двадцатых, когда средний возраст отцов-основателей GK перевалил за семьдесят. Авдеев считает, что пик пришелся именно на этот период, и если в промежутке 2016–2020 годов в «Долине» обитало от силы два десятка почивших деми-личей, то к концу 20-х эта цифра дошла до сотни. Гейткиперский терадомен был первым среди европейских депозитариев данных, и в руках GK находились передовые технологии киберклонирования и создания «эй-ай». «Долина Царей», три сотни платформ, широкий парк других «эй-ай» систем и крупнейший депозитарий данных в Европе — такой комплекс мог решать задачи самой высокой сложности. Поэтому несложно понять беспокойство конкурентов и мрачную атмосферу, которую окружает некрополис GK.

Что до дрейфа в сторону культа мертвых, то тут дают о себе знать отголоски старого скандала, который был связан с «Долиной» в начале 20-х годов. Тогда пресс-центр GK официально подтвердил случаи эвтаназии некоторых членов топ-менеджмента корпорации. Добровольный уход из жизни осуществлялся посредством нейрософта класса Time Stop. Эти нейрофаги использовались для ускоренной процедуры киберклонирования (десять — пятнадцать минут против обычных восьми — десяти часов). Побочным эффектом их применения было серьезное нарушение работы жизненно важных функций организма, вплоть до биологической смерти. Другими словами, Time Stop мог «сносить» сознание человека с одного носителя на другой с последующим уничтожением «оригинала». Пресс-центр подтвердил, что через процедуру прошли несколько «сотрудников корпорации». Несмотря на то что были предъявлены все необходимые в этих случаях документы — письменное согласие пациента и его родственников, сертификаты установок, на которых проходила процедура и т. д., - вокруг фактов разгорелся очередной этический спор, перешедший в ряд исков со стороны общественных организаций антитехнократического толка.

Дело имело резонанс, но по сути являлось очередной волной в дискуссиях на тему «технология и мораль». Нейрофаг Time Stop применялся не только гейткиперами, были также более жестокие примеры его использования. Британские спецназовцы широко применяли этот софт в своей бесконечной борьбе с ирландскими сепаратистами. Неписаным правилом «гробовщиков» было не брать террористов в плен, а посему в своих операциях каждый из них имел в своем снаряжении портативный компьютер с нейрокатетером, который вводился в спинной мозг смертельно раненной жертвы. Террористы отвечали тем же. Не брезговали этим программным обеспечением подразделения национальных и

корпоративных разведок.

Моральные принципы, как всегда, отставали от технологии. Вопрос о сохранении биологической жизни индивида мог быть решен без особых проблем, в особенности если речь шла о фигурах, занимавших ключевые позиции, и руководстве GK. Замена органов, «очищение от энтропии», манипуляции с ДНК и другими генобионанотехнологиями могли продлевать жизнь ветеранам движения практически до бесконечности. Технологии, имевшие хождение во второй декаде этого столетия, уже позволяли делать это. Даже в случае с Норманом Хаберзетцером, попавшим в автомобильную катастрофу, дело могло закончиться биологическим клонированием и последующей пересадкой сознания. Доводы GK и тех, кто стоял на схожих позициях, говорили о том, что биологическая смерть организма более не воспринималась как смерть личности. Перенос сознания был идентичен переходу личности в другую форму существования, не более. В этом свете добровольная эвтаназия скорее была вторым рождением, чем смертью. Деми-лич, перекачивающий себя в Сеть, расширял свои возможности по сравнению с биологической формой существования.

Фрагмент 2.4

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.02.10/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Date): #17, среда, 17 апреля 2052 года, 21:21

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text390

Формулировка запроса

«Может ли «получить место» в «Долине Царей» человек, формально не являющийся членом корпорации GK? Или только деми-личи могут иметь гарантированное право на личное бессмертие?»

Ответ на запрос:

Согласно порядку, который существует в GK, место в «Долине» могут получить те, кто проработал в корпорации не менее пятнадцати лет, имеет желание пройти процедуру киберклонирования и, последнее, чьи ближайшие родственники не возражают против его воли. Таким образом, не только деми-личи могут получить место в «Долине Царей», но и любой член

корпорации, который соответствует предъявляемым требованиям».

Клиент (Client): Шинкаренко Николай Борисович (CG-ID://2020.12.14/899.330/611.333.113)

Номер запроса и время поступления (Request Number and Data): #18, среда, 17 апреля 2052 года, 23:32

Ответственный за выполнение (Responsible Person): FlatLine [Al], AIGR-002.411.444.878

Формат результатов запроса (Result Format): Plain text

Формулировка запроса

«Последний ответ некоторым образом противоречит тому, что мне известно. Есть данные о том, что некоторые члены сетевой философской группы «Тетрагон», чьи ранние работы оказали влияние на формирование идеологии гейткиперов, в частности, это относится к Александру Левакову (ака Левша) и Максиму Трофимову (ака Диспетчер). Есть ли подтверждение о том, что сейчас существуют киберклоны этих физических лиц и место их хостинга — «Долина Царей»?»

Ответ на запрос:

Из доступных источников известно, что сетевая группа «Тетрагон» работала в конце прошлого — начале нынешнего века, и основным полем, в котором они работали, было влияние новых информационных технологий на традиционные области культуры. К сожалению, в доступных нам областях данных не содержится информации о том, кто из реальных физических лиц был в составе группы. Нет даже четких сведений о том, сколько в группе было человек и каковы их сетевые никнеймы. Есть даже мнения о том, что сайт группы «Тетрагон» был плодом деятельности одного человека, который сознательно выдавал себя за несколько личностей. Подобные «текстовые игры» практиковались на то время. Достаточно упомянуть классический роман «Паутина», автор которого выдавал себя за супружескую пару и работал под двойным псевдонимом Мэри и Перси Шелли.

Возможно, кто-то из группы в дальнейшем стал гейткипером и получил место в «Долине», но без реальных имен и более подробных сведений о том, кто же все-таки состоял в «Тетрагоне», утверждать, что кто-то из них сейчас обитает в «Долине», невозможно.

Фрагмент 2.5 «Прямой вопрос»

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Четверг, 18 апреля 2052 года, 17:06
Тема (Subject): Интересное дело

Привет

Слушай, Калач, это становится все более и более интересным делом. Я уже готов работать за бесплатно, лишь бы он сказал мне, где он взял те данные, которые он нам так не хочет показывать. Ладно, допустим, про Brotherhood и связь с гейткиперами он мог прочитать в старых печатных изданиях или на богом забытых ftp-серверах. Да и, может быть, про «Тетрагон» там тоже упоминалось, но назвать всех членов команды не просто по сетевым никам, а реальными именами?! Это уже ни в какие ворота не лезет. Шершень и Диспетчер два года чесали Сеть, чтобы прибить все тексты, которые они наплодили, будучи молодыми, и когда-то очень давно выкладывали на своем сайте. Я это железно знаю, Леваков мне про эти поиски пару раз рассказывал. У Диспетчера из-за этих текстов карьера на Холме стопорнулась, поэтому он рыл землю. И когда это было, лет тридцать назад. И тут клиент мне присылает кусок из личного дневника Макса! Ты прикидываешь?! Откуда он мог его взять? Ума не приложу. Слушай, Костик, давай не будем играть с ним врастяжку, а просто спросим, где он взял это.

Давай действительно его просто спросим, что у него на руках.

С наилучшими
Александр Морозовский

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <morozzz@mail.ru>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <lifter@i.com.ua> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Четверг, 18 апреля 2052 года, 18:09
Тема (Subject): Re; Интересное дело

Привет, Саня

> …реальными именами — это уже ни в какие ворота не лезет. Шершень и Диспетчер два года чесали Сеть, чтобы прибить все тексты, которые они наплодили, будучи молодыми и зелеными, и когда-то очень давно выкладывали на своем сайте. И когда это было, лет тридцать назад. И тут он мне присылает кусок из личного дневника Макса! Ты прикидываешь?! Откуда он мог его взять? Ума не приложу. Слушай, Костик, давай не будем играть с ним врастяжку, а просто спросим, где он взял это.

Ну, допустим, до закрытых кластеров национальных разведок у них руки не дошли. Даже со связями Диспетчера. А то, что досье на них было, так это железно. Они, когда молодые были, не только сайт с философским содержанием имели, но и на тогдашнее СБУ по маленькой работали. Так что где-то что-то завалялось. Другой вопрос, как этот наш клиент добрался до этих данных. Если он служил в органах, то тут нет проблем. Но, с другой стороны, если бы он служил в органах, то не стал бы так напрямую присылать эти материалы. Он же их даже не криптует. Что у него на руках и как он это получил, мне тоже интересно.

Ты прав, давай нажмем на него посильнее.

Наилучших

Фрагмент 2.6 «Ответ клиента»

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <Shinkarenko.2020.12.14@hormil/com>, CG-ID://2020.02.10/786.812/446.255.654
Получатель (To): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Четверг, 18 апреля 2052 года, 18:09
Тема (Subject): None

Уважаемый Александр Александрович.

Пишу вам в связи с последним письмом, в котором вы спрашиваете о том, кто я такой, что является источниками информации, которыми я пользуюсь, и какова, собственно, цель моих вопросов. Письмо написано в довольно резкой форме, и я очень сожалею, что «довел» вас своими вопросами. Насколько я понимаю, те вопросы, которые я задавал (их последовательность

и их характер), привели вас к выводу, что я один из так называемых датамайнеров, «информационных таксистов», который создает собственный домен данных, используя ваши знания и вашу информацию. Со своей стороны, хочу заверить вас, что я никоим образом не отношусь к людям, которые зарабатывают себе на жизнь таким образом. В связи с этим я хотел бы пояснить ту ситуацию, в которой я оказался.

В последних числах января этого года в мой адрес стали поступать сообщения. Вернее, это были даже не сообщения, а информационные фрагменты в различных форматах — от текстов до видеозаписей пятидесятилетней давности. Обратный адрес и личность того, кто отправлял мне данные сообщения, установить не удавалось. Вначале я думал, что это замаскированные вирусные программы, но все проверки на вирусы показали, что ничего подобного в этих информационных пакетах нет. Любопытство взяло вверх, и я начал знакомиться с содержимым этих фрагментов. Но чтение не дало ответов на вопросы, а скорее усугубило ситуацию. Вопросов стало еще больше, а фрагменты все продолжали поступать. Все мои попытки узнать адрес анонима и связаться с ним не дали никаких результатов. После этого я решил воспользоваться услугами профессиональных искателей информации. Я пытался сам разобраться с тем, что присылается на мой адрес, но, как видите, безрезультатно.

В связи с вышесказанным я хотел бы принести вам и господину Калачу свои извинения за то, что скрывал значительную часть доступной мне информации и действительное положение дел. Второе, что я хотел бы попросить вас сделать, это помочь мне разобраться в данной ситуации. Я не знаю, кто этот аноним, что посылает мне информационные фрагменты, и какова его конечная цель, но я серьезно обеспокоен этим. Зачем все это делается и не является ли это попыткой вовлечь меня в какую-либо информационную аферу. Я много слышал о подобных вещах, и мне не хотелось бы оказаться жертвой аферистов.

В приложении к данному письму я посылаю вам часть фрагментов, которые пришли в мой адрес за последние несколько недель. Был бы вам очень признателен, если бы вы мне помогли до конца разобраться в сложившейся ситуации.

С уважением
Николай Шинкаренко

< < < < Домен данных #3 > > > >

Фрагмент 3.1

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отправитель (From): <lifter@i.com.ua>, CG-ID://1973.04.03/786.812/446.255.654
Получатель (To): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Послано (Sent): Понедельник, 22 апреля 2052 года, 10:22
Тема (Subject): Re: Это Декодер

Привет, Саша

> Сомнений нет — это Декодер. Можешь не беспокоиться, я сам расскажу клиенту, что ничего плохого с ним не случится.

Декодер? Декодер-7? Боже праведный, я думал, это просто старая сетевая байка. Вот так на старости лет вляпаться… Насколько я помню эту историю, что-то связанное с дневником Нормана Хаберзетцера, который постится в Сеть раз в семь лет на случайные пользовательские адреса. Или я чего-то путаю?

Наилучших
Калач

Формат данных (Data Format): Plain-text, MS-Mail 7.8.8
Отравитель (From): <morozzz@mail.ru> CG-ID://1972.05.06/786.812/563.333.211
Получатель (To): <Shinkarenko.2020.02.10@hormil/com>, CG-ID://2020.12.14/786.812/446.255.654
Послано (Sent): Понедельник, 22 апреля 2052 года, 19:05
Тема (Subject): Re: None

Уважаемый Николай.

Во-первых, я хотел бы попросить у вас извинения за несколько резкий тон последнего письма. Как вы понимаете, этот тон имел под собой вполне веские основания, но после того как вы разъяснили ситуацию, очень многое становится на свои места.

Во-вторых, спешу заверить, что вас не втягивают в какую-либо информационную аферу. Аноним, который шлет вам информационные фрагменты, не является физическим лицом, имеющим криминальные намерения. Вы оказались втянутым не в

аферу, а своего рода информационную игру, которая ведется уже давно, но тем не менее причины и цели ее не до конца ясны. Суть состоит в том, что раз в семь лет на адрес пользователей, чьи дни рождения приходятся на первый вторник октября, начинают поступать разрозненные фрагменты информации, касающиеся людей, которые в свое время оказали весомое влияние на развитие Сети. То есть своего рода ответственных за то, что мы имеем на сегодняшний день в качестве глобального информационного пространства.

Еще одна особенность состоит в том, что поступать пакеты начинают в последних числах января. Первый такой пакет фрагментов пользователи получили в октябре 2024 года. Потом были пакеты в 31-м, 38-м и 45-м годах. Сейчас вам посылается уже пятый по счету пакет.

Исходя из анализа форматов, в котором пользователи получают данные, она формируется программой-декодером из заранее подготовленных фрагментов, которые, в свою очередь, размещаются в зашифрованном виде в различных сегментах и кластерах Си-Джея. Вследствие этого программу так и называют — Декодер, или Декодер-7. Кто является инициатором игры, неизвестно.

Декодер — старый сетевой миф. И как у всякого мифа, у него есть приверженцы и есть насмешники. Первые считают, что информация, транслируемая Декодером, прольет свет на некое событие, ставшее ключевым для Сети, превратившей ее в то, что она есть сейчас — вторую реальность, открывающую безграничные возможности для того, кто достаточно силен, чтобы ими воспользоваться. Событие, которое не освещалось в новостях и о котором не писали книги и, может быть, более того, которое сознательно замалчивалось теми, кто был заинтересован сохранить тайну. Человек, который соберет фрагменты информации в единое целое, найдет истинное значение Сети для человечества. Вторые считают Декодер бессмыслицей, злой шуткой любителя мистификаций, раз в семь лет тихо потешающегося на теми, кто воспринимает его информационную игру всерьез и пытается найти смысл в хламе сетевых слухов. Они говорят, что информация слишком разрозненна, а способ, которым она доставляется адресатам, придуман человеком, у которого отсутствует здравый смысл.

В любом случае я считаю, что вам повезло. Для некоторых стать адресатом Декодера равнозначно чести быть избранным. Я уверен, что письма от приверженцев этого мифа вскоре будут регулярно приходить к вам, и несколько десятков интервью для центровых новостных кластеров вам тоже обеспечены. Первые

пакеты были своего рода сенсацией, информация, которая содержалась в них, касалась живых людей, а события не так далеко отстояли во времени. Последующие пакеты тоже вызывали интерес, но тот фурор, который был в начале этой истории, уже поутих. Но все же приготовьтесь к славе, молодой человек, она не за горами. Люди по-прежнему любят тайны.

С уважением,
профессор А.А. Морозовский

notes

Примечания

1

«Атлант» является «несущим» элементом, обеспечивающим работу кластера, в силу этого прямые запросы к нему невозможны.